АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КАЗАНСКИЙ ФИЛИАЛ
Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова

Л. Т. МАХМУТОВА

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЮРКСКИХ ДИАЛЕКТОВ

МИШАРСКИЙ ДИАЛЕКТ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА 1978

163.23-5

В монографии описывается фонетика и морфология мишарского диалекта татарского языка в сравнении с татарским литературным языком, а также с другими тюркскими и некоторыми финно-угорскими языками.

Ответственный редактор
Э. Р. ТЕНИШЕВ

299508

Баш. ГИБ[illegible] ИНОСТИТУТ

М 70103-119 / 042 (02)-78 БЗ-8-34-77

© Издательство «Наука», 1978 г.

ВВЕДЕНИЕ

РАССЕЛЕНИЕ МИШАРЕЙ

Носители современного мишарского диалекта татарского языка живут в ряде областей и автономных республик РСФСР. Мишарские села и деревни наиболее компактно расположены в Горьковской, Пензенской, Ульяновской областях, Татарской, Мордовской, Чувашской и Башкирской АССР. Сравнительно небольшие группы их находятся в Куйбышевской, Саратовской, Волгоградской и Оренбургской областях. Ряд мишарских сел сохранился в Рязанской и Тамбовской областях. Кроме того, часть мишарей проживает в республиках Средней Азии, Кавказа, в Ставрополье, Сибири, Прибалтике (г. Таллин), в крупных городах РСФСР, включая Москву и Ленинград.

Мишари повсюду живут в соседстве или чересполосно с другими тюрко- и нетюркоязычными народами; нередко встречаются села и со смешанным населением (мордвой, чувашами, тептярями, реже — с русскими). Большинство мишарского населения на основных территориях обитания контактирует с русскими, мордвой, чувашами, в Башкирской АССР — с тептярями и башкирами, и на юге Саратовской области — с казахами. В прошлом, особенно в XVI—XVII вв., мишари, жившие на разных территориях, в разное время соприкасались с ногайцами. И, конечно же, издавна у них существовали тесные исторические и генетические связи с другой этнографической группой поволжских татар — казанскими татарами.

Все это — общность территории, многовековые тесные культурно-экономические, политические связи мишарей с соседними народами — не могло не отразиться и на языках. Здесь шел интенсивный процесс взаимодействия на

всех уровнях языка (или диалекта) и, прежде всего в лексике.

Мишари не являются аборигенами всей этой огромной территории. Наиболее древними местами их обитания были бассейны рек Цна и Мокша [1] и, возможно, восточные районы Мордовской АССР (примерно Лямбирский район). Однако вопрос о том, откуда и когда пришли предки мишарей на первопачальную территорию заселения, пока остается открытым, историческая наука не дала еще более или менее убедительного ответа на этот вопрос. Попытки связать время появления их на указанной территории с золотоордынским периодом являют собой, как нам кажется, наиболее легкий, но и наименее верный путь решения вопроса. Возникшие в последнее время попытки доказать частичное заселение этого края булгарами слишком гипотетичны в историческом отношении и не находят своего подтверждения в языковом материале.

Из районов древнего обитания, особенно из западной зоны, в течение трех с лишним столетий (XVI—XIX вв.) происходило постепенное расселение мишарей сначала в восточном, а потом и в южном и юго-восточном направлениях.

Первый, по крайней мере, известный по историческим источникам, этап расселения связан с устройством укрепленных линий на южных и восточных границах Русского государства, предназначенных для охраны их от набегов кочевников. По мере расширения русских границ, выдвигались вперед и защитные линии. За период, примерно с 1578 по 1684 г. на территории современных Мордовской АССР, Рязанской, Тамбовской, Пензенской, Ульяновской, Куйбышевской областей, а также правобережной Татарской АССР было создано три ряда защитных линий. Одна из этих линий — Симбирская, — кроме того была продолжена на территории Закамья (так называемая Закамская черта, построенная в 1652—1657 гг.)

[1] См.: «Татары Среднего Поволжья и Приуралья». М., 1967, стр. 4
[2] *Г. Перетяткович.* Поволжье в 17 и начале 18 в. (Очерки из истории колонизации края), ч. II. Одесса, 1882, стр. 139—170, 186—189, 234—238, 246—248; *А. Хвощев.* Очерки по истории Пензенского края. Пенза, 1922, стр. 48; «История Татарской АССР», т. I. Казань, 1951, стр. 218—219; «Очерки истории Мордовской АССР», т. 1. Саранск, 1955, стр. 70, 102; *Р. Г. Мухамедова.* Татары-мишари. М., 1972, стр. 18—24.

На строительство укрепленных черт и охрану их направлялись главным образом «инородцы»: служилые татары (т. е. мишари), мордва, чуваши, а в Закамье и на территорию современной Башкирии — мари и удмурты. Сопоставление защитных линий с современной территорией распространения мишарских сел показывает, что они в основном совпадают.

Данные архивных и исторических источников о направлении переселения мишарей, возникновении отдельных населенных пунктов, их генетической связи с поселениями на прежних территориях обитания, как правило, подтверждаются народными преданиями и легендами и, что не менее важно, данными языка.

Так, в 1578 г. строится защитная линия Алатырь—Арзамас—Темников и далее до Кадомской линии. На эту линию были переведены служилые татары из Кадома: в 70-годах XVI в. их поселили в Арзамасском уезде. В начале XVII в., видимо, в связи с усилением христианизации, они ушли оттуда в Алатырский уезд, где уже к 60-м годам XVII в. был ряд мишарских сел (Каргополь, Шубино, Актуково, Уразовка, Ключищи, Триазер, Ендовище и др.), вошедших впоследствии в состав Сергачского уезда. В начале XVII в. служилые татары получили поместья в Курмышском уезде, в частности, имеются упоминания о д. Тат. Маклаково [3], где в настоящее время живут мишари — носители того же цокающего говора, что и в вышеперечисленных селах.

Таким образом, предки современных сергачских (нижегородских) мишарей являлись в основном выходцами из Кадомского уезда. Это, как будет показано ниже, в определенной степени подтверждается и данными языка. В пределах Кадомского района или на смежных с ним территориях Рязанской, Тамбовской областей и Мордовии до сих пор сохранились села (Азеево — 174, Сургодь — 185, Тарханы — на р. Цна, Горенка — 264, Тат. Лундан — 265, южнее, в Тамбовской области — Татарщино — 293 и др.) [4], говоры которых, как и совре-

[3] *Р. Г. Мухамедова.* Указ. соч., стр. 18, 20. — Там, где это можно, автор ограничивается ссылкой только на эту, последнюю по времени издания, работу, автор которой, в свою очередь, опирается на труды предшественников.
[4] Номера населенных пунктов соответствуют номерам в ДАТЯ и карте-схеме настоящего издания.

менный сергачский говор, характеризуются цоканьем. Некоторые из этих сел упоминаются в исторических документах XVI—XVII вв., например: с. Азеево — тат. Әҗе [5], Сургодь — тат. Сыркыды [6] и др.

На основе исторических документов высказывается мнение о том, что в середине XVII в. часть служилых татар из Курмышского уезда была переведена на Карсунскую засеку [7].

В 30-е годы XVII в. несколько южнее первой защитной линии была построена новая оборонительная линия, которая брала начало от Керенска (ныне г. Вадинск) и шла через Нижний и Верхний Ломовы—Инсар—Потижский острог—Шишкеево—Саранск—Атемар (ныне г. Лямбирь) и далее уходила на Симбирск. В числе «инородцев», переведенных на эту линию, были мишари из Кадомского, Шацкого и главным образом Темниковского уездов. В исторической литературе существует предположение о частичном заселении Атемарской и Саранской черт и выходцами из Нижегородской губернии [8].

Известно также, что ко времени строительства этих линий здесь существовали такие села, как Аксеново, Тавла, Рейторское и др.[9] с уже, по-видимому, сформировавшимся в основных чертах своим говором. Это находит подтверждение и в данных языка: вплоть до Рузаевки распространен темниковский говор; в районе Рузаевки в говоре появляются некоторые особенности, характерные для лямбирского говора. С другой стороны, в говорах отдельных сел лямбирского региона отмечаются черты, присущие темниковскому и сергачскому говорам.

Появление мишарей в пределах Буинского и Симбирского уездов (современная юго-западная часть ТАССР, южная часть Чувашской АССР и северные районы Ульяновской области) также относится к середине XVII в. и связано со строительством Карлинской, Симбирской и Самарской укрепленных линий, а также с вольной колонизацией края. Большинство из них (а именно: цокающих) принято считать потомками нижегородских мишарей [10].

[5] *М. Н. Черменский.* Материалы по исторической географии Мещеры. «Археологический ежегодник за 1960 г.» М., 1962, стр. 50.
[6] «Известия ученой архивной комиссии», вып. XXIV. Танбов, 1889, стр. 13.
[7] *Р. Г. Мухамедова.* Указ. соч., стр. 20.
[8] Там же, стр. 21—23.
[9] Там же, стр. 25 (со ссылкой на А. Хвощева).

В 1652—1657 гг. была построена Закамская укрепленная черта по линии Ерыклинск—Тиинск—Билярск—Ново-Шешминск—Кичуевский острог — Заинск — Мензелинск. В XVIII в. южнее этой линии была проведена вторая черта: Алексеевск—Краснояр ская—Сергиевск—Кондурчинская—Черемшанская—Кичуйская [11].

В пределы Закамья, оказавшегося к концу XIV—началу XV в. малозаселенным вследствие опустошительных войн и набегов, вместе с другими народами переселялись и мишари из различных районов их обитания — представители как цокающих, так и чокающих говоров. Поселились здесь и казанские татары, в основном из Предкамья [12]. Таким образом, татарское население данного региона оказалось весьма пестрым. Это получило отражение и в местном говоре, который принято называть чистопольским. Строго говоря, здесь за прошедшие столетия так и не сформировался единый говор, обладающий своими специфическими чертами, не произошло полной нивелировки особенностей говоров, припявших участие в его формировании. Тем не менее, есть основание полагать, что преобладающее большинство переселенцев было из числа цокающих мишарей. Поэтому цокающий говор на данной территории оказался основным. По многим особенностям этот говор сближается с сергачским, хотя в силу ряда исторических причин он имеет и некоторые отличительные черты. Но в Закамье сохранились и населенные пункты с чокающим говором.

Переселение мишарей продолжалось и дальше на восток. Так, на территорию современной Башкирии оно началось еще в конце XVI в. в связи с постройкой города-крепости Уфы в 1586 г.[13] и наиболее интенсивно происходило в XVIII в.

В настоящее время на территории Башкирии может быть выделено три региона с мишарским населением.

[10] «Татары Среднего Поволжья и Приуралья», стр. 47—48.
[11] «Очерки по истории Башкирской АССР», т. I, ч. 1. Уфа, 1956 (см. карту, стр. 192—193).
[12] «Татары Среднего Поволжья и Приуралья», стр. 49.
[13] «Очерки по истории Башкирской АССР», стр. 84.

В северо-западной части Башкирии, в Караидельско районе находится группа мишарских сел с цокающи говором. Предки жителей этих сел были переселен сюда царским правительством. Согласно преданиям он были выходцами из Симбирской губернии. В частност в преданиях упоминаются Алатырь, река Пьяна, чт находится на территории современной Горьковской об ласти [14]. Цокание в говоре, испытавшем на новой терри тории определенное влияние тептярских говоров, служит на наш взгляд, подтверждением правильности предани сохранившихся в памяти старожилов.

Часть мишарского населения царское правительств переселило и дальше на восток, в районы западнее р. Ка раидель (современный Салаватский район и др.). Из вестны также факты вольного переселения мишарей в по исках новых земель. Но в таких случаях говор мишарей оказавшихся в меньшинстве в окружении носителей теп тярских и башкирских говоров, в значительной мер утратил свои специфические черты [15].

Довольно многочисленно мишарское население юго западных районов Башкирской АССР. Предки тех, ко торые живут в левобережных прибельских районах известны под названием «төмән», были переведены в эт места царским правительством в XVII в. в качестве слу жилых татар [16]. Как указывает сохранившееся за ним

[14] *Л. Т. Махмутова.* О татарских говорах северо-западных районов Башкирской АССР. — МТД, вып. 2, стр. 69—70.

[15] См. научные отчеты Т. Х. Хайрутдиновой о результатах диалектологических экспедиций в северо-восточные районы Башкирии в 1970—1973 гг. (Диалектологические фонды ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР), а также: *Г. Х. Хәйретдинова.* БАССРның Салават һәм Кыйгы районнарында яшәүче татарлар сөйләшенең кайбер морфологик үзенчәлекләре. «Тезисы докладов II научной конференции молодых ученых». Казань, 1971, стр. 20; *Она же.* БАССРның Салават һәм Кыйгы районнарында яшәүче татарлар сөйләшенең кайбер лексик үзенчәлекләре.— МТД, вып. 3, стр. 155.

[16] «Татары Среднего Поволжья и Приуралья», стр. 50—51. Кстати, в цитируемой книге дана неправильная с точки зрения языка характеристика приуральской (по терминологии автора соответствую цего раздела) группы мишарей. Бирский говор не является мишарским, он относится к среднему диалекту татарского языка (см. МТД, вып. 2, стр. 67—69); говор «төмән» относится к чокающей группе мишарских говоров, а не к цокающей, как это утверждает автор раздела; байкибашевский говор характеризуется цоканьем, но не чоканьем (см. об этом: МТД, вып. 2, стр. 70—71).

звание, они являются потомками темниковских мишарей. Однако многие черты традиционного мишарского говора теперь уже ими утрачены.

Предки другой, наиболее значительной части мишарей юго-запада Башкирии в поисках свободных земель переселились на места современного обитания в основном из Симбирской и Пензенской губерний в XVI—XVIII вв. Это были чокающие мишари, говор их испытал довольно сильное, но не везде равномерное влияние тептярских говоров [17].

В конце XVIII в. мишари Пензенской губернии и Симбирского наместничества в поисках новых земель устремляются в Оренбургский край. Переселение их сюда продолжается вплоть до конца XIX в. Здесь они основали ряд сел, расположенных в смежной с Башкирией северо-западной части Оренбургской области [18].

Мишари из различных губерний России (Самарской, Симбирской, Пензенской и др.), как и казанские татары (кстати, в Сибири всех поволжских татар называют «казанскими»), сыграли определенную роль в формировании некоторых групп западно-сибирских татар (прежде всего, тюменских, ялуторовских, тарских и тевризских), оставив заметный след и в их говорах [19].

Расселение мишарей, как уже отмечалось выше, шло не только в восточном, но и в юго-восточном и южном направлениях. В одних случаях это была вольная колонизация, в других случаях земли раздавались в качестве вознаграждения за военные заслуги перед Русским государством.

[17] Это известно из работ Н. Ф. Катанова, Х. Паасонена и подтверждается данными современных исследователей. См., например, научные отчеты Д. Б. Рамазановой о результатах диалектологических экспедиций, проведенных под ее руководством в 1968—1975 гг. в районах юго-западной Башкирии (Диалектологические фонды. . .).

[18] См. научные отчеты З. Р. Садыковой о результатах диалектологических экспедиций, проведенных под ее руководством в 1964—1969 гг. в районы Оренбургской области (Диалектологические фонды. . .), а также: *З. Р. Садыкова.* О некоторых лексических особенностях говора оренбургских татар. «Тезисы докладов II научной конференции молодых ученых», стр. 25; *Она же.* Оренбург татарлары сөйләшенең кайбер морфологик үзенчәлекләре. — МТД, вып. 3, стр. 113—114.

[19] *Д. Г. Тумашева.* Көнбатыш Себер татарлары теле. Грамматик очерк һәм сүзлек. Казан, 1961, стр. 12—13.

Заселение северной части Саратовской губернии слу
жилыми людьми, большую часть которых составлял
мишари, началось не позже первой половины XVII в.
а в 80-е годы того же века оно в связи с проведением Сыз
ранско-Пензенской сторожевой черты усилилось и про
должалось по одним сведениям до начала, а по другим —
до середины XVIII в.[20] Как показывают исторически
источники [21] и предания, на эту территорию в большин
стве своем переселялись уроженцы Темниковского уезд
или, чаще, потомки выходцев из этого уезда, проживав
ших в других местах [22]. Это, в свою очередь, подтвержда
ется и фактами языка. Наиболее ярко сохранились осо
бенности темниковского говора в говорах таких сел, ка
Октябрьское (298, бывш. Могилки), Исикеево (300)
Пенделка (283) Кузнецкого, Нижн. Елюзань (282) Го
родищенского, Карновар (303) Неверкинского районо
Пензенской области и др.

Темниковские же мишари и, чаще, их потомки из се
Кузнецкого и других уездов вместе с алатырскими ми
шарями, бежавшими, как утверждают легенды, от на
сильственной христианизации, продвинулись и дальш
на юг, на территорию смежного с Кузнецким уездом Хва
лынского уезда. Ныне большинство мишарских сел этог
уезда относится к Старокулаткинскому и лишь небольшо
их число — к Павловскому районам Ульяновской об
ласти.

Несомненно и то, что в северную часть Саратовско
губернии переселялись мишари и из Инсарского, Саран
ского и других уездов. Об этом говорят также материал
ревизии [23], предания, шежере и диалектные данные

---

[20] *С. Харизоменов.* Материалы по четвертому землевладению Сара
товской губернии (по данным земского статистического исследо
вания). «Труды Саратовской ученой архивной комиссии», т. II
вып. 2. Саратов, 1890, стр. 409; *Р. Г. Мухамедова.* Указ. соч.
стр. 24 (со ссылкой на А. А. Гераклитова).

[21] *А. А. Голомбиевский.* Материалы для истории колонизации Сара
товской губернии (см. раздел IV — Симбирский уезд). «Труды
Саратовской ученой архивной комиссии», т. III, вып. II. Саратов,
1891; *Он же.* Узинский стан Пензенского уезда по книгам 2-й ре
визии (1745—1746 гг.). «Труды Саратовской ученой архивной ко
миссии», т. IV, вып. 2. Саратов, 1893, стр. 129—170.

[22] По преданиям — из *Төмән,* который в настоящее время нередко
ошибочно отождествляют с г. Тюмень в Западной Сибири.

[23] См., например: *А. А. Голомбиевский.* Указ. соч.

Так, например, в шежере, обнаруженном в 1963 г. у одной из жительниц с. Ср. Терешка Старокулаткинского района Ульяновской области, указано, что с. Ср. Терешка основано в 1712—1716 гг. выходцами из с. Латышевки Инсарского уезда. В шежере основателем рода назван Акбалтай-бабай, затем идут: его сын Урми-бабай, его сын Ишакбабай, его сын Бикмай-бабай, его сын Халил-бабай, его сын Салим-бабай, его сын Амир-бабай. Имя сына последнего не было внесено в шежере [24]. Однако такие шежере, к сожалению, встречаются не так уж часто.

Появление нескольких татарских сел на прилегающей к Хвалынскому и Кузнецкому уездам Саратовской губернии территории Петровского и Вольского уездов той же губернии относится ко времени постройки новой защитной линии в этом районе (кстати, сам Петровск возник в 1697—1698 гг.) [25].

В поисках свободных земель мишарское население Пензенской губернии уходило и дальше на юг. Так, в смежных с Казахстаном южных районах Саратовской области (Новоузенского уезда Самарской губернии) недалеко друг от друга расположены четыре довольно крупных населенных пункта, основанных, по историческим сведениям и по преданиям, находящим свое подтверждение в названиях сел или, чаще, отдельных их частей, выходцами из Пензенской и Саратовской губерний. Прародину свою они до сих называют «Иске як» — «Старая, или прежняя, сторона», т. е. прежняя родина.

Раньше других, в 1780 г. [26], было основано с. Осипов Гай тат. Иске Узин (317) Ершовского района, по преданиям, выходцами из Хвалынского уезда Саратовской губернии, в частности из села Труево, которые образовали часть села Осинов Гай, до сих пор называемую «Торуйывы очо» (т. е. «Труевский конец»), и выходцами из сел Ст. Зимницы и Ст. Мостяк. Последними, согласно легендам,

---

[24] См. материалы нашей экспедиции 1963 г. (Диалектологические фонды. . .).

[25] *Г. Перетяткович.* Указ. соч., стр. 246—248.

[26] О датах основания всех этих сел см.: «Новоузенский уезд в естественно-историческом и хозяйственном отношении по данным обследования 1908 г.», ч. II. «Вестник Новоузенского Земства», б. г. (выпускавшийся в 10-е годы XX в.), стр. 12— табличные приложения; «Список населенных мест Самарской губернии по сведениям 1889 г.» Самара, 1890.

была основана другая часть этого села, которая ныне известна под названием «Кырккӑт» (букв. «Сорок слоев») [27]. Село Алтата (318) Дергачевского района основано в 1840 г. по рассказам местных жителей, переселенцами из Усть-Уза (294) Кузнецкого уезда Пензенской губернии. Село Верхозавка — тат. Илмин (319) Ершовского района основано в 1848 г. выходцами из Верх. Елюзани — тат. Айымбура (295) Пензенской губернии. Кстати, часть Верхозавки так и называется — Айымбура. Среди жителей села есть и потомки выходцев из Нижн. Елюзани — тат. Искә Әлезән (282) той же губернии. Предания гласят, что село было основано Әбдерәшит-бабаем — дедом Хал'ук-бабая Абдрашитова [28], которому в 1964 г. — в год нашего экспедиционного выезда — было 71 год. И, наконец, с. Сафаровка — тат. Сафарка (320) того же района основано в 1842 г. Прежде оно называлось Новопенделкой [29]. Часть села до сих пор носит название «Пәлдәнге оч» — «Пенделкинский конец», что служит дополнительным указанием на его связь с с. Пенделкой — тат. Пәлдәнге (283) Кузнецкого уезда Саратовской губернии.

На происхождение этих селений указывают и некоторые языковые факты. Срок, равный ста с лишним годам, прошедшим со времени переселения, не внес ощутимых изменений в язык. Не подверглись нивелировке даже те незначительные различия, которые были присущи речи выходцев из разных мест. Утрачены лишь названия деревьев и, может быть, некоторых трав [30], ввиду отсутствия последних в новом районе обитания. Соседство с казахами в течение указанного времени также не оказало на говор какого-либо существенного влияния, если не считать буквально нескольких лексических заимствований, связанных с жизнью и бытом в новых условиях.

---

27 Так названа якобы из-за тесно прижавшихся друг к другу домов.

28 У мишарей фамилия обычно давалась по имени деда, а не по имени отца, как это было принято у казанских татар.

29 См., например: «Список населенных мест Самарской губернии. . .», а также «Новоузенский уезд в естественно-историческом и хозяйственном отношении. . .»

30 Иногда слова оказывались известными носителями говора по своему звучанию, но значения их совершенно забытыми. Например, нам приходилось слышать такие разговоры: «*Имән*? Это какое-то растение, кажется, какая-то трава; *Мәләш*? — трава какая-то и т. п. Между тем, *имән* — это дуб, *мәләш* — рябина.

Во второй половине XVIII в. мишари появились и в Ставрополье. Они переселились сюда из Пензенской, Рязанской, Тамбовской, Саратовской, Симбирской губерний. Говор их испытал сильное влияние ногайского и весьма незначительное — туркменского языков [31].

В пределах современной Волгоградской области, в сс. Маляевка, Бахтиярово, Царев (тат. Сарай) Ленинского и Мал. Чапурники Светлоярского районов живут мишари — выходцы из Пензенской губернии. Село Мал. Чапурники, судя по историческим и архивным данным, было основано выходцами из Казанской губернии в 1876 г., а затем, в конце XIX в. к ним присоединились мишари из с. Кикино Пензенской губернии. Таким образом, население его смешанное. Это нашло отражение и в говоре села. Основание с. Маляевки относится к 1871, Бахтияровки — к 1876 годам. Прародиной своих предков жители этих сел считают «Алтавыл», т. е. села Кобылкино, Телятино, Решетино, Кутеевку, Мочалейку и Кикино Пензенской губернии [32]. Сказанное находит подтверждение и в рассказе, записанном в 1904—1910 гг. со слов 90-летнего жителя с. Бахтияровки, который в 12-летнем возрасте прибыл на новые места вместе со своим отцом в числе 470 переселенцев под предводительством Бахтияра Тапаева [33].

Исторические источники и предания утверждают, что расселение мишарей, особенно на территории Нижегородской, Симбирской, Саратовской губерний, шло параллельно с расселением мордвы, чувашей [34]. Царское правительство нередко жаловало отличившихся перед ним служилых татар землей или они сами селились на уже занятых мордвой и чувашами землях. Некоторые села были основаны мишарями вместе с мордвой или чу-

---

31 *Л. Ш. Арсланов.* О влиянии погайского языка на татарские говоры Ставропольского края. «Советская тюркология», 1972, № 5.

32 *Л. Ш. Арсланов.* Из материалов диалектологической экспедиции 1968 г. в Волгоградскую и Астраханскую области. — МТД, вып. 3, стр. 136, 137.

33 *Г. Вәлиди.* Актүбә буйлары. «Шуро», 1913, № 4, февраль; № 5, март; № 9, май.

34 См. экспедиционные материалы, начиная с 1954 г., хранящиеся в фондах ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, а также: *Б. М. Соколов.* Этнографическое изучение Саратовского края. «Саратовский этнографический сборник». Саратов, 1922, стр. 14—15.

вашами, но затем одна из народностей по жребию или под давлением другой переселялась на новые места.

Часто рассказывают о том, что мишари «раньше» «вначале» жили вместе с чувашами, а потом последние постепенно «исчезли», т. е. отатарились. Указывают на потомков чувашей, сообщают о наличии в центре села или неподалеку от него старого чувашского кладбища. Такие предания наиболее широко распространены среди сергачских, кузнецких и хвалынских мишарей. Так, например, в с. Ст. Атлаш (308) Старокулаткинского района Ульяновской области, которое, по преданиям, было основано выходцами из Алатыря на месте чувашского села, одну из улиц называют *чываш урамы* 'чувашская улица', некоторых жителей села считают представителями четвертого поколения потомков чувашей; кроме того, есть место, которое называют *чываш мазары* 'чувашское кладбище'. В с. Ст. Мостяк (311) того же района, большинство основателей которого, по рассказам старожилов, были из Темникова (*Төмән*), до сих пор живут потомки чувашей [35]. Рассказывают также, что с. Октябрьское (298) Кузнецкого района Пензенской области основано служилыми татарами, которым земля была пожалована Петром I в 1712 г. на месте чувашского села. Старожилы утверждают, что прежнее название его — Могилки (тат. Мазарлы) — связано с тем, что в центре села сохранилось старинное чувашское кладбище [36]. Еще пример: в с. Бозлау (61) Спасского района Горьковской области, основанном, по рассказам местных жителей, на месте чувашского села, сохранились чувашское кладбище и киремети [37]. Число таких примеров может быть умножено по территориям бывших Саратовской, Симбирской, Нижегородской и других губерний.

В некоторых селах мишари до сих пор живут вместе с мордвой (Н. Елюзань — 282 Городищенского района Пензенской области), или раньше жили вместе с ними (Канадеи Кузнецкого, Черклей — 287 Николаевского, Демино Неверкинского, Шемалак — 302 Павловского районов Пензенской области и др.), или же прежде в том

[35] См. материалы нашей экспедиции 1961 г. (Диалектологические фонды. . .).
[36] См. материалы нашей экспедиции 1960 г. (там же).
[37] См. материалы экспедиции Н. Б. Бургановой 1958 г. (там же).

месте жила мордва (Кобылкино — 268 Каменского района Пензенской, Шубино — 67 Сергачского района Горьковской областей и т. д.); в ряде сел местные жители называют потомков отатарившейся мордвы (Дракино — 194 Инзенского района Ульяновской области).

В преданиях в числе основателей некоторых сел упоминаются пленные крымские татары (Тат. Лаки Пензенской области), крымские татары и ногайцы (Ахметлей — 284 Николаевского района Ульяновской области), ногайцы (например, Вершаут — 297 Петровского района Саратовской, Нагаевка — 195 Карсунского района Ульяновской областей, Нов. Ишми [38] — 201 Дрожжановского района Татарской АССР и т. д). Ногайцы, видимо, в ряде случаев были полностью ассимилированы мишарями, местами они оказали определенное влияние на формирование окраинных мишарских говоров (в Рязанской, Тамбовской, на севере Ульяновской областей).

В легендах и преданиях о происхождении отдельных сел бывших Нижегородской (Анда — 65 и др.) и северной части Саратовской губерний (например, Бигиево — 299, Тат. Шмалак — 302, Ст. Атлаш — 308) в числе основателей этих деревень называют и бежавших от христианизации казанских татар.

Все это говорит о том, что формирование мишарей и их говоров во все периоды и в том числе в период расселения, происходило не изолированно от окружающих их народов. Тщательное изучение историками архивных и исторических источников, археологических памятников, народных преданий дало бы ценные материалы, которые помогли бы в решении многих важных проблем исторической диалектологии, истории татарского языка и вопросов этногенеза татар.

Начиная со второй половины XIX в., мишари появляются и в промышленных районах Донбасса, Урала, на Прикаспийских нефтяных и рыбных промыслах. В начале XX в. нижегородские мишари, главным образом из числа жителей сел Овечий враг — тат. Куй су (68) и Ключищи — тат. Суксу (72), переселились в Таллин (в настоящее время их числится там около 2000 чел.) и в Финляндию (около 980 чел.).

[38] *А. Б. Булатов.* Некоторые материалы о ногайско-татарских связях в прошлом. — МТД, вып. 3, стр. 189—190.

КЛАССИФИКАЦИЯ МИШАРСКИХ ГОВОРОВ

Мишарский диалект, пройдя длительный и сложный путь развития, окончательно сформировался еще на первоначальной территории обитания его носителей — где-то в бассейне рек Цна и Мокша, в пределах Мещеры. На это указывает единство диалекта, общность субстратных элементов в говорах, сравнительно незначительные расхождения между говорами, носящие в большинстве своем локальный характер. Несомненно и то, что уже к началу расселения мишарей (XVI в.) существовали два типа говоров: цокающий и чокающий. Впоследствии на их основе в силу ряда исторических причин (территориальная разобщенность, смешение носителей различных говоров [39], особенно часто случавшееся при постройках укрепленных черт, взаимодействие и взаимовлияние с различными тюркскими и петюркскими языками, разная степень влияния литературного языка и т. д.) образовались другие, близкие между собой говоры, выделяемые исследователями по территориально-лингвистическим признакам.

К цокающему типу, или цокающей группе, говоров в настоящее время относятся: сергачский говор — распространен в районах Горьковской области; дрожжановский — в Дрожжановском и Буинском районах Татарской АССР, Батыревском и Канашском районах Чувашской АССР; чистопольский — в районах Закамья (ТАССР) и Куйбышевской области, близкий к нему мелекесский — в северных районах Ульяновской области, байкибашевский — в Караидельском районе Башкирской АССР. Кроме того, к этому же типу говоров тяготеют говоры отдельных сел (см. стр. 5), расположенных на территории древних поселений мишарей, в бассейне рек Цна и Мокша, относившейся к Кадомскому уезду. Поскольку говоры этих сел продолжали развиваться в отрыве от других цокающих говоров и подвергались несколько иным влияниям (в основном погайского языка), то они в настоящее время в ряде случаев могут быть объединены с касимовским и бастанским говорами в одну, западную, зону татарских говоров.

[39] Хотя бывали и случаи переселения жителей сел и слобод целиком (*А. А. Гераклитов.* История Саратовского края в XVI—XVIII вв. Саратов—Москва, 1923, стр. 283); то же самое иногда отмечалось и при вольной колонизации новых земель.

Чокающий тип говоров, видимо, еще в ранний период формирования распался на два подтипа: темниковский и лямбирский. Темниковский подтип представляют собственно-темниковский говор (ареал распространения — западные районы Мордовии) и говоры населенных пунктов, расположенных вдоль южной границы Мордовской АССР и северной границы Пензенской области вплоть до Рузаевки; к ним примыкают также говоры некоторых сел юго-восточной части Пензенской области. Лямбирский подтип чокающих говоров представлен лямбирским говором — на востоке Мордовской АССР.

Среди чокающих говоров есть смешанные говоры. Это, прежде всего, кузнецкий (в основном на юго-востоке Пензенской области) и хвалынский (юг Ульяновской области). Границы их весьма расплывчаты: они незаметно переходят друг в друга. Оба эти говора вобрали в себя особенности темниковского и лямбирского говоров, но в хвалынском четче, чем в кузнецком, прослеживается общность его с лямбирским, а также в какой-то степени с сергачским говорами. Что касается кузнецкого говора, то в его составе можно выделить два подговора — западный подговор, где особенности темниковского говора проявляются более четко, и восточный подговор, где эти особенности проявляются в меньшей степени.

Говоры мишарей, сравнительно недавно переселившихся на новые территории — в Волгоградскую и на юг Саратовской области, и тех, которые были более или менее изолированы в территориальном отношении (карсунская группа сел, а также «Алтавыл» и некоторые другие) пока еще не оформились в самостоятельные говоры или даже подговоры. В основном они тяготеют к рассмотренным выше чокающим говорам. Редкие случаи проявления своеобразий, сохранившихся или приобретенных ими после «отпочкования», отмечаются нами особо с указанием группы сел.

Говоры мишарей на территории Башкирии и Оренбургской области, за исключением байкибашевского, являются цокающими. Как уже указывалось выше, они испытали влияние окружающих тептярских (а через них, может быть, и башкирских) говоров, хотя степень этого влияния в разных местах была различной.

Общий анализ всего собранного по мишарскому диалекту материала и анализ данных ДАТЯ подтверждают,

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТ
299508

что территориально-лингвистический принцип классиф
кации мишарских говоров, принятый с учетом истори
ских условий их формирования, в основе своей верен
нет необходимости вносить в нее существенные корректив

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ МИШАРСКОГО ДИАЛЕКТА

Мишарский диалект оказался в поле зрения исследов
телей тюркских языков, примерно, в середине XIX
Мишарские материалы впервые были введены в научн
оборот О. Бётлингком [40], а лексика представлена в слова
Л. Будагова [41] и шестиязычном словаре Дамаскина
Мишарскому «наречию» много внимания уделено в тр
дах В. В. Радлова [43].

В 80-е годы прошлого столетия в центре вниман
оказались говоры мишарей Цивильского и Буинско
уездов соответственно Казанской и Симбирской губе
ний. Это было связано с деятельностью миссионеров, н
правленной на христианизацию «инородческого» насел
ния именно данного края. В указанный период появл
ются работы Н. И. Золотницкого, В. А. Казаринов
Е. А. Малова, в которых приводятся наиболее рез
бросающиеся в глаза фонетические особенности. Та
Н. И. Золотницкий отмечает, что мишари вместо тата
ского *ч*, чувашского *ҫ* произносят *ц*, а вместо *й* — *дь*
В. А. Казаринов, кроме того, указывает на озвончен
ш > *ж*, соответствие *у* ~ *о* и соответствие *у*, *ү* ~ *о*,
(здесь, судя по примерам, автор имеет в виду дифтонг
иды, ср.: *ӧрдяк* вм. *урдяк*, *ораза* вм. *ураза* и др.), «сокр

[40] *O. Böthlingk.* Über die Sprache der Jakuten. St.—Pb., 1851. С
также: *Э. Р. Тенишев.* [Рец. на:] Материалы по татарской диале
тологии, вып. 2 (Казань, 1962). — ВДТЯ, т. IV. Баку, 196
стр. 214.

[41] *Л. Будагов.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречи
СПб., I — 1869, II — 1871.

[42] *Дамаскин.* Словарь языков разных народов, в Нижегородск
епархии обитающих (рукопись, 1884—1885 гг.).

[43] *W. Radloff.* Vergleichende Grammatik der Nördlichen Türksprache
Erstet Teil. Phonetik der Nördlichen Türksprachen. Leipzig, 188
В. В. Радлов. О языке куманов. По поводу издания куманско
словаря. «Зап. Имп. Академии наук», 1884, т. XVIII, № 4, прил
жение, стр. 39 и далее.

[44] *Н. И. Золотницкий.* Корневой чувашско-русский словарь. Казан
1875, стр. 226.

ение звуков и слогов» [45], т. е. выпадение отдельных
уков, монофтонгизацию дифтонгов. Е. А. Малов в ми-
рском «наречии» отметил *к̡* ~ *к*, *к̡* ~ *х*, *ц* ~ *ч* (последнее,
к указывает автор, — у некоторых мишарей), *э* ~ *а*,
падение *г* [46].

В указанных сочинениях приводится также некоторое
личество лексического материала в сравнении с кре-
ено-татарскими (В. А. Казаринов) или «мухамеданско-
тарскими» (Е. А. Малов) параллелями. И хотя в этих
атериалах, особенно у Е. А. Малова, в части лексики
меются неточности, тем не менее они представляют опре-
еленный интерес в историческом плане.

Другая группа отечественных исследователей мишар-
ких говоров — это ученые, изучавшие мишарский ди-
лект, как правило, в сравнительном плане с родствен-
ыми тюркскими языками («наречиями»): А. Г. Бессонов,
. Ф. Катанов, В. В. Радлов, Г. Ахмаров, С. Е. Малов
др. Они не ограничились лишь фиксацией материала,
рассматривая его в плане общетюркологическом, сде-
али шаг вперед в определении места мишарского диа-
екта среди тюркских языков.

Труд А. Г. Бессонова «О говорах казанского татар-
кого наречия. . .» [47], вышедший в свет двумя—тремя го-
ами раньше вышеприведенных работ В. А. Казаринова
Е. А. Малова, обращает на себя внимание тем, что в ней
втор, с именем которого связано зарождение татарской
иалектологии, ставит на научные основы сравнительное
учение тюркских языков, в том числе татарского. Он
ишет, что прежде всего необходимо изучить язык в его
оворах, представляющих собой «самую твердую, реаль-
ую почву» для исследования языка, что это дало бы
озможность избежать произвола «при определении
онетических законов, значения корней, происхож-
ения и первоначального значения окончаний. . .» и
. д. [48]

В. А. Казаринов. О мишарях в Чистопольском уезде Казанской
губернии. — ИОАИЭ, 1884, т. IV, стр. 9—10.
Е. А. Малов. Сведения о мишарях (историко-этнографический
очерк). — ИОАИЭ, 1885, т. IV, стр. 17.
А. Г. Бессонов. О говорах казанского татарского наречия и об
отношении его к ближайшим к нему наречиям и языкам. «Ж. Мин-
ва Народного Просвещения». СПб., 1881.
Там же, стр. 204.

В работе А. Г. Бессонова, в числе других, представле
также материал по фонетике, морфологии и лексике г
вора мишарей Цивильского уезда Казанской губерни
и мишарей-тюмян (чокающих!), видимо, Мензелинског
уезда [49].

Большую ценность для исследователей не только ми
шарского диалекта, но и вообще татарского языка пре
ставляет собой научный труд Н. Ф. Катанова, явившийс
результатом его поездки в Белебеевский уезд Уфимско
губернии [50]. В нем «наречие» мишарей Белебеевског
уезда, переселившихся туда, как известно, в XVIII
из Пензенской губернии и входящих в чокающую группу
рассматривается автором в сравнении с казанско-татар
ским, тептярским и башкирским «наречиями». Именн
в этой работе впервые дается описание морфологическог
строя одного из мишарских говоров. В результате всесто
роннего анализа, Н. Ф. Катанов приходит к правил
ному выводу о том, что «мещеряцкое наречие от казанск
татарского, уфимско-татарского и тептярского отл
чается фонетически, но близок морфологически» [51]. Позж
эти же материалы, как указывает сам автор, были испол
зованы им в его знаменитом «Опыте исследования урян
хайского языка. . .» [52]

Видное место в татароведческой литературе занима
труд Г. Ахмарова [53] «О языке и народности мишарей
в котором автор подводит итоги исследованиям мишарског
«наречия», делает дальнейшую (после А. Г. Бессонова
Н. Ф. Катанова) попытку сравнительного и даже с эл
ментами сравнительно-исторического анализа его фон
тики и лексики. Автор привлекает довольно обширны
материал из других тюркских языков (алтайского, ки
гизского, чувашского, якутского, турецкого, узбекског

---

[49] *А. Г. Бессонов.* Указ. соч., стр. 220—222, 238—239.

[50] *Н. Ф. Катанов.* Отчет о поездке, совершенной с 20 мая по 20 а
густа 1898 г. в Белебеевский уезд Уфимской губернии. «Уч. За
Имп. Казанского Ун-та», год XVII, кн. 7, 8. Казань, 1900.

[51] Там же, стр. 75.

[52] *Н. Ф. Катанов.* Опыт исследования урянхайского языка с указ
нием главнейших родственных отношений его к другим языка
тюркского корня. Казань, 1903.

[53] Г. Ахмаров родился в с. Наратлы Свияжского уезда Казанско
губ. в 1864 г. Умер 21.XI. 1911 г. (см. ж. «Шуро», 1911, № 2
стр. 642—643).

и др.), дает этимологический анализ некоторых слов [54]. Г. Ахмаров, уловив определенную связь мишарского «наречия» с (как он называет) восточно-тюркскими «наречиями», правильно отмечая наличие в нем большого числа архаизмов, высказывая в основном верные суждения о характере русских заимствований, в то же время (с, видимо, вообще присущей ему категоричностью) ошибочно утверждает, что у мишарей нет звука *ч*, «нет никаких отступлений ни в склонениях имен, ни в спряжениях глагола, ни в синтаксическом расположении слов» [55]. Причиной этого, должно быть, служит, с одной стороны, действительная близость (но никак не тождественность) морфологического строя мишарского диалекта с морфологическим строем литературного языка, с другой стороны, то, что Г. Ахмаров, по некоторым косвенным данным [56], сам происходил из мишарей, что ему, возможно, в некоторой степени помешало заметить имеющиеся отклонения от норм литературного языка. Кроме того, в своих суждениях он опирался на материалы, собранные в пределах Казанской губернии, т. е. по цокающим говорам, развивавшимся «под боком» казанско-татарского «наречия» и испытавшим влияние последнего.

Ошибочным является также утверждение Г. Ахмарова о том, что «совсем не встречается слов, происходящих из финского корня и имеющих какое-либо сходство со словами соседних финнов — мордвы, черемис и вотяков. В фонетике мишарского наречия также не замечается какого-либо влияния и следов финских», хотя сам же приводит слово *паҥгы* ‘гриб’ с указанием на источник заимствования: морд. *панга*, черемис. *поно* [57].

Надо полагать, что в высказываниях Г. Ахмарова об отсутствии каких-либо связей мишарского диалекта с финно-угорскими языками получил отражение не только тогдашний уровень развития татарского языкознания, но в определенной степени и субъективизм автора. Он,

---

[54] *Г. Ахмаров.* О языке и народности мишарей. — ИОАИЭ (Казань), т. XIX, вып. 2, 1903, стр. 92—160.

[55] Там же, стр. 96, 117.

[56] В частности, Г. Ахмаров пишет: «В Елабуге живет один из моих родственников Адельша Мурза Сакаев, происходящий из татарских князей Уфимской губернии, переселившихся из Темникова Тамбовской губернии» (*Г. Ахмаров.* Указ. соч., стр. 139).

[57] *Г. Ахмаров.* Указ. соч., стр. 105, 118.

опираясь на языковой и историко-этнографический ма
териал (а последний занимает значительное место в ег
работе), стремится во что бы то ни стало доказать, чт
мишари тюркского, а не «финского» (мещерского) прои
хождения, как это утверждали в своих работах П. И. Не
больсин, В. В. Вельяминов-Зернов, А. Ф. Можаровский
Н. И. Золотницкий, В. А. Казаринов, Е. А. Малов
В. М. Черемшанский, а также Н. А. Аристов, В. Кот
вич и др.[58]

Таким образом, автор, отталкиваясь от правильног
тезиса о том, что ввиду отсутствия исторических данны
о происхождении мишарей для решения этого вопрос
необходимо обратиться к изучению языка, обычаев, и
собственных преданий о себе, к изучению топонимик
и т. д., делает неправильные выводы. И все же, несмотря
на указанные неточности и некоторые противоречия
работа Г. Ахмарова «О языке и народности мишарей»
по крайней мере, в языковедческом плане является одно
из лучших для своего времени.

Особый интерес для татарских диалектологов пред
ставляет работа С. Е. Малова «Из поездки к мишарям
(о наречии мишарей Чистопольского уезда)», которую
сам автор считал началом своей научной деятельности
в области тюркологии. Автор четко выделяет основные
фонетические особенности говора: *ц* ~ *ч*, *й* ~ *жҫ*, сохра
нение согласных *ф* и *h* в заимствованных словах, *г* ~ *ғ*,
изредка *у* ~ *о* и «выпадение гласно-согласного звука *j*»,
т. е. монофтонгизацию. В приложении даны связанные
тексты — песни, пословицы, загадки в транскрипции,
снабженные хорошим, точным переводом. Кроме того,
в конце представлена подробная библиография трудов,
авторы которых касаются мишарских говоров [59].

---

[58] *Г. Ахмаров.* Указ. соч., стр. 93, сн. 1; см. также: *Н. А. Аристов.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей. «Живая старина», вып. 1, год шестой. СПб., 1896, стр. 408; *В. Котвич.* Классификация турецких племен по языкам. «Этнографическое обозрение», 1910, № 1—2, стр. 116. — Г. Ахмарову известны были и взгляды Модераха, В. Н. Татищева, В. В. Радлова, считавших мишарей татарами (*Г. Ахмаров.* Указ. соч., стр. 93, сн. 2).

[59] *С. Е. Малов.* Из поездки к мишарям (о наречии мишарей Чистопольского уезда). Казань, 1904, стр. 6—7, 8—21 и др.; см. также: *Е. И. Убрятова.* С. Е. Малов (к 80-летию со дня рождения). «Проблемы тюркологии и востоковедения». Казань, 1964, стр. 44.

В дальнейшем С. Е. Малов в своих статьях и рецензиях еще неоднократно обращался к вопросам татарского языкознания, в том числе, если можно так выразиться, в мишаристике. В частности, он откликнулся двумя рецензиями на публикации Р. Пелисьера и Г. Вайля (см. о них ниже).

Итак, в исследованиях отечественных тюркологов конца XIX—начала XX в. освещались некоторые фонетические и лексические особенности в основном цокающих говоров мишарей Цивильского, Чистопольского и Буинского уездов. Исключение в этом отношении составляют лишь «Отчет. . .» Н. Ф. Катанова и частично вышеназванная работа А. Г. Бессонова. Поэтому и в тюркологической литературе в течение долгого времени представление о мишарском диалекте связывалось с цоканьем. Оно сохранялось среди некоторых тюркологов, в том числе и татароведов, вплоть до 40-х годов.

Определенный интерес представляют публикации зарубежных ученых и, прежде всего, широко известные тюркологам записи Х. Паасонена и Р. Пелисьера.

Среди публикаций Х. Паасонена находим сведения о говорах мишарей Бугульминского уезда Самарской губернии, Спасского уезда Казанской губернии, нижегородских и т. д.[60] Записи Х. Паасонена, произведенные им в 1889 г. в Бугульминском уезде, были изданы в 1953 г. А. Карахка в виде отдельного сборника с переводом на немецкий язык. Сборнику предпослано предисловие, где при пояснении знаков транскрипции дана достаточно четкая характеристика отдельным мишарским звукам и где особо подчеркивается, что говор мишарей Бугульминского уезда, в отличие от говора нижегородских мишарей, является чокающим [61]. В сборнике, как указывает сам А. Карахка, в большинстве своем использованы пояснения и система транскрипционных знаков Х. Паасонена, кото-

---

[60] См. соответственно: *H. Paasonen.* Tatarische Lieder, gesammelt und übersetzt von —. «Journal de la Société Finno-Ougrienne», 1901, t. XIX, 2, стр. III—IX; *Он же.* Zur tatarischen Dialektenkunde. Отд. отт. из: «Keleti Szemle», III, стр. 45—54; *Он же.* Die Sogenannten Karataj-Mordwinen oder Karatajen. «Journal de la Société Finno-Ougrienne», 1902, t. XXI.

[61] *H. Paasonen.* Mischärtatarische Volksdichtung gesammelt von —. Übersetzt und herausgegeben von E. Karahka. Helsinki, 1953, стр. 4—6.

рые, на наш взгляд, довольно точно отражают особенности данного говора.

Записи Р. Пелисьера, сделанные им в 1912 г. на фонографических валиках в селах Караево, Митрял, Веряс, д. Пичиполопка Темниковского уезда Тамбовской губернии, но, к сожалению, лишь частично сохранившиеся (в Берлине), были опубликованы в 1919 г. В. Бангом и В. Шульцем в русской транскрипции с добавлением некоторых латинских букв [62]. Принятая система транскрипции в основном правильно передает особенности (по принятой ныне терминологии) темниковского говора. При объяснении знаков транскрипции дается описание звуков говора: в примечаниях и особенно в указателе находим грамматический анализ слов, перевод их на немецкий язык. Кроме того, в указателе приводятся параллели казанско-татарских и древнетюркских слов. Тексты, снабженные переводом на немецкий язык, представляют определенный интерес и по своему содержанию — они историко-этнографического характера.

Впоследствии С. Е. Малов откликнулся на эту в общем полезную публикацию рецензией [63], в которой, помимо прочего, указал на некоторые фонетические, морфологические особенности говора и сделал несколько замечаний по поводу имеющихся в переводе отдельных слов неточностей.

Среди опубликованных в 1930 г. Г. Вайлем записей, сделанных им в 1916 и 1918 гг. на фонографических валиках в лагере для военнопленных в Вюсдорфе со слов татар, происходящих из самых различных мест, имеются и мишарские материалы [64]. Их немного. Они получены, как это видно из примечаний, от мишарей нижегородских (свыше десяти пословиц и коротенькие песни), саратовских

[62] *R. Pelissier.* Mischär-tatarische Sprachproben gesammelt in Nordosten des Bezirks Tjemnikov des Gouvernements Tambov im Herbst 1912 von.—«Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften», Jahr. 1918, Filosoph.-Hist. Klasse, N 18. Berlin, 1919.

[63] См.: «Записки Коллегии Востоковедов», т. II, вып. 2. Л., 1927, стр. 400—404.

[64] *G. Weil.* Tatarische Texte. Nach den in der Lautabteilung der Staatsbibliothek befindlichen Originalplatten herausgegeben, übersetzt und erklärt von —. Berlin und Leipzig, 1930. — Об этой работе положительно отозвался С. Е. Малов; см. его рецензию в «Библиографии Востока» (вып. 2—4, 1934, стр. 148).

и ишаевских (названия дней недели), буинских (короткие рассказы об обычаях, приметах, несколько пословиц и поговорок). Тексты представлены как в арабской графике, так и в латинской транскрипции, снабжены переводом на немецкий язык и примечаниями. Но поскольку осведомители Г. Вайля были грамотными, учились в «средней школе» (в медресе?) в Казани, в его записях диалектные черты, кроме мишарских названий дней недели и двух-трех фонетических и лексических особенностей, не обнаруживаются. Текстам Г. Вайль предпослал небольшое предисловие.

В 1916 г. в лагере для военнопленных Эгерь в Чехословакии Р. Лахом были записаны казанско-татарские, мишарские песни и песни западносибирских татар, которые в 1952 г. были изданы в Вене в виде отдельного сборника [65], состоящего из: а) введения к музыкальной части, подготовленного Р. Лахом, и нот песен с текстами, б) введения к текстам песен, написанного Х. Йанским, и самих текстов, в) примечаний к текстам песен, составленных Х. Йанским. Мишарские песни были записаны от военнопленного — выходца из д. Байтиряково Курмышского уезда Симбирской губернии (сергачский говор). Всего в сборник включено 96 мишарских песен, главным образом четверостиший лирического содержания. Лишь две из них представляют собой отрывки из широко распространенных среди мишарей песен «Өбделмән купич» и «Айлы шәл генә» (о судьбе девушки, выданной замуж за малолетнего мальчика). Записи даны в арабской графике, далее следуют тексты песен в латинской транскрипции и в переводе на немецкий язык.

В текстах песен, записанных арабским шрифтом, диалектные особенности встречаются очень редко, они не обнаруживаются даже в тех случаях, когда, казалось бы, могли быть отражены этим шрифтом. Что касается транскрипции, то она в основном правильно отражает особенности говора. Имеющиеся небольшие отклонения от диалектных особенностей, прежде всего в употреблении дифтонгов вместо характерных для мишарских говоров

[65] «Volksgesänge von Völkern Russlands aufgenommen von R. Lach, II. Tatarische Völker. Kazantatarische, mischärische, westsibirisch-tatarische, nogaitatarische, türkmenische, kirgizische und tscherkesisch-tatarische Gesänge. Transkription und Übersetzung von H. Jansky». Wien, 1952.

монофтонгов, объясняются, видимо, не столько стремле
нием информатора использовать литературные формы
сколько тем, что в языке фольклорных произведени
всегда бывают колебания в ту или иную сторону.

В 1963 г. из публикации С. Какука [66] стало известно
что в 1918 г. И. Куношем были записаны тексты со сло
тюркоязычных военнопленных в лагере Эгерь в Чехо
словакии. Среди них 231 мишарское четверостишие с пе
реводом на венгерский и турецкий языки и семь мишар
ских сказок, шесть из которых переведены на венгерски
язык. Кроме того, сообщается о наличии 32 четверости
ший, оставленных без перевода, и об указателе слов
содержащем около 350 единиц. В статье С. Какука пред
ставлена одна сказка и несколько четверостиший, снаб
женных хорошим переводом на французский язык. К со
жалению, принятая в ней система знаков транскрипци
несовершенна, страдает рядом недостатков, приведших
в свою очередь, к искажению некоторых присущих диа
лекту фонетических закономерностей.

К концу 20-х годов в нашей стране вновь оживае
интерес к изучению татарских диалектов. Так, в 1927 г
была напечатана статья Дж. Валиди «О диалектах казан
ского татарского языка», в которой дана краткая характе
ристика татарских диалектов. Касаясь мишарского диа
лекта, автор отмечает несколько уже известных науке ег
фонетических особенностей (*қ, ғ ~ к, г*, монофтонгизаци
-ай/-әй, *с ~ ц* (видимо, автор имел в виду *ч ~ ц*. –
Л. М.), *у, ө ~ э(е)*, *жә ~ й*), указывает на наличи
слов, отсутствующих в других диалектах, но не считае
необходимым останавливаться на морфологических осо
бенностях [67].

В 1931 г. вышла в свет небольшая по объему, но глу
боко научная по содержанию статья Н. К. Дмитриева
в которой автор выявляет некоторые фонетические и мор
фолого-синтаксические особенности одного из мишарски
говоров на основе записей, сделанных им со слов жител
ницы с. Ст. Тимошкино Сызранского уезда. Из стать
видно, что рассматриваемый автором говор характери
зуется чоканьем, нелабиализованным *а*, соответствие

[66] *S. Kakuk.* Poesie populaire tatare recueillie par J. Kúnos. Отд
отт. из: «Acta Orientalia Hungaria», 1963, t. XV, Fasc. 1.

[67] *Дж. Валиди.* О диалектах казанского татарского языка. –
ВНОТ. Казань, 1927, № 6, стр. 53, 54.

ә — е — литер. *о — о*, параллельным употреблением на
ных *й* и *жә*. Автор указывает на отличия в артикуля
ии *ч — жә* исследуемого говора от артикуляции их в «не
оторых татарских и башкирских диалектах», а также
бращает внимание на соответствия мишарских гласных
ревнетюркским, т. е. на факт изменения шкалы гласных
татарском языке. В конце приложены тексты песен
переводе на немецкий язык [68].

В статье Л. Заляя наряду с некоторыми уже извест
ыми науке фонетическими особенностями мишарского
иалекта, приводится ряд его грамматических особен
остей: формы прошедшего времени на *-ыпмын*, повели
ельного наклонения на *-гын*, 3-го лица ед. числа настоя
его времени на *-дыр/-дер*, употребление аффикса *-ныкы/
кә* в функции родительного падежа [69]. Это было опре
еленным шагом вперед в изучении мишарского диалекта.
Впоследствии материалы этой статьи вошли в соответ
вующий раздел его книги «Татар диалектологиясе» [70].

В конце 40-х—начале 50-х годов для исследования
ишарских говоров была предпринята диалектологиче
кая экспедиция под руководством Р. А. Хакимовой.
К сожалению, собранные ею материалы остались неиз
естными науке [71].

Тогда же была подготовлена кандидатская диссерта
ия Р. Ф. Шакировой, посвященная говору группы сел,
асположенных на территории распространения сергач
ского говора [72]. Главы этой работы впоследствии были
публикованы в виде статей в сборниках [73].

V. *K. Dmitriev.* Tatarisch-mischärische Studien. «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», Bd XXXVIII, Heft 1, 2. Wien, 1931.

Л. Җәләй. Татар телендә диалектлар. «Совет мәктәбе», 1938, № 5—6, № 8.

Л. Җәләй. Татар диалектологиясе. Казан, 1947, стр. 97—118. Не найдены нами также материалы экспедиции, работавшей в 1928 г. в Кузнецком районе Средне-Волжской области в составе Н. Л. Маштакова и Т. Х. Махмутова под общим руководством Н. К. Дмитриева. См. об этой экспедиции: «Осведомительный бюллетень Комиссии экспедиционных исследований АН СССР за 1928 г.», № 21—22 (58—59), стр. 5; *Э. В. Севортян.* Н. К. Дмитриев и основные направления диалектологических исследований в послеоктябрьский период. — ВДТЯ (Баку), 1966, т. IV, стр 12.

Р. Ф. Шакирова. Говор татар Краснооктябрьского района Горьковской области. Автореф. канд. дис. М., 1950.

Р. Ф. Шакирова. Фонетические особенности говора татар Краснооктябрьского района Горьковской области. — МД, стр. 89—

С конца 50-х годов начинается новый этап в изучен татарских диалектов. С этого времени диалектологи пр ступают к плапомерному и целенаправленному исследо нию их методом лингвистической географии, продолж в то же время и монографическое исследование говоро диалектов. За истекший период Институтом языка, ли ратуры и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР исс дована вся территория распространения татарских диал тов на европейской части РСФСР, начиная от Рязанск области — на западе до Челябинской — на востоке и Кировской—па севере до Волгоградской и Оренбургской на юге.

Материалы по мишарскому диалекту собирались в ра пах Рязанской, Тамбовской, Горьковской, Пензенск Ульяновской, Саратовской, Куйбышевской, Волгогр ской, Оренбургской областей, Мордовской, Чувашск Татарской, Башкирской АССР. В итоге экспедицион исследований были изданы статьи, в которых дается статочно подробная характеристика в основном фоне ческих и морфологических особенностей отдельных шарских говоров в сравнении с литературным языком Описанию особенностей чистопольского и дрожжан ского говоров, а также говора мордвы-каратаев пос щены кандидатская диссертация Р. Р. Мингуловой (Ш гуповой) и две главы кандидатской диссертации Л. Ш. А ланова [75], материалы которых были изданы в виде отде ных статей [76].

134; *Она же.* Особенности говора татар Краснооктябрьск района Горьковской области. «Акад. В. А. Гордлевскому к 75-летию». М., 1953.

[74] *Н. Б. Борһанова.* Татар теленең Мордва АССР территор сендә таралган сөйләшләре турында. — МТД, вып. 2; *Л. Т. М мутова.* О татарских говорах северо-западных районов Баш ской АССР (см. раздел «Байкибашевский (мишкинский) говор»). Там же. *Она же.* Основные характерные черты мишарских гово на территории Пензенской области. — Там же; *Она же.* Крат заметки о хвалынском говоре мишарского диалекта татарс языка. — ВДТЯ (Баку), 1966, т. IV; *Л. Ш. Арсланов.* Из матер лов диалектологической экспедиции 1968 г.. . .; *Он же.* О вл ний ногайского языка на татарские говоры Ставропольск края.

[75] *Р. Р. Мингулова.* Чистай сөйләшенең үзенчәлекләре. Канд. Казан, 1962; *Л. Ш. Арсланов.* Татарские говоры правобереж районов Татарской и Чувашской АССР. Канд. дис., Казань, 1

[76] *Р. Р. Шәмгунова.* Чистай төбәге сөйләшенең кайбер фоне

Кроме того, имеется ряд статей, в которых, в связи с классификацией татарских диалектов, рассматриваются основные особенности диалектов (в том числе и мишарского), а также в какой-то мере затрагиваются вопросы их формирования и развития [77].

В данной работе автор ставит целью дать общую характеристику фонетического и морфологического строя мишарского диалекта в целом с указанием имеющихся различий между его говорами. Описание диалекта проводится в сравнении с литературным языком. Материалы из других татарских говоров привлекаются лишь в самых необходимых случаях. В работе указывается на отдельные отклонения от общетюркских закономерностей, наблюдаемые в развитии звукового строя татарского языка вообще и мишарского диалекта в частности. Так, делается попытка выявить элементы, общие с другими тюркскими языками, прежде всего с западной (домонгольской) группой кыпчакских языков; уделяется внимание анализу особенностей мишарского диалекта в историческом плане [78].

Описывая традиционный мишарский диалект, автор опирался на первоисточники — экспедиционные материалы, хранящиеся в фондах Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР: материалы,

---

үзенчәлекләре. «Татар теле һәм әдәбияты». Казан, 1959; *Она же.* Чистай сөйләшенең морфологик һәм синтаксик үзенчәлекләре. — МТД, вып. 2; *Она же.* О лексических особенностях чистопольского говора татарского языка. — Там же; *Л. Ш. Арсланов.* Говор мордвы-каратаев. «Татар теле һәм әдәбияты мәсьәләләре». Казан, 1965; *Он же.* Некоторые лексические особенности говора мордвы-каратаев. «Этногенез мордовского народа». Саранск, 1965.

[77] *Н. З. Бурганова, Л. Т. Махмутова.* О диалектном членении татарского языка. — ВДТЯ (Баку), 1963, т. III; *Они же.* К вопросу об истории образования и изучения татарских диалектов и говоров. — МТД, вып. 2; *Они же.* Татар диалектлары буенча кыскача белешмә. «Татар теленең диалектологик сүзлеге». Казан, 1969; *Л. Т. Махмутова.* Некоторые итоги и проблемы исследования татарских диалектов. «Развитие филологических и исторических наук в Татарии». Казань, 1969; *Она же.* О некоторых этнических компонентах татарского народа по диалектным данным. «Тезисы докладов итоговой научной сессии за 1970 г.» Казань, 1971; *Она же.* К монофтонгизации дифтонгов в мишарском диалекте татарского языка. «Тезисы докладов итоговой научной сессии за 1972 г.» Казань, 1973.

[78] Лексике мишарского диалекта посвящена другая работа автора.

собиравшиеся автором более двадцати лет (1947—1973 г
в районах Рязанской, Тамбовской, Пензенской, Горько
ской, Ульяновской, Саратовской областей, Мордовской
Башкирской АССР, а также материалы экспедиц
Л. Ш. Арсланова — по районам ТАССР и Чувашск
АССР, Н. Б. Бургановой — по Мордовии и Горьковск
области, Р. Р. Шамгуновой — по Закамью ТАСС
Г. К. Якуповой — по Горьковской, северным район
Ульяновской, частично Куйбышевской областям, Д. Б. Р
мазановой — по карсунской группе сел (семь населенн
пунктов), Ф. Ю. Юсупова — в с. Азеево Рязанской
с. Татарщино Тамбовской областей. Случаи обращен
к печатным статьям специально оговорены в сносках.

Автор выражает глубокую признательность всем ко
легам, экспедиционные материалы которых использова
в настоящей работе.

О ТРАНСКРИПЦИИ, ПРИНЯТОЙ В ДАННОЙ РАБОТЕ

В работе применена упрощенная транскрипция, основа
пая на общепринятом татарском алфавите, знаки котор
имеют следующие соответствия со знаками междунаро
ной транскрипции (1951 г.)

Знаки для гласных

a/ɑ/ɒ	а	ɯ	ы	ö/ø/œ	ө
æ	ә	ʏ	ү	ɜ	ы
ɪ	ый	o/ɔ	о	ɛ/e	е (э — в начале сло
i	и				

Знаки для согласных

p	п	z	з	k	к
b	б	tʃ	ч	g	г
m	м	dʒ	җ	q	қ
φ, f	ф	ts	ц	ʁ	ғ
v	в	dz	дз	χ	х
β	w	ʃ	ш	χ̣	ҳ
t	т	ʒ	ж	N, ŋ	ң
d	д	l	л		
n	н	r	р	h	һ
s	с	j	й	ʔ	’(смычный гортанный зву

Знаки *о/о*, *ы/е* в татарских текстах передают соот
ствующие краткие гласные, присущие вообще по
ско-тюркским языкам (см. их характеристику на
р. 37—39).

Дополнительные знаки:

ʲ — палатализация
ˇ — краткость
ˉ — долгота

В примерах, приведенных из других языков и древне
ркских памятников, сохранено написание, данное в ис
чнике — в соответствующих словарях и грамматиках.

ФОНЕТИКА

Мишарский диалект характеризуется продвинутостью вп
ред всей своей звуковой системы. Это особенно замети
в произношении заднеязычных согласных, гласных *а*, *у*,
и в меньшей степени — в артикуляции остальных гласных

СИСТЕМА ГЛАСНЫХ

В фонетической системе мишарского диалекта, как и т
тарского литературного языка, насчитывается десят
гласных: *а*, *ә*, *ый*, *и*, *у*, *ү*, *о*, *ө*, *ы*, *е*. Из них *а*, *ә*, *ый*
и, *у*, *ү* являются относительно долгими, *о*, *ө*, *ы*, *е* — от
носительно краткими гласными, что составляет специ
фику поволжско-тюркских языков. Этимологических дол
гих гласных в диалекте нет.

В мишарских говорах некоторые гласные фонемы пред
ставлены в двух или нескольких вариантах (см. об это
ниже), что объясняется, на наш взгляд, незавершен
постью изменения шкалы гласных в отдельных говорах
а иногда и иноязычным влиянием.

Гласные заимствованных слов в традиционных говора
заменялись близкими к ним гласными диалекта. Ср., на
пример, рус. ударное *о* > миш. *у* (*школа—ышкул*, *бочка—
бучка*, *рабочий—ырабучий*), рус. предударное этимологичес
кое *о* > *а* (*горчица—гарчис*, *косяк—кас'ак*, *совхоз—савхуз*)
рус. *е* > *и* (*печь—пич*, *стена—эстина*, *сестра—систра*)
рус. *у* > *о*/ы^{о}/ы (*сухари—сохари* / *сы^{о}хари* / *сыхари*, *пух—
пох* / *пы^{о}х* / *пых*, *сукно—сокна* / *сы^{о}кна* / *сыкна*, *губер
ния—губирна* / *гыбирна* и т. д.).

ОТНОСИТЕЛЬНО ДОЛГИЕ ГЛАСНЫЕ

а — гласный заднего ряда нижнего подъема, негубной
В зависимости от говоров он может быть несколько ото
двинутым назад (например, в хвалынском говоре) или

более продвинутым вперед. Типичным для мишарского диалекта является нелабиализованный вариант *а*, хотя в отдельных его говорах (хвалынском, мордва-каратаевском) факультативно он может иметь и слегка огубленный оттенок. Однако последний все же далек от характерного для литературного языка и большинства говоров среднего диалекта огубленного варианта *а*^{о} [1].

Гласный *а* встречается в слове в любой позиции: *аша* 'лошадь', *ал* 'возьми', *кал* 'оставайся' и т. д. После *а* в слове следуют *а*, ы, *ый*: *ата* 'отец', *алты* 'шесть', *сартын* 'для', 'ради', *шадыр* 'веселый', *саный* 'считает' и т. д.

ә — гласный переднего ряда нижнего подъема, негубной. Он также более переднего образования, чем в среднем диалекте и литературном языке, что особенно заметно в мишарских говорах на территории Пензенской области. По месту употребления *ә* не отличается от соответствующего гласного литературного языка — *ә* встречается в начале, середине и конце слов: *әни*^{й} 'мама', *чәнә-* 'жевать', *кичә* 'вчера' и др. После гласного *ә* в слове следуют *ә*, *е*, *и*^{й}: *кәзә* 'коза', *әпәй* 'хлеб', *нәзек* 'тонкий', *әти*^{й} 'папа' и др.

у — гласный заднего ряда верхнего подъема, губной. По сравнению с *у* литературного языка в мишарском диалекте он несколько продвинут вперед.

В цокающих мишарских говорах — сергачском, а также в отдельных населенных пунктах на юге Мордовской АССР и Рязанской области [2], хотя неравномерно и не во всех словах, этот гласный носит ярко выраженный дифтонгоидный характер *^{у}о* и *у^{о}*. В сергачском говоре иногда он качественно совпадает с общетюркским *о*. Примеры: *орман* [orman] / *^{у}орман* / *у^{о}рман* 'лес', *бол-*/ *бу^{о}л-*/*бу^{о}л-* 'быть', *корк-*[kork-] / *к^{у}орк-*/*ку^{о}рк-* 'бояться', *йок* [jok-]/*й^{у}ок* / *йу^{о}к* 'не', 'нет' и т. д.

В чокающих говорах дифтонгоид *^{у}о*/*у^{о}* встречается на территории Мордовии и юго-востоке Пензенской об-

---

[1] Для отдельных говоров среднего диалекта (дубъязского, пукратского, касимовского, бастанского) характерен очень открытый (кстати, куда более открытый, чем в мишарских говорах) гласный *а*. Это объясняется участием определенных этнических компонентов, в частности ногайского, в формировании носителей указанных говоров татарского языка.

[2] Но в с. Азеево (174) Рязанской области и с. Татарщино (293) Тамбовской области указанное явление не отмечено.

ласти (в селах, некогда основанных, по сохранившим среди населения легендам, выходцами из темниковски мишарей), например: *йуᵒк* / *йок* [jok] ‘не’, ‘нет’, *шу* ‘этот’, *туᵒй* ‘свадьба’, *йуᵒл* ‘дорога’, *туᵒкта-* ‘подождать *уᵒн* ‘десять’, *уᵒн′а-* ‘играть’, *уᵒсал* ‘злой’, *уᵒл* ‘он’, *ку* ‘рука’, *уᵒрман* ‘лес’, *буᵒл-* ‘быть’, *куᵒрк-* ‘бояться’, *ту* *бык* ‘щиколотка’, *йуᵒлдаш* ‘товарищ’, *зуᵒр* ‘большой’ и д

Кроме того, имеется ряд сел в Пензенской и Саратов ской областях (жители последних, как указывалос выше, — потомки поздних переселенцев из Пензенско губернии), где *уᵒ* встречается только в словах *уᵒл*, *шуᵒл* *шол* [šol] или только в слове *йуᵒк* (например, нас. п. 278 284, 297, 299—301, 313, 317—320 и др.). Все это, на нас взгляд, говорит о том, что в западной зоне татарски говоров процесс передвижения гласных (в данном случа древне- и общетюрк. *о*/*ö* > тат. *у*/*ү*) под влиянием ряд причин, в том числе, возможно, в результате соседства а местами и смешения татар с ногайцами [3], не завершился При расселении мишарей на новые территории это явле ние распространилось дальше на юго-восток.

Гласный *у* в мишарском диалекте встречается в перво слоге слова, включая и абсолютное начало его: *урт* ‘середина’, *ул* ‘он’, *кул* ‘рука’, *кура* ‘жердь’ и т. д. Дальш первого слога и в конце слов мы находим его лишь в име нах действия (*бару*, *алу*), в уменьшительно-ласкательны аффф. *-ук*, *-ушка*, а также в словах *ыру* / *ыᵘру*, иногд *ыруᵘ* (<*ыруг*) ‘родня’, ‘родственник’, *сару* (*кан′ау*) ‘из жога’. После *у* в слове следуют *а*, *ы*: *турта* ‘вытоп ки’, *уйан-* ‘проснуться’, *кугын* ‘погоня’, *урдык* ‘скамья и др.

Ү — гласный переднего ряда верхнего подъема, губ ной. По своей артикуляции этот звук значительно более переднего образования [4], чем *у* литературного языка, звучащий для мишарского слуха почти как *у* в его соб ственном диалекте. При произношении *ү* (как, впрочем, и *у*) в мишарских говорах губы округляются и выпячи ваются вперед сильнее, чем при соответствующих звуках среднего диалекта и литературного языка. Мишарский ү

[3] *Л. Т. Махмутова.* Бастанский говор татарского языка. — МТД, вып. 3, стр. 47.

[4] Более передний характер образования этого звука отмечают и Р. Шакирова, Л. Арсланов, Р. Шамгунова.

акустически близок к немецкому ü. Он встречается, как известно, в языках огузского типа. Гласный *ү* в говорах среднего диалекта и литературном языке — звук более задней артикуляции, характерный для языков кыпчакского типа.

В мишарских говорах встречается и дифтонгоидный вариант *ү*, т. е. *ʏө*/*ү*ᵉ. Изоглосса его распространения в основном совпадает с изоглоссой *ᵘо*/*уᵒ*, если не считать единичных случаев употребления *ʏө*/*ү*ᵉ на более широкой территории, чем *ᵘо*/*уᵒ*. Например, в чокающих говорах некоторых сел на юго-востоке Пензенской области *ᵘо* не отмечается, но *ʏө* в отдельных словах встречается: *кʏөр-* ‘видеть’, *кʏөпер* ‘мост’, *кʏөп* ‘много’, *дʏөрт* ‘четыре’, *кʏөмер* ‘уголь’.

Гласный *ү*, как и *у*, употребляется в первом слоге слова, включая и абсолютное начало его. После *ү* в слове следуют *э*, *е*: *үрдәк* ‘утка’, *күлмәк* ‘платье’, *күреш* / *күрше* ‘сосед’, *үмер* ‘жизнь’; исключение составляют имена действия (*сүтү* ‘распарывание’, *бүлү* ‘деление’ и т. д.), а также слова *бетү* ‘амулет’ или *бөтү* / *нетү* (серг.) ‘ожерелье’ и т. п.

ый — гласный заднего ряда верхнего подъема, негубной. Он также несколько более переднего образования и несколько более верхнего подъема, чем в литературном языке. От *у* отличается отсутствием участия губ в его образовании. В конце слов, а иногда и слогов, носит дифтонгоидный характер, более сильно выраженный, чем в *и*.

Гласный *ый* встречается в корнях слов и аффиксах: *тый* ‘уйми’, *сыйла-* ‘угощать’, *алмый* ‘не берет’, *куймый* ‘не кладет’ и т. д., но не употребляется в абсолютном начале слова, хотя в некоторых говорах бытует *ыйат* [ıjat]. После *ый* в слове следуют *а*, *ы*: *тыйа* ‘унимает’, *тыйылды* ‘унялся’ и т. д. Однако в связи с переразложением слога, как правило, *ый* переходит в *ы*: *ты-йа*, *тыйыл-ды* и т. д.

В некоторых мишарских говорах, особенно цокающих, *ый* > *ий* (перед гласными и в конце слов), *ый* > *и* (перед согласными): *абзий* ‘дядя’, ‘обращение к старшему’, *барми* ‘не идет’, *кын′ий* ‘бьет’, *җийам* ‘собираю’, *кима* ‘забор’, *чыгармим* ‘не выпущу’, *симады* ‘не уместилось’, *сипау* ‘гладить’ и другие.

Указанная особенность наиболее четко и последова-

тельно прослеживается в чистопольском [5] и сергачском говорах.

и — гласный переднего ряда верхнего подъема, пегубной. Отличается от соответствующего звука литературного языка несколько более передним образованием и несколько более верхним подъемом. Поэтому он производит впечатление более узкого звука, чем *и* литературного языка. От *у* гласный *и* отличается тем, что в его образовании не участвуют губы. В конце слов, а иногда и слогов, перед последующим согласным звук *и* носит дифтоидный характер *и*^{й}: *сули*^{й}, *курми*^{й}, *ки*^{й}*дем / кидем*.

Гласный *и* встречается в слове во всех позициях: *игәч* 'сестра', 'старшая сестра', *киртә* 'преграда', *бил* 'пять', *эни*^{й} 'мама' и др. После *и* следуют гласные *и*, *е*, *а*: *тирәк* 'ветла', *бирнә* 'свадебный подарок', *ике* 'два', *ниндий* 'какой' и т. д.

В сергачском говоре употребляется еще один дифтоидный вариант этого гласного — ^{и}*э*: *б*^{и}*эр* 'дай', *ц*^{и}*эр* 'болезнь', *б*^{и}*эк* 'очень' и др.[7] Дифтонгоид ^{и}*э* в этом говоре отмечен и в словах с задними гласными: *с*^{и}*эрак* 'голень', *с*^{и}*эр* 'корова' и др.[8] Более широкий дифтоидный вариант гласного *и* (^{и}*э*), который, еще более расширяясь, произносится как *э* или *ә*, обнаружен нами также в д. Тархань Рязанской области (в его традиционном цокающем говоре), а также в бастанском и касимовском говорах среднего диалекта [9]. Таким образом, это явление в основном охватывает западную зону распространения татарских говоров, в формировании которых, как указывалось выше, определенную роль сыграл, по-видимому, ногайский язык.

---

[5] *Р. Шамгунова.* Чистай төбәге сөйләшенең кайбер фонетик үзенчәлекләре. «Татар теле һәм әдәбияты», 1 китап. Казан, 1959, стр. 190—191.

[6] *Р. Ф. Шакирова.* Фонетические особенности говора татар Краснооктябрьского района Горьковской области. — МТ, стр. 100. — См. также материалы экспедиции под руководством Л. Т. Махмутовой в 1973 г. в районы Горьковской области (Диалектологические фонды ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР).

[7] *Р. Ф. Шакирова.* Указ. соч., стр. 98—99 (по определению автора статьи, ^{и}*э* — это долгий *э*). — См. также материалы нашей экспедиции 1973 г. в районы Горьковской области.

[8] Там же.

[9] *Л. Т. Махмутова.* Фонетические особенности касимовского говора татарского языка. — МД, стр. 149; *Она же.* Бастанский говор татарского языка, стр. 31.

ОТНОСИТЕЛЬНО КРАТКИЕ ГЛАСНЫЕ

ы — гласный смешанного ряда, отодвинутый назад, среднего подъема, губной. От *у* отличается несколько более нижним подъемом языка и меньшей округленностью губ, от *ы* — участием губ в его артикуляции. Основной тип мишарского *о*, по сравнению с той же гласной литературного языка, образуется при меньшем напряжении губ и несколько большей продвинутости вперед. Однако по говорам могут быть и варианты более передней или более задней артикуляции, они могут быть образованы при большем или меньшем напряжении губ.

Исследования последнего десятилетия показали, что гласный *о* характерен для темниковского, кузнецкого, частично хвалынского, сергачского говоров, где он встречается вплоть до третьего слога, что соответствует орфоэпическим нормам татарского литературного языка, например: *соло* 'овес', *тормош* 'жизнь', *тормошо* 'его жизнь', *борно* 'нос'. В этих говорах после *о* в слове могут следовать *о*, *а*: *торон* 'встав', *борау* 'бурав', *чолбан-* 'путаться' и др.

В лямбирском, дрожжановском, мелекесском, частично в сергачском и хвалынском, в цокающих говорах сел западной зоны распространения татарских говоров, а также в говорах сел группы «Алтавыл» и карсунской группы произошла делабиализация *о* : *о* > *ы*. Ср.: *сылы*, *тырмыш*, *бырны* и др. Местами, особенно на территории Пензенской области, процесс делабиализации *о* как бы приостановился: здесь имеем нечто среднее между *о* и *ы*: *сы*^{о}*лы*, *ты*^{о}*рмы*^{о}*ш*, *бы*^{о}*рны* и т. д. Однако *ы*^{о} — не дифтонгоид, а в той или иной степени огубленный вариант *ы*, характеризующийся тем, что при произнесении его губы едва заметно округляются.

В ряде населенных пунктов имеем *о* // *ы* (*соло* // *сылы*, *тормош* // *тырмыш*, *борно* // *бырны*), что объясняется историческими судьбами мишарей — смешением различных групп их, прежде всего во время переселения на засечные линии.

о — гласный смешанного ряда, продвинутый вперед, среднего подъема, губной. От *у* он отличается несколько более нижним подъемом языка и меньшей округленностью губ; от *е* — участием губ в его артикуляции. Основной тип этого гласного, как и гласного *о*, образуется при

меньшем напряжении губ и большей продвинутости их вперед, чем в литературном языке. Однако, как и в случае с *о*, по говорам могут быть и другие варианты этого гласного: более переднего или более заднего образования, напряжение губ может быть более слабым или более сильным.

Мишарский диалект по употреблению *ө* делится на говоры, в которых гласный *ө* употребляется в соответствии с орфоэпическими нормами литературного языка [10], и говоры, в которых произошла делабиализация *ө*(>*е*): *көл* и *кел* 'зола', *сөт* и *сет* 'молоко', *йөзөк* и *йезек* 'перстень' и др.

Имеется ряд сел, где делабиализация *ө* произошла не полностью, т. е. *ө* > $e^{ө}$ (но это не дифтонгоид!). Примеры: $ке^{ө}л$, $се^{ө}т$, $йе^{ө}зек$ и др. Изоглоссы распространения *о* и *ө* в основном совпадают.

В говорах, где *о* произносится, после него в слове могут следовать *ө*, *ә*: *морө* 'почка (раст.)', *корәк* 'лопата', *көлтә* 'сноп' и др.

ы — гласный смешанного ряда, отодвинутый назад, среднего подъема, негубной. От *о* этот звук отличается отсутствием участия губ в его образовании, это — негубная пара *о*.

Звук *ы* употребляется в слове во всех позициях в пределах норм литературного языка, а в тех говорах, где произошла делабиализация *о*, также вместо литературного *о*, например: *кыр* 'поле', *сыр* 'краска', *тырыш-* 'стараться', *бырыл-* (литер. орфоэп. *борол-*) 'повернуться', *ын* (литер. *он*) 'мука' и т. д.

После *ы* в слове могут следовать *ы*, *а*, *ый*, редко *у*: *мышкы* 'конопля', *ылан* 'дитя', 'ребенок', *кырлый* 'всухомятку', 'без всего', *сырлый* 'красит', *ыру* / *ᵘру* 'родня', 'родственник'. Но ср.: *сыту* 'раздавить', *кыру* 'скоблить' и др.

е — гласный смешанного ряда, продвинутый вперед, среднего подъема, негубной. От *ө* этот звук отличается отсутствием участия губ в его образовании, это — негубная пара *ө*.

Гласный *е* употребляется в слове во всех позициях в пределах норм литературного языка, а в говорах, где произошла делабиализация *ө*, — также вместо литературного *ө*: *без* 'мы', *тере* 'живой', *кемеш* (литер. орфоэп. *комөш*) 'серебро', *келке* (литер. орфоэп. *колкө*) 'смех', *элке* 'раньше' и др.

После *е* в слове могут следовать *е*, *ә*, редко *и*: *керпек* 'ресница', *бетег* (лямб., темп.) 'письмо', *челән* 'цапля', *берче* / *берчи* 'всегда', 'постоянно' и т. д.

Изоглоссы *о* ~ *ы*, *ө* ~ *е* в основном совпадают, за исключением небольшого числа случаев.

[10] За исключением слов *кобөк* — литер. *кебек* 'как', 'подобно', *хөзмәт* — *хезмәт* 'труд', а также *сор* — *сер* 'тайна'.

СООТВЕТСТВИЯ ГЛАСНЫХ, ОБНАРУЖИВАЕМЫЕ В ОГРАНИЧЕННОМ ЧИСЛЕ СЛОВ

При рассмотрении системы вокализма мишарского диалекта было указано на соответствие губным *о*/*ө* литературного языка негубных гласных *ы*/*е* диалекта, носящее в отдельных говорах систематический характер. Но сложная картина специфических диалектных особенностей в области вокализма создается совокупностью диалектных отличий, обнаруживаемых в каждом отдельном случае лишь в небольшой группе слов. Общее число звуковых соответствий, включая и соответствия в области консонантизма, достаточно большое, что дает право говорить о довольно пестрой картине различий между мишарским диалектом и литературным языком в области фонетики вообще.

К соответствиям в области вокализма, каждое из которых встречается лишь в небольшом числе слов, относятся следующие:

Миш.	Литер.	Миш.	Литер.
ы / е	а / ә	у / ү	о / ө
ый / ий	а / ә	о / ө	ү
ә	и	ү	и
и	ә	о / о	ы / е
о / ө, ы / е	у / ү	е / и	и

Причины различий между мишарским диалектом и литературным языком в употреблении указанных гласных могут быть выявлены путем сравнения с данными древнетюркских письменных памятников, иногда других тюркских языков и с учетом закона изменения шкалы гласных в поволжско-тюркских языках.

Почти все различия в области вокализма между мишарским диалектом и литературным языком могут быть объяснены тем, что некоторое число слов либо в мишарском диалекте, либо в литературном языке оказалось за пределами действия закона передвижения гласных [11]. Иной раз в возникновении или углублении различий в употреблении соответствующих гласных определенную роль играет закон ассимиляции и диссимиляции звуков, под который подпадает то или иное слово в диалекте или литературном языке.

Рассмотрим каждый тип соответствия в отдельности.

ы/е ~ а/ə. Общей закономерностью для татарского языка является отражение др.-тюрк. (а иногда и в заимствованиях) ï/i в виде кратких гласных *ы/е*: qïrq- ~ *кырк-* 'стричь', qïrïq ~ *кыр(ы)к* 'сорок', čïqïš ~ *чыгыш* 'выход', tïn- ~ *тын-* 'отдыхать', sïn ~ *сын* 'туловище', japïrγaq ~ *йапырак* 'лист', til ~ *тел* 'язык', tiš ~ *теш* 'зуб', tirig ~ *тере* 'живой', ickü ~ *эчке* 'питье', 'напиток', čibin ~ *чебен* 'муха' и т. д. Однако имеются небольшие отклонения от этой закономерности: др.-тюрк. jaŋï ~ миш. *йаңы* ~ литер. *йаңа* 'новый' (ср. также: перс. > ар. كاغذ ~ миш. *кагыз / кәгыз* ~ литер. *қәғәз* 'бумага'; ар. مَكْتَبٌ ~ миш. *мәктеп / мәптек* ~ литер. *мәктәп* 'школа').

Таким образом, в словах *йаңы* и *кагыз* в мишарском диалекте произошел закономерный переход ï в узкий *ы*. В слове *мәктәп* произошло сужение гласного ä в *е*.

Сужение гласных произошло и в ряде других случаев. Так, в причастиях будущего времени на *-ыр/-ер* и образованных на их основе глаголах будущего времени, а также в инфинитиве на *-ырга/-ергә* из двух параллельно употребляемых в татарском языке вариантов афф. *-ар/-ыр* и *-әр/-ер* предпочтительными для мишарского диалекта являются варианты с узкими гласными, например: Мәхтеп балаларын *багырга* 'Смотреть (выступление) школьников'; Ул боларда *кунырга* сораган 'Он попросил (разрешения) переночевать у них'; Капка *ачырга* чыгадыр 'Выходит, чтобы открыть калитку'; *Сатырмын* дип тырам 'Думаю, что продам'; Хат йазып *итермен* дип тырам 'Думаю еще написать и отнести ему письмо'; Йаңгыр йауса, шолай үшеп *куйырмын* 'Если пойдет дождь, вот так и сложу'; Мин дә *китермен* инде хаз'ер 'Сейчас и я уж уйду'.

[11] Изредка подобные случаи отмечаются одновременно и в диалекте и в литературном языке. Тогда, естественно, не бывает между ними и различий.

Кроме литературных вариантов деепричастия на *-ганча / -гәнчә, -ганчы / -гәнче*, в мишарских говорах широко распространены также варианты с узкими гласными: *-гынчы / -генче, -гынчык / генчек, -гыйнчы / -гинче, -гыйнчык / -гинчек*. Здесь также можно усмотреть в одних случаях сужение, в других — сохранение древнетюркских ï/i. Ср. -γïnča / -ginčä наряду с -γanča / -gänčä [12].

Иногда соответствие *ы/е* широким *а/ə* может быть объяснено действием закона ассимиляции: Сез үзегез теләсә ни *кылыныгыз* (литер. *кыйланыгыз*), мин китәм 'Вы сами что хотите выделывайте, (а) я ухожу'; *Ниченче* (литер. *ничәнче*) йылгы син? 'Какого года (рождения) ты сам?' (последнее, возможно, связано также с ударением на первом слоге: *ни́ченче*).

Переход русского заударного *а* в тат. *ы* часто встречается в заимствованных словах и характерен не только для исследуемого диалекта: Кина *буткысын* йасап бетердилорме? 'Закончили строить кинобудку?'; *Картыда* да йук 'Нет и на карте'; *Булкылар* да алып кат'ырсын 'И булки захватишь' (те же слова могут произноситься и как *буткасы, картада, булкалар* и т. д.).

Причины сужения гласных *а/ə* порой трудно бывает объяснить. Возможно, в отдельных говорах в этом играет роль заударное или предударное положение рассматриваемых звуков, например: Берсәк акцам *бар ды. . .* 'Денег у меня немного есть, но. . .'; Хаз'ыр *шурбыга* куйам 'Сейчас поставлю (воду) на суп'; Йавар *ды* туктар 'Пойдет (немного дождь) и (потом) перестанет' (ср. соответственно в литературном языке и параллельно в тех же мишарских говорах: *бар да, шурбага, йавар да*).

ый/ий ~ а/ə. Отмечается еще один тип сужения гласных *а/ə* — это переход *а/ə* в *ый/ий* в показателе настоящего времени изъявительного наклонения. Этот процесс охватил говоры мишарского и среднего диалекта [13] и

[12] Глухие варианты аффиксов не приводятся.

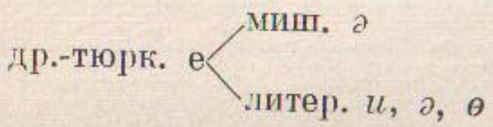
[13] Исключение составляют говоры, распространенные на периферии: касимовский, нукратовский, мензелинский, бирский, говор пермских татар.

с начала XX в. узкий вариант окончательно утвердился в качестве литературной нормы. Ср.: *сорыйм(ын)* ~ *сораймын*, *сорамыйм(ын)* ~ *сорамаймын*, *эшлим(ен)* ~ *эшлəймен*, *эшлəмим(ен)* ~ *эшлəмəймен*.

То же самое происходит в мишарских говорах (как, впрочем, и в некоторых говорах среднего диалекта) с широкими гласными *а*/*ə* в афф. *-дай*/*-дəй*, *-лай*/*лəй*, *-най*/*-нəй*, где они оказываются в составе ложных дифтонгов *-ай*/*-əй*: *аттый* ~ литер. *аттай* 'подобно лошади', *хайвандый* ~ *хəйвандай* 'подобно животному', *ыᵒжмахтый* 'словно рай', *йанардый* ~ *йанардай* 'такой, который может гореть', *эттий* ~ *эттəй* 'подобно собаке', 'как собака', *терелий* ~ *терелəй* 'живьем', *корлый* ~ *королай* 'всухомятку' и т. д. Варианты указанных аффиксов с широкими гласными также встречаются, но значительно реже.

В отдельных словах параллельно могут употребляться варианты окончаний с узкими и широкими гласными, например: *эзий* // *эзəй* 'форма обращения к старшему брату или к дяде', *малый* // *малай* 'мальчик', 'парень', *этий* // *этəй* (редко) 'отец'.

ə ~ и. Закономерным для татарского языка является др.-тюрк. e > тат. *и*: belgü ~ *билге* 'признак', 'примета', bel ~ *бил* 'поясница', eki ~ *ике* 'два', el ~ *ил* 'народ', keŋ ~ *киң* 'широкий' и др. Отклонений от этой закономерности в литературном языке очень мало. В мишарском диалекте др.-тюрк. e в ряде случаев в первом слоге преимущественно двусложных слов, дает *ə* независимо от качества последующего гласного [14].



	Др.-тюрк.	Миш. диалект.	Литер. язык.	Перевод
1)	keči	кəзə	кəҗə [15]	коза
	ekmek	əпəй [16]	ипи	хлеб
	tebä/tevä/tevi	тəвə	дөйə/тəвə	верблюд
2)	kërgäk	кəрəк	кирəк	надо, нужно
	bek	бəк	бик	очень
	negü/nekä	нəк	ник	почему
	nečük	нəчек	ничек	как, каким образом
	teg/tegi	тəк(л)е/чəк(л)е	тикле	до
3)	meŋä	ма′ңа/мəңа	миңа	мне
	seŋä [17]	са′ңа/сəңа	сиңа	тебе
4)	kebäk/kepäk	кəбəк	кибəк	мякина
	kemä/kemi	кəмə/кимə	көймə	лодка

Ср. также миш. *кəм* ~ литер. *ким* 'меньше'; миш. *кəбəн* ~ *кибəн* 'кладь (сена)'; *кəштə* ~ *киштə* 'полка'; *кəртə* ~ *киртə* 'ограда', 'преграда'.

Вторая группа слов с *ə* зафиксирована не на всей территории распространения мишарского диалекта, а лишь на отдельных островках, главным образом в Мордовии, Пензенской, частично Горьковской областях.

Древние формы дательно-направительного падежа от местоимений *мин* 'я', *син* 'ты' имеют место лишь в отдельных населенных пунктах Пензенской области (265—270).

Слова, представленные в четвертой группе, произносятся с *ə* в мишарских говорах лишь на территории Башкирии, что является, видимо, результатом влияния окружающих тептярских говоров, а через них и башкирского языка. Следовательно, число слов *се* > *ə* на указанной территории оказывается значительно больше, чем на основной территории распространения мишарских говоров.

Итак, соответствие мишарского *ə* древнетюркскому *е* двоякого происхождения. На основной территории распространения мишарских говоров это явление возникло, видимо, в результате дальнейшего расширения *е* в *ə* в определенной группе слов на татарской почве, причем

---

[14] Иногда отклонения в отражении др.-тюрк. *е* оказываются общими для диалекта или его некоторых говоров, с одной стороны, и литературного языка — с другой, например: *чəчəк* (< čečak), лишь в отдельных мишарских говорах имеем закономерное *чичак*; keči > *кjҗə*/*кəзə*.

[15] keči (> *кəҗе*/*кəзе*) > *кəҗə*/*кəзə*.

[16] В тептяризованных мишарских говорах: *эпикəй*(*лəр*).

[17] В ДТС указаны соответственно и варианты: miŋä/maŋa/baŋa, saŋa.

в мишарском диалекте таких слов больше, чем в литературном языке. Что же касается мишарских говоров, находящихся в окружении тептярских говоров, то здесь, как сказано выше, число слов с *е* > *ә* еще более увеличилось за счет тептярского влияния.

Гласный *е* заимствований в большинстве мишарских говоров также получил отражение в виде *ә* или *ә/и*: перс. شکر ~ миш. *шәкәр* 'сахар'; перс. فرشتی ~ миш. *фәрештә / фирештә* 'ангел'; коми *пелысь*, удм. *палэзь*, морд. *пизел*, мар. *пызле* ~ миш. *пизел* 'рябина'. В литературном языке эти слова звучат как *шикәр*, *фәрештә*.

и ~ ә. Указанный тип соответствия отмечается на территории Горьковской области (сергачский говор) и Мордовии (темниковский, лямбирский говоры). В основе его лежит следующее:

др.-тюрк. e, a, ä
- миш. *и* [i]
- миш., литер. *ә* [ä]

Др.-тюрк.	Миш. диалект	Литер. язык	Перевод
čečäk	чичак/сичак/сачак	чәчәк	цветок
sanč-'колоть'	синәк	сәнәк	вилы
sekü 'возвышение для сидения или лежания'	сике	сәке [18]	нары, широкая скамья для сидения и лежания
kičirgäk	кечерик	кечерәк	меньше

Ср. также: ар. كَفَنٌ ~ мишк. *кифен* — литер. *кәфен* 'саван'; перс. دریچه 'дверца', 'оконце' ~ миш. *тирәз* ~ литер. *тәрәз(ә)* 'окно'; перс. پرده ~ миш. *пирде* ~ литер. *пәрдә / фәрдә* 'занавес'; перс. پاکا ~ миш. *пике* ~ литер. *пәке* 'бритва'.

На востоке Мордовии спорадически встречаются *алмигач* ~ *алмагач* 'яблоня' и некоторые др.

о/е, ы/е ~ у/ү. Известно, что др.-тюрк. о/ö ~ тат. *у/ү*: orun *урын* 'место', ojna- ~ *уйна-* 'играть', ortu ~ *урта* 'середина', toq ~ *тук* 'сытый', köpük ~ *күбек* 'пена', kör- ~ *күр-* 'видеть', körklüg ~ *күрекле* 'красивый', ökünč ~ *үкенеч* 'раскаяние', özgä ~ *үзгә* 'иной', 'другой' и т. д. Однако в некоторых словах обнаруживаются отклонения от этой закономерности: либо и в диалекте и в литературном языке (közgü ~ литер. орфоэп. *көзгө*, миш. *козгө / кезге* 'зеркало', qoγursaq ~ литер. *корсак*, миш. *корсак / кырсак*), либо только в одном из них.

др.-тюрк. o/ö
- миш. *о/ы°/ы*, *ө/е°/е*
- литер. *у/ү*

Др.-тюрк.	Миш. диалект	Литер. язык	Перевод
köŋül	көңөл/ке°це°л/кеңел	күңел	сердце, душа
oγurla-/oγrï-la-	орла- / ы°р-ла- / ырла-	урла-	украсть
oγul	ол / ы°л / ыл	ул [19]	сын

Последние два случая представляют довольно сложную картину фонетических изменений:

oγu > ou
- миш. *у°* > *о/ы°/ы*
- литер. *у*

В некоторых мишарских говорах есть слово *ортла- / ы°ртла- / ыртла-* 'взять в рот', 'попробовать'. Корень слова *орт-/ырт-* сопоставим с *урт* 'десна' среднего диалекта и миш. *вырт* 'уголки губ', отмеченным на юге Пензенской области (см. об этом слове на стр. 73). Если учесть, что др.-тюрк. -oγu- > тат. *у* или *о*, то можно предположить, что *орт / урт* < oγurt [20]. Таким образом, в татарском литературном языке в этой группе слов произошел закономерный переход др.-тюрк. о в *у*; в мишарском диалекте отмечается частичная делабиализация этого звука.

Соответствие миш. *о/ы°/ы* литературному *у* имеет место также в словах: миш. *осак / ы°сак / ысак* ~ литер.

[18] Ср. еще: *секи* кирг. 'небольшой плоский выступ в предгорьях', *сак* чув. 'лавка, скамья, нары'.

[19] В касимовском говоре среднего диалекта — *оwыл*, т. е. γ > w.

[20] М. Рясянен предполагает *aγurt (см. M. Räsänen. Versuch eines Etimologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969, стр. 9).

усак, кар.-балк. *бусакъ* ‘осина’; миш. *корчак / кы°рчак / кырчак* ~ литер. *курчак* ‘кукла’; миш. *шондый / шы°ндый / шындый / шандый* ~ литер. *шундый* ‘такой’, миш. *шолай / шы°лай / шылай / шалай* ~ литер. *шулай* ‘таким образом’, ‘так’, *шул / шыл / шал* ~ литер. *шул* ‘этот’.

Примечание: *ы* ~ *у* чаще всего наблюдается в тептярских говорах: *бы йак* ~ *бу йак* ‘эта сторона’, *быйаган* ~ *буйаган* ‘крашеный’, *намыс* ~ *намус* ‘совесть’, *ыклау* ~ *уклау* ‘скалка’, *матыр* ~ *матур* ‘красивый’, *былмады* ~ *булмады* ‘не оказалось’, ‘не было’ и т. д.

у/ү ~ о/ө — результат отклонения в ряде слов в литературном языке от закономерного перехода др.-тюрк. *о/ö* > тат. *у/ү*.

др.-тюрк. *o/ö* → миш. *у/ү*; литер. *о/ө*

Др.-тюрк.	Миш. диалект	Литер. язык	Перевод
qoŋur	куңгырт	қоңғыр	русый, каштановый
qoŋuz	куңгыз	қоңғыз	жук
soŋ	суп /соң / сың	соң	потом

Ср. также: ар. عمر ~ миш. *үмер / гумер* ~ литер. *гомер* ‘жизнь’; ар. عمر ~ *Үмәр / Гумәр* ~ *Гомәр* ‘Гумер’; ар. حُرْمَة ~ *хурмәт / хормәт / хырмәт* ~ *хөрмәт* ‘уважение’.

Следовательно, на эти слова в мишарском диалекте распространился закон передвижения гласных: др.-тюрк. *о/ö* > миш. *у/ү*. В литературном языке произошла частичная делабиализация губных *у/ү*.

К этой же группе слов, видимо, могут быть отнесены: миш. *умә* ~ литер. *өмә* ‘помочь’, ‘коллективная помощь’, *улагу* ~ *олагу* ‘бесследно пропасть’, *чугу* ~ *чоқу* ‘клевать’, *бутка* ~ *ботқа* ‘каша’.

ө/е ~ ү [21]. Др.-тюрк. *u/ü* первого слога в татарском языке закономерно переходят в *о/ө*, а в отдельных мишарских говорах происходит дальнейшая делабиализация их (*о/ө* > *ы/е*): pus- ~ *пос-* ‘спрятаться’, qulaq / qulγaq ~ *колак* ‘ухо’, ur- ‘бить’ ~ *ор-* ‘ударить’, kül ~ *көл* ‘вола’, üstä- ‘увеличивать’, ‘умножать’ ~ *остә-* ‘добавлять’ и т. д. В некоторых словах в литературном языке эта закономерность нарушается за счет сохранения в них древних губных гласных.

[21] Выше мы уже останавливались на подобном соответствии, но в том случае причиной *ө/е* ~ *ү* было отклонение от закономерного перехода др.-тюрк. *о/ö* в тат. *у/ү*.

др.-тюрк. *u/ü* → миш. *ө/е*; литер. *ү*

Др.-тюрк.	Миш. диалект	Литер. язык	Перевод
bügün	бөгөн /бе°-ген / бөген	бүген	сегодня
čupra ‘лохмотья’	чүпрәк / чөпрәк / чепрәк	чүпрәк	тряпка
tegül / tekül / tügül	төгөл / те°гел / тегел [22]	түгел	не, нет

Во втором и последующих слогах:

а) др.-тюрк. *u/ü* ~ тат. *ы/е* (qobuz ~ *кубыз* — муз. инструмент, qarčuq ~ *капчык* ‘мешок’, kirü ~ *кире* ‘назад’, ečkü ~ *ичке* ‘коза’ и т. д.);

б) др.-тюрк. *u/ü* ~ тат. *о/ө* (через ступень *ы/е*), который появляется здесь в результате прогрессивной ассимиляции в тех случаях, когда в первом слоге уже имеется *о/ө* (quru / quruq ~ *коро* ‘сухой’, bulut ~ *болот* ‘туча’, ‘облако’, unut- ~ *онот-* ‘забыть’, tütün ~ *төтен* ‘дым’, jügür- ~ *йөгөр-*, миш. *йогор-* ‘бежать’, ülüs ~ *өлеш* ‘доля’ и т. д.); в мишарских говорах, где *о/ө* > *ы/е*, приведенные слова звучат как *кыры*, *былыт*, *ыныт*, *тетен*, *элеш* и т. д.

Указанные закономерности нарушаются весьма редко: др.-тюрк. ortu ~ тат. *урта* ‘середина’, qonuq ~ *кунак* ‘гость’, jügün ~ миш. *йүгән*, литер. *йөгән* ‘уздечка’ и некоторые др.

у ~ и. Выше говорилось о том, что др.-тюрк. ö в татарском языке получило закономерное отражение в виде *у*, но имеются и некоторые отклонения от этой закономерности. В частности, в литературном языке и большинстве мишарских говоров в отдельных словах др.-тюрк. ö > негубной *и*. В ряде мест на территории Мордовии, Пензенской, Рязанской областей, частично в Горьковской области

[22] В дрожжановском говоре *биген*, *тигел*.

и Закамье в тех же словах такого отклонения от общей закономерности не наблюдается.

др.-тюрк. ö → миш. *у*; миш., литер. *и*

Др.-тюрк.	Миш. диалект	Литер. язык	Перевод
közägü ‘кочерга’	күсәү	кисәү	головешка
kökägün ‘муха’, ‘мошка’	күгәвен	кигәвен	овод
ötmek/etmäk	үпмәк/үкмәк/үтмәк	икмәк	хлеб

Ср. также: ног. *кьоз* ‘родник’ ~ миш. *күзләү* ~ литер. *кизләү* ‘родник’.

В слове *кисеркә / кисерткә* ‘ящерица’ произошел переход др.-тюрк. ö в *и* как в литературном языке, так и в мишарском диалекте (<др.-тюрк. kösürgä ‘землеройка’, ‘крот’, kösürgän ‘крот’).

Единственный случай соответствия миш. *у* ~ литер. *и* во втором слоге находим в слове *бетү* ~ *бөти* ‘талисман’. Однако ср. в этой связи: в чистопольском говоре — *бетек* ‘талисман’, в лямбирском и темниковском — *бетег* ‘письмо’ (литер. *хат*) и др.-тюрк. biti ‘священное писание’, ‘одна из ниспосланных с Неба книг’, bitig ‘книга’, ‘надпись’, ‘амулет’.

о/ө ~ ы/е. Выше указывалось, что в части мишарских говоров имеет место соответствие негубных *ы/е* литер. *о/ө*, которые, в свою очередь, закономерно соответствуют др.-тюрк. u/ü первого слога. Однако в нескольких словах во всех мишарских говорах наблюдается явление обратного характера: литер. *ы/е* в первом слоге соответствуют миш. *о/ө*. Объяснение и этому явлению можно дать, исходя из фактов древних письменных памятников и закономерностей отражения отдельных гласных звуков в татарском языке.

Известно, что др.-тюрк. ï/i > тат. *ы/е* (примеры на стр. 40). Но в некоторых мишарских словах др.-тюрк. ï/i > губные *о/ө*, в результате чего появились немотивированные, на первый взгляд, расхождения в употребле-

нии губных *о/ө* и негубных *ы/ө* в мишарском диалекте, с одной стороны, и литературном языке — с другой.

др.-тюрк ï/i → миш. *о/ө*; миш., литер. *ы/е*

Др.-тюрк.	Миш. диалект	Литер. язык	Перевод
ïšan-	ошан-	ышан-	верить, доверять
tïnčï-	тончо-	тынчы-	протухать, портиться
tïn	тон	тын	дыхание
kebi	көбөк	кебек	как, подобно

Ср. также перс. حیار ~ миш. *койар / кийар* ~ литер. *кыйар* ‘огурец’; ар. سر ~ миш. *сор / сыр / сер* ~ литер. *сер* ‘тайна’; ар. خِدْمَةٌ ‘служба’ ~ миш. *хозмәт* ~ литер. *хезмәт* ‘труд’.

е ~ и. В основе этого соответствия лежит отклонение от закономерного перехода др.-тюрк. е > тат. *и* и, наоборот, др.-тюрк. i > тат. *е*.

др.-тюрк. e → миш. *е*; литер. *и*

Др.-тюрк.	Миш. диалект	Литер. язык	Перевод
kejim	кейем	кийем	одежда
kejik	кейек	кийек	зверь
tegiš	тейеш	тийеш	полагающийся

В мишарском диалекте факультативно употребляются и варианты этих слов с *и*. Следовательно, *кейем*, *кейек*, *тейеш* могли возникнуть в нем под влиянием регрессивной ассимиляции гласного *и* последующим *е*.

др.-тюрк. i → миш. *е*; литер. *и*

Ср.: jignä/jiŋnä ~ *энә* ~ *инә/энә* ‘иголка’.

В арабских словах دِين ‘вера’ и فِيل ‘слон’ в традиционных мишарских говорах также *и* > *е* (*ден*, *фел*), в литературном языке сохраняется *и* (*дин*, *фил*).

Попутно рассмотрим соответствие *е/и* ~ *и* в сочетании с *й* в мишарском диалекте и с *җ* — в литературном языке.

Слова с начальным j в ДТС зафиксированы в двух вариантах: как с последующим гласным е, так и с i, т. е. je-/ji-. В традиционных мишарских говорах оба эти варианта получили соответствующее отражение: je- > *йе-*, ji- > *йе-*. В говорах среднего диалекта и литературном языке je-/ji- > *җи-*.

Др.-тюрк.	Миш. диалект	Литер. язык	Перевод
jegrän	йерән / йирән	җирән	рыжий
jil/jel	йел / йил	җил	ветер
jil-/jel-	йел- / йил-	җил-	мчаться
jilim/jelim	йелем / йилем	җилем	клей
jilbi-/jelpi-	йелп- / йилп-	җилп-	обмахиваться
jimiš/jemiš	йемеш / йимеш	җимеш	фрукт
jiŋ/jeŋ	йең / йиң	җиң	рукав
jiŋ-/jeŋ-	йең- / йиң-	җиң-	победить
jeŋgä	йеңгә / йиңгә	җингә	жена ст. брата
jeŋil	йеңел / йиңел	җинел	легкий
jir/jer	йер / йир	җир	земля
jit-/jet-	йет- / йит-	җит-	достигнуть
jiti/jedi/jeti/jetti	йиде / җиде	җиде	семь
jeznä	йезнә / йизнә	җизнә	зять
jetiz/jitiz	йетез / йитез	җитез	расторопный
jetmiš	йетмеш / йитмеш	җитмеш	семьдесят
jez	йез / йиз	җиз	латунь

В сергачском, лямбирском, хвалынском говорах, испытавших наибольшее влияние литературного языка, употребляются и вариапты с *җ*: *җиң*, *җил*, *җиңел*, *җиде* и др.

СООТВЕТСТВИЕ ПЕРЕДНИХ ГЛАСНЫХ ЗАДНИМ, ЗАДНИХ — ПЕРЕДНИМ

Незначительное число слов, включая сюда и некоторые заимствованные и звукоподражательные, отличается от соответствующих литературных по линии передних и задних гласных. В одних словах передним гласным соответствуют задние, в других — задним — передние. В основе таких соответствий в большинстве случаев лежит сохранение более древнего облика слова либо только в диалекте, либо только в литературном языке. Определить какую-либо закономерность пока не представляется возможным.

Соответствие передних гласных задним: миш. *бәлчек* ~ литер. *балчык* ~ др.-тюрк. balčïq ‘глина’; *сәлен-* ~ *салын-* ~ salïn- ‘свисать’; *әз* ~ *аз* ~ az ‘мало’; *әкрен / акыр* ~ *акрын* ~ aqru ‘медленно’; *йен / йон* ~ *йон* ~ jün ‘шерсть’; *кече-* ~ *кычы-* ~ kičі- ‘чесаться’; *кечер(т)кән* ~ *кычыткан* ‘крапива’, *Сәрә* ~ *Сара* < ар. سَرَى — имя собств. *Мәнсурә* ~ *Мансура* < مَنْصُورَة имя собств.; *чебелдек* (от *чебен*) ~ *чыбылдык* (ср. čibin) ‘занавес’, ‘полог’; *чәйкә-* ~ *чайка-* ‘полоскать’.

Кроме того, в сергачском, чистопольском и других говорах имеет место переход *ый* в *ий* или даже в *иӣ/и* (*абзий* ~ литер. *абзый* ‘дядя’, ‘старший брат’, *җинау* ~ *җыйнау* ‘все вместе’, *кина-* ~ *кыйна-* ‘бить’, ‘избивать’), особенно в отрицательной форме глаголов настоящего времени — типа *бармим* вместо *бармыйм*, *алмим* — *алмыйм* и т. д. В некоторых словах *ый* > *ый*: *җыйын* вм. *җыйын* ‘община’, ‘сборище’, ‘собрание’, *кыйын* вм. *кыйын* ‘битье’, ‘избивание’ и т. п.

Соответствия задних гласных передним зафиксированы в словах: миш. *йогор-* ~ литер. *йөгөр-* ~ jügür- ‘бежать’; *йараш-* ~ *йәрәш-* ~ jaraš- ‘ладить’, ‘сватать’; *йанаша* ~ *йәнәшә* ‘рядом’, ср.: janaš- ‘идти рядом’; *кын'д'ык* ~ *кендек* ~ kindik ‘пупок’; *мый* ~ *миӣ* ~ meŋi / / meji / mejä ‘мозг’; *мачы* ~ *мәче* ‘кошка’; *капыста / кәпестә* ~ *кәбестә* < рус. *капуста*; *корка* ~ *күркә* (<рус. *кӯрка*, уменьш. от *кӯра*) ‘индюк’; *кочок* ‘собака’ ~ *көчөк* ‘щенок’; *хабар* ~ *хәбәр* < ар. خَبَرٌ ‘известие’; *шопша* ~ *шөпшә* ‘оса’; *чаука* ~ *чәүкә* ‘галка’; *кукы / коко / кыкы* ~

куке ‘кукушка’, *сол'ок — сөлөк* (графич. *солек*) ‘пиявка’, *кытырмач — кәтермәч* ‘сухарь’ и др. Ср. еще в некоторых мишарских говорах: *мона — менә* ‘вот’, *сор — сер* ‘тайна’, *ат'- — әйт-* ‘сказать’, ‘говорить’, *ал'ан- —әйлән-* ‘повернуться’, ‘кружиться’, *ар'ан- — әйрән* ‘айран’, *бар'ам — бәйрәм* ‘праздник’, *ад'а — әйдә* ‘пойдем’ и т. п.

ДИФТОНГИ

Как и вообще в татарском языке, в мишарском диалекте истинных дифтонгов нет. Имеются ложные (по терминологии Л. В. Щербы — М. И. Матусевич) дифтонги (восходящие и нисходящие), которые представляют собой сочетание гласного звука и неслоговых *й* или w. Все они в татарском языке, включая и мишарский диалект, развились из соответствующих древнетюркских сочетаний звуков. Однако развитие их в мишарском и среднем диалектах (и литературном языке) в некоторых случаях по ряду исторических причин пошло по разным направлениям. Отсюда и расхождения между ними в области дифтонгов.

С точки зрения истории развития мишарского диалекта большой интерес представляет судьба нисходящих дифтонгов с неслоговым *й*.

1. Дифтонг *ай* в татарском литературном языке и среднем диалекте употребляется в любой позиции и часто соответствует др.-тюрк. *aj*. В отдельных словах произошла лишь замена заднего *а* передним *ә*: *бәйлә-* ~ baγla-, *әйлән-* ~ ajlan-, *әйт-* ~ aj-, *әйдә-* ~ ajda-. Ср. *бәйрәм* (<перс.).

В мишарском диалекте в корнях и основах слов (а также в производных от них) в позиции перед переднеязычными *д, л, р, н, с, т, ч(ц)* дифтонг *ай* переходит в *а*. Выпадение *й* привело к палатализации последующих переднеязычных согласных (за исключением *з*, который, видимо, в указанной позиции просто не встречается). Количество таких основ невелико. Поэтому они приводятся здесь почти полностью.

Миш. диалект	Литер. язык и ср. диалект	Др.-тюрк.	Перевод
ар'ан	әйрән	ajran	напиток из кислого молока
кар'ак	қайрақ		точило

кар'а-	қайра-		точить
кар'ы	қайры	qadïz / qaδïz	кора дерева
		ср. qadïr-	поворачивать
кар'ы/каре	(қайа)	qaju-┼ra	куда, где
сар'а-	сайра-	sajra-	петь (о птицах)
әлән- / ал'ан-	әйлән-		кружиться
бал'ык (чист.)	байлық	bajlïq / bajluq	богатство
боло-	бәйлә-		привязывать
сал'а-	сайла-		выбирать
сал'ык (чист.)	сайлық		мелководье
ан'ы-	айны-		протрезветь
кан'ана	қайнана		свекровь
кан'ата	қайната		свекор
кан'иш	қайниш		родственники мужа
кан'е	қайене		деверь
кан'ар	қайнар		горячий
кан'а-	қайна-	qajna	кипеть
чәнә-	чәйнә-		жевать
қас'ы	қайсы	qajsï	который
ат'-/әт- ‘сказать’	әйт- ‘сказать’	ajït-	позволить говорить
бат'ақ	байтақ		довольно много
бат'ал	байтал		лошадь
кат'- ‘вернуться’	кайт- ‘вернуться’	qaj-	поворачиваться
ад'а/әдә (редко)	әйдә		идем
кач'ан	қайчан	qačan	когда
кач'ы	қайчы		ножницы

Ср. также: *фад'а* (серг.) ~ литер. *файда* (<ар.) ‘польза’; *бар'ам / бәрәм ~ бәйрәм* (<перс.) ‘праздник’ и др.

Сопоставление с вариантами литературного языка и среднего диалекта, а также с вариантами в других тюркских языках позволяет сделать вывод о том, что стяжение дифтонга произошло после перехода γ/g в j (ср.: baγla-

>байла- > бәйлә- > бәлә-), но одновременно с опер
нением гласных в поволжско-тюркских языках (диале
тах). В тех словах, в которых в среднем диалекте др
тюрк. aj переходит в *әй*, в мишарском, за некоторы
исключениями, *а* переходит в *-ә*. Ср. *бәлә- ~* лите
бәйлә-, *әт- ~ әйт-* и т. д. В то же время в отдельны
мишарских говорах сохранились и варианты с задни
гласными. Так, в Горьковской, островками в Пензенско
областях и на юге Мордовии имеем *ат'-* вм. ожидаемо
әт-, *ал'ан-* вм. *әлән-*. Кроме того, при общераспростр
ненных в мишарском диалекте вариантах с задними гла
ными (*бар'ам ~* тат. литер. *бәйрәм*, *ад'а ~* тат. литер
әйдә) в отдельных селах имеем *бәрәм*, *әдә*.

Палатализация переднеязычных согласных *р*, *л*, *н*, *т*,
в результате выпадения предшествующего *й* отмечается
и в чувашских говорах, особенно верховых: *хаçан* 'когда'
куняса 'свекор', *куняма* 'свекровь', *хăшĕ* 'который', *хач*
хайчи 'ножницы', *чăмла* 'жевать', *хыр'а* 'наточи', *ур'а*
(курм.) 'кислое молоко', *пат'ах* (курм.) 'достаточно', *ат'*
'и; ем', *урăм* (курм.) 'отдельно' [23], *атя* 'айда', 'идем'. В ни
зовых говорах *р* не смягчается [24]. Ср. в связи с этим, от
сутствие смягчения *р* в удмуртском и коми языках.

В других тюркских языках и древнеписьменных па
мятниках монофтонгизация отмечена лишь в словах: *ка
чан* (кирг.), *хачан* (туркм.), *кашан* (ног.), *къачан* (к.-балк.),
качан, *кацан* (караим.), *кацан* (Cod. Cum.), qačan (во
многих древних памятниках письменности) и *кары* 'куда'
наряду с формами *кейре*, *кайра*, *кайри* — в караимском.

2. Дифтонгу *ой* в слове *койрок* (литер.) 'хвост' соот
ветствует *о* или *у* (*кор'ок* или *кур'ик*). В древнетюркских
памятниках это слово зафиксировано в виде qudruq /
quduruq / quδruq, где звукам d, δ в современном татар
ском закономерно соответствует *й*, др.-тюрк. u ~ совр.
тат. *о*. Звук *у* в *курик* — реликт древнего u.

Во всех других случаях, т. е. в позиции не перед
переднеязычными согласными, древнетюркским сочета
ниям uj, oj, od, oδ в мишарском диалекте, как и в татар-

[23] *Н. И. Ашмарин.* Указ. соч., стр. 52—59 (курм. — курмышский говор).

[24] *Н. И. Ашмарин.* Материалы для исследования чувашского языка. Казань, 1898, стр. 3, 14—16, 52—59; *Т. М. Матвеев.* Краткий обзор чувашских диалектов. «Материалы по чувашской диалектологии». Чебоксары, 1960, стр. 47.

ском литературном языке, соответствует *ой* или, чаще, его фонетические варианты *ый > ый*; в сергачском, чистопольском говорах, а также на территории Мордовии *ой > ый > ый > ий, и^{й}*. Ср.: др.-тюрк. qujaš ~ тат. литер., ср. д. *қойаш ~* миш. *койаш / кыйаш / кыйаш / кийаш / ки^{й}аш* 'солнце'; др.-тюрк. qujuγ / qojuγ / qoduγ / qoδuγ ~ тат. литер., ср. д. *қойо ~* миш. *койо / кыйы / кыйы / кийы / ки^{й}ы* 'колодец'; др.-тюрк. qujun- 'лить на себя' ~ тат. литер., ср. д. *қойон ~* миш. *койон / кыйын / кыйын / кийын / ки^{й}ын* 'купаться'. Ср. также: тат. литер., ср. д. *қойма ~* миш. *койма / кыйма / кыйма / кийма / ки^{й}ма* 'забор'; *қоймақ ~ коймак / кыймак / кыймак / киймак / ки^{й}мак* 'оладьи'; *тойақ ~ тыйак / тыйак / тийак* 'копыто' и т. д.

Следовательно, причиной утраты *й* в слове *койрок* 'хвост' является наличие последующего согласного *р*, который, как и другие переднеязычные согласные, имеет потенциальное свойство легко подвергаться палатализации.

Интересно, что в чувашском языке *й* отпал в словах *хĕре* 'хвост', *хӳме* 'забор', *пӳ* (тат. *буй*) [25]. В других тюркских языках и древнеписьменных памятниках выпадения *й* в них не отмечается.

3. Дифтонг *уй* татарского литературного языка и среднего диалекта закономерно соответствует др.-тюрк. oj. В мишарском диалекте в некоторых словах перед *л* или с конечным *(ы)н* (несмотря на наличие между *й* и *н* гласного, хотя и краткого, легко редуцирующегося) дифтонг *ой* утрачивает *й*, а согласные *л*, *н* палатализуются. Ср. др.-тюрк. bojun / boǰïn ~ тат. литер., ср. д. *муйын ~* миш. *мун'* или *бун'* 'шея'; др.-тюрк. qojun / qojïn / qon ~ тат. литер., ср. д. *қуйын ~* миш. *кун'* 'пазуха'; др.-тюрк. ojna- ~ тат. литер., ср. д. *уйна- ~* миш. *ун'а-* 'играть; др.-тюрк. ö- 'думать', ög 'мысль', 'разум' ~ тат. литер., ср. д. *уйла- ~* миш. *ул'а* 'думать' [26].

[25] *Н. И. Ашмарин.* Указ. соч., стр. 71.

[26] В мишарском диалекте при присоединении афф. *-лы, -лар, -ныкы* к словам с конечным *й* последний иногда также утрачивается или же произносится очень слабо: *куй+лар > ку^{й}л'ар > кулар, уй+лар > у^{й}л'ар, бай+лар > ба^{й}л'ар, ай+лар > айл'ар, бай+ныкы > байн'ыкы*. Мягкость *л*, *н* отмечается даже при медленном темпе речи, когда слово четко произносится (па

В чувашском языке рассмотренные выше слова зву-
чат как *мăй* ‘шея’, *хӳ* ‘пазуха’, *выл'я* ‘играть’, т. е. в дву-
последних словах отпал *й*, а в первом — *н* [27].

Любопытно, что тат. литер. *муйынчақ* ‘монисто’ ещ
в древности звучало как mončaq / mončuq. Ср. мин
мун'чак / бун'чак, а также кирг. *мончок*, уйг. *монча*
каз. *моншак*, хак. *мончых*; но ног. *мойшак*.

Кроме того, в древнетюркских памятниках (в част
ности, в МК) наряду с полными формами отмечаются
стяженные формы омонимичных слов: qon I и II, наряду
с формами qojïn / qojun и даже qoj (здесь n ~ j) в значе
ниях ‘лоно’, ‘грудь’ и ‘овца’.

4. В мишарском говоре дифтонгу *ый* татарского лите
ратурного языка соответствует *ы*. Ср. литер. *кыйна-* ~
кын'а- ‘бить’, ‘избивать’.

Таким образом, учитывая единичные случаи выпаде
ния *й* в других тюркских языках и языке древнетюркских
памятников, можно полагать, что некоторая тенденция
к монофтонгизации рассмотренных дифтонгов в позиции
перед переднеязычными согласными существовала уже
в древний период, но дальнейшее развитие она получила
только в мишарском диалекте татарского языка и в чу-
вашском языке, особенно в его верховых говорах.

Выше уже отмечалось, что монофтонгизация рас-
смотренных дифтонгов в мишарском диалекте произошла
не в любой позиции (ср. *чәйкә-* ‘полоскать’, *кайгы* ‘пе-
чаль’, *каймак* ‘сметана’, *айшык* ~ литер. *гашыйк* ‘влюб-
лепный’, *кайын* ‘береза’ и т. д.), а только перед передне-
язычными согласными, которые, кстати говоря, в наруше-
ние закона сингармонизма произносятся мягко еще в ряде
татарских и заимствованных слов, но уже безотносительно
кjй. Таковы миш. *ад'аш-* — литер. *адаш-* ‘заблудиться’,
хар'д'аш — қарендәш (графич. *карендәш*)‘родственник’
чит'л'авык—чикләвек ‘орех’, *йуғат'—йуғалт-* (графич.
югалт-) ‘потерять’, *сол'ок / сыл'ык—сөлек* ‘пиявка’, *баз'а—
баҗа* ‘свояк’, *кур'ага—күрәгә* ‘курага’, *кын'д'ык—кендек*
‘пупок’, *с'ыйр—сыйыр* ‘корова’, *кыл'чык—қылчық* (графич.
кылчык) ‘кость (рыбья)’, ‘ость (у злаков)’, *пыл'т'ык*

литературный лад!): *куйл'ар, уйл'а-, байл'ар, байн'ыкы, уйн'а-, кайн'ады, туй — туйл'ау, буй — буйл'ы, куй — куйл'ы* и т. д. Это особенно характерно для сергачского, чистопольского и в меньшей степени — для хвалынского и кузнецкого говоров.

[27] *Н. И. Ашмарин.* Указ. соч., стр. 71.

‘больмо на глазу’, ‘косой (о глазе)’ и др.; ар. и перс.: *Ис'а, З'акир, ᵊР'ахим, ᵊР'акип, Л'атиф, Мус'а, Н'аил, Ис'а, С'ара // Сәра; Хас'ан, Хос'айын* — имена собствен-
ные, *хис'ап* ‘арифметика’, ‘счет’, *кит'ап* ‘книга’, *сихат'*
‘польза для здоровья’, *хаз'ыр* ‘сейчас’, *кад'ыр* ‘уваже-
ние’, *ᵊр'ахат* ‘приятно’, *ахр'ы* ‘видимо’, *хад'ар* ‘до’,
йад' ‘память’ и др.; рус. *карт'ук* ‘картофель’.

Мягкость переднеязычных сохраняется и при присо-
единении к этим словам различных аффиксов (сказуе-
мости, принадлежности, уменьшительно-ласкательных, па-
дежных и др.): *хал'ым* ‘мое состояние’, *йад'ым* ‘моя па-
мять’, *йугат'т'ым* ‘я потерял’, *кат'кан* ‘он вернулся’
и т. д.

Мишарский диалект и в этом случае объединяется
с чувашским языком, где употребление палатализованных
согласных в словах с гласными заднего ряда также не
ограничивается только теми, где отпал *й*, например:
майăнь ‘мак’ и др. На другие тюрские языки это явление
не распространяется.

Поскольку тенденция к палатализации переднеязыч-
ных существовала, по-видимому, еще в древности, по
наиболее сильное развитие получила лишь в мишарском
диалекте татарского языка и чувашских говорах [28], есть
основание полагать, что толчок к развитию этой тенден-
ции в них был получен извне.

В соседних финно-угорских (мордовских, удмуртском.
коми) языках переднеязычные согласные имеют мягкие и
твердые пары. Ср. в мордовских мягкие варианты перед-
неязычных *д'*, *т'*, *з'*, *с'*, *л'*, *н'*, *р'*, *ц'* (эрз.), в удмуртском
д', *т'*, *з'*, *с'*, *л'*, *н'*, *ч'*, *з'*, в коми *д'*, *т'*, *з'*, *с'*, *л'*,
н', *ч'*, *дз*; мягкий вариант *р* в удмуртском и коми языках
в исконных словах не употребляется [29]. Мягкие варианты
переднеязычных согласных имелись уже в древнеперм-
ском языке в первом тысячелетии. И все они, кроме *з*,
в древнепермском алфавите обозначались особыми бук-
вами [30].

[28] В чувашском литературном языке это явление также имеет место, но оно носит, видимо, более ограниченный характер.

[29] «Грамматика мордовских языков. Фонетика и морфология». Са-
ранск, 1962, стр. 30; *Д. В. Бубрих.* Историческая фонетика уд-
муртского языка. Ижевск, 1948, стр. 6, 10, 12; «Коми-пермяцкий
язык». Кудымкар, 1962, стр. 74.

[30] *В. М. Лыткин.* Древнепермский язык. М., 1952, стр. 92, 95;
Д. В. Бубрих. Указ. соч., стр. 28.

Таким образом, под влиянием финно-угорских язы могла получить дальнейшее развитие древняя тенден к смягчению переднеязычных согласных в мишарском алекте татарского языка и чувашских говорах, что, свою очередь, могло повлечь за собой усиление тенден к выпадению предшествующего им среднеязычного *й*[31]

5. Дифтонг *өй*, являющийся вторичным образовани для среднего диалекта (и литературного языка), в миша ском диалекте отсутствует. Материалы показывают, ч древнетюркские сочетания üv, öw, ev, eb, üj, öj и д в мишарском диалекте получили иное отражение, че в среднем диалекте.

В абсолютном конце слов и перед согласными

Др.-тюрк.	Ср. диалект	Миш. диалект	Перевод
üv/öw/ev/ eb/üj	өй	ү	дом
köj-	көй-	кү-	подгорать
sev-/seb-	сөй-	сү-	любить
čiž ‘гвоздь’	чөй ‘клин’	чү ‘клин’, ‘деревянный гвоздь’	
	ойдә	үдә	дома
	сөйгән	сүгән	любимый

В середине слов перед гласными

keväz ‘гордый’	көйәз	күwәз / көwәз / кев^{w}әз	щеголь, франт
kevänč	көйенеч	күweneч / көweneч / кев^{w}eneч	печаль
sevinč	сөйөнче	сүweнче / сoweнче / сев^{w}eнче	радостная весть
tevä/tevi	дөйә	тәвә	верблюд
soŋük	сөйәк	сүwәk / сөwәк/ сев^{w}әk	кость
küjä	көйә	күwә / көwә / кев^{w}ә	моль
sävil- ‘опускаться’	сөйәл-	сүwәл- / сөwәл-/ сев^{w}әл-	прислониться

[31] Это явление склонна рассматривать как ареальное и Л. С. Левитская. См.: *Л. С. Левитская.* Историческая фонетика чувашского языка. М., Канд. дис., 1966, стр. 364.

Такую же картину, т. е. делабиализацию *ү* в результате регрессивной ассимиляции, имеем и при присоединении к корневым словам аффиксов на гласный звук: *өй* ‘дом’, *үшем / ошем / эв^{w}ем* ‘мой дом’; *ку-* ‘подгорать’, *күшә / кошә / кев^{w}ә* ‘подгорает’; *су-* ‘любить’, *сүшәм / сошам / сев^{w}әм* ‘я люблю’ и т. д. При присоединении аффиксов на согласный делабиализации *ү* не происходит: *үдә, чүдән, күгән, сүкемсез* и т. д.

Как видно из приведенных примеров, рассматриваемые древние звуковые сочетания в мишарском диалекте сохранились перед последующими гласными, но претерпели ряд качественных изменений в конце слов и перед согласными. Однако ни в одном случае их развитие не пошло по линии образования *өй*.

Древнетюркские сочетания ög, üg в среднем диалекте дали *ой* (через ступень *үй*), а в мишарском диалекте — *ү* (также через *үй*) в конце слов и перед согласными и *үw*, *ow*, *ев^{w}* — перед гласными. Таким образом, они в обоих диалектах получили одинаковое с üv, öw и другими сочетаниями отражение.

Др.-тюрк.	Ср. диалект	Миш. диалект	Перевод
kög	көй	кү	мелодия
ügrä	өйрә	үрә	суп крупяной
tügün	төйон	түwen / төwen / тев^{w}en	узел
sügül / sigil	сөйәл	сүwәл / сөwәл / сев^{w}әл	бородавка
ügür	ойор	үwep / owep / эв^{w}ep	стая, косяк

Лишь в двух словах ög, üg ~ *ө/е*: ögrän- ~ *өйрән-* ~ *өрән-* ‘учить’, tügmä ~ *төймә* ~ *төмә / темә / түмә* ‘пуговица’. Кстати, *төмә / түмә* — единственное слово, где последующим согласным является носовой *м*. Во всех других случаях имеем либо нуль звука, либо гласный, либо *р*.

Рассматриваемые древнетюркские звукосочетания получили однотипное с мишарским диалектом отражение в языках: караимском (ср. в тракайском диалекте *сӱвяк* ‘кость’, *сӱвяр* ‘любимый’, *ӱрять-* ‘учить’, *ӱрянь-* ‘учиться’,

тевя ‘верблюд’ и др.), чувашском [32] (ср. *хĕр* (*ӳта*) ‘нак
ливаться’, *сав-* ‘любить’, *кĕвĕ* ‘мелодия’, *вĕрĕнт-* ‘учить
туме ‘пуговица’, *шĕвĕн* ‘бородавка’, *тĕвĕ* ‘узел’, *сĕвĕ
‘опираться’, *кĕвĕ* ‘моль’, *пӳре* ‘почка (анат.)’ и др.), ч
стично в турецком (ср. ev ‘дом’, sevmek ‘любить’, sevi
‘радость’, dovmek ‘толочь’, deve ‘верблюд’ и др.;
öğle ‘полдень’, oğrenmek ‘учить’, duğme ‘пуговица
öyük ‘холм’, ğöyük ‘печаль’, söyleşmek ‘говорить’ и т. д.
в туркменском — лишь в отдельных словах, наприм
овренмек ‘учить’, *дувун дувмек* ‘завязать узлом’; в подав
ляющем же большинстве случаев здесь отмечается уп
требление *өй*, или *уй*. В большинстве языков кыпчакско
типа, т. е. в башкирском, ногайском, карачаево-балка
ском и др., рассмотренные выше древнетюркские сочет
ния, как и в татарском литературном языке и средне
диалекте, в основном получили отражение в виде *өй*, хо
имеются и редкие исключения — ср. балк. *бюрек* ‘поч
(анат.)’. Интересно, что в Cod. Cum. они зафиксирова
через *ӳ* или *äу*: *сäуäр*, *сäуäнц*, *ӳрäнгäімін* и др.

Таким образом, судьба древних звукосочетаний
üg, üv, öw, eb, üj в среднем и мишарском диалектах тата
ского языка оказалась различной. В первом, как и
многих кыпчакских языках, они развились в ложны
дифтонг *өй*, во втором, в зависимости от позиции, ли
сохранились (перед последующими гласными), либо, пр
терпев ряд качественных изменений, получили отражен
в виде гласного *у*, редко *ө* (в конце слов и перед согла
ными). Подобная картина наблюдается в караимско
чувашском, частично в огузских языках, а также в н
которых письменных памятниках (например, в Co
Cum.).

6. Древнетюркским сочетаниям oγ, ov, ub в кон
слов в мишарском диалекте соответствует *у*: toγ- ~ *т
‘родиться’, ov- ~ *у-* ‘потирать’, sub / suv / suγ ~
‘вода’ и т. п. В говорах среднего диалекта эти сочетан
получили не везде одинаковое отражение: в большинст
говоров *у*, в ряде говоров ow, y^w и т. д. Ср. toγ- ~ *ту-
тоw- / *$ту^w$-* ‘родиться’, ov- ~ *у-* / ow- / *$у^w$-* ‘растирать
‘тереть’, sub / suv / suγ ~ *су* / *сow* / *$су^w$* ‘вода’ и т. д.

---

[32] *Л. С. Левитская*. Заметки о чувашско-татарских языковых с
зях. «Уч. зап. НИИ при Совете Министров Чув. АССР
вып. XXXIV, сер. филол. Чебоксары, 1967, стр. 141.

Перед гласными в середине слов oγ, ov, ub > ср. д. *$у^w$*, редко *уг*, миш. д. *ыв^w*, *ув*, редко (по говорам) *ыw/ow*, т. е. и в данном случае в мишарских говорах имеет место делабиализация губных гласных. Ср.:

Др.-тюрк.	Ср. диалект	Миш. диалект	Перевод
oγuz	уғыз	увыз / ывыз	молозиво
soγug	су^{w}ық	сыв^{w}ык / сы-wык / cowык	холод
boγun	бу^{w}ын	быв^{w}ын / бы-wын / bowын	сустав
soγun-	су^{w}ын-	сыв^{w}ын- / сы-wын- / cowын-	остудиться
ov-	у + а > у^{w}а-	у^{w}а > ywa- / ыв^{w}а- / owa-	растереть
sub / suv/ suγ	су + ы > су^{w}ы	су^{w}ы + сywы/ сыв^{w}ы / cowы	вода

7. В некоторых словах перед гласными звуками *ий* перешло в *и* с выпадением *й* и следующего за ним гласного. Ср.:

Др.-тюрк.	Ср. диалект	Миш. диалект	Перевод
igä	ийə	ийə	хозяин
	отсюда: ийə-ləш- / ийə-ləн-	илəш-	привыкать
kidiz/kiiz ‘кошма’, ‘палас’	кийез	[кашма]	войлок, кошма
	отсюда: кий-езləн-	кизləн-	сваляться (о шерсти, волосах)
kijik/kejik ‘зверь’, ‘дикий’	кийек	кийек	зверь
	отсюда:		
kik ‘зверь’	кийек каз (үрдəк)	кикказ (үрдəк)	дикий гусь (утка)
tejiŋ	тийен	тин	белка

Ср. также ар. زِيَارَة ‘посещение’, ‘визит’, ‘паломничество’ ~ ср. д. *зийəрəт* ~ миш. *зəрəт* (< *зирəт* < *зийəрəт*) ‘кладбище’; ср. д. *кийерге* ~ миш. *кирге* ‘пялы’.

СИСТЕМА СОГЛАСНЫХ

Система согласных мишарского диалекта наряду с общими с татарским литературным языком и средним диалектом чертами имеет и некоторые отличительные особенности относящиеся как к составу звуков, так и к качественной характеристике их. Они сводятся в основном к а) наличию или отсутствию отдельных звуков, б) расхождениям в артикуляции части звуков и в) звуковым соответствиям.

Система согласных мишарского диалекта, как и система гласных, по сравнению со звуковой системой литературного языка и среднего диалекта в артикуляционном отношении несколько продвинута вперед. Это особенно четко прослеживается в произношении заднеязычных согласных.

Согласные мишарского диалекта, как и литературного языка, представлены в твердом и мягком вариантах. Употребление их, за исключением переднеязычных, в слове всегда находится в прямой зависимости от качества соседнего гласного; при этом варианты согласных лишены фонематического значения.

Ш у м н ы е с о г л а с н ы е, кроме *х*, имеют звонкие и глухие пары. Как и в литературном языке, в рассматриваемом диалекте в начале слов наиболее часто встречаются согласные *б*, *к*, *с*, *т*, *й*. Небольшие отклонения от литературной нормы отмечаются в употреблении *б—п*, *б—м*, *д—т*, *з—с* (*зәләмә* — литер. *сәләмә* ‘рваный’ — единственный случай) и др. Не характерны для начала собственно татарских слов сонанты *л*, *р*, носовой *ң*. Поэтому в традиционных говорах в заимствованиях с начальными *л*, *р* появляется протетический гласный, а в отдельных случаях (например, в мелекесском говоре) этим согласным соответствует носовой *н* (*надван* < *рыдван*, *нар* < *ларь*), который, хотя сравнительно редко, но все же встречается в начальной позиции.

Г у б н ы е с о г л а с н ы е представлены звуками *б—п*, *м*; *в/w* — *ф*. Губно-губные смычные *б—п* и носовой *м* по своему образованию совпадают с соответствующими звуками литературного языка. Губно-зубные *в—ф* представляют собой плоско-щелевые согласные, отличающиеся от соответствующих русских звуков несколько более слабым (мгновенным) соприкосновением края внутренней стороны нижней губы с верхним рядом зубов. Поэтому

в записях диалектологов звонкий *в* часто обозначается знаком *в*^{w}. В интервокальной позиции, особенно в соседстве с губными гласными, *в* может произноситься и как губно-губной *w*: *сыв*^{w}*ык—сошык*, *сушык* ‘холод’, *кыв*^{w}*ак—кошак—кушак* ‘куст’ и др. Губно-зубные *в—ф* характерны почти для всех мишарских говоров. Исключение составляет лишь сергачский говор, где, как и в литературном языке, употребляются их губно-губные варианты.

В традиционных говорах в собственно татарских словах произносится этимологический *п* в словах: *тупрак* — литер. *туфрак*, *йапрак—йафрак* (графич. *яфрак*), *керпек—керфек*, *йебәк* / *йепәк* / *ипек—йефәк* и др. В заимствованиях иногда *п* соответствует *ф*: *зелпе—зелеф* ‘жимолость’, *сәдәп—сәдәф* ‘пуговица’, *пытыр—фытыр* (религ.), *пәртүк—фартук*, *ышкап—шкаф*, *Нәфисә* / *Нәписә* (редко), *Фатима* / *Патий* / *Пат'ук*, *Хафиз* / *Капиз*, *Сапийа* / *Сафийа*, *Пәридә* / *Фәридә* (серг.) и т. п., хотя в настоящее время нередки случаи сохранения этимологического *ф*: *фәйда*, *Фәтих* / *Фатих*, *Фәрит*, *Сафа*, *хафаланг-*, *зифа*, *кәйеф*, *сәфәр* и др. В речи молодежи и интеллигенции *ф* употребляется также в словах *туфрак*, *йафрак*, *керфек* и т. д.

П е р е д н е я з ы ч н ы е: *д—т*, *ж—ш*, *з—с*, *л*, *н*, *р*, *җ/дз*, *ч/ц*. Особенность в употреблении переднеязычных *д—т*, *з—с*, *л*, *н*, *р*, *ч/ц* заключается в том, что палатализованные варианты этих звуков встречаются и в соседстве с гласными заднего ряда:

а) при стяжении предшествующих им дифтонгов *ай/эй*; в этом случае палатализация несет смыслоразличительную нагрузку (*кан* ‘кровь’ и *кан'* ‘свекор’, *ата* ‘стреляет’ и *ат'а* ‘говорит’, *сала* ‘опускает’, ‘наливает’ и т. д. и *сал'а* ‘выбирай’ и т. п.);

б) при выпадении *л* перед *т* в словах: *йугат'-* вм. *йуғалт-* ‘терять’, *йыгыт'-* вм. *йылғылт-* ‘свалить’, ‘дать упасть’ и т. д.;

в) в некоторых заимствованных и буквально в нескольких исконно татарских словах (подробнее см. на стр. 56, 57).

Переднеязычные *ч—җ* — аффрикаты, причем степень аффрицированности их в различных говорах различна: в ряде говоров это аффрикаты с очень сильным, в других — с несколько ослабленным взрывным элементом, т. е. *тч* и $^{т}ч$, *дж* и $^{д}ж$. На юге Пензенской и Ульяновской

областей (кузнецкий и хвалынский говоры) и в мишарских селах Куйбышевской области можно услышать и их щелевые варианты, близкие к литературным *ч—ж*.

Аффриката *ж̧* в мишарских говорах употребляется в основном в середине слов: *морж̧ə* ‘труба’, *энж̧е* ‘жемчуг’, *мəрж̧ән* ‘бусы’, *керж̧емə* ‘медовый напиток’, *ож̧мах* ‘рай’, *мəж̧лес* ‘званый обед’ и т. д. В начальной позиции *ж̧* встречается в арабских заимствованиях: *ж̧əмийəт* ‘народ’, ‘общество’; ‘жена’; *ж̧авап* ‘ответ’, *ж̧ен* ‘ведьма’, *ж̧ə(h)əннəм* ‘ад’, *ж̧əллəт* ‘палач’, *ж̧əбер* ‘гнет’ и т. п. Но ср.: *йан* вм. *ж̧ан* (<перс.) ‘душа’. В сергачском, лямбирском и хвалынском говорах *ж̧* произносится и в начале некоторых собственно татарских слов перед гласными *и, ə, е* (*ж̧иде* ‘семь’, *ж̧ил* ‘ветер’, *ж̧ир* ‘земля’, *ж̧иң* ‘рукав’, *ж̧əйəк* ‘щека’, *ж̧əйəү* ‘пешком’, *ж̧əймə* ‘раскатанное тесто’, *ж̧емелди* ‘поблескивает’ и др.), что, несомненно, является результатом влияния литературного языка через школу и художественную литературу.

В генетически связанных между собой сергачском, чистопольском, дрожжановском и байкибашевском говорах, а также в говорах сел Сургодь (тат. Сыркыды), Горенка, Тат. Лундан (тат. Искил) Мордовской АССР, Азеево (тат. Өҗе), с. Тархань (тат. Тархан) Рязанской и с. Татарщино (тат. Күршә) Тамбовской областей аффрикатам *ч—ж̧* других мишарских говоров соответствуют различные варианты аффрикат *ц—дз*.

Аффриката *дз* в этих говорах, утрачивая свой смычный элемент, может произноситься как палатализованный *з* (*з'ийылыш* ‘собрание’, *з'ый-* ‘собирать’, *з'ир* ‘земля’, *з'ил* ‘ветер’, *з'ейəү* ‘пешком’, *з'еңи / з'иңи / з'иңгəци* ‘жена старшего брата или дяди’, *з'ийəк* ‘щека’, *з'əлпəк* ‘плоский’, *з'иңел* ‘легкий’ и т. д.) или же, наоборот, может сохраниться только палатализованный смычный элемент *д* (*д'ийылыш, д'ил, д'ир, д'əлпəк* и т. д.). Начальный *з* вместо литер. *ж̧* в мишарских говорах отмечен лишь в слове *зим* в значении ‘питательность’, ‘калорийность’, ‘плодородие’, ‘корм (для птиц)’; ср. др.-тюрк. jem ‘еда’, ‘съестное’, тат. литер. *ж̧им*, башк. *ем* ‘корм (для птицы)’, ‘наживка’, кум. *ем* ‘корм’ и т. д.

В сергачском говоре, а также в говоре с. Сургодь (185) нам довелось наблюдать сильно палатализованный вариант аффрикаты *ц—т'ц'*, даже *т''ц''*: *кат''ц''ан* ‘когда’, *ат''ц''* ‘открой’, *кит''ц''* ‘вечер’ и т. д.

В речи отдельных носителей сергачского, хвалынского и других говоров спорадически встречаются варианты звуков, представляющие собой нечто среднее между *ч* и *ц*, а также между *ж̧* и *д'з'*, что, видимо, следует рассматривать как следы былого цоканья и дзоканья.

Цоканье и дзоканье всегда составляли одну из наиболее устойчивых черт указанных говоров. Однако позже было замечено, что в говорах, распространенных на смежных со средним диалектом территориях (дрожжановском, чистопольском, в последние годы — и в байкибашевском), эта особенность постепенно стала утрачиваться, уступая место различным вариантам аффрикат *ч* и *ж̧*. В этом, конечно, совершенно определенную роль играет литературный язык. Одновременно обращает на себя внимание и усиление тенденции к сохранению *ч* в русских заимствованиях: *рабуций / рабучий, вицер / вичер* ‘вечеринка’, *цисла / числа* и т. д., связанное со все более возрастающим уровнем знания русского литературного языка.

Употребление *ц—дз* не является спецификой лишь мишарских говоров. Это явление характерно для восточного диалекта татарского языка, известно отдельным говорам или диалектам некоторых кыпчакских или кыпчакизированных языков: оно имеет место в галицком диалекте караимского, диалектах балкарского и азербайджанского языков [33]. Кроме того, цоканье сохранилось в некоторых словах в речи отдельных представителей киргизского племени чайырчы, живущих в горах Таджикской и Киргизской ССР [34]. Такое распространение цоканья и в боль-

---

[33] *Д. Г. Тумашева.* Конбатыш Себер татарлары теле. Грамматик очерк һәм сүзлек. Казан, 1961, стр. 27—28; *Она же.* Язык сибирских татар. Казань, 1968, стр. 41—42; *К. М. Мусаев.* Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. М., 1964, стр. 72; *А. Х. Соттаев.* Диалектный состав балкарского языка. — ВДТЯ (Казань), 1961, стр. 132—134; *М. Ш. Ширалиев.* О диалектной основе азербайджанского национального литературного языка. — ВДТЯ (Баку), 1958, стр. 17; *М. Ширəлијев.* Азəрбајчан дилектолокијасының əсаслары. Бакы, 1962, стр. 77—79; *Он же.* Озарбайжон тилида қипчоқ элементлари. «Ўзбек тили ва адабиёти масалалари», 1961, № 6, стр. 39—41; *Б. П. Садыхов.* О некоторых кыпчакских элементах в айрумском говоре азербайджанского языка. — ВДТЯ (Баку), 1966, т. IV, стр. 178—179.

[34] *Б. М. Юнусалиев.* Кыргыз диалектологиясы. Фрунзе, 1971, стр. 144—145; *И. А. Батманов.* Северные диалекты киргизского языка, ч. 1. Фрунзе, 1938, стр. 23; *Г. Бакинова.* О цокающем

шинстве случаев параллельного ему дзоканья дает основание полагать, что аффрикаты *ц—дз* некогда были характерны для части тюркских племен, которые впоследствии по ряду исторических причин оказались на разных территориях.

С другой стороны, необходимо иметь в виду наличие цоканья и в определенных условиях дзоканья в соседних мордовских языках и мещерских говорах русского языка [35], причем, в последних они иноязычного, «мещерского» происхождения [36]. Цоканье в этих языках могло сыграть заметную роль не только в поддержании извне того же явления в мишарских говорах, но и в какой-то степени оказать влияние в качестве субстратного элемента: мещера могла быть частично ассимилирована и предками мишарей. Однако это лишь предположение, так как вопрос о мещерской (пусть и частичной) подоснове цоканья в мишарских говорах с определенной долей вероятности может быть решен лишь в том случае, если будет доказан исторической наукой сам факт ассимиляции мещеры предками мишарей.

Среднеязычные *й, к, г, х* произносятся мягче, чем в татарском литературном языке; они близки по звучанию к немецким j, k, g, ch (ср. jetzt, grün, küchelchen и др.).

Заднеязычные *к, г, х, ң* по месту образования в общем совпадают с соответствующими русскими звуками (*ң* в русском языке нет), хотя в различных говорах они могут слегка варьировать: быть чуть более заднего или более переднего образования. В других диалектах татарского языка и литературном языке мишарским заднеязычным соответствуют увулярные *қ, ғ, ҳ, ң* (*кара—қара* 'черный', *ак—ақ* 'белый', *акыл—ақыл* 'ум', *тагы—тағы* 'еще' и т. п.), различные варианты которых присущи подавляющему большинству тюркских языков. И только в турецком, караимском, чувашском, подобно мишарскому диалекту, употребляются заднеязычные *к, г, х*, *ң* > *н* (чув. *ң* > *м*) [37].

В конце некоторых слов и слогов, чаще при быстром темпе речи, *к* переходит в гортанный смычный (') *би'—бик* 'очень', *ни'—ник* 'почему', *кирә'—кирәк* 'надо', 'нужно', *коро' / сыкы'—сукык* 'холодно' и т. д. Эта особенность обнаружена у сергачских, лямбирских, темниковских (южная часть территории распространения), хвалынских и кузнецких мишарей, а также на территории Рязанской области [38]; из говоров среднего диалекта можно указать на говор пукратских татар [39]. Известен также закономерный переход *к, х, г* в ' в касимовском говоре татарского языка. Интересно, что соответствие глухому *к* гортанной смычной отмечено в записях, относящихся к говору Анкары [40], а в мамлюкско-кыпчакском глоссарии «Kitab al-idrāk» зафиксированы случаи выпадения *к* [41], что, видимо, также следует рассматривать как отражение соответствия *к* ~ '.

Фарингальный согласный *h* — заимствованный звук. В традиционных мишарских говорах в начале слов и в интервокальной позиции (между двумя одинаковыми гласными) он выпадает: *ич—hич* 'совсем', *ава—hава* 'воздух', *әр—hәр* 'каждый', *Шәәзәм—Шаһазам* — имя собств., *әәр / зәр—зәһәр* 'едкий', 'ядовитый' и др. Если *h* находится между двумя различными гласными, то вместо него произносится *й: Маӣыра / Маӣерә—Маһирә, Зәӣедә / Зәйдә—Заһидә, Заӣдулла / Зәйдулла—Заһидулла* и т. п. Между гласными и последующим сонорным этот звук также выпадает, а предшествующий ему гласный произносится как долгий: *Зөрә—Зөһрә* — имя собств., *Мәруй—*

говоре киргизского языка. «Звуковая и семантическая структура языка». Фрунзе, 1975, стр. 101—102.

[35] «Грамматика мордовских языков. Фонетика и морфология», стр. 10, 28 и др.; *Р. И. Аванесов.* Очерки диалектологии рязанской мещеры. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. 1. М.—Л., 1949, стр. 137, 229.

[36] Мещера, как принято считать в исторической и лингвистической науке, — сравнительно недавно обрусевшее финно-угорское племя, родственное, видимо, с мордвой.

[37] *Э. В. Севортян.* Фонетика турецкого литературного языка. М., 1955, стр. 44; *В. Г. Гузев.* Некоторые проблемы исторической фонетики турецкого языка. «История, культура, языки народов Востока». М., 1970, стр. 195—196; *К. М. Мусаев.* Указ. соч., стр. 73; *В. Г. Егоров.* Современный чувашский литературный язык. Чебоксары, 1971, стр. 192.

[38] См. материалы экспедиций под руководством Л. Т. Махмутовой к различным группам мишарей, начиная с 1954 г. (Диалектологические фонды. . .).

[39] См. материалы экспедиций под руководством Н. Б. Бургановой в 1966 г. (Диалектологические фонды. . .).

[40] В записях Менгеса (см.: *М. Рясянен.* Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 132).

[41] *А. М. Щербак.* Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 168.

Маһруй — имя собств., *зӣнсез / зиӈенсез—зиһенсез* ‘не имеющий памяти’, ‘имеющий плохую память’ и т. д. В речи молодежи и сельской интеллигенции под влиянием литературного языка *һ* нередко произносится, но еще чаще он заменяется звуком *х*: *хава* — вм. *һава* ‘воздух’, *эхәмийәт—әһәмият* ‘значение’, *шәхәр—шәһәр* ‘город’, *хәр—һәр* ‘каждый’, *хәләк (бул-)—һәлак (бул-)* ‘погибнуть’, *хич—һич*, *хаман—һаман* ‘постоянно’, *хәммә—һәммә* ‘каждый’ и т. д. Замена *һ* звуком *х* наблюдается и в письменных работах учащихся. Незнание артикуляции этого звука и правил его употребления порой приводит к тому, что учащиеся пишут *һ* вм. *х*: *һәл* — вместо *хәл* ‘состояние’, *һәттә—хәттә* ‘даже’ и др.

Иногда в речи молодежи и детей *һ* заменяется согласным *г*: *шәгәр*, *Магруй* и т. п.

СООТВЕТСТВИЯ СОГЛАСНЫХ, ОБНАРУЖИВАЕМЫЕ В ОГРАНИЧЕННОМ ЧИСЛЕ СЛОВ

На соответствия в области согласных, носящие закономерный характер, было обращено внимание при общей характеристике звукового состава мишарского диалекта. Ниже речь пойдет о звуковых соответствиях, встречающихся лишь в ограниченном числе слов. Все рассматриваемые здесь типы соответствий отмечены и в других тюркских языках, прежде всего в той так называемой домонгольской подгруппе кыпчакских языков, в которую объединяются караимский, карачаево-балкарский, кумыкский и татарский языки [42].

п ~ б обнаруживается в наибольшем числе слов в *ц*-окающих говорах, в частности сергачском и дрожжановском: *пытак* ‘ветка’, *пот / пыт* ‘бедро’, *пет* ‘вошь’, *петен* ‘весь’, *пет-* ‘кончиться’, *петү* ‘бусы’ (серг.), ‘лоскутное одеяло’ (дрож.), *петәрлән-* ‘мяться’ (о материи), *путемар* (серг.) ‘женское нагрудное украшение’, *петтә* (серг.) < рус. *будто*, *панкрут* < *банкрот* и некоторые др. Почти такая же картина наблюдается и в других цокающих говорах — чистопольском [43] и байкибашевском, сохранивших эту особенность, несмотря на соседство их

[42] *А. Самойлович.* Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Пг., 1922, стр. 11.

[43] Но здесь *ботак* — ‘ветка’, *бетү // бетек* — ‘амулет’.

с говорами среднего диалекта татарского языка, где в приведенных словах выступает начальный *б*.

Указанное явление встречается также в чокающих говорах, но охватывает меньшее число слов: *пет-* (на западе Пензенской области) ‘кончиться’, *потак / пытак* ‘ветка’, *поʼор* — литер. *божор* (графич. *божыр*) ‘рябчик’, *пулʼтай—бултәй-* ‘выпятиться’, *путʼемар* ‘женское нагрудное украшение’ [44]. Соответствие *б ~ п* в словах: *бытбылдык / пытпылдык / пытпылʼдʼык* ‘перепелка’, *педер / бедер* ‘почка (раст.)’ носит внутридиалектный характер.

Интересно, что др.-тюрк. boš ‘пустой’, ‘свободный’ в мишарских говорах со звонким началом — *буш* — употребляется в том же значении, а с глухим — *пыш* (где *у ~ ы*) — в значении ‘без ядра’, ‘пустой (о семенах)’. Ср. азерб. *пуш* ‘пустой’.

п ~ б в перечисленных словах встречается в говорах среднего диалекта на территории Рязанской области.

Сравнение с данными письменных памятников и других тюркских языков показывает, что цокающие мишарские говоры по употреблению начального *п* (хотя и в небольшом числе слов) отличаются от языков кыпчакского и огузского типов, сближаясь с цокающими западносибирскими говорами и далее — с сибирскими и алтайскими тюркскими языками. Что касается чокающих говоров, то *п ~ б* могло распространиться на них позже, в период расселения мишарей.

б ~ п. Соответствие начального звонкого *б* глухому *п* отмечено в темниковском говоре всего в нескольких словах, восходящих к древнетюркскому корню bïč- ‘резать’: *бычак* ‘нож’, *бечән / бычан* ‘сено’, *беч-* ‘кроить’ (литер. *печ-* ‘кастрировать’), а также в словах: *беш-* ‘варить’, *бикс* < перс. چاکو ‘складной нож’, (*эч*) *боша* ‘скучно’.

Начальное *б ~ п* встречается и в некоторых русских заимствованиях, например: *бланкы* < рус. *планка*, *буталак* < рус. *потолок* (при более широко распространенном у мишарей *путалак*), *бай* (мел.) < рус. *пай*.

Любопытно, что в слове *шурба* в мишарских говорах сохранился древнетюркский звонкий b (ср.: čobra). Но ср.:

[44] Но: *бутʼмар* — на востоке Мордовии и Пензенской области (лямбирский и кузнецкий говоры); ср.: *мойынтымар* — в ногайском языке в значении ‘талисман’, где *мойын* ‘шея’, *тымар* ‘амулет’; узб. *буйин-тумор* — женское шейное украшение в виде треугольника.

тат. литер *шулпа*, к.-балк. *шорпа*, ног. *сорпа*, караим. *шорба / сорба*, кум. *шорпа*, башк. *һурпа*. Таким образом, в перечисленных языках, кроме караимского, древнетюркский b перешел в р. Соответствие *б* ~ *п* зафиксировано также в слове *шырбы* (~*шырпы*) 'спички' в некоторых говорах, где распространен темниковский говор.

Итак, анализ слов как с начальным оглушением *п* ~ *б*, так и с начальным озвончением *б* ~ *п* (с учетом ареала их распространения) показывает, что начальный звонкий *б* наиболее характерен для темниковского говора, ибо в нем не только не отмечается оглушения начального *б* (например, *пот*, *пет* вм. *бот*, *бет*), но, наоборот, в некоторых словах имеет место озвончение начального глухого *п* (*бычак*, *бечән* вм. *пычак*, *печән*). Следовательно, древнетюркский начальный b в темниковском говоре сохранился в большем числе слов, чем во всех других мишарских говорах, и по этому признаку он наиболее близок к таким языкам, как карачаево-балкарский, кумыкский, караимский [45] и башкирский. В ногайском языке все слова, кроме *беки*, произносятся с начальным *п*.

м ~ б. По употреблению начальных *м* и *б* татарский язык занимает положение, среднее между кыпчакскими и огузскими языками. Во всяком случае, число слов с начальным *б* в татарском языке является весьма внушительным. Но в некоторых мишарских говорах, а чаще лишь отдельными островками, те или иные слова утвердились с начальным *м*. Таких слов немного, и они встречаются порой на разных территориях, поэтому трудно вывести какие-либо закономерности или провести на карте изоглоссу этого явления.

Менән / мынан, *ман / мән* — послелог 'с', 'вместе с', употребляется в темниковском, лямбирском говорах, а также в Тамбовской и на востоке Пензенской областей; во всех других мишарских говорах, как и в литературном языке, — *белән*. Ср. ног. *ман / мен*, *пан / пен*, *бан / бен*, к.-балк. *бла*, кум. *булан*, караим. *была / бэла*, башк. *менән*.

Малан (литер. *балан* 'калина') — характерен для большинства мишарских говоров, и лишь в некоторых населенных пунктах Пензенской, а также Горьковской областей и нагорной стороны Татарии отмечен *балан*.

[45] В крымском диалекте этого языка — *пычакъ*.

любопытно, что это слово встречается не во всех тюркских языках. Ср. башк., казах., алт., ойр. *балан*, кум. *ётелбалан*, чув. *палан*, но: ног. *калина*, тур. kartopu, к.-балк. *журтлу* и т. д.

Мун' 'шея' — употребляется параллельно с *бун'* в хвалынском и некоторых других говорах. Основным для мишарских говоров является вариант с начальным *б* (*бун'*). Но в то же время ср. *мун'төп*, *мун'чак*, *мун'җага*, *муйынча* (названия различных нагрудных женских украшений); тат. литер. *муен*, к.-балк., кум. *боюн*, караим. *бойун*, ног. *мойын*, башк. *муйын*.

Моро / мере 'почка растения' — в ч-окающих говорах, за исключением отдельных сел, где оно употребляется с начальным *н*: *нөрө / нере*; в цокающих говорах — *бөрө / бере*; литер. *бөрө* (графич. *бөре*); восходит к корню *бер-* 'сосборить'. Ср. ног. *буьршик*, кум. *бюр*, к.-балк. *бырчик*, башк. *бөрө*.

В дрожжановском говоре глагол *бөрош-* 'сосбориться' имеет носовой начальный согласный: *мереш-*.

Слово *бур'а* (>рус. *буря*) употребляется в двух фонетических вариантах: в темниковском говоре с начальным *б* (*бур'а*; *бур'а бурый* 'метель метет'), в лямбирском и ряде населенных пунктов Пензенской области параллельно с ним и вариант *мур'а*.

Мерлегән / мөрлөгән 'ежевика' (в хвалынском, чистопольском и некоторых других говорах), литер. *бөрлөгән* (графич. *бөрлегән*). Ср. также кум. *бюрлюген / бюрюлген*, ног. *буьлдирген*, караим. *бурлемлик* 'тёрн', башк. *кара бөрлөгән*.

Мыши (чист.) — *поши* 'лось' (здесь *м* ~ *б* ~ *п*).

Ср. еще чист., дрож. *минек / миннек* (<*бинек*) < рус. *веник*.

В середине слова *м* ~ *б* отмечается лишь в слове *корман* (<ар.) — *корбан* 'жертва', отсюда *корман бар'амы*. Вариант *корман* характерен для говоров на территории Мордовии и некоторых сел Тамбовской и востока Пензенской областей. Ср. тат. литер. *корбан*, ног. *курман*, к.-балк. *къурман*, кум. *къурбан*, караим. *курбан / къурбан*, башк. *корбан*.

Таким образом, *м* ~ *б* встречается всего в нескольких словах, главным образом в таких, в составе которых есть носовой *н*. Т. е. в большинстве случаев *м* ~ *б* может рассматриваться как результат ассимиляции по линии

назализации. В остальных случаях *м* ~ *б*, видимо, пр
исходит по аналогии, если здесь не играет какую-ли
роль сонорный *р*.

Что касается русских заимствований, *м* ~ *б* на ни
как правило, не распространяется: *бучка́* < рус. *бо́чк
былафки́й* < *була́вка*, *булка́* < *бу́лка* и т. д. Отмече
лишь *мицкэ* < *бучка* в сергачском говоре и *ызма* < *ыз
в нас. п. 179 (темниковский говор).

б ~ в. Соответствие *б* ~ *в* встречается в основно
в заимствованных словах в говорах среднего диалект
Из мишарских говоров соответствие начальных *б* ~
отмечается в цокающих говорах, главным образом в ре
старшего поколения, например: ар. *вакыт* > *бахыт* сер
'время'; рус. *валёк* > *бал'ук* серг., *вэлук* кузн., *вэл
хвал., *бэлэк* ср. д., литер. яз.; рус. *ва́рега* > *барига* сер
чист., дрож., *варига* — в других миш. гов.; рус. *вал
нок* > *бал'ник* чист., *вал'ник* / *вал'н'ык* — в других ми
гов.; рус. *пай* > *бай* — чист., мел., *пай* — в других ми
гов.; рус. диал. *вота* > *бата* / *wата* серг., *вата* — в др
гих миш. гов.; рус. диал. *выход* в значении 'погре
'подвал', 'сухое подземное сооружение' (по В. Далю)
бихет серг. 'шалаш', 'место для отдыха, спанья летом
вихыт кузн. 'летняя кладовка'.

Соответствие *б* ~ *в* имеет место и в тех случаях, когда
выступает как протетический согласный w.

Приведем примеры и на случаи *б* ~ *в* (w) ~ нол
звука.

Бэке ср. д., литер. ~ *вэке* хвал., кузн., лямб., *шэк
чист. ~ *өкө* серг. 'прорубь'. Ср. башк. *мэке*, к.-кал
каз. *укі*, тур. ögü, чув. *вакă* и т. д. Вполне возможно, чт
все эти формы восходят к *ой-* / *уй-* 'прорубать', 'долбить
'выдалбливать' [46], тем более, что в шорском употреб
ляется в этом значении слово *оюк* / *ойук* / от *ой-* 'прору
бать', 'пробивать' [47]. А если это так, то можно предпол
жить, что начальные *в* (*w*)/*б* представляют собой боле
позднее наращение. (И в немецком языке значение 'про
рубь' передается словом Wake; имеет ли оно какое-либ
отношение к тюркскому слову или это только созвучны
слова?)

[46] *В. Г. Егоров.* Этимологический словарь чувашского языка. Че
боксары, 1964, стр. 45.
[47] *Н. П. Дыренкова.* Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941,
стр. 10.

Вырт кузн. 'уголки губ' ~ *урт* ср. д., литер. 'десна'. В кузнецком, хвалынском и темниковском говорах употребляются слова *ортла-* 'попробовать', 'пригубить что-н.', 'хлебнуть', *ортлам* 'глоток'. Ясно, что *ортла-* восходит к корню *урт*/*орт*. Ср. к.-балк. *ууурт* 'щека', кирг. *уурт* 'середина внутренней части щеки', *уурта-* 'хлебать', 'глотать', *ууртам* 'глоток', кум. *уртла-* 'хлебать', 'прихлебывать', 'пить'.

Выргыт- темн., лямб., кузн., м.-кар. ~ *быргыт-* атн. и параньг. гов. ср. д. ~ *ыргыт-* литер. яз., также все другие говоры миш. и ср. д. в значении 'бросить', 'выбросить', 'кипуть' и т. д. Ср. чув. *вăркăт-*, *вăркăнтар-* 'бросать', 'кидать', 'швырять', тур. vur- 'бить', 'ударять', 'бросать' и т. п.; но в мишарском и среднем диалектах, как и в литературном языке, *ор-* 'бить', 'ударять' — отсюда миш. *орыш* 'драка', 'война', общенар. тат. *орышталаш* 'ругань' и т. д.; кирг., кум. и др. *ур-* 'ударять', 'бить'. Таким образом, и в данном случае имеет место приставочный звук *в*, а в говорах среднего диалекта — *б*.

Вәңке м.-кар., *бәнке* подбер. (крещ.) гов. ср. д. ~ *вйәнке* литер., ср. д. (графич. *вянке*) 'ветла'. Ср. башк. *өйәнке*, каз. *уйеңкі*.

Явление *б* ~ *в* (*w*) ~ ноль звука имеет не только внутри- и междиалектный, но и межъязыковой характер, например: *бөркет-* крещ. гов. ср. д. ~ *өркөт-* общенар. тат. и тат. литер. 'пугать'. Ср. чув. диал. *вёрке-* 'беспокоиться', 'волноваться', 'тревожиться'.

Бемə̂ пукр. гов. ср. д. ~ *өмə* ср. д., литер., *умə* миш. д. 'помочь', 'коллективная помощь'. Ср. туркм., казах. *ӱме*, азерб. *имəчилик*, чув. уст. *виме*, чув. обл. *ниме* [48], башк. *өмə*.

Бусакъ к.-балк. 'тополь' ~ *усақ* тат. литер. и ср. д., *осак* / *ысак* миш. 'осина'; ср. башк. *усаҡ*, чув. *ăвăс* и т. п. [49]

Ср. еще ног. *былактыр-* 'кидать', 'бросать', 'отбрасывать' ~ тат. *олактыр-* / миш. *улактыр-* 'удалить', 'отправить с глаз долой'.

Б ~ w (*в*) или *б*/w (*в*) отмечается и в середине следующих собственно татарских слов:

[48] *В. Г. Егоров.* Указ. соч., стр. 140.
[49] Подробнее см.: *В. Г. Егоров.* Указ. соч.; *Э. В. Севортян.* Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974.

чобал- / чыбал- / чоwал- / чывал- (местами, в частности в Пензенской области, — *чылбан- / чолбан-*) соответствуют литер. *чу(w)ал-* ‘путаться’; ср. башк. *сыбал- / сыуал-* ‘путаться’, ног. *шубал-* ‘тащиться’, ‘плестись’;

чобар / чыбар / чывар миш. ~ *чувар* литер. ‘пестрый’; ср. башк. *сыбар*, кум. *чубар*, ног. *шубар*, к.-балк. *чубар*, караим. *чыбар* ‘пестрый’, *чубарь* ‘рябой’, монг. *čoγu* ‘чубарый’, ‘пятнистый’;

йобан- / йыбан- кузп., дрож. ~ *йыван- / йуwан-* в других мишарских говорах ~ *йуwан-* литер. ‘утешиться’; ср. др.-тюрк. jawal-, Cod. Cum. juban- ‘успокоиться’, ‘становиться смирным’; ног. *юбан-*, кум. *йыбын-*, к.-балк. *джубан-*, караим. *йубан-* ‘радоваться’, *йуван-* ‘утешаться’, башк. *йыуан-* ‘утешаться’;

чобан / чыбан / чыван / чыwан миш. ~ *чуwан* литер. ‘фурункул’; ср. др.-тюрк. čïrqan, čïrïqan ‘прыщ, нарыв’, ног. диал. *шуба*, тур. çiban, туркм. *чыйбан*, караим. *чыбан / цыбан*, в ногайском литературном и башкирском языках соответственно *шыйкан* и *сиқан*.

н ~ м отмечено в нескольких словах в различных позициях:

нөгөз / негез / нугез и другие варианты с начальным *н* (чокающие говоры) ~ *мөгөз* тат. литер. (граф. *могез*) ‘рог’; ср. др.-тюрк. mügüz; в башк., ног., караим., к.-балк., кум. — также с начальным *м*; в цокающих говорах — *нушеш* (<*могош* < *богош*) [50] ‘угол’; в тат. литер. — *почмак* ‘угол’;

нөрө / нере (на юго-востоке Пензенской области в нас. п. 279, 282, 283) ~ общемиш. *мөрө*, литер. *бөрө* (граф. *бөре*) ‘почка’;

агын су ‘проточная вода’ в большинстве мишарских говоров ~ литер. *агым су*; ног., башк., караим. — в этом значении также с конечным *н*;

йавын (темп.) ~ *йавым* литер. и другие миш. гов. ‘осадки’; ср. ног. *йавынлар*, кум. *йавунлар*, к.-балк. *джауум*, башк. *яуым* (*төшем*);

калын миш. ~ *калым* литер.; ср. др.-тюрк. qalïγ (<кит); в кум., караим., ног. разгов., к.-балк. языках, как и в ряде говоров среднего диалекта, в том числе в касимовском и бастанском, сохранился этимологический *н*;

[50] В чистопольском говоре зафиксирован и вариант *мушеш*.

нешек / нүшек / нүк < рус. *мох*; *нүгрәп* < рус. *погреб*; у мордвы-каратаев — *нүгәрәп* (здесь процесс назализации шел сложным путем: *п ~ б ~ м ~ н*).

Примечание: *н ~ м* в середине слова *мөмкин ~ менәм* ‘можно’, ‘возможно’ — явление ассимилятивно-диссимилятивного характера.

Итак, по начальному *н ~ м* (точнее *н < м*) мишарский диалект стоит особняком среди сравниваемых языков; *н ~ м* в конце слов в отдельных случаях появляется лишь в кумыкском и ногайском языках. Причина этого явления (*н ~ м*) пока остается для нас неясной.

м ~ н. Причина этого явления также не ясна. Встречается оно в отдельных словах в основном в цокающих говорах, из чокающих — в темниковском и лямбирском, а также на юго-востоке Пензенской области — в селах, связанных по своему происхождению с темниковским краем. Эти слова следующие: *чырма- / чорма- / цорма-* ‘заворачивать’, *тырма-* ‘царапать’, *кылым* (лямб.) ‘жеребенок’, *улəм* ‘трава’, *җилем* ‘вымя’ (нас. п. 268, 293), *мим* (прогр. ассим.) серг. ~ *миң* литер. ‘родинка’. *М ~ н* в указанных словах имеет место и в говорах среднего диалекта. В татарском литературном языке и ряде мишарских говоров все эти слова — с *н*, в большинстве сравниваемых языков — также с *н*, но: ног. *шырма-*, караим. *чырмаш-*, *чырмалаш-*, кар.-балк., кум. *чырма-*, чув. *чӑрмала-*. Ср. соотв. др.-тюрк. tïrmal-, qulun, jelin, men.

д ~ т. Как известно, озвончение начального *т* — явление, характерное для языков огузского типа. В мишарском диалекте отмечено оно в нескольких словах:

дустыган ~ тат. литер. *тустыган* ‘ковш’, ‘черпак’; ср. кирг. *тустаган*, чаг. *тустуган*, ног. *тостакай*, башк. *тустаҡ*, диал. *тустаған* ‘деревянная чашка (для питья кумыса)’;

дахат в сочетаниях *дахат бет-* ‘измучиться’, *дахатын бетер-* ‘измучить’, *дахат калма-* ‘измучиться, обессилеть’ ~ литер. *тәкәт* (графич. *тәкать*) ‘терпение’ (<ар. طاقت);

дастымал / тастымал / тасмал ‘головной или носовой платок’, ‘салфетка’ ~ литер. *тастымал* ‘салфетка’ <перс. دستمال ‘платок’, ‘салфетка’ (т. е. в этом слове в отдельных говорах сохранился этимологический *д*).

В нескольких селах в районе Рузаевки Мордовской АССР зафиксирован еще ряд слов с начальным *д*: *дөп* ~

төн ‘ночь’, *деш* ~ *төш* ‘сон’, *дашлатмый* ~ *ташлатмый* и некоторые другие [51].

Кроме того, *д* ~ *т* отмечается в начале некоторых слов (*даш* ‘камень’; *дөш* ‘сон’, ‘сновидение’; ‘спускаться’; *дал* ‘ива’; ‘дерево (вообще)’; *дегел* ‘не’, ‘нет’; *дөтөн* ‘дым’; *дары-* ‘случайно встретиться’, ‘наскочить’, *дайан-* ‘опираться’ и др.) в текстах песен, включая современные, например: Матур да йегетләр көп йогала [kör jogala] | *Дарый алмыйнчы* сәүгән йарына ‘Много красивых парней пропадает (Так и) не встретив (букв.: не могши встретить) любимую’; Эчем йапа, ут кабышадыр | Йалкын сызладыр, *дөтөнсез* ‘Душа моя (букв.: нутро мое) горит, зажигается огонь, Пламя разгорается без дыма’; Болопда гына кывак, *дал* кывак | *Дал* кыватан *дал* кыватка кош кунмас ‘На лугу куст, куст ивы, Не перелетит птица с (одного) куста ивы на (другой) куст ивы’; Агыйделкайлардан килгәп чакта | *Дайанып* йыгладым *далларга* ‘Когда я ехала по реченьке Белой, Плакала, опершись на ивы. . .’.

д ~ *т* в середине слов после сонорных *л*, *н* (*лд* ~ *лт*, *нд* ~ *нт*) отмечается в следующих словах: *ачкылдым-төчкөлдем* / *течкел-дем* ~литер. *әчкелтем-төчкелтем* ‘кисло-сладкий’; *селдә-* ‘махать’, ‘бросать’ ~ литер. *селтә-* ‘махать’; ср.: др.-тюрк. silk- и совр. тат. *селк-* ‘трясти’, ‘качать’ (где *т* ~ *к*); *кевәндә* / *кушәндә* / *кешәнтә* ~ литер. *көйәнтә* ‘коромысло’.

д ~ *т* в середине слов в сочетании *бд* ~ *пт*: *ибдәш* ~ литер. *иптәш* ‘товарищ’; *йәбдәш* кузн., хвал., мел., *йабдаш* лямб. ‘бойкий’, ‘деловой’, ‘способный’ (ср. литер. *гәптәш* ‘собеседник’); *абдыра-* ‘спешить’; *абдырап кал-* ‘опешить’, ‘растеряться’ ~ литер. *аптыра-*, *аптырап кал-* ‘опешить’, ‘растеряться’.

т ~ **д**: *тага* ~ литер. *дага* ‘подкова’; башк. *даға*, чув. *такан*, ойр. *така*; интересно, что в к.-балк., караим., кум., ног., тур. — *нал* (<ар); *ти-* ~ *ди-* ‘говорить’ (однако лишь позиционно: *бар*, — *ди* ‘говорит, что есть’, *йук*, — *ти* ‘говорит, что нет’, но может быть и *йуг*, — *ди*); *том (сукыр)* ~ *дөм (сукыр)* ‘совершенно слепой’; *тушна* > рус. *душно*.

т ~ **к** встречается в нескольких словах в непосредственном или опосредствованном соседстве с сопорными *л*, *р*, *м*.

[51] *Н. Б. Борһанова.* Татар теленең Мордва АССР территориясендә таралган сойләшләре турында. — МТД, вып. 2, стр. 101.

Утмәк / *үкмәк* / *икмәк* ~ литер. *икмәк* ‘хлеб’; во многих письменных памятниках и большинстве тюркских языков употребляется вариант с *т*; в словаре М. Кашгарского — ermäk (по ДТС) /*эбмек* [52] ‘хлеб’, в туркменском языке — *эпмек* ‘жареная тонкая лепешка’ [53]; вариант с *п* — встречается также в говорах азербайджанского языка и в некоторых других языках [54]. В мишарском диалекте *үпмәк* употребляется (иногда параллельно с *утмәк* или *үкмәк*) в основном в Рязанской, Тамбовской, Горьковской, Пензенской областях и западных районах Мордовии.

Чит'л'авык / *чикл'авык* ~ литер. *чикләвек* ‘орех’; Cod. Cum. *цатлавык*, караим. *четләвек*.

Тырт в сочетании *тырт иткән* ‘короткий’, ср. др.-тюрк. qïrt ‘короткий’.

Тенә(ген) миш. ~ *кенәген* (чист.) ‘вчера’.

Тәлпәк ‘комфорка самовара’, иногда означает головной убор — ‘колпак’, ‘тюбетейка’ ~ литер. *калфак* — вид головного убора.

Пот'мар / *покмар* (темн., кузн.) — вид кухонной мебели.

Метләк (чист.) ~ литер. *муклэк* ‘комолая (корова, коза)’.

См. также вышеприведенное слово *селдә-* ‘махать’, ‘бросать’ ~ литер. *селтә-* ‘махать’, которое восходит к корню *селк-* ‘трясти’, ‘качать’.

В Старомайнинском и соседних с ним районах Ульяновской области встречаются: *кыртмыш* ~ литер. *кыркмыш* ‘стригунок’; *кыртмаган* ~ литер. *кыркмаган* ‘не стриженая’ (например, овца); *куртса* [55] ~ литер. *куркса* ‘если испугается’; в данном случае, возможно, играет роль сочетаемость *р*, *л* с *т* в конце слога (см. стр. 94—98), ибо в большинстве слов, в которых *т* ~ *к*, присутствуют и сонорные *л* и *р*.

[52] *З. Б. Мухамедова.* Исследования по истории туркменского языка XI—XIV вв. Ашхабад, 1973, стр. 192.

[53] Там же.

[54] Подробнее см.: *Э. В. Севортян.* Этимологический словарь тюркских языков, стр. 254.

[55] Интересно, что общетюркскому *рк* в якутском языке соответствует сочетание *рт*: *кырк-* ‘стричь’ ~ як. *кырт-* ‘резать’, *корк-* ~ *корт-* ‘бояться’, *урк-* ~ *урт-* ‘пугаться’ (*Е. И. Убрятова.* Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. М., 1960, стр. 32).

к ~ т. Примеров на это соответствие мало. Во всех говорах мишарского диалекта *к* произносится вместо *т* в следующих словах, образованных от корня *тел-*: *келән-* ~ литер. *телән-* ‘нищенствовать’, ‘попрошайничать’; *келәнче* ~ литер. *теләнче* ‘нищий’; *келәк* ~ *теләк* ‘желание’; *келәү* 1) пожелание; 2) старинный обряд моленья чего-либо, чаще дождя (*йаңгор келәү*); литер. *телә-* ‘желать’. Кроме того, *келә-* употребляется в составе конструкций типа *алма келә-*, *алырга келә-*, *алгы келә-*. Ср. еще *алкмыш*, *җикмеш* (Старомайнинский район Ульяновской области) ~ литер. *алтмыш* ‘шестьдесят’, *җитмеш* ‘семьдесят’.

Соответствие *т* ~ *к* и *к* ~ *т* характерно и для говоров среднего диалекта татарского языка (*бәти* ~ *бүти* ~ *бәкәй* и др.), а также для некоторых других тюркских языков, например для караимского и чувашского [56].

п ~ к. Выше, при рассмотрении соответствия *т* ~ *к*, были приведены три варианта слова со значением ‘печеный хлеб’, употребляющихся в мишарском диалекте: *утмәк* / *укмәк* / *упмәк*. В этом же значении в литературном языке и некоторых мишарских говорах (например, хвалынском) бытует слово *икмәк* (*и* ~ *у* — соответствие, встречающееся в западной зоне распространения татарских, в том числе мишарских, говоров). Кроме того, у мишарей в этом значении употребляется слово *эпәй*, а в литературном языке — *ипи* [57]. Таким образом, здесь одно и то же слово выступает в нескольких фонетических вариантах. По линии согласных в мишарском диалекте, как и в других тюркских языках, обнаруживаются соответствия *т* ~ *к* и *п* ~ *к*. Можно полагать, что *п* ~ *к* — результат многоступенчатых фонетических изменений: *п* ~ *б* ~ *w* ~ *г* ~ *к* ~ *т*. Причем процесс этот в каждом конкретном случае мог идти или в том или в другом направлении.

п ~ *к* встречается в тюркских языках редко: из мишарского диалекта можно привести еще лишь один факт: *(э)ләкшә* < рус. *лапша*; в чувашском языке *п(б)* ~ *к* отмечено в словах *сĕлĕх* / *сĕлĕк* ~ *сĕлĕп* ‘пиявка’, *хӳкле* ~ *ӳпле* ‘шалаш’; *петекке* [=*пĕчĕк*] ‘маленький’ ~ *кеҫен* ‘малый’, а также, может быть, *бу* / *пу* ~ *ку* ‘этот’ [58], в якутском — соответствия *б* ~ *г*, *п* ~ *к* [59].

з ~ ҙ. Этот тип соответствия отличается от закономерного *ҙ* ~ *д'з'* / *д'* / *з'*, присущего лишь цокающим мишарским говорам, тем, что он характерен для всех традиционных мишарских говоров, встречается в основном в интервокальной позиции и только в нескольких собственно-татарских и заимствованных словах. В начале или середине слов (между гласным и звонким согласным) имеет место лишь в единичных случаях. И еще одна особенность — в числе соответствующих звуков отсутствует *й*. Рассмотрим эти слова.

Кәзә ~ литер. *кәҙә* ‘коза’. Ср. башк. *кәзә*, др.-тюрк. keči (огуз.) / ečki / ečkü. В современных огузских языках имеем *keçi* / *гечи*. . ., в кыпчакских *эчки* / *эшки*, в отдельных мишарских населенных пунктах Пензенской области — *ичке*, в чувашском — *качака* [каджака].

Поз'ор ~ литер. *божҙор* (графич. *божҙыр*) ‘рябчик’; чув. *пăчăр* [*пăджăр*] в том же значении. Ср. башк. *быжыр*, *бөзөр* ‘рябой’, ‘рябь’ (но: ‘рябчик’ — *сел*), ног. *бужыр* ‘рябина от оспы’, кирг. *бужур*, *бужугур* ‘корявый (о человеке)’. Ареал распространения этого слова довольно ограничен [60], оно, возможно, является заимствованным для тюркских языков.

Баз'а ~ литер. *бажҙа* ‘свояк’; башк., ног., кум., кирг. *бажҙа*, к.-балк. *баджа*, узб. *божҙа*, шор., ойр. *бадьа*, караим. *баджанак*, азерб. *баджа(наг)*, тур. bacanak, чув. *пусана* [пузьана] — в том же значении (ср. перс. باجاناق, باجناق, باجناع); кроме того, перс. باجی ‘сестра (при обращении к незнакомой женщине)’, тур. baci ‘старшая сестра’, ‘тетя’ (при обращении), ойр. *бадьа* ‘жены двух братьев’, ‘сношенницы’.

---

[6] *К. М. Мусаев.* Указ. соч., стр. 84—85; *Л. С. Левитская.* Заметки о чувашском консонантизме. «Уч. зап. НИИ при Совете Министров Чув. АССР», вып. XXVIII, сер. филол. Чебоксары, 1965, стр. 41—42.

[57] В тептярских говорах *эпикәйләр* означает не только ‘печеный хлеб’ но и ‘хлеба на корню’.

[58] *П. И. Ашмарин.* Указ. соч., стр. 51.

[59] *Е. И. Убрятова.* Указ. соч., стр. 90—92.

[60] Интересно, что в большинстве тюркских языков в значении ‘рябчик (или глухарь, тетерев, куропатка)’ употребляется другое слово, восходящее к др.-тюрк. čil (огуз.) ‘веснушки’, ‘рябины’ (ДТС, стр. 146), например: караим. *чиль* ‘куропатка’, шор. *селей*, *кара селей* ‘глухарь’, хак. (саг.) *силей* ‘глухарь’, ойр. *чай* ‘тетерев’, ‘глухарь’, тур. çil ‘рябчик’; ср. перс. چیل ‘серая куропатка’, ‘рябчик’.

Кизе, *кизе мамык* ~ литер. *киҗе*, *киҗе-мамык* ‘х/б нить’; башк. *кизе*, *кизе-мамык*. В других тюркских языках это слово обнаружить не удалось. Но ср. перс. ﭼﺰ и ﭼﻴﺰ ‘сорт недорогого шелка’, ‘шелк-сырец’; рус. диал. (по В. Далю) *кеж* ‘холст в полоску из посконины’; *кеж*, *кежина* и *тяж*, *тяжина* ‘пестрядь’, ‘полосушка’, ‘посконная ткань’ и т. п.

Аз′д′акы ~ литер. *аждаһа* (<перс.) ‘дракон’. Здесь, видимо, *з* (<*ж*) < *ж*, причем в позиции между гласным и звонким согласным.

Ху^{ə}′з′а // *хуз′а* ~ литер. *хуҗа* (<перс.) ‘хозяин’, *изеклəп* ~ литер. *иҗеклəп* (<ар.) ‘по слогам’ — оба слова отмечены параллельно с *хуҗа*, *иҗеклəп* в лямбирском говоре. В других говорах эти слова произносятся только с *ж*. Ср. чув. *хуҫа* [хузьа].

Редко: *Нəз′ук* ~ *Нəжүк* (уменьш. от *Нажия*).

Пази / *пазы* / *пезе* / *пəзи* реже *пəҗи* / *паҗи* / *пачы* (темн.) ~ литер. *баса* ‘посконь’. Следовательно, в данном случае *з* ~ *ж* носит внутридиалектный характер. Слово это, по-видимому, заимствовано из мордовского языка. Ср. мокш. *пáзяй* ‘кудель’, ‘посконь’ и эрз. обл. *пáзе* ‘посконь’. Возможно, литер. *баса* также имеет общий корень с мишарскими формами.

Пиз′ башы < *пиж башы* < *пич башы* (*пич* < рус. *печь*) — отмечено в чистопольском говоре в значении ‘лежанка на печи’.

Таким образом, из приведенного материала видно, что *з* ~ *ж*, кроме мишарского диалекта, встречается в некоторых словах и в других поволжско-тюркских языках: башк. *кəзə*, *бөзөр* / *быҗыр*, *кизе*, чув. *пузьана* (орфогр. *пуҫана*), *хузьа* (орфогр. *хуҫа*).

Интересно, что в говоре мордвы-каратаев [61] в середине еще нескольких слов палатализованный *з* соответствует *ж* или *й* через ступень *ж*:

[61] Мордва-каратаи — небольшая группа мордовского населения, ныне живущая в трех селениях Камско-Устьинского района ТАССР, некогда утратила свой родной язык и примерно в XVI в. еще на старой территории обитания восприняла один из мишарских говоров. Судя по некоторым морфологическим особенностям (о чем см. ниже), им был, видимо, говор, распространенный в современных юго-западных районах (например, Атюрьевском) Мордовии и смежных с ними районах (например, Кадомском) Рязанской области.

М.-кар. говор	Общенар. тат. язык	Перевод
бей′е-/беҗе-	бийе-	плясать
бей′ек/беҗек/бежик	бийек	высокий
ə^{ə}′и′ə/əжҗ′и′ə/эйə	энə/инə (ср. пог. *ийне*, тур. iğne [ijne])	игла
эс′т′	эт (ср. кас. *эйт*, пог. *ийт*)	собака
дөи′з′а	дөн′йа (ср. тепт. дөн′жа)	мир, вселенная
эрəи′з′е-	рəнҗе-	обижаться
мөрз′ən	мəрҗən	бусы
мырз′а	морҗа/мөрҗə	труба

Число примеров на *җ* ~ *з* в позиции между гласными или между сонорными *р*, *н* и гласным может быть увеличено. Но из приведенного видно, что общетатарскому *җ* в мордва-каратаевском соответствует *з′*, а общетатарский *й* через *җ* перешел в *з′*. Что касается слова *эс′т′*, то он прошел еще более долгий путь развития: *эс′т′* (<*эз′т′* < *эжт′*) < *эйт* < тат. *эт* < др.-тюрк. it.

Эта особенность, т. е. *з′* ~ *ж*, получила отражение и в заимствованиях в мордовских языках: мокш. *кáза* (при наличии *сява*) ‘коза’; мокш. *базя* ‘свояк’; мокш. *арзя* ~ тат. *эрҗə*; мокш. *цинзер* ‘цепь’ — миш. *йынҗыр* / *җынҗыр* / *җынзыр* ‘цепь’, ‘цепочка’ (<перс. زنجير), но ср. м.-кар. *чынҗыр*. Следовательно, можно предположить, что мокш. *цинзер* (<*цынзыр*) < *чынҗыр* [62] < *җынҗыр* / *җынзыр* < *йынҗыр*. В обоих мордовских языках — мокшанском и эрзянском — употребляется слово *зепе* ‘карман’, которое в современном мишарском диалекте не зафиксировано. В других тюркских языках это слово известно, например, в турецком — сер ‘карман’ (<ар.). Ср. еще морд. *роз′* < рус. *рожь*, но тат. *арыш*.

[62] Оглушение начального *җ* изредка встречается в татарских говорах, например: в касимовском — *чо′ла-* ~ *җокла-* ~ *йокла-* ‘спать’, *чыла-* ~ *җыла-* ~ *йыла-* ‘плакать’, *ча′-* ~ *җак-* ~ *йак-* ‘зажечь’, *ченаза* ~ *җеназа* ‘отпевание’, в говоре карсунской группы сел (нас. п. 193—197): *чəй-* ~ *җəй-* ‘расстилать’, *чəйəк* ~ *җəйəк* ~ *йəйəк* ‘щека’, *ченаза* ‘отпевание’; на юге Саратовской области (нас. п. 319—320) также зафиксировано слово *ченаза*.

Не исключено, конечно, что перечисленные слов вместе со многими другими татарскими заимствования вошли в мордовские языки в уже «готовом» виде, иным словами, они там не подверглись никаким фонетическим преобразованиям. Но *ж* ~ *з* в самих поволжско-тюркских языках, в частности в мишарском диалекте, могло явиться результатом влияния субстратного характера. В связи с этим необходимо напомнить о том, что в древнепермском языке в середине слова существовало чередование аффрикаты *з*^{c} со щелевым *ӟ*^{c} и аффрикаты *ӂ* со щелевым *ж*. В некоторых удмуртских диалектах и литературном удмуртском языке обе аффрикаты после гласного перешли в щелевые *з*^{c}—*ж* [63].

з ~ с. Как известно, начальное *з* для тюркских языков, в том числе для татарского, нехарактерно. Но слово со значением ‘рваный’ в мишарском диалекте произносится со звонким начальным *з*: *зәләмә*, а в литературном языке оно звучит как *сәләмә*.

Конечный *з* в словах *ачкыз* ‘ключ’ в темниковском и хвалынском говорах и *йонназ* в чистопольском появился в результате озвончения *с* (<*ч*) — *ачкыз* < *ачкыс* < *ачкыч*, *йонназ* < *йоннас* < *йоннач* < *йонлач* ‘шерстистый’, ‘мохнатый’: *Ачкызымны* куйыпмын купыга, ынытканмын выс′ы (темн.) ‘Оказывается, спрятала (букв.: положила) ключ в мисочку (и) совсем забыла’; Бу сарык бик *йонназ* (чист.) ‘Эта овца очень шерстиста’.

р ~ л является довольно широко распространенным звуковым соответствием в тюркских языках, в том числе и в татарском. В последнем оно носит как междиалектный, так и внутридиалектный характер. В мишарском диалекте преимущественно употребляются варианты слов с *л*, хотя некоторые слова одним и тем же лицом могут произноситься как с *р*, так и с *л*.

Билчәй- // бирчәй- ‘вывихнуться’ ~ литер. *бирчәй-* ‘заскорузнуть’; ср. общенар. тат. *бирт-*, др.-тюрк. bert- ‘увечить’, ‘портить’.

Кымыл′да- // кымыр′да- ~ литер. *кыймылда-* ‘шевелиться’; в башк., ног., кум., караим., к.-балк., туркм. — вариант с *л*; ср. в письменных памятниках уйгурского письма: *кымырда- // кымырла-* ‘шевелиться’ [64].

[63] *Д. В. Бубрих.* Указ. соч., стр. 96—97.
[64] *В. М. Насилов.* Язык тюркских памятников уйгурского письма XI—XV вв. М., 1974, стр. 27.

Челки^{й} *// черки*^{й} ‘мошка’, ‘комар’ ~ литер. *черки* ‘мошка’; в башк., ног., караим. — вариант с *р* со значением ‘комар’; ср. также кум. *чиркев жибин*, где *чиркев* ‘личинка’; др.-тюрк. čelük ‘вид червя’, ‘пиявка’ (?).

Йалпай- // йарпай- ‘поправиться’, ‘похорошеть’, ‘поправиться — о делах’; ср. др.-тюрк. jarg ‘прочный’, ‘крепкий’, ‘твердый’, jarpat- ‘крепнуть’, ‘становиться на ноги’.

Чылгау // чыргау ~ литер. *чолгау* ‘портянка’; Cod. Cum. *цулгау*. Но ср. *чырга- / чырна- / чорна- / чырма-*, литер. *чорна-* ‘обмотать’, ‘завернуть’; *чолганыш* ‘окружение’, *чолгау* ‘портянка’. *Р* ~ *л* отмечается в словах, образованных от этого корня, и в сравниваемых языках.

Кәлҗемә // керҗемә (хвал.), *керчемә* (дрож.) ‘медовый напиток’, ‘брага на меду’; чист., дрож. гов. миш. д., нагорн. гов. ср. д. *кәлҗемә* ‘пирожки’.

Беткел // беткер (чист.) ‘весь’, ‘все’, ‘полностью’.

Билтәк ~ литер. *биртәк* ‘косноязычный’; ср. тат. *бирт-*, др.-тюрк. bert- ‘увечить’, ‘портить’.

Түлә- / түрә- ‘родить’ — в татарском литературном языке этого слова нет, но как вариант с *л*, так и с *р* встречается во многих древнеписьменных памятниках, в современных тюркских, а также монгольских языках. Кроме того, во многих языках, в том числе и в татарском литературном языке, употребляются слова, восходящие к корню töl-/tör-, например тат. литер. *тул / туле* ‘зачаточные яйца в утробе птицы’.

Слово *шурба* ~ ср. д., литер. *шулпа* ‘суп’. В мишарском диалекте, как и в других тюркских языках, сохранился древний вариант с *р*. Ср. др.-тюрк. čobra ‘похлебка’, ‘варево’, караим. *шорба / сорба*, кум., к.-балк. *шорпа*, башк. *һурпа*, ног. *сорпа*, туркм. *чорба*, тур. çorba и т. д. Как видим, во всех языках в этом слове произошла метатеза звуков.

В заимствованных словах в мишарском диалекте, как правило, сохраняется *л* источника, в то время как в говорах среднего диалекта чаще — *л* > *р*, например: миш. *пилмән* ~ мамад. гов. ср. д. *пирмән* (<коми или удм. *пельнянь*) [65], миш. *налишник* ~ атп. гов. ср. д. *нәричник* < рус. *наличник*; миш. и литер. *шәмдәл* ‘подсвеч-

[65] «Краткий этимологический словарь коми языка», М., 1970, стр. 219.

ник' ~ крещ. гов. ср. д. *шәмдәр* (<ар.-перс.). Ср.: крещ. гов. ср. д. *гурбәч* 'пространство между печью и стеной' ~ гайп. гов. ср. д. *гөлбич* 'подпол' (<рус. диал. *голбец*); дубъяз. гов. ср. д. *бәлчә* 'гроздь', 'плодоножка' ~ атн. гов. ср. д. *бәрчә* 'колос овса или проса'; менз. гов. ср. д. *богәлчә* 'деревянное кольцо', 'дужка' — заказ. гов. ср. д. *бөгәржә* 'дужка у люльки' и т. д.

с ~ ч: *йәдәс / йәдәч / гәдәч* ~ литер. *йәдәч* 'дужка (у птиц)'; *төскөр- / тескер-* / реже *төчкөр-* ~ литер. *төчкөр-* (графич. *төчкер-*) 'чихать'; редко *этәс* ~ литер. *этәч* 'петух'.

В ряде населенных пунктов *с ~ ч* встречается и в некоторых других словах. Так, в с. Усть-Уза (294) Пензенской области в речи стариков и младших школьников в конце 50-х годов *с ~ ч* наблюдалось, например, в словах: *кыс'кыр- ~ кычкыр-* 'кричать', *нескә ~ нечкә* 'тонкий', *ос ~ өч* 'три', *кискә ~ кичкә* 'вечером', *эскә ~ эчкә* 'внутрь', *кус'кар ~ кучкар* 'баран', *баргас' ~ баргач* 'придя' и т. д. В с. Муслюмкино (152) Чистопольского района ТАССР зафиксирована форма на *-гастан / -гәстән* вм. *-гачтан / -гәчтән*: Унсигез йәшкә *йиткәстән* 'Когда достигнет восемнадцати лет'; *Кат'кас'тан* дә күрем әле сине 'Я тебя увижу еще и после возвращения (когда вернусь)'. В Тат. Умыс (276) Мордовской АССР бытуют формы: *пысак* 'нож', *кескенә* 'маленький', *алмагас* 'яблоня', *пиз башы* (*з < с < ч* перед гласным началом) 'лежанка на печи', *әз-дурт* (*з < с < ч*) 'три-четыре' и некоторые др.; в д. Синорово (277) Пензенской области: *песәк* 'сено', *баргас* 'пойдя', *килгәс* 'придя', *пысак* 'нож' и др. В обоих населенных пунктах все эти слова параллельно употребляются и со звуком *ч*. *С ~ ч* отмечено также в карсунской группе сел (*баргас* 'придя', *эске кели* 'хочется пить', *пис тебе* 'под печи' и некоторые др.), а также в нас. п. 67, 70, 71 у сергачских мишарей — в слове *баргас*.

Здесь, как и в касимовском говоре, может быть выделена одна закономерность — явление это характерно для конца слов и слогов, но, в отличие от него, лишь в ограниченном числе слов. Объяснение этому явлению, видимо, следует искать в причинах иноязычного влияния.

В начале слов *с ~ ч* не встречается, кроме слова *сач* 'волос', которое употребляется с начальным *с*, но лишь в старинных песнях, например: Шымырттан каты *са-*

чларны | Майлап кына, әни, тарарсын 'Мама, свои волосы, что пожестче черемухи, Расчешешь, хорошенько смазав маслом'; Сәйпец *сачыңы* ука төгөл / Алып чүгә тагарга 'Твои волосы не позумент, Чтобы повесить (их) на гвоздь'.

ч ~ с. *Акчыл ~* литер. *аксыл* 'белесый', 'беловатый'; *кукчел ~ куксел* 'синеватый'; *йукчыл ~ йуксыл* 'бедный', 'бедняк' (ср. Cod. Cum. jokcul, тур. joksul), *кырмычка / кормочка / кымырычка ~ кырмыска* 'муравей'; *төчләгән ~ төслогән* 'заболонь', 'оболонь (раст.)'; *бачкыч / бачкыс / баскыч ~ баскыч* 'ступенька', 'лестница'; *аскыч / ачкыс / ачкыз / ачкыч ~ ачкыч* 'ключ'.

В двух последних случаях в мишарских говорах отмечается: а) явление регрессивной ассимиляции в *бачкыч* с последующей диссимиляцией в *бачкыс* и б) явление диссимиляции: *аскыч / ачкыс / ачкыз*.

й ~ г. Мишарский *г*, представляющий собой среднеязычный смычный согласный, в начале некоторых слов перед гласными переднего ряда переходит в *й*: *йәбдәш* 'расторопный' ~ литер. *гәптәш* 'собеседник' (<перс. *гәп* + афф. *-тәш*), *йәвер / гәвер ~* кяфер (<ар.) 'неверный', *йезән тарту / гезән тарту ~ көзән җыеру* 'сводить судорогой', *йәүдә ~ гәүдә* 'фигура', 'стан', 'тело', *йерәз / герәз* (<рус. *грязь*). Ср. среднеязычный *g ~ у ~* нуль звука в турецком с *г' ~ гй ~ ᵍй* перед негубными гласными переднего ряда в кумыкском и комбинаторным переходом *к' ~ г' ~ ᵍй ~ й* в литературном азербайджанском языке [66].

г ~ й. В мишарских говорах это соответствие встречается в той же позиции: *гәдәч / йәдәс / йәдәч* ~литер. *йәдәч* 'дужка (у птиц)', *гизни / йизни / йезни ~* литер. *җизни* 'зять', 'муж старшей сестры', *гир* (чист.) / *йир / йер / җир ~* литер. *җир* 'земля', *гедә-* (чист.) / *йедә- / йөдә- ~* литер. *йөдә-* 'утомиться', 'изнуриться', *гит- / йит- / йет- ~* литер. *җит-* 'достигнуть', 'хватать', *гибәр- / йебәр- ~* литер. *җибәр-* 'послать', 'отпустить'.

г ~ к. В татарском языке в интервокальной позиции др.-тюрк. *q*, *к*, как правило, озвончаются: *чығар-* ~ др.-тюрк. čiqar-, *йабаға* 'шерсть-линька', ~ jabaqu 'сваляв-шаяся шерсть', *сағын-* ~ saqïn- 'думать', 'размышлять',

[66] *Э. В. Севортян.* Фонетика турецкого литературного языка, стр. 87; *П. К. Дмитриев.* Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 28.

‘представлять’, *чағыр* ‘пестрый’ — čagïr ‘пепельно-серый — о глазах’, *сигез* ~ sekiz / segiz ‘восемь’, *туғыз* ~ toguz / toγuz ‘девять’ и т. д.

В мишарском диалекте озвончение *q*, *k* в указанной позиции охватило несколько больший круг слов, чем в среднем диалекте и литературном языке, например: *йага* ~ литер. *йақа* (графич. *яка*) ‘воротник’, ‘край чего-л.’, др.-тюрк. jaqa, кум. *ягъа*, к.-балк. *джагъа*, ног. *яга*, башк. *яға*, караим. *йака* / *йакъа*, тур. yaka; *чигер(т)кә* ~ *чикерткә* ‘кузнечик’, др.-тюрк. čekürgä ‘саранча’, ‘кузнечик’;

тугы- ~ *туқы-*, др.-тюрк. toqï- ‘ткать’;

чугын- ~ *чуқын-*, кум. *чокъун-* ‘креститься’;

чугы- ~ *чоқы-* ‘клевать’; караим. *чокъ-* ‘жалить’, *чокъча* ‘клюв’, кум. *чокъ-* ‘клевать’;

бүтәгә ~ *бүтәкә* ‘желудок (у птиц)’; в других тюркских языках употребляются варианты этого слова как с *к*, так и с *г*;

тыг(ы)рык ~ *тык(ы)рык* ‘переулок’, караим. *тыгъырык* / *тыгъырых* ‘пора’, ‘логово’, кум. *тыгъырыкъ* ‘улица’, к.-балк. *тыгъырыкъ* ‘тесное жилье’;

бетмәс-төгәнмәс ~ *бетмәс-төкәнмәс* ‘неиссякаемый’, ‘бесчисленный’, др.-тюрк. tükänmäs ‘неиссякаемый’; ср. *төгән-* (серг.) ‘исхудать’, караим. *тюгянь-* ‘кончиться’, кум. *тюген-* ‘кончаться’, *тюгенмес* ‘нескончаемый’;

сиг(е)зән, *туг(ы)зан* ~ *сиксән*, *туксан* ‘восемьдесят’, ‘девяносто’, др.-тюрк. seksün, toqsan.

В ряде мишарских говоров в указанной позиции, а иногда и в соседстве с сопорными глухой *к* озвончается еще в следующих словах: *чогор* (серг.) ~ *чоқор* (графич. *чокыр*) ‘чашка’, *чаг(ы)рым* (лямб.) ~ *чакрым* ‘верста’, *салгын* (лямб.) ~ *салкын* ‘холодный’, *игенче* (нас. п. 214) ~ *икенче* ‘второй’. Ср. др.-тюрк. čaqïr- ‘звать’, ‘созывать’, salqïm ‘прохлада’, ‘холод’, ikenč ‘второй’, а также караим. *цугур* / *чугъур*, к.-балк., кум. *чунгур*, ног. *шункъар*, башк. *сокор* ‘чашка’. Остальные слова в этих языках произносятся с *к*.

В начале слов *г* ~ *к*, кроме общемишарских *гөзән* / *кезән* ~ литер. *көзән*, др.-тюрк. küzün ‘хорек’, *гузна* ~ *кузна* ‘альчик’, отмечены еще: в лямбирском говоре — *гүшәндә* ~ *көйәнтә* ‘коромысло’, *гәрәз бал* ~ *кәрәзле бал* ‘сотовый мед’, *гылидур* < рус. *коридор*, *гарангылан-* ~ *каранғылан-* ‘стемнеть’ [67]; в сергачском: *гарабодай* ~ *карабодай* ‘гречиха’, *гөепшә* ~ *көпшә* ‘стебль’, *гул'аса* < рус. *колесо*, *гылдавай* < рус. *кладовая*; в Ниж. Урледиме (274) Мордовской АССР — *гәжә* / *гәзә* / *кәжә* ‘коза’, в Шелдаисе — 266 (на самой границе с Мордовией) отмечены слова: *грамысла* < рус. *коромысло* и только в старинной песне — слово *герлән-* ~ литер. *керлән-* ‘загрязниться’ (ср.: Айдый, кулымдагы йаулыкны | Ничек *гер-лэнмиче* ташлыйым ‘Ай-ай, как же я выброшу платок, который у меня в руках, Прежде, чем он не загрязнится’).

к ~ *г*. В более редких случаях отмечается сохранение древнетюркских *q*, *к*. Так, в сергачском, дрожжановском, темниковском, островками в лямбирском говорах и в ряде сел на юго-востоке Пензенской области («темниковских» по происхождению), числительные 8 и 9 произносятся с *к*: *сикес*, *тукыс*. Ср. др.-тюрк. sekiz / segiz, toquz / toγuz.

В начальной позиции *к* ~ *г* в мишарских говорах обнаружено лишь в двух словах: *кебе* / *көбө* ~ литер. *гөбө* (графич. *гөбе*) ‘маслобойка’ и *кәрәбә* ~ литер. *гәрәбә* ‘янтарь’. Однако нередки случаи произношения указанных слов и с начальным *г*, т. е. как в литературном языке.

х ~ *к* [қ, к]. Данное соответствие довольно широко распространено в мишарских говорах, особенно в Пензенской и на юге Ульяновской областей (кузнецкий и хвалынский говоры). Оно встречается в начале и середине слов и охватывает прежде всего заимствованные слова. Арабские: *хад'ар* ~ литер. *кадәр* ‘до’, *хыват* / *хуват* ‘быстро’ ~ *куввәт* ‘сила’, ‘мощь’, *хад'ыр* ~ *кадер* ‘почёт’, ‘уважение’, *вахыт* ~ *вакыт* ‘время’, *хийәмәт* ~ *кыйәмәт* (графич. *кыямәт*) ‘светопреставление’, *хаза* ~ *каза* ‘несчастье’, *әхийәт* ~ *әкият* ‘сказка’, *мәхтеп* ~ *мәктәп* ‘школа’, *дахат* (*дахат бет-* ‘измучиться’) ~ *тәкать* ‘терпенье’, *махтану* ~ *мактану* ‘хвалиться’, *ахшам* ~ *акшам* ‘сумерки’, ‘вечер’; редко: *хырбан* ~ *корбан* ‘жертвоприношение’, *садаха* ~ *садака* ‘подаяние’ и некоторые др. Из персидских слов укажем на: *пах* ~ *пакъ* ‘чистый’, *йәхшәмбе* ~ *якшәмбе* ‘воскресенье’, *зирых* / *йерех* ~ *зирек* ‘ольха’. Многие из перечисленных слов бытуют по говорам в двух вариантах: с *х* и с этимологическим *к*(<қ, *к*): *вахыт* / *вакыт*, *хад'ыр* / *кад'ыр*, *мәхтеп* / *мәктеп* / *мәптек*, *хийамәт* / *кийамәт*, *ахшам* / *ак-*

[67] *П. Б. Борһанова.* Указ. соч., стр. 101.

шам, хырбан / кырбан, зирых / йерех / йерек / җирек / зирек.

Слова, вошедшие из русского языка и через него и произносимые через *х*, также составляют довольно большую группу: *пахл'а ~ пакля, пулых ~ полок* (графич. *полог*), *харича / карича ~ корица, христич ~ крестец* (способ сложения снопов), *духтыр ~ доктор, трахтыр ~ трактор, балхун ~ балкон, хухал' ~ куколь* (раст.), *мухшы ~ мокша* и др.

В собственно татарских словах *х ~ к* встречается по говорам лишь в нескольких словах: *харендәш ~* литер. *карендәш* 'родственник', 'сестра', *тохом ~ тоқом* (графич. *токым*) 'род', 'племя', *сыхра- ~ сукран-* 'пыть', *чәчхап / чәчкап* 'накосник', *ахтык* (диссим.) *~ актык* 'последний', *тухта- ~ тукта-* 'остановиться' и др. Нередко те же слова произносятся и с глухим *к*: *карындаш, током / тыкым. . .*

Спирантизация смычного *к* отмечается и в других тюркских языках, по особенно активно в азербайджанском, кумыкском, чувашском и некоторых др.[68]

к ~ х. В слове *катын* 'женщина' (др.-тюрк. qatun 'госпожа', 'вельможная дама', 'жена правителя' и т. д.) в мишарском диалекте сохранился начальный *к* (~ тат. литер. *хатын*). Ср. еще миш. *акык ~* литер. *ахак* 'агат', тур. akık.

В некоторых заимствованиях, включая и имена собственные, отмечается *х > к* и их параллельное употребление. Ср. ар. *Салиха / Сәлика* (байк.), *Хадича / Кадича* (отсюда умепьш. *Кад'ук*), *Ханифә / Канифә, Исхак / Истак* (регресс. ассим.), *маскар / масхара* 'пасмешка', *мохтан- / моктан-* — литер. *мохтаж бул-* 'нуждаться', а также *каста* — литер. *хаста* (<перс.) 'больной', *паска / паскы* < рус. *пасха*. В словах *кыяр* 'огурец', *такта* 'доска', этимологический *х > к* и в литературном языке; ср. перс. خیار и تخته в тех же значениях.

Несколько большее число слов с *х > к* представлено в сергачском говоре. Приведенный выше список слов мо-

[68] *М. Ш. Ширалиев.* О диалектной основе азербайджанского национального литературного языка, стр. 11—12; *Н. К. Дмитриев.* Грамматика кумыкского языка, стр. 17—18; *Н. И. Ашмарин.* Материалы для исследования чувашского языка. Казань, 1898, стр. 51.

жет быть дополнен еще следующими: *Кесәйен ~ Хөсәйен, Фатика ~ Фатиха, Капиз ~ Хафиз, Фарика ~ Фәриха, Калил ~ Хәлил, кал' / хал' ~ хәл* 'состояние', *калык ~ халык* 'народ', *курла-* 'ругать' *~ хурла-* 'позорить', *кабер ~ хәзер* 'сейчас', *куш ~ хуш* 'до свидания', *кет* < рус. *хоть* и некоторые др.

Активное употребление *к* вместо *х* особенно характерно для нагорных и крещено-татарских говоров среднего диалекта.

Таким образом, анализ показывает, что в употреблении согласных *к* и *х* в мишарских говорах, особенно чокающих, существует тенденция к более активному использованию *х*, нежели *к*: нередко этимологический *к > х*, а этимологический *х* [χ, χ] в подавляющем большинстве говоров, как правило, сохраняется, например: *Халидә, Халим, хал', Хас'ан, Хос'айен, Хамз'а, Хаҗи, халык, хат, хабар, хаз'ыр, ахл'ак, ахмак, хурмәт / хөрмәт, хурлау, ахыр'ы* и т. д.

т ~ ч: *тишмә ~* литер. *чишмә* (<перс. چشمه 'родник', 'источник'; *тиш- ~ чиш-* 'развязывать'; *тишен- ~ чишен-* 'раздеваться'. Ср. соотв. башк. *сис-* и *сисен-*, караим. *чеш- / чәш- / чәз- / цәз-* и *чәшин- / цәсин-. . .*, ног. *шеш-* и *шешин-*, кум. *чеч-* и *чечин-*, к.-балк. *теш-* и *тешин-*; ср. *чаш*[69] 'развязывать', 'освобождать'.

Этот тип соответствия, видимо, явился результатом ассимилятивно-диссимилятивных процессов.

ч ~ т: *чөчө / чеºчеº / чече ~* литер. *төчө* (графич. *төче*), др.-тюрк. süčig / süčüg / süčük 'сладкий'. Следовательно, в мишарском диалекте в результате регрессивной ассимиляции начальный *s > ч*, а в среднем диалекте и татарском литературном языке произошла диссимиляция *ч*: süčüg *> чөчө > төчө*. Конечный g закономерно отпал.

Сычкан / чычкан / чыскан / тыс'кан ~ литер. *тычкан* 'мышь'. Сравнение с др.-тюрк. формой sïčγan / sïčqan показывает, что это слово подверглось тем же фонетическим изменениям, что и предыдущее, а в варианте *чыскан* произошла перестановка звуков *ч—с*.

Билчәй- / бирчәй- 'вывихнуться' *~ бирт-* 'калечить', 'увечить', др.-тюрк. bert- 'увечить'.

[69] *А. К. Боровков.* Лексика среднеазиатского тефсира XII—XIII вв. М., 1968, стр. 358.

Чике / чикле / чәке / чәкле / чәклек // тике / тикле / тәке / тәкле / тәклек / тиклек ‘до’, ‘вплоть до’, ‘с’, ‘величиной с’; литер. *тикле*, др.-тюрк. teg / tegü.

Чәре — послелог, синонимичный предыдущим. Ср. к.-балк. *дери*, караим. *деря / дере / дери*, чув. *тери*, хак. *теере*, якут. *диэри* и др.

Чурә ~ тирә ‘вокруг’. Ср. др.-тюрк. cevür- ‘вращать’, ‘вертеть’. В мишарском сохранился этимологич. *ч*.

Соответствие *ч* общетюркскому *т* наблюдается в чувашском языке. Оно отмечается в нем и как внутридиалектное явление [70]. *Ч ~ т* встречается также в других тюркских языках, в частности, в крымском диалекте караимского языка (например: *чырмаш-* ‘карабкаться’, *чиш* ‘зуб’, *чӱш* ‘сон’, *чӱш-* ‘падать’, *чӱшкӱр-* ‘чихать’, *чӱшӱн-* ‘думать’, ‘раздумывать’), в казахском, а перед широкими гласными — в некоторых говорах азербайджанского языка и других.

ч ~ к. *Чурә / цурә* ‘обратная сторона чего-л.’, ‘изнанка’: Күлмәгеңне *цурә* йагы белән кигәпсең ‘Платье надела наизнанку’. Уцыпнаямы, *чурәсеннәнме*? ‘С лица или с изнанки?’ *Чурәләнгер* < *чурә әләнгер* букв. ‘да вывернуться б (тебе) наизнанку’, ‘да повернуться б (тебе) назад’ (зложелание). Слово *чурә ~* литер *кире* ‘обратный’, ‘оборотный’.

Чур 1) ‘время’, ‘срок’, ‘момент’: Кай *чур* әләпеп тә кат′т′ыц?! ‘И когда (только) ты успела обернуться?!’ (литер. *чор* ‘век’, ‘эпоха’, но *чордаш / кордаш* [71] ‘современник’); 2) ‘предел в ч.-л.’: Бәләпсә, *чуры* йук ‘Привяжется, так меры не знает’.

Чагыз (чист.) [72] *~ кәгазь* ‘бумага’.

Челлә (*таупың челләсе* ‘вершина горы’). Ср. кум. *келлә* (*тавну келлеси* ‘вершина горы’). Однако это может быть и случайным совпадением (О *челлә* см. на стр. 234, 241).

Соответствие *ч ~ к* встречается и в говорах среднего диалекта, например: *бичә ~ бикә* ‘жена’, опо присуще также другим тюркским языкам, в частности азербайджанским и турецким диалектам [73], а также, в позиции перед гласным переднего ряда (*чим ~ ким*, *чиши ~ киши*), — уйгурскому языку.

Начальный й ~ нуль звука также носит общетюркский характер. Можно привести немало слов, которые в одних языках произносятся с начальным *й* или *җ*, в других — начинаются с гласного, например: азерб. *удум ~* тат. *йотом* (графич. *йотым*), азерб. *илан ~* тат. *йылан*, кирг. *жылач ~* тат. *агач*, туркм. *йулук ~* миш. *элек*, туркм. *йер- ~* миш. *йебәр-* (литер. *җибәр-*), тур. ipek ~ тат. *йефәк / йебәк*, тур. irak ~ узб. *йироқ* и т. д. Такая же картина наблюдается и в татарском языке. В мишарских говорах ряд слов может произноситься с начальным *й*, в то время как в говорах среднего диалекта и литературном языке они начинаются с одного из гласных *ы*, *е* или *и* и лишь в словах *җирәнеч*, *җелек*, *жиләк* получил отражение древний начальный *й* (>*җ*).

Ниже приводится перечень слов с начальным *й*, которые довольно широко распространены в мишарских говорах: миш. *йертә / йиртә / иртә ~* литер. *иртә ~* др.-тюрк. ertä ‘рано’, ‘утром’; *йерек- / йирек- / ирек- ~ ирек-* ‘соскучиться’; *йерен / йирен / ирен* [74] *~ ирен ~* erin / irin ‘губы’; *йеренчәк / йиренчәк / иренчәк ~ иренчәк* ‘ленивый’ ~ erincig / jerincig ‘неприятный’, ‘жалкий’; *йелек / йилек / элек ~ җелек ~* ilik / jelig / jelik ‘костный мозг’; *йез- / йөз- ~ өз- ~* üz- ‘рвать’; *йерен / эрен ~ эрен ~* iriŋ / jeriŋ ‘гной’; *йеркен / иркен ~ иркен* ‘свободный’ ~ erk ‘власть’, ‘могущество’.

На востоке Мордовии и в юго-восточной части Пензенской области с начальным *й* произносятся также слова: *йер / эр ~* литер. *ир*, др.-тюрк. er / ir ‘муж’, ‘мужчина’; *йыргак ~ ыргак* ‘крюк’; *йындыр ~ ындыр* ‘гумно’; *йегәрлә- / йерлә- ~ эрлә- ~* ср. д. *җигерлә- / җерлә-* ‘прясть’, ср.: др.-тюрк. ig / jig ‘веретено’. Во всех других мишарских говорах эти слова употребляются без начального *й*.

Таким образом, сравнение с данными древнетюркских письменных памятников (по ДТС) показывает, что в мишарских говорах в одних случаях сохранился древний

---

[70] *Л. С. Левитская.* Заметки о чувашском консонантизме, стр. 39, 40.

[71] *М. Ш. Ширалиев.* Озарбайжон тилида қипчоқ элементлари. «Ўзбек тили ва адабиёти масалалари», 1961, № 6, стр. 38.

[72] См. еще о соответствии *ч ~ к*: *Ф. С. Фасеев.* Интересное фонетическое явление в татарских диалектах (переход *к*//*ч* в некоторых словах). — ВДТЯ, т. II. Баку, 1960, стр. 145—148.

[73] *М. Тирәлијев.* Азәрбајчан диалектолокијасынын әсаслары, стр. 83—84.

[74] В мишарских говорах в этом значении чаще употребляется слово *гоба/гыба* < рус. *губа*.

начальный *й*, в других (*йертә / йиртә*, *йерен / йирен*, *йез / йөз*, *йеркен* и т. п.) он, по-видимому, возник несколько позже.

В отдельных словах этимологический *й* отпал и в диалекте и в литературном языке, например: jignä / jiɣnä ~ миш. *энә*, литер. *инә / энә* ‘иголка’. Из указанных вариантов закономерным для татарского языка является вариант *энә*.

ВСТАВКА И ВЫПАДЕНИЕ ЗВУКОВ

ВСТАВНЫЕ ГЛАСНЫЕ

Появление протетических гласных в заимствованных словах перед нехарактерными для татарского языка начальными *л*, *р*, а также при стечении двух согласных в начале слова, особенно щелевого со смычным или аффрикатой, составляет специфику не только мишарского диалекта. Оно, в сущности, встречается во всех тюркских языках. Примеры: *әрәхмәт* < *рәхмәт* ‘спасибо’, *ырыйзык* < *ризык* ‘еда, пища’, *әрәде йук* < *рәте йук* ‘нет порядка’, *Әрәмбрә* < *Лямбрә* ‘Лямбирь’, *ылампы / ыланпы* < *лампа*, *ылаука / лаука* < *лавка*, *ышкул* < *школа*, *ыстул* < *стол*, *эспичка* < *спичка*, *ыскылат* < *склад*, *ыччут* < *счет* и др.

При стечении согласных в конце слова гласный вставляется между ними или ставится после них: *курмы* < *корм*, *прадукты* < *продукт*, *банкы* < *банк* и др. В литературных тюркских языках, в частности татарском, вместе с хорошим овладением русским языком русской орфоэпической нормой, наблюдается тенденция к отказу от вставных гласных.

Иногда краткий гласный *ы* присоединяется к концу слов, чаще односложных: *тапы* ~ литер. *тап* ‘пятно’, *макы* < рус. *мак*, *пары* < рус. *пар* (*пары сал-* ‘поддать пару’), *мәшука*, наряду с *мәшук / мишук* < *мешок*, но ср. *сат* < рус. *сад*, *сут* < рус. *суд* и т. п.

Наблюдается еще одно интересное явление: при присоединении афф. *-чы/-че* к некоторым именам действия на *-у/-ү* появляется краткий гласный *ы* или *е*: *эчече* ~ литер. *эчуче* ‘пьющий’, *бирече* ~ *бируче* ‘дающий’, *ашачы* ~ *ашаучы* ‘тот, который ест’, *орлачы* ~ *орлаучы* ‘ворующий’, *сал'ачы* ~ *сайлаучы* ‘выбирающий’ и др., что связано с дифтонгоидным характером конечных *у/ү*.

ВЫПАДЕНИЕ ГЛАСНЫХ

Выпадение гласных в начале слов не характерно для мишарских говоров. Отмечен лишь один случай: *йәр* ~ литер. *ийәр* ‘седло’, др.-тюрк. eδär / edär.

Некоторые авторы указывают на выпадение начальных *о/ы* в словах: *осак / ысак* ‘осина’, *озак / ызак* ‘долго’, *олан* ‘ребенок’. Однако, по нашему мнению, здесь происходит не выпадение, а лишь частичная редукция предударного краткого *ы*: *ˢʸсак*, *ˢʸзак*, *ˢʸлан*.

Кроме обычного для татарского языка ослабления и выпадения гласных *ы*, *е*, реже *о*, *ө* в безударной позиции [75] и на стыке двух слов, подчиненных общему ударению [76], выпадает также конечный гласный некоторых многосложных слов: *тәрәз / тирәз — тәрәзә* ‘окно’, *кал'ус / кал'уса* < рус. *колесо*, *фабрик*, *кукуруз*, *фатир*, *квартир* и др. Употребление первых двух слов без конечного гласного факультативно.

В слове *эчәк* ‘кишка’ отпал конечный гласный *е*, ср. литер. *эчәге*, др.-тюрк. ičägü ‘внутренности’. Слово *илгәре* [77] ‘раньше’, ‘прежде’ (др.-тюрк. ilgärü ‘вперед’) может употребляться также без конечного *е*: *элгәр*. Подвергается фонетическим изменениям числительное *йегерме* ‘двадцать’ в сочетании с *бер* ‘один’ и *биш* ‘пять’: конечный *е* отпадает, *ер* > *ре* (метатеза): *йегрембер*, *йегрембиш*.

В некоторых двух- и многосложных словах (*чабата* ‘лапоть’, *алаша* ‘лошадь’, *кеше* ‘человек’, *багана* чист. ‘столб’) при присоединении аффикса мн. числа *-лар / -ләр* и аффиксов принадлежности конечный *а* также отпадает — *чабатлар*, *алашлар*, *кешләр*, *баганнар*, *чабатым*, *алашым* и т. п.; *Алашлар* ашатып тырдым ‘Кормил лошадей’. Элгәре бик күб иде *кешләр*, таралдылар. ‘Раньше народу было очень много, разъехались’. Ср. еще: *бала* ‘дитя’ — *баллар* ‘дети’ — *баллаган* ‘оказывается, принесла детеныша’ — *баллады* ‘принесла детеныша’ — *баллый* ‘прино-

---

[75] «Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология». М., 1969, стр. 86.

[76] Там же, стр. 86; *Г. Шараф*. Сонорная длительность татарских гласных. — ВНОТ (Казань, 1928, № 8), стр. 228; *П. К. Дмитриев*. Вставка и выпадение гласных и согласных в тюркских языках. — ИСГТЯ, ч. I, стр. 283—284.

[77] В мишарском выражении *биш әлгәре бер кире* сохранилось древнее значение этого слова — ‘вперед’.

сит детенышей' (в данном случае большую роль игр темп речи).

На первый взгляд кажется, что и в слове *мурте марта* (чист., дрож.) отпал начальный гласный, ср. литер *умарта* 'улей'. Но на самом деле здесь имеет место пр тетический гласный в литературном языке: *мурте марта* < рус. *борть*.

Иногда начальный или конечный гласный отпада в литературном языке, но сохраняется в мишарско диалекте. Так, в словах *ывак* / *ywak* 'мелкий', *ывалчык ywалчык* 'крошка' в отличие от литературных *шаҗ*, *шалч* (графич. *вак*, *валчык*), сохранился начальный гласны Ср. тат. *у-*, др.-тюрк. uv- 'измельчать', 'крошить', др тюрк. uvšaq / ušaq 'малепький', 'мелкий'. От основы гл гола *йөрө-*, др.-тюрк. jüri- / jürü- 'ходить' форма 2-го лиц ед. числа повелительного наклонения в мишарском ди лекте — *йөрө* / *йере*, в литературном языке — *йөр* (в это слове конечный гласный в литературном языке отпал).

ВСТАВНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

Вставной т. В конце слогов и слов после *р*, редко после *л н* и шипящего *ш* появляется *т*. Явление это также охва тывает сравнительно небольшой круг слов, ареалы рас пространения которых неравномерны. Обращает на себя внимание то, что в речи одного и того же лица могут со существовать варианты слов как с вставным *т*, так и без него. Эти слова следующие [78].

Чабырт- ~ литер. *чабыр-* 'высыпать', 'обметать губы' (о сыпи). Ср. башк. *сабырт-* / *сәберт-*.

Чигерткә / *чигәркә* ~ *чикерткә* 'кузнечик'; др.-тюрк. cekürgä 'кузнечик', 'саранча'.

Кисерткә / *кисеркә* ~ *кисеркә* 'ящерица'; др.-тюрк. küsürgä / küsürgän.

Күләткә / чаще: *күләгә* ~ *күләгә* 'тень'; др.-тюрк. kölötke, наряду с köligä / köläk / kölägä.

Куңгырт ~ *коңгыр* 'русый', 'карий'; др.-тюрк. qoŋur 'рыжеватый', 'каштановый', 'коричневый', 'каурый'.

Арткау ~ *аркау* 'уток', 'поперечная нить ткани'.

[78] Здесь не идет речь о словах с конечным *рт* типа *дүрт* 'четыре', *көрт* 'сугроб', которые являются общими для мишарского диалекта и литературного языка.

Арткыры серг. / *аткыры* ~ др.-тюрк. arquru 'попе-рек', т. е. здесь вначале, видимо, произошла вставка *т* после *р*, затем *р* выпал: др.-тюрк. arquru > *арткыры* > *аткыры*. В литературном языке, а также параллельно с *аткыры* в мишарских говорах употребляется *аркылы*, возникшее в результате диссимиляции второго *р*: др.-тюрк. arquru > *аркылы*. Ср. *аркылы-торколо* и др.-тюрк. arquru-turquru 'вдоль и поперек'.

Кечерткән / *кечеркән* / *кечеткән* / *кычыткан* ~ *кычыт-кан* 'крапива'.

Какуртки / *какуртка* 'небольшие круглые, как пра-вило, сдобные булочки, хлебцы из кислого теста'. Ср. др.-тюрк. qaqurγan 'хлеб, который пекут с маслом в печи или тандыре' (МК — по ДТС); *қақурған* 'сдобный хлеб (любой вид)' [79]. Это слово попало и в русский язык. Ср. в известном словаре Вл. Даля: «*Кокура*, *кокурка* вост. — свадебная лепешка, иногда с творогом, ватрушка, пышка. . .».

Кайгырт ~ *кайгыр* 'горевать', 'печалиться': Минем избам төгөл, *кайгыртмыйм* 'Не моя изба, не горюю'.

В формах *белгерт-* 'дай знать' (*анарга белгертмә*), *киңерт-* 'одень' (*кулмәген кигерт*), употребляемых в говорах среднего диалекта и реже в мишарских говорах, *т* также следует рассматривать в качестве звука, возникшего в соседстве с *р*. Сказанное подтверждается и семантикой этих форм.

Это же вставное *т* находим и в наречиях типа *эк(е)-рен* / *экертен* 'тихо', *йәш(е)рен* / *йәшертен* 'тайно' и др., где *-ен* — аффикс инструментального падежа. Сочетание *рт* нередко встречается и в звукоподражательных словах: *даңгырт* / *дыңгырт*, *гөмбөрт* / *гемберт*, *дерт* и т. п.

Но в ряде случаев, например в словах *себерке* 'веник', *чыбыркы* 'кнут', *йоморка* / *йымырка* 'яйцо', *т* после *р* в мишарских говорах, как и в литературном языке, не появляется. Но ср. в говорах среднего диалекта — *күләткә* 'тень', *чигерткә* 'кузнечик', особенно в его тептярских говорах — *себертке*, *чыбыртқы*, *йомортқа*, *кә-ертке* 'ящерица', *кәбәрткә* / *кәбәркә* 'пространство между печью и стеной', а также у мордвы-каратаев — *себертке*. Вставной *т* наблюдается и в других тюркских

[79] *В. М. Насилов.* Указ. соч., стр. 25.

языках, например в караимском: *сибиртки. . .*, *гиртькэ / чэгиртке / цэгиртке*, *кесертки. . .*, *кӧлетк кӧлэгэ*, *кичиткянь / кециткен*, *йумуртха / йымырт* и др.; в кумыкском и ногайском, башкирском имеем а логичную картину; в карачаево-балкарском — *сибирт джумуртха*, а в остальных случаях *т* не возникает.

Вставной *т* после сонорных *л*, *н* и шипящего *ш* фиксирован лишь в единичных случаях и не повсемест

Крант < рус. *кран*. Ср. в бирском говоре средн диалекта *флант* (<рус. *план*) 'усадьба', 'двор', а тако миш. *кон*, ср. д. *қон* 'вид', 'облик', 'лицо' ~ ног. *ку* 'вид', 'внешний вид', 'состояние'.

Чыңгылт (ит-) ~ *чыңгыл* 'звякнуть'; др.-тюрк. *čïŋïl-* 'звякать', 'позвякивать'.

Йаз башты 'весна' ~ литер. *йаз башы* 'начало весн *пиҗ башты* хвал., темн., чист. ~ *мич башы* 'лежанка печи'. Но в мишарском, как и в литературном язы *бармак башы* 'кончик пальца', *агач башы* 'верхуш дерева' и т. д.

Ср. также *буткіл* вм. *бүкіл* 'весь', 'все', *қабыртқа* в *қабырға* 'ребро', *артқылы* вм. *арқылы* 'благодаря', 'чере в казахском языке [80]. Рассматриваемое явление изред встречается и в древнеписьменных памятниках, наприме kölötkä и köligä / köläk / kölägä 'тень', jumurtγa и j murqa 'яйцо'; *čïbïrt-* 'хлестать', 'бить', 'сечь прутом откуда в современных тюркских языках *чыбырқы* / *ч быртқы* 'плеть', 'кнут' и т. д.

Однако, как видно из рассмотренных выше матери лов, вставной *т* в соседстве с *р*, редко с *л*, *н*, *ш* получи более или менее широкое распространение (в частности в некоторых кыпчакских языках) позднее. В огузски языках он встречается значительно реже.

В мишарских говорах отмечаются единичные случа вставки *д*: *кузгалдак* ~ *кузғалақ* 'щавель'. Ср. кум *къозукъулакъ*, тур. kuzukulagı; *прәндек / прәнек* < рус *пряник*.

Кроме того, в отдельных населенных пунктах в Морд вии и Пензенской области появляется вставной *д(ы)/д(е)* между сонорными *р*, *л*, *н*, *й*, а также между гласным и

[80] *Ш. Сарыбаев.* О неустойчивом положении сонорных в казахски говорах. «Местные особенности в казахском языке». Алма-Ат 1973, стр. 32.

вредка согласным *з*, с одной стороны, и аффиксом сравнительной степени — с другой: *матур-ды-рак* 'красивее', *авыр-ды-рак* 'тяжелее', *озон-до-рак* 'длиннее', *укыган-ды-рак* 'более ученый', *шалай-ды-рак* 'примерно так', *уңайсыз-ды-рак* 'более неудобный', *иртәге-д-рәк* 'более ранний', *тур-ра-д-рәк* 'поближе к красному углу', *йахшы-ды-рак* 'лучше' и т. д. Ср. еще: Кай *төштә-ты-рак* торасың? 'Где приблизительно ты живешь?' Видимо, это случай дистактной ассимиляции по глухости.

Подобное явление отмечается и в чувашском языке: между *р*, *л*, *н* и аффиксом сравнительной степени появляется вставной *-та/-те*, например: *аван-та-рах* 'лучше', *чипер-те-рех* 'красивее', *кахал-та-рах* 'ленивее' и т. д. У чувашей Буинского уезда отмечается вставной *-ты/-те* и после некоторых других согласных: *нумай-та-рах* 'побольше' (от *нумай* 'много'), *пысăк-тарах* 'больше' (от *пысак* 'большой'), *ĕлĕк-те-рех* 'раньше' (от *елек* 'прежде') и т. д. У курмышских чувашей то же самое — в глаголах *янăра* — 'звучать', 'раздаваться' и *анăра-* 'лишаться сознания', чтобы избежать стечения звуков *н* и *р*, так как краткая *ă* недостаточно разъединяет эти два звука: *йантăра* [јандыра], *антăра* [андыра] [81]. В чувашском литературном языке этот аффикс присоединяется к основам на *р*, а с основами на *л*, *н* употребляется параллельно с *-рах/-рех* [82]. Ср. еще казахское диалектное: *бұрын-дырақ* 'немного раньше', *жуан-дырақ* 'толще', *жылдам-дырақ* 'проворнее', *былай-дырақ* 'примерно так', *көрім-дірек* 'получше' и др. [83]

Вставной р: *кыртла-* (в отдельных населенных пунктах на юге Пензенской и Саратовской областей) ~ литер. *котла-* 'поздравлять' — Уне салгач, ызба *кортлый* барабыз 'Когда построят дом, идем поздравлять с новосельем (букв.: избу)'. В заказанских и нагорных говорах среднего диалекта — *қортлау* в том же значении. Восходит это слово к др.-тюрк. qut 'счастье', 'благо' и т. д.

[81] *И. И. Ашмарин.* Указ соч., стр. 55.

[82] *И. К. Дмитриев, С. П. Горский.* Краткий грамматический очерк чувашского языка. «Русско-чувашский словарь». М., 1951, стр. 881.

[83] «Қазақ тілі тарихы мен диалектологиясының мәселелері», 5 шығуы. Алматы, 1963, стр. 200; *М. Рясянен.* Указ. соч., стр. 200 (со ссылкой на: *В. И. Вербицкий.* Краткая грамматика алтайского языка. Казань, 1869, стр. 10—11).

В отдельных словах *р* появляется перед *т* и в других татарских говорах и тюркских языках, например: заказ. гов. ср. д. *шыртыйна*, миш. *шатыйна* < рус. *щетина*; чув. *хăвăрт* ~ миш. *хыват* 'быстро' ~ тат. литер. *көвәт* (<ар.) 'сила', 'мощь'; тув. *хенертен* ~ тат. *кинәттән*, алт. *кенетийин*, хак. *кинетін*, ног. *кенетеннен*, каз. *кенет*, монг. *гэнэт* 'неожиданно' [84]; миш. *тумырка* ~ шор. *томуртка* 'дятел' и т. д.

Вставной ғ/г. Древнетюркский ŋ в интервокальной позиции в татарских говорах, как и в литературном языке, получил двоякое отражение: либо сохранился (jeŋil ~ *җиңел / йиңел / йеңел* 'легкий', köŋül ~ *күңел / коңол / кеңел* 'сердце', 'душа', sïŋar ~ *сыңар* 'один из пары', jaŋï ~ *йаңа / йаңы* 'новый' и т. д.), либо получил наращение в виде *ғ/ғ′, г/г′* (qoŋur ~ *қоңғор / коңгорт* 'карий', 'русый', qoŋuz ~ *қоңғоз / куңгыз* 'жук', toŋuz ~ *дуңгыз* 'свинья' и др.).

В сергачском говоре в отдельных населенных пунктах *ңг/ң′г′* имеет место и в словах *д′з′иңгел / йиңгел, кеңгел / коңгөл, сыңгар, уңгай* 'удобный' и др.

Эта особенность, характерная, в частности, для кумыкского и ногайского языков, встречается также в говорах среднего диалекта (касимовском, бастанском, параньгинском, заказанских, нагорных), носители которых так или иначе соприкасались с ногайцами. Появление ее в татарских говорах, на наш взгляд, следует рассматривать как результат влияния ногайского языка.

В единичных случаях в литературном языке соответствие древнетюркскому ŋ татарского *ңг* нарушается. В результате между мишарским диалектом и литературным языком возникают различия, которые выражаются в соответствии сочетаний *ңг ~ ңл* и *ңг ~ лғ*: *аңгар- ~ аңла-* 'понимать', др.-тюрк. aŋa- 'понимать', 'разуметь'; *аңгы-миңге ~ аңлы-миңле* 'глуповатый', 'недалекий'; *маңгай ~ маңлай / маңғай* 'лоб'; *йаңгыз* (редко *йаңыс*) ~ *йалғыз* (графич. *ялгыз*) 'один', 'одинокий', др.-тюрк. (наиболее древние варианты) jaŋus / jalïŋus, далее слу-

[84] *Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах.* Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология М., 1961, стр. 419. — Авторы данной грамматики слово *хенертен* считают монгольским заимствованием (ср. монг. *гэнэт*), но, по их словам, причина появления *р* в звуковом составе этого слова в тувинском языке для них остается неясной (Там же).

ются jalŋuz / jalŋus / jalγuz (диалектная форма, таким образом, является более древней, чем литературная); *йаң(ы)лыш-* (редко: *йаңгыш- / йаңыш-*) ~ *йалғыш-* (графич. *ялгыш-*), др.-тюрк. jaŋïl- 'ошибаться'; *йаңгал* (редко *йаңал*) ~ литер. *йалған* (графич. *ялган*), др.-тюрк. jalγan 'ложь'; миш. *йаңгал*, видимо, возникла в результате метатезы.

ВЫПАДЕНИЕ СОГЛАСНЫХ

Наиболее неустойчивыми в системе согласных являются сонорные *л, н, р, й*, а также глухой согласный *т*. Систематически выпадают начальный и срединный *ҙ/ҙ* в арабских заимствованиях и *г/г′* в интервокальной позиции в собственно татарских словах. Кроме того, в традиционных говорах отпадает фарингальный звук *h*, встречающийся лишь в заимствованных словах.

Выпадение сонорного *л*, характерное для кыпчакских языков, а из татарских говоров — для крещено-татарских, в мишарском диалекте, если не считать общих с литературным языком случаев (*утыр-, китер-, тутыр-, утер-* и др.), встречается редко. Можно указать на *йугат′- ~* литер. *йуғалт-* 'терять', *ит- ~ илт-* 'нести', 'отнести', *йыгыт′- // йык- ~ йығылт-* (графич. *егылт-*) / *йыҡ-* (графич. *ек-*) 'свалить', 'дать упасть'.

Носовой *н* выпадает в словах: *мынан / менән > ман / мән* 'с', 'вместе с'; *урындык* 'стул' > *урдык* 'скамья', 'стул'; *эндәшмә- > дәшмә- ~ йәшмә-* 'молчать', 'не откликаться'; *кенәйләнгеч > келәнгеч* 'подсолнух'; *тигентен ~ тигетен* 'по', 'до'.

Выпадение *р* отмечено в глаголах будущего времени 1 и 2-го лица обоих чисел и в инфинитиве, образованных от основ на *-ыр/-ер/-р*: *барым ~ барырмын, барысын ~ барысың* и т. д., а также *барыга ~ барырга* (см. об этом еще на стр. 144).

Глухой согласный *т* выпадает в основном в тех случаях, когда он следует за свистящим *с* (*тасмал ~ тастымал* 'головной или носовой платок', 'салфетка', *казан асы ~ казан асты* 'очаг (под котлом)', *авгыс* 'август', *мус* 'мост' и т. п.) и значительно реже в соседстве с другими согласными (*ишет-* 'слышать', но *ишмә* 'не слушай', *ишкән* 'оказывается, слышал', *иште* 'слышал', ср. литер. *ишетмә, ишеткән, ишетте*; *эскәтер / эстәкер* 'скатерть').

Начальный ғ (ʾ—ʿ) арабских заимствований отпадает: *ал'ам* ~ литер. *ғәләм* (графич. *галәм*) 'мир, вселенная', *ал'ым* ~ *ғәлим (галим)* 'ученый', *Али* ~ *Ғәли (Гали)*, *умер* ~ *ғомер* 'жизнь' и т. д. В середине арабских слов ғ либо выпадает, либо его замещает *й* или изредка *w*: *сәәт / саат' / сәйәт* ~ литер. *сәғәт* (графич. *сәгать*) 'часы', *С'аит / Сәйет / Сәйит* ~ *Сәғит (Сәгыйть)*, *мәлум* ~ *мәғлум (мәгълум)*, *нәшмәт* ~ *ниғмәт (нигъмәт)* 'пища', 'еда', *Мәсум* ~ *Мәғсум (Мәгъсум)*, *аза* ~ *әгъза (әгъза)* 'орган', 'член', *Азам* ~ *Әғзам (Әгъзам)* и т. п.

В собственно татарских словах в интервокальной позиции *г* в зависимости от темпа речи также нередко выпадает: *тее* < *теге* 'тот', *теел* < *тегел* 'не', 'нет', *беен* < *беген* 'сегодня', *таы* < *тагы* 'еще', *тирмән* < *тегермән* 'мельница'.

Выпадение фарингального согласного *h* в традиционных мишарских говорах наблюдается в начальной и срединной позиции (см. об этом стр. 67—68).

СИНГАРМОНИЗМ

В мишарском диалекте, как и в других тюркских языках, включая татарский язык, действует закон гармонии гласных и гармонии согласных звуков.

ГАРМОНИЯ ГЛАСНЫХ

Случаи нарушений закона как небной, так и губной гармонии гласных в мишарском диалекте и литературном языке, в сущности, совпадают. Небная гармония гласных нарушается в арабских, персидских и новых русских заимствованиях, причем последнее связано с ростом образования народа, хорошим знанием носителями диалекта русского языка. Губная гармония нарушается, если в первом слоге слова имеют место губные *у/ү*. В подобных случаях в последующих слогах выступают негубные гласные *а*, *ы*, *ә*, *е*.

ГАРМОНИЯ СОГЛАСНЫХ

Небная гармония гласных, как известно, означает употребление в слове гласных только одного ряда: либо только переднего, либо только заднего. А это, в свою

очередь, предполагает употребление в соседстве с гласными заднего ряда твердых согласных, в соседстве с гласными переднего ряда — мягких (палатальных или палатализованных) согласных. Указанная закономерность нарушается в литературном языке лишь в небольшом числе арабо-персидских и русских (послереволюционного периода) заимствований, а также в новообразованиях типа *вскорма* 'надстройка'. В мишарском диалекте отклонения от нее охватывают больший круг слов. Общий с литературным языком список слов пополняется за счет: а) заимствований, в составе которых есть переднеязычные согласные (*Хас'ан* — имя собств. ~ литер. *Хәсән*, *ал'ам* ~ *ғәләм* 'мир', 'вселенная', перен. 'бесчисленное множество', *кал'ам* ~ *қәләм* 'перо' и т. п.); б) собственно татарских слов, в которых произошла монофтонгизация дифтонгов (*сал'а-* ~ *сайла-* 'выбирать', *бун' / мун'* ~ *муйын* 'шея', *кат'-* ~ *кайт-* 'вернуться' и т. д.); в) слов, в которых выпал *л*, смежный с глухим *т* (*йугат'-* ~ *йугалт-* 'потерять' и т. д.); г) при присоединении к словам уменьшительно-ласкательных аффиксов: *йизнакай* 'зятек', *Сан'ушка*, *Ал'уш*, *Ал'ук*, *гол'окай* 'голубка', *ан'ыкай* 'мамочка' и т. п.

Изредка палатализация согласных влияет на качество гласного присоединяемого аффикса: *ат'т'ым // ат'т'ем* 'я сказал', *кан'ы // кан'е* 'ее свекор' и др.

Употребление в слове палатализованных согласных в соседстве с гласными заднего ряда составляет одну из немногих специфических особенностей мишарского диалекта, отличающих его от всех других тюркских языков, кроме (и то лишь частично) чувашского языка (см. стр. 57).

Действие закона гармонии согласных, как и в других тюркских языках, проявляется в уподоблении согласных в направлении от начала слова к его концу (прогрессивная) или, наоборот, от конца к началу (регрессивная). Выделяется три типа ассимиляции: губная, носовая и наиболее распространенный тип — ассимиляция по звонкости и глухости. Уподобление звуков может происходить: а) в корне (или основе) слова, б) на стыке корня (основы) и словообразующего или словоизменительного аффикса и в) на стыке двух слов. Наиболее распространенный тип ассимиляции — регрессивная ассимиляция, особенно в двух последних (*б*, *в*) случаях.

Ассимиляция согласных звуков в корне (основе) слова

Выше, при рассмотрении звуковых соответствий были отмечены различные типы ассимиляции звуков в корне (основе) слова. Здесь приведем лишь некоторые из них: *җыңҗыр* < перс. زنجیر, *мим* (серг.) < *миң*. др.-тюрк. *тер* 'родинка', *менән / мынан*, *мән / ман* < *белән* 'с', 'вместе с', *малан* < *балан* 'калина'; *ыччут* < *ысчут* < *счет*, *Исхак* < *Исхак* — имя собств., *пачча* < *пашча* < *пачша* < *патша* (<перс.) 'царь', *машча* < *мачча* < *матча* < *матица*; редко встречаются: *әрбер* < *әйбер* 'вещь', *эргәре* < *элгәре* 'раньше', *Әрәмберә* < *Ләмбрә* — название населенного пункта, *эргер-* < *өлгер-* 'успеть' и т. п. Интересно, что регрессивная ассимиляция др.-тюрк. süčüg 'сладкий' дало миш. *чочө / чече*, а диссимиляция одного из *ч* — литер. *точо* (графич. *точе*). Др.-тюрк. sïčγan 'мышь' в мишарском звучит как *сычкан / чычкан / чыскан / тыс'кан* (литер. *тычкан*), что также является результатом ассимилятивно-диссимилятивных процессов, а вариант *чыскан* мог возникнуть в связи с перестановкой звуков *ч* и *с*. Как видно из примеров, большинство случаев приходится на регрессивную ассимиляцию.

Ассимиляция согласных на стыке корня (основы) слова и аффикса

Перед гласным началом аффикса глухие согласные корня (основы) *п*, *к* озвончаются (регрессивная ассимиляция): *п* > *б* (*йеп—йебегез* 'ваши нитки', *чап—чабып* 'бегом'), *к* > *г* (*бармак—бармагы* 'его палец', *кырк—кыргау килгәнәр* 'пришли сорок человек', *кирәк—кирәге йук* 'не нужен'). Все другие глухие согласные корня (основы) в подобных случаях ассимилятивным изменениям не подвергаются: *ат—атым* [85] 'моя лошадь', *кич / киц—кицен / кицен* 'вечером', *кыш—кышын* 'зимой', *бас—баса* 'давит' и т. д.

За конечным звонким согласным корня (основы) следует звонкий, за конечным глухим — глухой аффикса (прогрессивная ассимиляция): *кыз—кыздан* 'от девушки', *боз—бозга* 'на лед', *ал—алдыр* 'заставь взять', *бармак—бармакка* 'на палец', *кибәк—кибәктә* 'на мякине', *йеп—йептән* 'из ниток', *ат—атка* 'лошади', *сат—саткач* 'продав', *кыш—кышкы* 'зимний' и т. д. Исключение составляет, пожалуй, лишь форма 1-го лица мн. числа прошедшего-настоящего времени II: *барып+быз*, где в зависимости от темпа речи либо не происходит никаких ассимилятивных процессов (*барыпбыз*), либо начальный согласный аффикса уподобляет себе глухой *п* (*барыббыз*).

Сонорные согласные аффикса могут следовать после любого глухого согласного корня (основы): *бармак—бармаклар* 'пальцы', *ат—атлы* 'верховой', *ат' / әт—ат'ма / этмә* 'не говори', *кач—качмий* 'не скрывается' и т. д.

При присоединении афф. *-сыз / -сез*, *-сын / -сен* к основам на *з*, последний оглушается: *тоссоз / тыссыз / тосос / тыссыс* < *тоз+сыз* 'несоленый', *кыссын* < *кыз+сын* и т. п.

Глухая аффриката *ч* афф. *-чы/-че*, *-ча/-чә*, *-чык/-чек* полностью ассимилирует конечный корня (основы) *з*, *с*, *ш*: *эчче* < *эш+че* 'рабочий', *урычча* < *урыс+ча* 'по-русски', *кычча* < *кысча* < *кыз+ча* 'по-девичьи', 'как девушка', *кыччык* < *кысчык* < *кыз+чык* 'маленькая девочка' и т. д.

В зависимости от темпа речи то же самое может происходить и на границе двух слов: *кыч чакта* < *кыс чакта* < *кыз чакта* 'в девичестве', *эч чыкты* < *эс чыкты* < *эз чыкты* 'мало получилось', *эч чыкты* < *эш чыкты* 'появилось дело', *баччы* < *башчы* < *баш очо* 'изголовье', *кич читен* < *кис читен* 'отрежь край' и т. д.

При присоединении к корню (основе) слова с конечными носовыми *м*, *н*, *ң* начальный *л* афф. *-лы/-ле*, *-лык/-лек*, *-лар/-ләр* назализуется (прогрессивная ассимиляция): *тәмне* 'вкусный', *печәннек* 'сеновал', *утынлык* 'дровяник', *бар'амнар* 'праздники', *үләннәр* 'травы' и т. д.

После носовых корня (основы), *д* аффикса исходного падежа, как правило, назализуется: *син-нән* 'от тебя', *ан-нан* 'оттуда', *ылан-нан* 'от ребенка'. Но в лямбирском

---

[85] По ср. *чиде — чите* 'край его', *уд ал- — ут ал-* 'свет зажечь', отмеченные в лямбирском говоре (см. МТД, вып. 2, стр. 101). Кроме того, в некоторых говорах этимологический конечный *д* заимствованных слов перед гласными и звонкими согласными аффиксов восстанавливается: *әрәде йук* 'порядка нет', *абидым* 'мой обед', *судым* 'его суд', *садым* 'его сад', *абидга* 'на обед', *судга* 'в суд', *садга* 'в сад' (но: *абиттан*, *суттан*, *саттан*).

и сергачском говорах ассимиляции *д* может и не происходить: *бырынын-дан* ‘из носа’, *син-дән* ‘от тебя’, *йындырын-дан* ‘от твоего гумна’, *күзем-дән* ‘из моего глаза’ и т. п. Согласный *д* других аффиксов, например *-дай/-дәй*, *-дый/-дий*, в указанной позиции не ассимилируется: *син-дий* ‘подобно тебе’, *ылан-дый* ‘подобно ребенку’, *ан-дый* ‘такой’ и т. п.

Ассимиляция согласных на стыке двух слов

Конечные глухие переднеязычные согласные *ч*, *ш*, предшествующие звонкому началу последующего слова (особенно звукам *б*, *й*, *җ*), как правило, озвончаются (регрессивная ассимиляция): *ч* > *җ* (*әҗ йыл* ‘три года’, *өҗ бүре* ‘три волка’, *сандугаҗ баласы* ‘птенец соловья’), *ш* > *ж* (*кыж буйы* ‘всю зиму’, *биж йез* ‘пятьсот’, *кыж җиткән* ‘наступила зима’ и т. п.). Но перед гласным началом следующего слова конечные *ч*, *ш* не озвончаются.

Конечный глухой переднеязычный *т* изредка озвончается перед звонким (но не гласным) началом последующего слова: *ад йулы* / *ат йулы* ‘дорога, по которой ездят на лошадях’, *сөд дүрт литр булды* ‘молока стало четыре литра’.

Конечные глухие согласные *п*, *к* озвончаются перед звонким согласным или гласным началом следующего слова: *п* > *б* (*килеб бак* ‘приди и посмотри’, *сатыб йебәр* ‘продай’, *сатыб ал* ‘купи’, *айыб бар* ‘есть вина’), *к* > *г* (*көрәг бир* ‘дай лопату’, *кырыг дүрт* ‘сорок четыре’, *күг алаша* ‘серая лошадь’). Следует, однако, подчеркнуть, что озвончение *т*, *п*, *к* — факультативно и зависит, прежде всего, от темпа речи.

Из звонких согласных в конце слов встречаются: *з*, *й*, *л*, *м*, *н*, *р*. Но *з* при глухом начале последующего слова оглушается: *тос салдым* ‘положила соли’, *бес килдек* ‘мы пришли’, *кас котә* ‘гусей пасет’ и т. д. Как уже указывалось выше, перед *ч* последующего слова происходит полная ассимиляция конечных *з*, *с*, *ш*. Поскольку сонорные *й*, *л*, *м*, *н*, *р* глухих пар не имеют, они, естественно, при любом начале последующего слова не подвергаются изменениям ассимилятивного характера.

Конечные глухие согласные *с*, *ф*, *х*, *ц* ни при звонком, ни при гласном начале последующего слова не озвончаются: *кәйеф йахшы* ‘настроение хорошее’, *саф алтын* ‘чистое золото’, *йерех агачы* ‘ольха’, *пулых белән* ‘полотом’, *ач буре* ‘голодный волк’, *пиҷ йактым* ‘топила печь’, *палас әлдем* ‘повесила ковер’, *ис бар* ‘есть запах’ и т. д.

Диссимиляция

В мишарском диалекте диссимиляция звуков — сравнительно редкое явление. Она имеет место в основном внутри корня (основы) слова и наряду с вставкой и перестановкой (метатезой) звуков служит одним из средств устранения несочетаемости их. Некоторые случаи диссимиляции были отмечены при рассмотрении звуковых соответствий. Здесь мы укажем на следующие.

В отдельных мишарских говорах при стечении двух *р* один из них, диссимилируясь, переходит в *л*: *зурырак* > *зуррак* > *зурлак* ‘побольше’, *бирерәк* > *биррәк* > *бирләк* ‘сюда поближе’, *арырак* > *аррак* > *арлак* ‘туда подальше’ и т. п. Диссимиляция может быть и дистактной: *кылидур* / *гылидур* < рус. *коридор*; *аркылы* < др.-тюрк. arqaru ‘поперек’, ‘через’, *аскыч* < *ачкыч* ‘ключ’, *менкин* > *мөмкин* ‘возможно’, ‘можно’ (случай ассимилятивно-диссимилятивного характера); *ахтык* < *актык* ‘последний’ и т. п. Соответствие *м* ~ *н* в словах: *тырма-*, *чырма-*, *җилем*, *кылым* (см. стр. 75) также может рассматриваться как результат диссимиляции одного из двух переднеязычных звуков *рн*, *лн* > *рм*, *лм*.

МЕТАТЕЗА

Перестановка звуков (метатеза) в мишарском диалекте занимает незначительное место: *йаңгал* ~ литер. *йалған* (графич. *ялган*), др.-тюрк. jalγan ‘ложь’; *борно* ~ *борон* (графич. *борын*) др.-тюрк. burun ‘нос’; *урны* ~ *урын*, др.-тюрк. orun ‘место’; *бүрке* ~ *бүрек*, др.-тюрк. börk ‘шапка’; *бачкыс* ~ *баскыч* ‘лестница’, *аскыч* / *ачкыс* ~ *ачкыч* ‘ключ’, *чолбану* ~ *чобалу* ‘спутаться’, *делбига* ~ *дилбегә* ‘вожжи’, *элке* ~ *элек* ‘раньше’, *алныда* ~ *алында* ‘впереди’, *үрмәкчә* ~ *үрмәкуч* ‘паук’, *бачыш* (мел.) ~ *баш(о)чы* ‘изголовье’, *торба* ~ *труба*; *тәлиркә* ~ *тарелка*, *фиршыл* ~ *фельдшер* (с выпадением *д*), *клиндир* ~ *крендель*, *эстәкер* ~ *скатерть*, *нәләт* / *нәгләт* ~ *ләгънәт*, *мәптек* ~ *мәктәп*, *азбар* ‘двор’, ‘хлев’ ~ литер. *абзар*

'хлев' < перс. ابزار 'инструмент', 'оборудование', 'утварь'; *йегремвер—йегерме бер* 'двадцать один', *йегремвиш — йегерме биш* 'двадцать пять' и др.; в сергачском и дрожжановском говорах *әцәт ~ әтәч* 'петух', *самарау ~ самовар*, *кадула ~ калуда* 'колода', *каула- ~ куала-* 'гнать'.

Иногда различие в фонетическом облике слова в мишарском диалекте и литературном языке является результатом перестановки звуков в литературном его варианте: *кабак* ~ литер. *капка* 'ворота', 'калитка', ср. др.-тюрк. qapuγ 'дверь', 'ворота', qapaq 'покрышка', 'крышка'; *йаңылыш- ~ йалгыш-*, др.-тюрк. jaŋïl- 'ошибаться', *кымырыска / кымрыцка / кырмычка / кормочка ~ кырмыска*, др.-тюрк. qumursγa / qumursqa 'муравей', *куреш ~ күрше* 'сосед' и др.

В ряде случаев метатеза произошла и в диалектном и в литературном вариантах слов: *чумеч* ~ др.-тюрк. čömčä / čïïmčä 'ковш', 'черпак', 'уполовник'; миш. *шурба*, литер. *шулпа* 'суп' ~ др.-тюрк. čobra 'похлебка', 'варево'. К этой же группе относятся *кәжә / кәзә* 'коза' и *ичке* 'коза' — ср. др.-тюрк. keči и ečki / ečkü (в том же значении).

УДАРЕНИЕ

По месту ударения в слове мишарский диалект не отличается от литературного языка. Ударение, как правило, падает на последний слог не только в собственно татарских, но и в заимствованных словах: *балы́к* 'рыба', *савы́т* 'посуда', *палка́* < рус. *па́лка*, *крушка́* < рус. *кру́жка*, *кәркёш* < морд. *ка́рькс* 'оборы', 'бечёвка', *пази́* < морд. *па́зяй* 'посконь' и др. Иногда указанная закономерность нарушается, но в пределах норм литературного языка [86].

[86] «Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология». стр. 99.

МОРФОЛОГИЯ [1]

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА

Категория числа имен существительных в мишарском диалекте выражается теми же средствами и способами, что и в татарском литературном и других тюркских языках [2].

КАТЕГОРИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Принадлежность в мишарском диалекте выражается теми же способами и средствами, что и в других тюркских языках, включая и татарский литературный язык. Есть лишь один отличительный момент, на котором остановимся несколько ниже.

1. Значение конкретной принадлежности [3] выражается с помощью аффиксов принадлежности (морфологический способ), исторически восходящих, как известно, к личным местоимениям:

Ед. число	Мн. число
1 л. *-(ы)м/-(е)м*	*-(ы)быз/-(е)без*
2 л. *-(ы)ң/-(е)ң*	*-(ы)гыз /-(е)гез*
3 л. *-(с)ы/-с(е)*	*-лары/-ләре*

[1] С некоторыми экскурсами в синтаксис.

[2] См., например, грамматики татарского языка, а также: *А. Н. Кононов.* Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 74—84 (все сказанное здесь, за исключением второй части пункта 1 на стр. 77 и подпунктов *б*, *в*, *г* пункта 7 на стр. 80, характеризует и мишарский диалект); *П. К. Дмитриев.* Категория числа. — ИСГТЯ, 11, стр. 69—71.

[3] *Н. К. Дмитриев.* Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 59.

Аффиксы принадлежности в мишарском диалекте и по форме, и по семантике, и по употреблению совпадают с литературными. Здесь необходимо указать лишь на употребление двойного аффикса принадлежности 3-го лица ед. числа, достаточно широко распространенное на территории Татарии, Мордовии и Пензенской области: Тугыз ылы, *катнысы* 'У него девять сыновей, жена'; Ул аның *кийәвесе* була инде 'Он приходится ей зятем'; *Килнесе* ул Хайрулла абзийның 'Она невестка дядюшки Хайруллы'; Иң *зурсысы* кырк йиденче йылгы 'Самый старший сорок седьмого года рождения'; Бу бай йегетнең бер *сеңелесе* була 'У этого богатого парня была одна сестренка' (из сказки). Ср. еще: *бересе / берсесе* 'один из них', *дустысы* 'его друг', *кемесе* 'кто из его (родных, близких)', *халкысы* 'его народ', *алнысы* 'его перед', *кан'игәчесе* 'ее старшая золовка', *кызысы* 'его дочь' и т. д.

Примечание. На первый взгляд кажется что в словах *урнысы, бырнысы, бүркесе* также выступает двойной аффикс принадлежности 3-го лица. На самом деле в этих словах произошла перестановка звуков (метатеза): литер. *урын* — миш. *урны, бырын — бырны; бүрек - бүрке*; отсюда: *урнысы, бырнысы, бүркесе.* Ср.: Сина *урын* эретлим 'Я для тебя стелю (постель)'; Мында *урнымы* йок? 'Разве здесь нет места?'; Бак, *урнысыс* калма! 'Смотри, без места не оставайся!'; Буш *урнысы* калмаган 'Не осталось свободного места'; *Бырнысы* былытны кайыра 'Задирает нос (букв.: Нос его выворачивает облако)'.

К именам, обозначающим родственные отношения, аффиксы принадлежности 1, 2-го лиц ед. числа могут присоединяться как до, так и после афф. *-лар/-лэр*: *бабамнар—бабаларым, абзийыңнар—абзийларың* и т. д. Но основным, традиционным для мишарского диалекта является первый способ, например: *Кан'атамнар* ызбасына җийылып чәй эчә идек 'Бывало мы собирались в доме свекра и пили чай'; *Энеңнәр* дә бармы? 'И братишки у тебя есть?'; *Анаңнарга* баргач йыларсын, хаз'ыр йылама 'Поплачешь, когда придешь к матери, сейчас не плачь'.

2. Имени с аффиксом принадлежности могут предшествовать местоимение, имя существительное или какая-либо другая субстантивированная часть речи в родительном падеже (морфолого-синтаксический способ): *минең / минен / минем китабым, синең / синен китабың, аның / анын китабы* и т. д.

При этом возвратное местоимение может не принимать аффикса родительного падежа: *үз / үземнең / үземнен китабым, үз / үзеңнең / үзеңнен китабың, үз / үзенең / үзенен китабы* и т. д.

3. При сочетании с местоимениями 1, 2-го лиц обоих чисел в родительном падеже определяемое имя нередко употребляется без аффикса принадлежности (синтаксический способ): *минең / минен / минем китап, синең / синен китап* и т. д., например: Безнең *кызлар* барып чүбен утады 'Наши девушки сходили и выпололи (букв.: сходив выпололи) сорняки (его)'; Безнен *горничада* пич йу°ктыр 'В нашей горнице нет печи'; Синең *сүз* үтә 'К твоему слову прислушиваются (букв.: твое слово проходит)'.

4. Значение абстрактной [4] принадлежности выражается с помощью местоимений, имен существительных, других субстантивированных частей речи, снабженных афф. *-ныкы/-неке, -ныңкы/-неңке*. Форма на *-ныкы/-неке* в мишарском диалекте не имеет строго определенного места в предложении и выступает в следующих функциях.

1) В отличие от литературного татарского и других тюркских языков, она употребляется в функции определения, заменяя собой форму родительного падежа в составе изафетной конструкции. При этом определяемое может быть без аффикса принадлежности. Примеры: Теге *киленнеке* (литер. киленнең) дүрт *кызы*, бер *оло* 'У той невестки четыре дочери, один сын'; *Тастар* бит минең *кан'амныкы* бар иде (Минем каенанамның тастары бар иде бит) 'Тастар ведь был у моей свекрови'; *Ныгым минеке* (литер. минем оныгым) бик акыллы, йыламый 'Внучек мой умненький, не плачет'; *Сезнеке авылда* (литер. сезнең авылыгызда) бу бармы? 'В вашей деревне это есть?'; *Безнеке* барган *курше* (литер. безнең күршебез барган) 'Наш сосед, оказывается, ходил'; *Әни безнеке* (безнең әниебез) «тәтәй», — ди 'Наша мама называет «тәтәй»'; *Минеке* (минем) калага *йоручем* йук 'У меня (букв. моего) нет такого, который ездил бы в город'; *Сад үзебезнеке* (үзебезнең бакчабыз) бик инде йахшы 'У нас свой (букв. свой наш) сад очень уж хороший'; *Минеке* йук *ылан* (литер. минем балам юк) 'У меня нет детей (букв. ребенка)'; Әрмийәгә киткенче тырактырда эшләде *малай безнеке* (безнең улыбыз) 'До ухода в армию наш сын ра-

[4] *Н. К. Дмитриев.* Грамматика кумыкского языка.

ботал на тракторе'; *Кеме* бар *аныкы* бире? (литер. Аның кеме бар биредә?) 'Кто у него здесь есть?'; *Ратник безнеке* бар, *кыйы* да *безнеке* бар (Безнең чишмәбез бар, безнең коебыз да бар) 'Родник есть у нас, и колодец есть у нас'.

2) Если значение второго компонента — определяемого — известно из предшествующего контекста, то оно (определяемое) опускается. Определение, выраженное формой на *-ныкы*, субстантивируясь, может принимать аффиксы числа и падежей. В таких случаях, как и в литературном языке, форма на *-ныкы* выполняет функцию подлежащего (в основном падеже) или дополнения (в косвенных падежах). Примеры: *Сезнекелэр* зурлаклар, кагау алмый 'Ваши побольше, коршун их не схватит (букв. не берет)'; *Безнекелэр* килгенче мында булмаганнармыни халыклар? 'Разве здесь не было народа до прихода наших (предков)?'; *Синеке* инде ни барыннан да йахшы 'Твое уж лучше всех'; *Сезнекеннэн* ким тегел 'Не хуже, чем ваш'; *Минекенен* анда урнысы йук 'У моего там нет места'.

Иногда аффикс родительного падежа может опускаться: *Безнеке* вет инде *алашасы* монда тора (вм. *Безнекенең* вет инде алашасы монда тора) 'Ведь лошадь нашего уже находится здесь'.

Если речь идет о двух или более лицах, относящихся по происхождению или местожительству к какому-либо селу, краю, то при наличии определения, выраженного местоимением 1-го или 2-го лица чаще мн. числа в родительном падеже, афф. *-ныкы/-неке* может опускаться, например: *Безнең авыллар* очрамадымы? вм. *Безнең авылныкылар* очрамадымы? 'Не встретились ли (люди) из нашей деревни?'; Хаз'ыр Чистайда бик күп *безнең авыллар* (вм. *безнең авылныкылар*) 'Теперь в Чистополи очень много из нашей деревни'; *Сезнең йаклар* (вм. *сезнең йакныкылар*) да барга килгән чүлмәк сатарга 'И из ваших краев приехали на базар продавать горшки'.

3) Как и в литературном языке, форма на *-ныкы/-неке* употребляется в качестве присвязочного члена именного сказуемого: Ул бабай безнен *авылныкы* 'Тот дед из нашего села'; *Куршенеке* ул кергән малый 'Тот мальчик, который заходил (к нам), — соседский' (букв. 'тот заходивший мальчик — соседский'); Бу вата киленем — *авылныкы* 'Эта вот моя невестка — деревенская (из нашей деревни)'; *Аныкы* бу кычык 'Эта собака — его'.

КАТЕГОРИЯ СКЛОНЕНИЯ

Тип склонения имен существительных в мишарском диалекте, как и в литературном языке, северный [5] или кыпчакский, т. е. аффиксы падежей начинаются на согласный: на глухой — после конечных глухих согласных основы, на звонкий — во всех остальных случаях:

Осн. —	Вин. *-ны/-не*
Род. *-ның/-нең, -нын/-нен*	Местн. *-да/-дә, -та/-тә*
Дат.-напр. *-га/-гә, -ка/-кә*	Исх. *-дан/-дән, -тан/-тән*

В системе мишарского склонения имеются и некоторые отклонения от норм литературного языка. Они сводятся к следующим моментам.

1. Употребляются (иногда параллельно) фонетические варианты аффикса родительного падежа *-нын/-нен, -ның/-нең*, причем первая пара аффиксов характерна для большинства традиционных мишарских говоров: *Катынынын* быратлары тужы каадыр 'Братья его жены тоже где-то'; *Әминнең* кечкенә малыйы белән 'С младшим сыном Амина'.

2. На западе распространения мишарских говоров параллельно с полной формой аффикса родительного падежа употребляется усеченный вариант *-ны/-не* [6], характерный также для говора мордвы-каратаев (ТАССР) [7], которые переселились, видимо, на современное место обитания уже после того, как усвоили мишарский диалект. Весьма возможно, что прежней родиной их была именно та территория, о которой шла речь выше.

Усеченный аффикс родительного падежа характерен и для некоторых кыпчакских или кыпчакизированных тюркских языков: кумыкского, карачаево-балкарского, разговорного литературного узбекского и некоторых его диалектов, а также для саларского языка и лобнорского говора

---

[5] *Н. К. Дмитриев.* Грамматика кумыкского языка, стр. 55, 65. *Он же.* Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 64.

[6] Этот аффикс зафиксирован нами в следующих населенных пунктах: Чернышево, Верки Кадомского района Рязанской области, Велязьма (182), Нов. Аллагулово (183), Тат. Юпки (184), Сургудь (185), Горенка (264), Б. Поляпки (271) — на юге Мордовии.

[7] *Л. Ш. Арсланов.* Татарские говоры правобережных районов Татарской и Чувашской АССР. Автореф. канд. дисс. Казань, 1966, стр. 2.

уйгурского языка [8]. В мишарский диалект он мог проникнуть из бастанского говора (Рязанская область), генетически связанного с ногайским и имеющего некоторые общие черты с кумыкским языками [9].

3. Следующая особенность в системе падежных аффиксов сводится к употреблению (в песнях) древней формы аффикса исходного падежа *-дыйн/-дин, тыйн/-тин*, которая была свойственна главным образом для древнеуйгурского языка, а в настоящее время сохранилась в современном уйгурском языке [10], например: *Ишекләрдин* (или *ишекләрдыйн*) кердем исәндә | Кәләмперкай иде кесәмдә 'Вошла в дверь в добром здравии, Гвоздичка моя была в кармане моем'; Кызларның хал'ы *салдаттыйн* авыр | У° мергә китә йатлар кулына 'Положение девушек тяжелее солдатского, На всю жизнь попадает (букв.: уходит) в чужие руки'; Узган-*баргандыйн*, этекай, сы°ра | Йазулы балац пинди хал'л'ардый 'Папочка, спроси у (любого) прохожего, В каком положении твое дитя'; Ычкан *кышлардин* да сырыйм | Сезнең исәннекләрне 'Даже у перелетных (букв. летящих) птиц спрашиваю О вашем здоровье'.

Склонение имен существительных с аффиксами принадлежности 1, 2-го лиц ед. числа частично отличается по падежным окончаниям от «простого», представляя собой смешанный, огузско-кыпчакский тип [11]. Оно характеризуется тем, что в дательно-направительном и винительном падежах употребляется южный, огузский тип аффиксов (без начального согласного): в дательном падеже во всех мишарских говорах, как и в литературном языке, *-а/-э* (*кузеңә, олоңа*), в винительном — в подавляющем большинстве традиционных мишарских говоров — *-ы/-е*, ср. литер. *-ны/-не*. Примеры: *Авызыңы* ач, *кузеңе* йом

[8] *Н. К. Дмитриев.* Грамматика кумыкского языка, стр. 55—57; *В. И. Филоненко.* Грамматика балкарского языка. Фонетика и морфология. Нальчик, 1940, стр. 28; *А. Н. Кононов.* Указ. соч., стр. 91; *Э. Р. Тенишев.* Саларский язык. М., 1963, стр. 20, 21.

[9] *Л. Т. Махмутова.* Бастанский говор татарского языка. — МТД, вып. 3, стр. 29—47.

[10] *В. М. Насилов.* Язык тюркских памятников уйгурского письма XI—XV вв., стр. 40; *Э. П. Наджип.* Современный уйгурский язык. М., 1960, стр. 59.

[11] *В. А. Богородицкий.* Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1934, стр. 95; *Н. К. Дмитриев.* Грамматика кумыкского языка, стр. 65.

Открой рот, закрой глаза'; Бу нинди кагызлар? *куллары* пачкыдым 'Что это за бумаги? руки свои испачкала'; Бар, йастыкка *башыңы* куй 'Иди, ложись (букв. иди, положи свою голову на подушку)'; Тенә *билитеңе* кә иттең? 'Куда ты дела вчера свой билет?'

Однако в современных говорах параллельно или даже преимущественно употребляется и кыпчакский вариант аффикса винительного падежа *-ны/-не*, что, несомненно, является результатом влияния литературного языка (Йаңарт *сымаварыңны*, дawай 'Давай, снова подогрей свой самовар').

Склонение имен существительных с аффиксами принадлежности мн. числа происходит, как и в литературном языке, по общим правилам склонения существительных.

В склонении имен существительных с аффиксами 3-го лица ед. числа наблюдается то же своеобразие, что и в литературном языке. Ср.: *атасы, атасыныц, атасына* (вм. ожидаемого *атасыга*), *атасын* (вм. *атасыны*), *атасында* (вм. *атасыда*), *атасыннан* (вм. *атасындан*).

В функциях падежей и глагольном управлении в мишарском диалекте отмечаются некоторые расхождения с литературным языком. Так, когда речь идет о прошедших событиях, слова, выражающие отрезок времени (*йыл* 'год', *йәш чак* 'детство', 'молодость'), вместо местного падежа ставятся в винительном, например: *Йәш чакны* (арысаң да) ни дә йук иде 'В молодости ничего особенного не случалось (если даже уставала)'; Мин мең тугыз йөз егерме өченче *йылны* туган 'Я родился в тысяча девятьсот двадцать третьем году'; Утыз өченче *йылны* башлангыч мәктәпне бетердем 'В тридцать третьем году окончил начальную школу'.

Глагол *сагын-* в значении 'вспоминать' управляет винительным, в значениях 'соскучиться', 'посоветоваться', 'обратиться за советом' — дательно-направительным падежами: *сине сагындым* 'я тебя вспомнил (в разговоре)', *сиңа сагындым* 'я по тебе соскучился': *Фатикка* да *сагынып* бактым, ул да йаз, тучны адресын бел, — ди 'И к Фатиху попробовала обратиться за советом, и он говорит — (что) напиши, узнай точный адрес его'; Алла, кемдер *сагынды уземне* 'Боже, кто-то вспомнил меня (язык прикусил)'; *Аларны сагынмагыз* да, имгә дә йуктыр 'Вы даже не вспоминайте о них, совсем нет (букв.: даже для лечения нет)'. В литературном языке первое значение выпало

и поэтому управляемое этим глаголом имя всегда ставится в винительном падеже.

Глагол *ачулан-* в мишарском диалекте управляет дательным падежом, в литературном языке — винительным [12]. Это объясняется тем, что указанный глагол имеет в них разные значения: в первом — употребляется в значении 'сердиться' (кемгә? 'на кого?'), во втором — 'отругать', 'ругать' (кемне? 'кого?').

В мишарском диалекте отмечается выделительное значение родительного падежа: *Туганнарның* берсе килер ничек тә 'Как-нибудь придет один из родственников'. В литературном языке выделительное значение передается с помощью исходного падежа (ср.: *туганнардан* берсе).

Глаголы *бар-*, *кит-* обычно управляют дательно-направительным падежом (*-га бар-*, *-га кит-*). Но в некоторых говорах в разговоре, ведущемся в полушутливой форме, нередко можно услышать: *Базар киттегезме*? 'На базар пошли?'; *Мәскәү барабыз* 'В Москву едем'; *Казан киттем* әлегә 'Поехал пока в Казань'. По всей вероятности, это — пережиточная форма, некогда бытовавшая в мишарских говорах.

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Афф. *-кай/-кәй*, *-ай/-әй*, *-и^{й}*, *-а/-ә*, *-уш*, *-ук* в тюркских языках имеют ласкательное, уменьшительное или уменьшительно-ласкательное значения, т. е. служат для передачи субъективной оценки имен существительных. В мишарском диалекте все они, за исключением *-кай/-кәй*, полностью утратили свои основные значения и встречаются только в мужских и женских собственных именах, сокращенных до начального согласного второго слога, независимо от того, простые они или сложные [13]. Аффиксы эти ударны и не всегда подчиняются закону гармонии гласных, например: *ᵊРәшкай—Рәшидә*, *Нәзай—Нәҗип*, *Бәд'р'ук—Бәдриҗамал* и др. Сокращенными именами собственными, снабженными указанными аффиксами, пользуются при обращении к человеку любого возраста: *Шамкай бабай*, *Айшук әбий*, *Афук астай*, *Хал'ук тәтәй*, *Хайрук абзий* и т. д.

Афф. *-кай/-кәй* чаще присоединяется к именам, обозначающим родственные отношения: *бабакай*, *әпкай / әбекай*, *анакай / ан'ыкай / әнекәй*, *ат'ыкай / әтекай*, *балакай*, *абыстакай*, *тутакай*, *абз'ыкай*, *олгонакай* [14], *җиңәкай* и т. д.

В песпях он может присоединяться и к нарицательным именам существительным: *д'з'ерәккәйем / йерәккәйем* 'сердечко мое', *канаткайым* 'крылышко мое', *агләнкай киндер* 'полотно из белого леночка' и т. д. Ср.: Кара урманнардыйн узган чакта | *Карчыгакай* алды кы°тымпы 'Когда я проезжал через темные леса, Ястребочек (сильно) испугал меня' (из старинной песни); Тәтәй, кулыңдагы белезегец [15] | *Беләккайың* талса, бир м'аңа 'Тәтәй (обращение к старшей сестре), браслет, что на твоей руке, Если устанет твоя рука, дай мне (его)' (из старинной песни).

В том и другом случае афф. *-кай* сохраняет значение ласкательности.

В сочетании со словами *ата* 'отец', *ана* 'мать' (*атакай*, *анакай*) афф. *-кай* сообщает значения сходства, подобия: 'ребенок, похожий на отца' и 'ребенок, похожий на мать'. В составе неполных собственных имен значение ласкательности аффиксом *-кай* утрачено: *ыР'умкай—Румийә*, *Шамкай—Шамиль*, *Камкай—Камиль*, *Йус'кай—Йусеф*, *Кәлкәй—Кәлимулла*, *Хал'кәй бабай—Халиулла бабай*.

Афф. *-ай/-әй*, *-и^{й}*, *-а/-ә*, *-ук*, *-уш*, *-ушка* [16] встречаются лишь в неполных именах собственных.

---

[12] В чистопольском говоре нередко и глаголы *ырыш-* 'ругать', *кызыксын- // интирисават'са ител-* 'интересоваться', *тыңнашлый-* 'слушаться', 'подчиняться', *ырыйза бул-* 'быть довольным' управляют дательно-направительным падежом (см. МТД, вып. 2, стр. 185).

[13] Мишари широко употребляют сокращенные имена и без каких-либо аффиксов: *Мөкәр — Мөкәррәмә*, *Мохар'/Мөхар' — Мохар'р'ам*, *Мәхфуз — Мәхфузә* и др.

[14] *Олгонакай* (< *олуг анакай*) — форма обращения к наиболее уважаемой в деревне пожилой женщине (хвал. гов.).

[15] Здесь в соответствии с требованием размера стиха отпал аффикс винительного падежа *-е* (должно быть *беләзегеңе*).

[16] Интересно, что формы собственных имен, образованные путем присоединения перечисленных выше аффиксов к сокращенным именам собственным, находят свои почти полные параллели в турецких диалектах Болгарии. Однако там, в отличие от мишарского диалекта, значение уменьшительности все же, видимо, сох-

Афф. *-ай/-әй*: *Исмай—Исмаил / Исмайыл* [17], *Кадә... Хадича/Кадича*, *Ырай / Эрәй—ᵊрәшидә*, *Әмәй—Әмин... Исай—Искак / Исхак*, *Зеләй—Зеләйха*, *Ибрай—Ибраһи... Мәфтәй—Мәфтуха*, *Кәләй—Кәлимулла*, *Сенәй—Сен... тулла* и др.

Афф. *-иᵘ* (встречается сравнительно редко): *Аси... Асийә*, *Касиᵘ—Касим*, *ᵊрәбиᵘ—ᵊрәбига*, *Сафиᵘ—Сафи... Таһиᵘ—Таһира*, *Җамалиᵘ—Җамаледдин* и некоторые др.

Афф. *-а/-ә* (встречается редко): *Пат'а—Фатыйма*.

Афф. *-ук* в территориальном отношении и по употребительности является наиболее широко распространенным среди рассматриваемых аффиксов; встречается он только в одном варианте — с гласным заднего ряда: *Мөршук—Мөршидә*; *Фәрзук* [18]*—Фәйруза*, *Айшук—Айшә*, *Л'ат'ук—Ләтифә*, *Бәдр'ук—Бәдриҗамал*, *Мар'ук—Мәрйәм / Мәрйам*, *Гөл'н'ук—Гөлҗиһан*, *З'аһук—Зәһидә / Заһидә*, *Маиз'ук—Маизә*, *Фат'ук—Фатиха* и *Фатыйма*, *Афук—Афифә*, *Ар'ук—Арифә*, *Аҗук—Аҗәр*, *Сан'ук—Санийә*, *Җарук—Җарулла / Йарулла*, *Сир'ук—Сиражетдин*, *Хайрук—Хайрулла*, *Айн'ук—Айнулла*, *Ал'ук—Али*, *Ибрук—Ибраһим*, *Нәср'ук—Насрулла*, *Ис'мук—Исмаил / Исмәйыл*, *Абид'ук / Абд'ук—Абидулла* и др.

При присоединении афф. *-ук* формы некоторых мужских и женских имен совпадают: *Аз'ук—Азизә* и *Азизулла*, *Фәйз'ук—Фаизә* и *Фәйзулла*, *Сафук—Сафийә* и *Сафа*, *Хал'ук—Халифә* или *Халидә*, *Халиф* или *Халиулла* и др.

Афф. *-ук*, видимо, соотносителен с уменьшительным аффиксом других тюркских языков; ср., например, в чувашском *-ак/-ек*, *-к*, якутском *-ык*, шорском *-ак*, киргизском *-ек/-ке*; имеется этот аффикс в алтайском, хакасском, редко — тувинском языках [19].

раняется (см.: *М. Буйтуллов, Х. Чечгельдиев.* Уменьшительные формы личных имен в турецких диалектах Болгарии. «Советская тюркология», 1973, № 2, стр. 93—99).

[17] Приводим только мишарские варианты полных имен.

[18] Здесь имеем закономерный *-әй* > *-ә*, а сокращение имени, как исключение, произошло лишь до начального согласного третьего слога.

[19] *И. А. Андреев.* Краткий грамматический очерк чувашского языка. Приложение к «Чувашско-русскому словарю». М., 1961, стр. 610; *Е. И. Убрятова.* Исследования по синтаксису якутского языка. М.—Л., 1950, стр. 267; *Н. П. Дыренкова.* Грамматика шорского языка. Л., 1941, стр. 32; *И. А. Батманов.* Грамматика киргиз-

Кроме того, этот аффикс мы находим в мишарских говорах — цокающих и, реже, чокающих (в карсунской и лямбирской группах сел): в составе указательных частиц (см. стр. 239), частицы *инасак* (см. стр. 251), усилительной частицы *да* в сочетании с *тагы—тагы дак* (только в чистопольском говоре), наречия *байа гынак*. Надо полагать, что прежде афф. *-к* придавал ласкательный оттенок высказыванию в целом. В современных говорах он не прибавляет никакого значения или оттенка значения ни высказыванию вообще, ни тем словам, к которым присоединяется. Что касается элемента *-к* в послелогах *тәкле / тәклек*, *тикле / тиклек*, *хат'ле / хат'лек*, *цаклы / цаклык*, *цәкле / цәклек* (см. стр. 223), то он также, возможно, представляет собой аффикс, некогда придававший речи оттенок ласкательности. Может быть, он восходит к усилительной частице *ук/үк*.

Сходное явление отмечается в некоторых наречиях на *-ары/-ери*, *-ры/-ри* в туркменском языке: *дашары / дашарык* ‘на улицу’, ‘наружу’, *ёкары / ёкарык* ‘вверх’, ‘наверх’, ‘на восток’, *бәри / бәрик* ‘сюда’ и т. д.[20]

Афф. *-уш* также имеет лишь один вариант — с гласным заднего ряда: *Афуш—Афифә*, *Өркуш—Өркыйа / Оркийә*, *Сан'уш—Санийә*, *Сад'уш—Садыйка*, *Ал'уш—Алийә* и *Али*, *Хайруш—Хайрулла* и др. Употребление афф. *-уш* территориально ограничено. Он отмечен в лямбирской группе сел на востоке Мордовии, в нас. п. 279—284 (юго-восток Пензенской области), 264 (юго-запад Мордовии), 293 (Тамбовская область), активно употребляется в западной зоне татарских говоров: касимовском, бастанском и говорах близлежащих мишарских сел. Афф. *-уш*, видимо, имеет общее происхождение с непродуктивным уменьшительно-ласкательным афф. *-ч* ~ *-ш*, сохранившимся в мишарских говорах в ограниченном числе слов: *этәч* (<*ата*+*ч*) ‘цыпленок-петушок’, ‘петух вообще’; *энәч* (<*ана*+*ч*) ‘молодка’, ‘цыпленок-курочка’, ‘молоденькая курочка’; *бикәч* (<*бикә*+*ч*) ‘невеста’, ‘молодая жена’; *игәч* (<*игә*+*ч*) ‘старшая сестра’, ‘сестра вообще’. Ср.: *иркәч*, у ичкинских татар — *иркәце* (<*иркә*+*ч*) ‘неженка’, ‘изнежен-

---

ского языка, вып. II. Имена. Фрунзе, 1940, стр. 38—39; *Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах.* Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961, стр. 149.

[20] «Грамматика туркменского языка», ч. 1. Ашхабад, 1970, стр. 389.

ный'; в бирском и мензелинском говорах среднего ди-
лекта — *бәләкәч*, в башкирском — *бәләкәс* (<*бәлә*+*кә*
ч) 'маленький', 'малюсенький', 'младшенький';
же — *энекәш* (<*эне*+*кәй*+*ш*) 'младший брат', 'брат
ка', *сеңелкәш* (<*сеңел*+*кәй*+*ш*) 'младшая сестра',
стрепка'.

Уменьшительно-ласкательный афф. *-č* встречается
в древних письменных памятниках. Ср. ana 'мать'
anačïm 'маменька моя', 'умница (о маленькой девочке
ata 'отец' — atačïm 'папенька мой', 'мальчик, похож
на отца' (?); atač oγul 'мальчик, который ведет себя к
взрослый'; ekä 'старшая сестра', 'тетя' — ekäč 'ласк
тельное слово, употребляемое по отношению к смышлен
девочке' (ДТС).

Любопытно, что в башкирском языке слова *атакай*
атас и *инәкәс* / *инәс* имеют соответственно значения: 'р
бенок, похожий на отца' и 'ребенок, похожий на мат
(ср. со словами *атакай* и *анакай* в тех же значениях в ми
шарском диалекте; см. стр. 115).

Следует отметить, что различные фонетические ва
рианты этого древнего уменьшительно-ласкательного аф
фикса широко распространены и в ряде современны
тюркских языков, например: в якутском *-с*, который упо
требляется только с именами собственными, в казах
ском *-ш*, в шорском *-аш*/*-еш* [21].

В западной зоне татарских говоров, в том числе в гово
рах отдельных мишарских сел (например, нас. п. 293)
распространен уменьшительный афф. *-ушка*, который при
соединяется к женским именам. При этом отбрасывается
только показатель женского рода, сокращения имени до
начального согласного второго слога, как в предыдущих
случаях, не происходит: *Алийә—Алийушка*, *Санийә—
Санийушка*, *Сафийә—Сафийушка* и т. д. В настоящее
время носителями говоров этот аффикс (впрочем, как и
афф. — *ук*) воспринимается как русское заимствование [22].
Но ср.: в чувашском языке уменьшительные афф. *-ске*,

[21] См., например: *Е. И. Убрятова*. Указ. соч., стр. 269; *Н. П. Дыренкова*. Указ. соч., стр. 32; *Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах*. Указ. соч., стр 148; и др.

[22] Так же трактовали их мы в своей ранней статье «Описание грамматических особенностей касимовского говора татарского языка» («Изв. КФ АН СССР», сер. гум. наук, вып. 1. Казань, 1955, стр. 77—78).

шка/*-шке*: *тёмеске* 'бугорок', 'кочка', от *тёмә* 'холм',
ушашка 'салазки' от *çуна* 'сани' и т. п.[23]

Мишарям известен и понятен уменьшительный афф.
чык/*-чек*, но он сравнительно мало употребителен, если
не считать такие слова, как *тевенчек* 'маленький узел',
'узелок (с вещами)', *теверчек* 'бугорочек', 'комочек',
'узелок', *кыл'чык* 'ость (у злаков)', 'косточка (у рыб)',
төнчек / *төнчок* 'последний ребенок', 'последыш', *ко-
тыл'чок* / *кытыл'чык* 'маленькая круглая, чаще металли-
ческая коробочка', *уйынчык* 'игрушка' и др. В боль-
шинстве из них афф. *-чык* уже не осознается как уменьши-
тельный ни носителями диалекта, ни носителями литера-
турного языка. В лямбирском говоре этот аффикс имеет
вариант *-чук*: *батал'чук* 'кобылка (о жеребенке)', *айгыр-
чук* 'жеребеночек', *бәрәнчук* 'ягненочек'.

Ласкательный афф. *-тай* в мишарском диалекте отме-
чен только в одном слове: *кечкентәй* / *кечкентий* 'малю-
сенький', 'младшенький'. Этот аффикс встречается и
в других тюркских языках, например в узбекском (*эркатой* 'любимчик', *кулунтой* 'жеребеночек' и др.), якут-
ском, казахском, киргизском [24]. Он, должно быть, вос-
ходит к слову *тай*, употребляющемуся с аффиксом при-
надлежности 1-го лица ед. числа (*тайым*) при ласковом
обращении к детям или к лицам младше себя в хвалын-
ском и дрожжановском говорах мишарского диалекта,
а также у оренбургских мишарей — переселенцев из
Пензенской губернии.

Слово *тай* имеется также в киргизском языке, но там
оно выступает лишь в сочетании с другими словами: *эрке
тайым* 'мой миленький', *аке тай* (*акетай*) 'тятенька',
энеке тай (*энекетай* или *апатай*) 'маменька', 'мамочка'
и др. В ногайском языке выражение *эрке тай* 'капризнень-
кий мой', 'миленький мой' употребляется при ласковом
обращении к ребенку. Кстати, в словарях обоих языков
приведенные сочетания даны при слове *тай* 'жеребенок',
что едва ли правомерно с точки зрения современных
языков.

Итак, в мишарском диалекте ни один из рассмотрен-
ных аффиксов не употребляется систематически или ак-

[23] *И. А. Андреев*. Указ. соч.

[24] *А. Н. Кононов*. Указ. соч., стр. 129—130; «Узбекско-русский словарь». М., 1959, стр. 693; *Е. И. Убрятова*. Указ. соч., стр. 268—269.

тивно для выражения уменьшительно-ласкательного зна-
чения. Однако мишари для этой цели широко исполь-
зуют другие средства. Ласкательное значение в мишар-
ских говорах, как и в некоторых других тюркских язы-
ках, передается с помощью ограничительной частицы
гына в сочетании с аффиксом принадлежности 1-го лица
ед. числа (см. подробнее в разделе «Частицы», стр. 242).
Кроме того, в мишарском диалекте значения ласка-
тельности и уменьшительности передаются лексическими
средствами — с помощью специальных слов. Так, при
обращении к кому-либо употребляются следующие слова
со значением ласкательности: *кәбәм / кәбәгенәм / кәбеш-
кәбешем / кәбәй, йерәкмайым, атай, анай, анакайым*.
В Мордовии и Горьковской области, кроме указанных,
употребляются *йөрәгем / йерәгем, д'з'ерәккәйем, майым-
макым, канатым, багалмам* и другие. Для передачи зна-
чения уменьшительности служат также слова *кечкенә-
кеп-кечкенә, кеч(е)рук / кечрик*.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Имя прилагательное в мишарском диалекте по образова-
нию, употреблению и семантике почти полностью совпа-
дает с тем, что известно об этой части речи в татарском
литературном языке. Здесь можно остановиться лишь на
двух моментах.

1. Прилагательные от древнего имени действия на
-гы/-ге от древней глагольной основы bul- ‘находить’
образуются путем присоединения афф. *-лы/-ле*: *булгылы* —
литер. *булдыклы, булган* ‘деловитый’, ‘деловой’, ‘способ-
ный’ и т. д.; ср. тур. bolgu ‘сметливость, находчивость,
понятливость, понимание’. Примеры: Кейәw бәк *булгылы*
иде ‘Зять был очень деловым (человеком)’; Йере *булгылы*
‘Муж ее деловой’; *Булгылы* кеше йугал'мый ул ‘Деловой
(способный) человек не пропадет (никогда)’.

От некоторых имен действия на *-гы/-ге* путем присо-
единения афф. *-сыз/-сез* образуются прилагательные с се-
мантикой отрицания значения, выраженного в исходной
основе (литер. *-лык/-лек түгел*): *чыккысыз, кергесез, кутәр-
гесез, бетергесез, алгысыз* и т. п., но не говорят: *ашагысыз,
кургесез* и т. п. Примеры: Таза, *кутәргесез* ‘Полный, не-
возможно поднять (букв.: полный, неприподъемный)’;

Бүлә тә *бетергесез* ‘Невозможно (все) рассказать (букв.:
нерассказуемый)’; Бу урындыклар *кутәреб баргысыз* ‘Эти
стулья невозможно нести на себе (букв.: эти стулья непе-
реносимые на себе)’; Багып *туйгысыз* ‘Не насмотришься
(букв.: ненасмотримый)’; *Этеп* тә *бетергесез* инде, капа-
ным ‘И не выскажешь уж всего, душенька моя (букв.:
и не высказуемое уж, крылышко мое)’. Ср.: *Булгысыз*
(реше) — литер. *булдыксыз* ‘бездарный’, ‘беспомощный’,
‘недотепа’, т. е. имеет значение, обратное *булгылы*.

2. Способы образования степеней сравнения в основ-
ном те же, что и в татарском литературном языке и боль-
шинстве других тюркских языков. В мишарских говорах
отмечаются лишь некоторые фонетико-морфологические
особенности в образовании сравнительной степени.

Сравнительная степень, как известно, образуется с по-
мощью афф. *-рак/-рәк, -ырак/-ерәк* [25] (последний вариант
факультативно присоединяется к основам на согласный):
арт(ы)рак ‘старше’, *аг(ы)рак* ‘белее’, *йаңа(ы)рак* ‘но-
вее’, ‘более новый’, *тер(е)рәк* ‘живее’, ‘подвижнее’ и др.
Если данный предмет сравнивается с другим предметом,
то последний ставится в исходном падеже: Выты *йырагыраг
ыру* ‘Вот более дальняя родня’; *Йевешерәк* урны йахшы
‘Хорошо (если) место повлажнее (для капусты)’; Берсе
инәнән дә *камыл'рак* ‘Одна из них даже старше меня’;
Дем авыл *Мазарлыдан кечерәк* [26] ‘Село Демино меньше
Могилок’.

При присоединении к прилагательным, наречиям с ко-
нечным *р* или *ры/ре* (а краткие гласные легко редуци-
руются) происходит диссимиляция *р* аффикса и переход
его в *л*: *зур—зур(ы)рак > зуррак > зурлак, бире—бире-*

---

[25] Афф. *-рак/-рәк* присоединяется также к: а) наречиям, б) деепричастиям, выражающим способ, образ действия, усиливая или ослабляя их значение в зависимости от семантики исходной основы: *барыбрак кычкыр* ‘подойдя поближе, крикни (позови)’, *куркыбрак тырам* ‘немного побаиваюсь’; в) в тех случаях, когда опущено, но подразумевается какое-либо наречие (например, *куп, әз, берәз, берсәк, йакын* и др.), к именам существительным, местоимениям, стоящим главным образом в дательном падеже, и послелогам в послеложных конструкциях: *әнийеңәрәк ошаган* ‘он больше похож на твою маму’, *сиңарак күчәм* ‘передвинусь поближе к тебе’, *үзеңәрәк тарта* // *үзенә табарак тарта* ‘подтягивает поближе к себе’ и т. д.

[26] Встречаются также фонетические варианты *кечрик/кечрук* (здесь *ә ~ и, и ~ у*).

рәк > биррәк > бирләк, ары—арырак > аррак > ар… элгәре—элгәрерәк > элгәррәк > элгәрләк, йугары—йу… рырак > йугаррак > йугарлак и некоторые другие. На… более широко распространены *зурлак, бирләк, ар…* остальные случаи встречаются в основном в лямбирс… говоре: *Зурлаг* эшә йукмы? ‘Нет ли иголки побольше… Ват *бирләк* куй ‘Вот (сюда) поближе положи’; *Ар…* шидер куренэ ‘Вдали (подальше) что-то виднеется’; Ш… нардан *йугарлак* иде ‘Был повыше этого’.

К некоторым прилагательным (и наречиям), особенно с конечным *р*, может присоединяться двойной аффикс сравнительной степени, несколько усиливая или ослабляя значение исходной основы: *зурраг(ы)рак > зурлаг(ы)рак, бир(е)рәг(е)рәк > бирләг(е)рәк, арыраг(ы)рак, тар(ы)раг(ы)рак > тарлаг(ы)рак* (серг.) *катыраг(ы)рак, сулыраг(ы)рак* и др. Примеры: *Бирлә… рәк* тагы тишмә ‘Сюда поближе (есть) еще родник’; Ва… *арлагырак*, ике у аша ‘Вот, (немного) подальше, чер… два дома’; *Зурлагырак*, тирәнрәк йукмы? ‘Нет ли (чаш… побольше, поглубже?’; *Әзерәгрәк* бирделәр ‘Дали мал… вато’; Апасы *кечерәгрәк* апардан ‘Старшая сестра (ростом) ниже ее’. Ср. еще в карсунской группе сел: *иртәрә…* (195) < *иртәрәгрәк* < *иртәрәкрәк, артынарлак* (197) < *артынараграк* < *артынаракрак*. Примеры: Тау *артынар… лак* баргачтан «Кучак сувы» ‘Если немного пройдеш… за гору, (там) выбивает (родник) «Кувак сувы»’; *Иртәр… ләк* (әлдә) ‘Рановато (еще)’.

В некоторых чокающих говорах на востоке Мордовии, южной и юго-восточной части Пензенской области в позиции после сонорных *л, н, р, й*, а также после гласного и иногда после согласного *з* присоединяется афф. *-дырак/-дерәк*, редко — *-тырак/-терәк*: Эшкә быраз *начардыра… гын* (кийәм) ‘На работу надеваю (куртку) похуже’; Тегесе… бераз *авырдыраг* иде укырга ‘Той немного труднова… было учиться’; *Йиңелдерәк* эшлегә азрак бирәләр, *авыр… дырак* эшлегә күбрәк бирә ‘У кого полегче работа, тому платят меньше, у кого потруднее работа, тому платят больше’; *Укыгандырак* кешеләр ‘Люди пограмотнее’; *Уңай… дырак* иде ‘Удобнее было’; Башын *шалайдырак* бәләсә, ни… була ‘Что (случится), если голову повяжет, примерно, так?’ Ср. еще: *карадырак* ‘темнее’, *арттадырак* ‘немного сзади’, *иртәдерәк* ‘пораньше’, *быраздырак* ‘немного’, *тоссоздырак* ‘несолоноватый’.

Активно употребляется этот аффикс лишь в говоре сел … «Алтавыл», в частности, в населенных пунктах …ыдкино (268) и Кутеевка (270). Во всех других населенных пунктах он сохранился лишь в речи старшего …оления носителей говора.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

По своему лексическому составу, образованию, изменению и употреблению категория числительных совпадает … числительными литературного языка, например: *бер— …р, берәр* и т. д. Есть лишь небольшие различия в звуковом оформлении некоторых из них, а именно: *йиде / …де* — литер. *җиде* — 7; *сикес, тукыс* (темп., серг., …ично лямб. гов.) — литер. и все другие миш. гов. *…са, тугыз* — 8, 9; *йегрембер, йегрембиш // йегерме бер, …герме биш* — литер. *йегерме бер, йегерме биш* — 21, 25; *…мыш, жикмеш* (мел.) — все другие миш. гов. *алтмыш, …тмеш / йетмеш / җитмеш* — литер. *алтмыш, җит… ш* — 60, 70; *сиг(е)зән, туг(ы)зан* — литер. *сиксән, …ксан* — 80, 90.

МЕСТОИМЕНИЕ

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

По составу и звучанию личные местоимения в мишарском диалекте не отличаются от литературных: *мин* ‘я’, *син* …’, *ул* ‘он’, *без* ‘мы’, *сез* ‘вы’, *алар* ‘они’. В склонении …чных местоимений в традиционных мишарских говорах …мечаются лишь незначительные отклонения от литературных норм, в основном фонетические или фонетико-морфологические.

В родительном падеже местоимения 1-го лица ед. числа …ют форму на *-нең / -нең*: *минең / минен*. Но она … современных мишарских говорах довольно активно …теснятся литературной нормой: *минем* (<*мин* + *…ең*).

Примеры: *Минен* йеремнен хар′ындашы була инде Она является сестрой моего мужа’; С′огышта калды вит *минең* татар ‘Мой муж погиб (букв.: остался) ведь на …йне’.

На территории современного Кадомского района Б занской области (с. Чернышево, Верки) и южной ч Мордовии (нас. п. 182, 183, 184, 185, 264, 271) отме употребление и усеченного варианта аффикса родит ного падежа *-ны/-не* (подробнее об этом см. на стр. *Мине* хар'ындашым вата бер бала ман калды 'Моя с вот осталась с одним ребенком'; *Мине* белән укыды мной учился'; Безгә баргын, ату *мине* эчем поша 'При ко мне, а то мне скучно'; *Аны* белән 'С ним'; Ни рыйым *сине* белән? 'Зачем я пойду с тобой?'

В песнях встречаются формы род. п. *мәйнен / мә* 'мой', *сәйнен* 'твой', вин. п. *мәйне* 'меня', *сәйне* 'т например: Үзе генә айаз, үзе йил | Өрпетәдер *мәйне* темне || Өрпеп кенә эрнеп йыласам да | Кем ай *мәйне* йәтимне '(День) сам солнечный, сам ветро Щиплет мое лицо. Как бы я горько ни плакала, Некому жалеть (букв.: кто пожалеет?) меня, сиротку' (Из стар ного плача невесты).

В западной части Пензенской области (нас. п. 265, 267, 268, 269, 270) сохранилась одна из древних [27] ф личных местоимений 1 и 2-го лиц ед. числа в датель направительном падеже: *м'аңа / мәңа* 'мне', *с'аңа / с* 'тебе': Белмим шул ни *с'аңа* этергә дә 'Не знаю уж тебе и сказать'; Тагы *с'аңа* ни кирәк? 'Что тебе нужно?'; *М'аңа* күлмәк кийәргә бир 'Позволь мне н платье (на себя)'.

Эта форма отмечена также в дрожжановском го (нас. п. 82, 83, 86, 87).

На западе распространения мишарского диалект на территории Рязанской (с. Азеево, Тархань, Вер Чернышево и др.) и Тамбовской (с. Татарщино и д областей — личные местоимения *мин*, *син* в дател направительном падеже имеют формы *мага*, *сага*, об с касимовскими (*ма'а*, *са'а*) и бастанскими (*мага*, *са* говорами и восходящие к ногайским *магъа*, *сагъа* *Мага* да керәаласын 'И ко мне можешь заходить'; *С* анда барма кирәк 'Тебе надо туда пойти'; *Мага* кү әле китабыны 'Покажи-ка мне твою книгу'; Әдә кү күрсәтермен *сага* 'Пойдем, я тебе покажу'.

[27] Ср.: maŋa, meŋä 'мне', saŋa, seŋä 'тебе' (ДТС, стр. 337, 3 485, 495).

[28] *Н. А. Баскаков.* Ногайский язык и его диалекты. М.—Л., 19 стр. 74.

Личное (точнее — лично-указательное) местоимение 3-го лица ед. числа *ул* в пространственных падежах в мишарских говорах оформляется с помощью сложных афф. *-нарга*, *-нарда*, *-нардан*, т. е. по типу указательных местоимений *бу*, *шул*, *теге*. При этом оно, как и в литературном языке, изменяет свою основу: *у* > *а*. Примеры: *Анарда* кеше бар 'У него кто-то (букв.: человек) есть'; Мин кат'канда күрдем, *анардан* чыгып килә иде 'Я, когда возвращался, видел, как он выходил от него'; Атын гына әйтәзебез *анарга* 'Мы ему сообщаем только имя его'.

Литературной нормой принято считать афф. *-ңарга*, *-ңарда*, *-ңардан* (где *н* ~ *ң*): *аңа / аңарга*, *аңарда*, *аңардан*, хотя и формы *анарга*, *анарда*, *анардан* не чужды для литературного языка.

В отличие от всех других мишарских говоров, в говорах сел Азеево, Тарханы, Татарщино местоимение *ул* в пространственных падежах имеет общие с бастанским говором формы: *агар(ы)*, *агар(ы)да*, *агар(ы)дан*, например: Тегесе д'з'иткезгәндер *агары* 'Тот, наверно, довел до его сведения'; *Агары* бирмә син кишканны 'Ты ему не давай свою книжку'; Багарсын, *агарда* ни булса да булыр 'Увидишь, у него что-нибудь да будет; *Агар* торырга да йарамый 'Ему даже вставать нельзя'.

В с. Красный Остров (74) Горьковской области отмечена форма *унын* — родительный падеж от местоимения 3-го лица ед. числа *ул* — вм. литер. *аның*: *Унын* баласы туа'ла 'У нее рождается ребенок'.

Укажем в связи с этим на форму *унысы* от указательного местоимения *ул* вм. *анысы*, зафиксированную в с. Азеево Рязанской области, говор которого также цокающий. Ср. башк. *уны* — вин. п. от *ул*.

УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

По лексическому составу, семантике и употреблению указательные местоимения не отличаются от разряда указательных местоимений литературного языка: *бу*, *шул*, *ул*, *теге / тее*, *мондый / мындый*, *шондый / шындый*, *андый*, *тегендий / теендий* [29]. И лишь на ограниченной

[29] В синтаксическом плане указательные местоимения, как известно, выступают: а) в качестве определений и б) самостоятельно — в функции подлежащего, сказуемого и дополнения. Во втором случае они могут принимать соответствующие аффиксы.

территории в пределах Пензенской области и Мордовии употребляются диалектные варианты: *шал*, *шандый* (напр. п. 186—189, 271, 272—275), *шол* (75, 76, 82, 83), *шал* / *шыл* (176, 276, 277, 284, 302), *ушы* (174). В отдельных селах может употребляться и форма *шундый* (несомненно, под влиянием литературного языка или же территориально близких говоров среднего диалекта). Примеры: *Шал* йырларны йырлар 'Эти (самые) песни будут петь'; *Шал* йагаларны куберәк белә 'Эти края он больше знает'; *Шал* татарны суккансыз картычкага 'Этого (самого) мужчину вы, оказывается, сфотографировали'; Үзебез тукыдык идек, күлмәк тә кийә идек *шал* алачадан 'Сами, бывало, ткали, и платья носили из этой пестряди'; Коро *шыл* ике кызланны китердем 'Вот только этих двух ребятишек привезла'; Элке *шыл* тошне буйадым 'Сначала выкрасила это место'.

В склонении субстантивированных форм указательных местоимений особых отклонений от литературных норм нет [30], если не считать некоторых фонетико-морфологических различий в формах пространственных падежей; ср. мишн. *монарга / мынарга*, *шонарга // шынарга*, *анарга*, *тегенәргә* — литер. *моңа // моңарга*, *шуңа // шуңарга*, *аңа // аңарга*, *тегеңәргә*, например: *Монарга* хат йазалар 'Ему (букв.: этому) пишут письмо'; *Мынарга* да калдырган дигин 'Скажи, что и этому оставил'; *Мынын* килеwe 'Приход этого'; *Шанарга* да риза була 'И с этим соглашается'; Улсы барын *шынын* чә'ле сewок ала 'Тот идет и берет кость вот такой (величины)'; *Тегенәрдән* соралып кил 'Уходи, отпросившись у того'; Эшкә пузналанам, *шанга* абдырадым 'Опаздываю на работу, поэтому заспешила'; *Шанын* тике 'Столько'.

В говорах с. Азеево и д. Тархань употребляются погайские формы пространственных падежей от местоимений *бу*, *шул*, *ул*: *быгары*, *быгар(ы)да*, *быгар(ы)дан*, *шугары*, *шугар(ы)да*, *шугар(ы)дан*, *агары*, *агар(ы)да*, *агар(ы)дан*, например: *Быгардан* бер генә йәш зур 'Старше этого только на один год'; *Шугардан* йаман эш йук 'Нет хуже этого (дела)'; Укыгансын *шугары* инде 'Училась уже этому'; *Богары* урында да йөри 'И в этом месте ходит'.

[30] О варианте аффикса родительного падежа *ның/-нең* и усеченном варианте *-ны/-не* см. в разделе «Категория склонения», стр. 111.

Указательные местоимения-прилагательные *андый*, *мондый / мындый*, *шондый / шындый / шандый*, *тегендий*, образованные из *бу*, *шул / шыл / шал*, *ул*, *теге* путем присоединения аффикса уподобления *-дый/-дий*, склоняются по типу склонения имен существительных: *андый*, *андыйның*, *андыйга*, *андыйны*, *андыйда*, *андыйдан* и т. д., например: *Шандыйда* йерерсең дә шымыртка, *шандый* буран 'И будешь ходить за черемухой в такую погоду, так (ведь) сыро!'

Указательные местоимения *бу*, *шул*, *ул* могут присоединять аффиксы принадлежности [31]:

Ед. число

1 л.	буwым	шулым/шалым/шылым	улым
2 л.	буwың	шулың/шалың/шылың	улың
3 л.	бусы	шул(ы)сы/шал(ы)сы/шыл(ы)сы	улсы/улысы/улсысы

Мн. число

1 л.	буwыбыз	шулыбыз/шалыбыз/шылыбыз	улыбыз
2 л.	буwыгыз	шулыгыз/шалыгыз/шылыгыз	улыгыз
3 л.	болары/былары	шолары/шалары/шылары	алары

Примеры: *Бушым* инде ат'кан кат'ам уку беткәч 'Этот (мой), — говорят, — сказал уж, что вернусь, когда кончится учеба'; *Бушың* бетмәгән. . . 'Это (твое) еще не кончилось. . .'; *Бусы* соң тагы кем? '(А) этот-то еще кто?'; *Улыбыз* әле йәш 'Тот наш еще молод'; Wана *шулсы* гына кечкенәдер 'Вот тот только, наверное, маленький'; Кичә *улсы* да килгән иде 'Вчера и тот приходил'; *Улыгыз* суга, *шушыгыз* суга 'Тот из вас ударит, этот из вас ударит'.

[31] В цокающих говорах иногда употребляются и литературные формы *ан(ы)сы*, *монсо / мынсы*, должно быть, под влиянием говоров среднего диалекта и литературного языка, например: *Мынсы* укый тырган йиредер 'Это, наверное, место его учебы'. А в говоре с. Азеево (174) отмечена форма *унысы* вм. литер. *анысы*: *Унысы* кат'канмыни Мәскәүдән? 'Разве тот вернулся из Москвы?'; *Унысын* ныттым 'То я забыл'.

В основном на территории Татарии, Мордовии и Пе-
зенской области отмечено достаточно широкое употреб-
ние двойного аффикса принадлежности *-ы+-сы* или *-сы-*
-сы: *буысы* > *бушысы*, *бусысы*, *шулысы*, *улысы*, *улсысы*, н-
пример: *Улысы* кычаклый үземне, бушысы кычаклый 'Т-
обнимает меня, этот обнимает'; *Шулысы* хаз'айын бул-
калды 'Тот самый остался в качестве хозяина (стал н-
следником)'.

Склонение указательных местоимений, снабженны-
аффиксом принадлежности, происходит по общим с им-
нами существительными правилам — *улсы*, *улсының*, *улсы-*
и т. д., например: *Бусының* вата ыланнары йук, бер йаш-
тора 'У этой вот детей нет, живет совсем одна'; *Бусы-*
йынҗыр белән тага идек буш'га 'Это надевали на ше-
на цепочке'; *Улсын* гына эҗәргә йарый 'То только мож-
пить'; *Улысын* бик йакшы сорашмадым 'О том я не ра-
спрашивал особенно подробно (букв.: хорошо)'; *Шулсы-*
ал инде, тегесе тирән выт 'Возьми уж этот (таз), тот ве-
глубокий'; Эченче йылмы була *бушыма* 'Третий год что я
будет этому моему (пальто)'; *Улсына* ышанып була, аҗ-
тигел 'Тому можно поверить, неудивительно'; *Улсын-*
да малайы учител 'Сын и той (сестры) — учитель'.

ВОПРОСИТЕЛЬНО-ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Кем, *ний*, *нәстә* (редко: *нәрестә*, *нәмәстәкәй*), *ниндий*, *кас'ы* / *касы*, *качан*, *ничә*, *ничек*, *ник* / *нәк*, *нигә*, *күпме*, *каа* / *кайа*, *каан* / *кайан*, *кар'е* / *кар'ы*.

Большинство из этих местоимений совпадает с таки-
выми литературного языка, отличаясь лишь по своему
звуковому оформлению. Местоимение *каа* // *кайа* (<*кай* +
а) ~ литер. *кая* 'куда' и *кайда* 'где'. Ср. *Кайа* барасыз?
'Куда идете?'; *Кайа* торасыз? (литер. *Кайда* торасыз?)
'Где живете?'; *Кайан* ~ литер. кайдан 'откуда': *Кайан*
килдең? 'Откуда пришел?'

В говорах ряда сел Мордовии, Рязанской (Чернышево),
юго-востока Пензенской областей употребляется место-
имение *кар'е* / *кар'ы* 'куда', отсутствующее в литератур-
ном языке. Оно образовано из *кай* [32]+аффикс направи-

[32] *Кай* встречается в литературном языке в составе некоторых ме-
стоимений (*кайчан*, *кайсы*, *кайа*, *кайда*, *кайбер*) и в сочетании
со словами *җир*, *йак*, *төш*: *кай җир*, *кай йак*, *кай төш*. В ми-

тельного падежа *-ры*: *кайры*. В мишарских говорах про-
изошло закономерное для них стяжение дифтонга *ай*
в монофтонг *а* перед переднеязычным *р* (см. об этом в раз-
деле «Дифтонги»), т. е. здесь: *кайры* > *кар'е* / *кар'ы*.
Примеры: Шакирыңны *каре* йебәрдең? 'Куда ты отправила
своего Шакира?'; *Кар'ы* барасын? 'Куда идешь?'; Халк
кар'ы, шонда 'Куда народ, туда (и я)'; Вахыт та йук,
кар'ы барыйым? 'И времени нет, куда (же) я пойду?'; Телә
кар'ы куй 'Клади куда хочешь'; Бу, — әтәм, — сезне
кар'ы итәр? 'Этот, — думаю я, — куда вас поведет?'

Это местоимение сохранилось в караимском (*кары* /
кайра / *кейре* / *кайри*) и балкарском (*къайры*) языках.
Ср. еще в азерб.: *hара* 'куда', *hарадан* [33] 'откуда'.

Местоимение *нәстә* (литер. *нәрсә*) характерно для всех
говоров мишарского диалекта: *Нәстә* эшлисез сез монда?
'Что вы тут делаете?'; *Нәстә* сүлисен син? 'Что ты го-
воришь?' В чистопольском говоре параллельно с его
основной формой употребляются *нәрестә* // *нәмәрсә* // *нә-*
мәстә // литер. *нәрсә* [34]; в байкибашевском — *нәмә*
(<башк. *нәмә*).

ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Бөтен / *бетен*, *бар(ы)*, *барча*, *барлык*, *әр* / *хәр* (<перс.)
әрбер / *хәрбер*, *әммә* / *хәммә* (<перс.) и другие употреб-
ляются во всех мишарских говорах и отличаются от ли-
тературных вариантов лишь звуковым оформлением: *Бе-*
тен ылан урамда ун'ий 'Все дети играют на улице';
Бу бөтен затларын чыгарган 'Все свои вещи эта выпесла';
Бар кеше дә айыплы 'Все люди виноваты'; *Әрбер* awылда
шылай болган [bolgan] 'Так, — говорят, — было в каждой
деревне'.

Все эти местоимения в предложении играют роль опре-
деления. Субстантивируясь, они, за исключением *әр* / *хәр*,

шарском диалекте, кроме того, *кай* употребляется в сочетании
со словами *көн*/*кен*, *йыл*: *Кайкенне* утырганнар, чәй эчәләр 'Как-то
(букв.: в один из дней) сидят, пьют чай'; *Кайкен* ат'а 'Однажды
говорит'; Әлек wахытында килергәйде үзебезгә, *кай йылны* бик
була '(Вам) надо было приехать к нам, когда поспевает земляника,
в иной год много бывает (ее)'.

[33] «Грамматика азербайджанского языка». Баку, 1971, стр. 84, 86.

[34] *Р. Р. Шәмгунова.* Чистай сөйләшенең морфологик һәм синтаксик
үзенчәлекләре. — МТД, вып. 2, стр. 181.

припимают аффиксы принадлежности и падежей: Сиңа гына тегел, *бетенебезгә* дә закун ул ‘Это не только для тебя, (но) и для всех нас закон’; *Бөтөнөсен* үзем җыйыш тырдым ‘Все убрала сама’; Хал′ итепмен вет — *барысы* да бар ‘Все ведь сделала — все есть (у меня)’; Аннан соң аның *барын* да эшке кергезә ‘Потом она все (это) пускает в дело’.

В мишарских говорах употребляются определительные местоимения, отсутствующие в литературном языке: *бер че(се) / берце(се)*, *берчә* (189), *нибары*, *беткел / беткер беткел(л)есе*, *бетеребе* — со значением «все». Причем *берче(се) / берце(се)*, *нибар(ы)* характерны для всего мишарского диалекта. Примеры: *Берчесе* сокланалар ‘Все восхищаются’; *Берчегез* бире килегез ‘Все вы подойдите сюда’; *Берт′ц′есен* күрге кели ‘Хочется всех повидать’; Бик күб ылан асраган, *берчесен* укыткан ‘Очень много детей воспитала, всем им дала образование’; *Берчебезгә* дә йитәрлек булды ‘Хватило на всех нас’; *Нибарыгыз* мәтәм, минен бакчадан пулзывит′ ителә ‘Все вы, — говорю, — пользуетесь (благами) моего сада’.

Берчесе / берце(се) в качестве определения не используется, так как оно снабжено аффиксом принадлежности 3-го лица. А это, как известно, происходит в тех случаях, когда местоимения субстантивируются.

Беткел, *беткел(л)есе*, *бетеребе* встречается в чистопольском и мелекесском говорах, а также в мишарских говорах на территории БАССР, куда они проникли из тептярских говоров: *Беткел* пас′улкыны сырап чыксагыз да, шулай дийәрләр ‘Если даже (расспрашивая) обойдете весь поселок, так скажут’; Тенә мәҗлес җиган идек, тирә-күршеләрнең *бетеребе* дә керделәр ‘Вчера приглашали гостей, все соседи пришли’.

ВОЗВРАТНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Возвратные местоимения в мишарском диалекте образуются путем присоединения аффиксов принадлежности к слову *үз*, которое в тюркологии принято переводить как ‘самость’, ‘сущность’: *үзем* ‘я сам’, *үзең* ‘ты сам’, *үзе* ‘он сам’, *үзебез* ‘мы сами’, *үзегез* ‘вы сами’, *үзләре* ‘они сами’. Примеры: *Үзем* дә китергәкләрмен ‘Я и сама буду приносить’; *Үзебез* дә калдык ыланшак мынан ‘Мы

и сами (во время войны) остались с детьми’; *Үләре* беско дә күркле генәләр ‘Сами они и на лицо довольно красивые’; Бу күмәчләрне *үзем* йабам ‘Такие (букв.: эти) лепешки я сама пеку’.

Возвратному местоимению может предшествовать личное местоимение в основном падеже, что не меняет, а лишь усиливает его значение: *мин үзем* ‘я сам’, *син үзең* ‘ты сам’, *ул үзе* ‘он сам’ и т. д., например: *Мин үзем* күрдем ‘Я сама видела’; *Сез үзегез* этепсез вет ‘Вы ведь сами, оказывается, знавали’.

Возвратные местоимения склоняются по общим правилам: *үзем*, *үземнең*, *үземә*. . ., *үзе*, *үзенең*, *үзенә*. . . В косвенных падежах они могут употребляться вместо личных местоимений: *Үзенә* түрә ат′алар иде ‘Его называли *түрә* (прозвище)’; Йывындырыга кирәк иде *үзен* ‘Надо было искупать его’; Ничек йебәрә *үзеңе* айлыклап? ‘Как (только) отпускает тебя на (целые) месяцы?’; Сез барыгыз да укыпсыз, укытканнар *үзегезне* ‘Вы все, оказывается, учились, выучили вас’; Берәз катык китерийем *үзегезгә* ‘Припесу-ка я вам немного квашеного молока’.

Если на возвратное местоимение падает логическое ударение (а) или ему предшествует личное местоимение либо имя существительное в косвенных падежах (б), то все высказывание передает значение противопоставления одного объекта другому (последний может быть известен лишь из контекста). Примеры: а) *Үзенә* түрә ат′алар иде ‘Его самого (а не другого) называли *түрә*’; Йывындырыга кирәк иде *үзен* ‘Его самого надо было искупать’; б) *Бабайның үзенә* түрә ат′алар иде ‘Самого деда называли *түрә*’ или ‘Деда прямо в глаза называли *түрә*’ (букв. ‘Деду самому говорили *түрә*’); Йывындырыга кирәк иде *Ал′укны үзен* ‘Алюка самого надо было искупать’; Ничек йебәрә *сине* (// *синен*) *үзеңе* айлыклап? ‘Как (только) тебя самого отпускает на (целые) месяцы?’; Берәз катык китерийем *сезгә* (// *сезнең*) *үзегезгә* ‘Принесу-ка немного квашеного молока для вас самих (а не для. . .)’.

Возвратные местоимения могут употребляться в форме повтора, при этом один из компонентов его стоит либо в дательном (*үз-үземә* ‘я сам себе’, *үз-үзеңә* ‘ты сам себе’, *үз-үзенә* ‘он сам себе’. . . или *үземә-үзем* ‘я сам себе’, *үзеңә-үзең* ‘ты сам себе’, *үзенә-үзе* ‘он сам себе’. . .), либо в винительном (*үземне-үзем* ‘я сам себя’, *үзеңне-үзең* ‘ты сам себя’, *үзен-үзе* ‘он сам себя ’. . .) падежах, например:

Үземә-үзем хужа ‘Я сам себе хозяин’; *Үзен-үзе* махтый ‘Он сам себя хвалит’.

Примечание. Слово *үз*, предшествующее имени с аффиксом принадлежности, усиливает идею принадлежности: Оркем *үз* awылын махтый ‘Каждый хвалит свою деревню’; *Үз* кызы килгән ‘Ее собственная дочь приехала’; Үсала *үз* йортона ‘Он ставит дом на своем дворе’. *Үз* в данной позиции может принимать аффикс принадлежности и родительного падежа, что еще сильнее подчеркивает идею принадлежности. Ср.: Оркем *үзенең* awылын махтый ‘Каждый хвалит свою деревню’.

Для усиления идеи принадлежности в предложение может быть включено личное местоименение в родительном падеже. При этом оно может занимать любое место в предложении: Үзебезнең сыйырыбыз бар *безнең* ‘У нас есть своя собственная корова’.

Таким образом, возвратные местоимения употребляются в мишарском диалекте в пределах нормы литературного языка.

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Неопределенные местоимения образуются путем присоединения к вопросительным местоимениям частиц *кан′ / кай- / кой-*, *әллә / ал′ла* и *-дыр/-дер*, например: *Кан′кайда* китте шопда ‘Куда-то (тут) она ушла’; *Әллә кайан* табыш алган ‘Откуда-то он выискал’; *Кан′ни* тагы эшләткән ‘Он еще что-то заставил делать’; *Кан′ни* (булган), ахр′ы жармыдыр суккан үзен? ‘Что-то (случилось с ним), солнечный удар что ли хватил его?’; *Кан′-качан* түләмәгән ‘С каких пор не уплочено’; *Кемдер* шакый ‘Кто-то стучит’; *Нәстә-дер* тешеп йемрелде ‘Что-то упало и разбилось’; Ыланнары нидер эшләгән ‘Дети ее что-то натворили’.

Неопределенные местоимения, образованные с помощью частиц *әллә* и *-дыр*, характерны и для литературного языка. Что касается древнего *кан′*, имеющего общее происхождение с *кай* и сохранившегося в мишарском диалекте в качестве частицы, то он в литературном языке утрачен.

В пределах Мордовии и Рязанской области, а также в пограничных с Татарией районах Ульяновской области[35] отмечены *кой-кем* ‘кое-кто’, ‘некоторые’, *кой-кайда* ‘кое-куда’, ‘куда-нибудь’. Примеры: *Кой-кайда* барып катасы

[35] *М. Н. Гиниятуллина.* Тат. Урайкино һәм Ертуганово авылларында яшәүче татарларның сөйләше (Дипломная работа студентки КГУ). Казань, 1968, стр. 54—55.

ыдо ‘Надо бы кое-куда сходить’; *Кой-кемнәр* амит үде, *кой-кемнәр* тукта эшләде ‘Некоторые мели омет, (а) некоторые работали на току’; *Кой-кемнәрдә* бар әле әскәтерләр ‘Кое у кого есть еще (старинные) скатерти’.

На первый взгляд кажется, что *кой-* восходит к рус. *кое-*. Однако правильнее предположить, что *кой-* исторически восходит к др.-тюрк. qaju, сохранившемуся в современных тюркских языках, в том числе татарском, в виде *кәй / кай*. С рус. *кое-* произошла лишь контаминация.

В мишарских говорах употребляются также неопределенные местоимения, образованные путем повторения вопросительно-относительных местоимений *качан* ‘когда’ и *каа / кайа* ‘где’: *качан-качан* ‘иногда’, *кайа-кайа* в том же значении. Примеры: *Качан-качан* сиңа да уступка йасарга йарийдыр вет! ‘Иногда и ты ведь можешь, наверное, сделать уступку!’; *Кайа-кайа*, үзем барып кат′ам, *кай-кайа* үзләре килә ‘Иногда (бывает) я сама съезжу, иногда они сами приезжают’.

Там, где употребляется вопросительное местоимение *кар′ы*, образуются неопределенные местоимения *кар′ыдыр* и *әллә кар′ы* (синонимы *кайадыр* и *әллә кайа*) ‘где-то’, ‘куда-то’, ‘неизвесто где или куда’: Мошко китергәннәр, *әллә кар′ы* китергәннәр ‘Паклю привезли, (но) неизвестно куда привезли’.

Обычно местоимения, образованные сочетанием *бер* с вопросительным местоимением *кайа*, употребляются в предложениях с отрицательным сказуемым, и их принято относить к отрицательным местоимениям. Но в мишарских говорах сочетание *бер каа* ‘куда-нибудь’ (литер. *кая да булса, берәр җиргә*) встречается и в предложениях с положительным сказуемым в значении неопределенного местоимения. Ср.: Ә ул кергәндер *бер каа* ‘А он зашел, наверное, куда-нибудь’.

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Отрицательные местоимения образуются сочетанием вопросительных местоимений с *бер* (показатель неопределенности) или частицей *ич // хич* (<перс.): *беркем // ичкем* ‘никто’, *берни // ични* ‘ничто’, ‘ничего’, *бернәстә // ичнәстә* ‘ничто’, ‘ничего’, *бернинди // ичнинди* ‘никакой’, *беркачан // ичкачан* ‘никогда’, *берничек // ичничек* ‘никак’, *беркайа // беркар′ы* ‘никуда’ и т. д. Более активно

употребляются первые (*беркем*, *бернинди* и т. д.); на вторых (*ичкем*, *ичнинди* и т. д.) лежит печать книжности.

Отрицательные местоимения выступают, как указывалось выше, лишь в отрицательных предложениях: Кагау айагыннан төшкән кош (мин) — *беркемем дә* йʸок ‘(И словно) птица, выпавшая из когтей коршуна — никого у меня нет’; Ат′ам: *беркем* килмидер дә ‘Я говорю, (что) никто и не приходит’; Пугрәпка да салабыз, үз тупрагы белән *берни* дә болмый [bolmïj] ‘И в погреб ссыпаем (непросушенный картофель), ничего (с ним) не случается, если (ссыпать его) со своей землей;’ *Ичкем* ман сүләшмидер ‘Ни с кем не разговаривает’; *Бернинди* кызык йук кыш кене ‘Ничего интересного не бывает зимой’; Бармыйм, бармыйм *беркар′ы* ды ‘Не пойду, не пойду никуда’.

ГЛАГОЛ

ЗАЛОГИ

Своеобразную специфику в образовании залогов составляет лишь то, что в мишарском диалекте аффикс понудительного залога *-гыз/-гез*, *-кыз/-кез*. . . (фонетический вариант *-гыр/-гер*, *-кыр/-кер*. . .) присоединяется к несколько большему числу глагольных основ, чем в литературном языке. Эти основы следующие: *йат-кыз-* ‘уложить’, *уткәз-* ‘пропустить’, ‘провести’, *йит-кез-* ‘довести’, *кот-каз-* (редко) ‘освободить’, ‘упустить’, *йот-коз-* (редко) ‘заставить проглотить’, *ти-гез-* ‘заставить коснуться’, *менгез-* ‘поднять’, ‘заставить подняться’, *бел-гез-* ‘дать знать’, ‘сообщить’, *кур-гәз-* ‘показать’, *кер-гез-* ‘впустить’, ‘заставить войти’, *тор-гоз-* ‘заставить встать’, ‘заставить подняться’, ‘поднять’. Из приведенных *йаткыз-*, *йиткез-*, *менгез-*, *торгоз-* употребляются и в литературном языке параллельно с *йаткыр-*, *җиткер-*, *менгер-*; *торгоз-* варианта с *-кыр* не имеет. В остальных случаях используются в нем либо *-кыр/-кер* (*уткәр*, *коткар*), либо другие аффиксы (ср. *белдер*, *курсәт*, *керт*, *йоттор*). Параллельное употребление форм с афф. *-кыр/-кер* отмечается и в мишарских говорах.

Афф. *-гыз*, в сущности, характерен для подавляющего большинства тюркских языков. Исключение составляют, пожалуй, лишь огузские языки и чувашский с якутским. Однако во всех языках, где этот аффикс употребляется,

он непродуктивен, образует понудительный залог от небольшого числа, как правило, аналогичных глагольных основ. Лишь в хакасском, ойротском и шорском языках круг таких основ, видимо, шире. Так, в хакасском этот аффикс присоединяется к основам на *р* и *л*: *паргыс-* ‘заставить идти’, *чӧргіс* ‘заставить ходить’, *халғыс-* ‘оставлять’ [36]; в шорском — *тургыс-* ‘заставлять встать’, *калгыс-* ‘заставить оставить’, ‘оставить’, *чӧргис-* ‘заставить ходить’, *пергис-* ‘заставить дать’ и др.[37]; в ойротском — к основам на *р*: *тургыс-* ‘заставить стоять’, ‘поставить’, *көргіс-* / *көргїс-* ‘заставить смотреть’, *дьӱргїс-* ‘заставить ходить’, *отургыс-* ‘посадить’ и др.[38]

В мишарском диалекте отмечены некоторые отклонения от норм литературного языка в употреблении отдельных форм залогов. Они немногочисленны и в общем сводятся к следующему.

1. Аффикс взаимно-совместного залога *-ыш/-еш*, *-ш* кроме своих основных значений (взаимное действие, совершаемое двумя или несколькими лицами, и действие, совершаемое в помощь кому-либо) в некоторых случаях может передавать и другие значения, например: *Йерәгем чәнчешә* (литер. *чәнчә*) ‘Сердце мое покалывает (множество раз или во многих местах)’; Туктагы *иген кызыша* (литер. *кыза*) ‘Хлеб на току преет (сам по себе)’; *Сет ачышкан* (литер. *ачыган*) ‘Молоко прокисло (само по себе)’; Йевеш тастымалыңы ак күлмәк эстенә куйыпсын, *краскасы керешкән* (литер. *кергән*, *сеңгән*) ‘Ты, оказывается, положила свой влажный платок на белую рубашку, (в результате в нее) впиталась (его) краска (сама по себе)’; Аскы-ымы йугат′кан идем, йаңыны йозагыма *йараштырдым* (литер. *йараттым*) ‘Потеряла было свой ключ, (да) подобрала новый к (своему) замку’. В данном случае оттенок взаимности, кажется, сохраняется, отступление имеет место в литературном языке.

2. Употребление возвратного залога вместо взаимно-совместного: *сүләну* вм. *сүләшү* ‘разговаривать’ (Ылаукада *сүләнгәнегезне* иштем ‘Слышала, как вы разговаривали в магазине’).

3. Использование формы действительного залога вместо страдательного или понудительного: Ызбагыз *эшләп* (вм.

[36] «Грамматика хакасского языка». М., 1975, стр. 180.
[37] *Н. П. Дыренкова*. Указ. соч., стр. 150.
[38] *Она же*. Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940, стр. 128.

эшләпеп) *бетә* инде ‘Изба ваша уже достраивается’. И наоборот: Чашкаларны *чәйкәтеп* (вм. *чәйкәп*) куйдым ‘Чашки я сполоснула’ [39].

ФОРМЫ ПЕРЕДАЧИ ХАРАКТЕРА ПРОТЕКАНИЯ ДЕЙСТВИЯ

Кратность, повторяемость действия выражается с помощью афф. *-гакла/-гәклә* — после звонких согласных основы, *-какла/-кәклә* — после глухих, *-кла/-клә* — после гласных основы. Ср. *бар-гак-ла*, *кил-гәк-лә*, *ач-как-ла*, *кис-кәк-лә*, *аша-к-ла*, *йере-к-лә* и т. д.

Этот аффикс по своему составу сложный. Вариант, присоединяемый к гласной основе *-кла/-клә*, представляет собой сочетание аффикса имени действия на *-гы/-ге*, *-кы/-ке*+аффикс интенсивности *-ла/-лә* [40] > *-гы*+*-ла* > *-кла*, где гласный аффикса имени действия закономерно редуцировался, а *г*, оказавшись в конце слога, перешел в *к* (*аша-к-ла*, *укы-к-ла*, *сүлә-к-лә*). Вариант аффикса, присоединяемый к согласным основам, состоит из удвоенного аффикса имени действия на *-гы/-ге*, *-кы/-ке* и афф. *-ла/-лә*. Второй раз аффикс имени действия присоединяется, видимо, по аналогии с гласной основой: *-кы*+*кы*+*-ла* > *-кы*+*к*+*ла* *(ач-ка-к-ла*, *бар-га-к-ла*, *кил-гә-к-лә)*. При быстром темпе речи *к* может переходить в’: *аша’ла*, *ачка’ла* и т. п.

Основное значение этого аффикса — указание на периодическую повторяемость действия (иногда, изредка, время от времени) или неполноту его (понемногу, немного, немножко): Мин инде *капкакладым* да ‘Я уже немного поела’; Ул йырга оста, бәлки, *йырлаклар* үзенә ‘Она мастерица петь, может быть, споет тебе’; Бар, *ун’акла* ‘Иди, поиграй немного’; Алманы *утаклый* ‘Картофель пропалывает (иногда, изредка, понемногу)’; Без күрше авылларда *булгаклыйбыз* ‘Мы иногда (изредка) бываем в соседних селах’.

Оттенки значений афф. *-гакла* могут быть подчеркнуты, уточнены или усилены с помощью различных слов, синонимичных этим оттенкам: *берсәк*, *берәз / бираз*, *вакыт-вахыт*, *сирәк кенә*, *сирәк-мирәк*, *берничә кат*, *берничә йирдән* и т. д. Примеры: Бу йакка да *бөргәклә* берәз ‘И на эту сторону побросай немного’; Берәз *эшләклә* ‘Поработай немного’; Ара-тирә *кургәклим*, — ди, — үзеп ‘Иногда, — говорит, — вижу его’.

В сочетании с основами некоторых глаголов (*кис-* ‘резать’, *сын-* ‘ломаться’, *чәнч-* ‘колоть’, *тек-* ‘шить’ и т. п.) выражает деление предмета на множество частей, совершение действия в нескольких местах или на многих предметах и т. п.: *Йаргаклыйм* да йагам ‘Расколю (на несколько частей) и топлю’; *Кискәкләде*, безгә бирде ‘Разрезал он (на несколько частей), дал нам’; Өз-башларын да *ыртаклыйлар* ‘И одежду рвут’. Кәзәм кергән иде, *ындыргаклап* бетергән ‘Забежала было коза моя, все поломала’; Аны бармаклары белән *тишкәкли* ‘Его (потом) пальцами протыкает (в нескольких местах)’.

В юго-западных районах Мордовии рассматриваемый аффикс может указывать на длительность действия: Әкрен генә шылай *тыргакларбыз* ‘Будем жить так, по-тихонечку’.

Иногда афф. *-гакла* не придает никакого нового значения основе глагола: Шурбы *эчкәкләргә* йарамый миңа ‘Мне нельзя есть суп’.

Мишарскому диалекту не чужд и литературный вариант этого аффикса. В чистопольско-мелекесском ареале после согласных основ присоединяется афф. *-гала*, а не *-гакла*: *баргала*, *алгала*, но: *укыкла*, *йасакла* и т. д. Афф. *-гала* спорадически встречается и в других говорах, в частности, на территории Пензенской области и в смежных с ней районах Ульяновской области: Үзем дә шылай качан *баргалыйм* ‘Я и сама иногда так захаживаю (к ним)’; Монда *куренгәләгән* дә инде ‘Здесь, оказывается, появился уже (несколько раз)’; Байа йаңгыр *йаугалады* ‘Давеча дождь покрапал немного’.

Афф. *-штыр/-штер*, присоединяемый в литературном языке к гласным основам обычно в сочетании с *-гала*, в мишарском диалекте не употребляется. Лишь изредка, под влиянием литературного языка, параллельно с мишарской формой на *-кла* можно встретить образования от основ глаголов *сора*, *йорө-* / *йере-*, *кара-* (кстати, само слово литературное)+афф. *-штыр/-штер*+иногда *-гала/-гәлә*: Берсе үдәген *караштырып* (литер. *караштыргалап*)

---

[39] См. примеры: *М. Н. Гиниятуллина*. Тат. Урайкино һәм Ертутаново авылларында яшәүче татарларның сөйләше. Дипл. раб. Казан, 1968.

[40] *А. Н. Кононов*. Указ. соч., стр. 269—270; *Н. А. Баскаков*. Каракалпакский язык, II. М., 1952, стр. 361.

тыра ‘Одна из них присматривает за тем, который дома’. Әлдә биредәме *йөрөштерәсез*? ‘Вы все еще здесь похаживаете?’; Бабайны мин *сораштыргалый* торам ‘Время от времени я расспрашиваю о деде’.

Но ср.: Бу турыда мин *соракладым* ‘Об этом я поспрашивала’; Әлде киткенче *сораклап* багарбыз ‘До отъезда еще поспрашиваем’; *Йерекләдем* мин, Ташкин йагында да булдым ‘Поездила я, и в ташкентских краях была’.

Неполнота действия передается с помощью афф. *-мсыра/-мсерә*. Однако он, как и в литературном языке, присоединяется лишь к трем основам: *колөмсерә- / келемсерә-* ‘улыбнуться (чуть заметно)’, *йыламсыра-* ‘всплакнуть’ (*Йыламсыраган* тавыш белән ‘плаксивым голосом’), *йокомсыра- / йыкымсыра-* ‘чуть подремывать’ (*Йыкымсырап* утыра идем ‘Я сидела, подремывая’).

Афф. *-(ы)ңкыра / -(е)ңкерә*, употребляемый в литературном языке со значением неполноты действия, мишарскому диалекту не известен.

КАТЕГОРИЯ ЛИЦА И ЧИСЛА

Категория лица (и одновременно числа) в мишарском диалекте, как и в литературном языке, имеет две формы. К основам форм простых времен (настоящего, будущего, прошедшего-настоящего I и II), восходящих к причастиям и деепричастиям, присоединяются аффиксы:

Ед. число	Мн. число
1 л. -мын/-мен, -м	-быз/-без
2 л. -сың/-сен, -сыңг/-сең	-сыз/-сез
3 л. -дыр/-дер	-лар/-ләр

Условно их можно назвать аффиксами I типа.

К основе прошедшего категорического времени изъявительного наклонения, восходящего к имени действия, присоединяются аффиксы, которые условно назовем аффиксами II типа:

Ед. число	Мн. число
1 л. -м	-к
2 л. -ң	-гыз/-гез
3 л. —	-лар/-ләр

Сложные формы времени образуются от основ соответствующих простых времен + вспомогательный глагол в форме прошедшего категорического времени от недостаточного глагола *и-мәк*: *идем*, *идең*, *иде*, *идек*, *идегез*, *иделәр*. Вспомогательный глагол *иде*, выступая в составе форм сложных времен, а также в сочетании с некоторыми другими формами, в ряде случаев придает им значение или оттенок значения желания, просьбы, совета и т. д. Ср.: *алгай иде*, *алгы иде*, *алырга иде*, *алса иде*, *алсын иде*, *алыр иде*, а также одно из значений *ала иде*.

АСПЕКТЫ ГЛАГОЛА

Способы образования различных аспектов глагола те же, что и в литературном языке.

1. Отрицательный — образуется с помощью афф. *-ма/мә*: *бармый* (*<бар-мы-й < бар-ма-й*), *барма* и т. д.

2. Вопросительный — с помощью афф. *-мы/-ме*: *барамы*? ‘он идет?’, *киләме*? ‘он приходит?’.

3. Форма возможности образуется по типу кыпчакских языков — путем сочетания деепричастия на *-а/-ә*, *-ый/-и(й)* с глаголом *ал-* ‘взять’ в спрягаемой форме: *баралам(ын)* ‘могу пойти’, *киләләм(ен) / кил'алам(ын)* ‘могу прийти’.

4. Форма невозможности, в сущности, представляет собой ту же форму возможности, но в отрицательном аспекте: *бараллмыйм(ын) / бараллмим(ын)* ‘не могу пойти’, *киләлмим(ен) / кил'алмыйм(ын)* ‘не могу прийти’.

В зависимости от темпа речи вспомогательный глагол *ал-* может произноситься и отдельно: *бара ала(мын) — бара алмый(мын)*, *килә алам(ын) — килә алмыйм(ын)*.

ИЗЪЯВИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Изъявительное наклонение имеет формы настоящего, прошедшего и будущего времен.

Настоящее время

Основу настоящего времени в татарском языке составляет форма деепричастия на *-а/-ә*, *-ый/-и(й)*, к которой присоединяются аффиксы сказуемости I типа. Таков же способ образования этого времени и в мишарском диалекте.

Ср. *бара-мын // бара-м*, *бара-сын // бара-сың*, *бара-дыр // бара*, *бара-быз*, *бара-сыз*, *бара-лар* [41].

Для 1-го лица ед. числа характерно употребление полного (*-мын*) и краткого, огузского, (*-м*) вариантов аффикса сказуемости: Инде бирмәп тә *багамын*, иту керәләр ‘Уж пробую и не давать (корм), все равно заходят (куры)’; Эшем бар әле — *тегәмен* ‘У меня пока есть дело — шью’; Суга *барамын*, кереп багармын, анда булса, сырар мын ‘Иду за водой, (по пути) зайду посмотрю, если он будет там, спрошу’; Әлдә бик сине хурларга *келимен* ‘Я еще собираюсь сильно отругать тебя’; Тума быратымда *торам* ‘Живу у своего родного брата’; Мин кап′ари *эчәм* ‘Я пью (чай) горячим’; Мин сезгә *барма келим* бүгә ‘Сегодня я собираюсь пойти к вам’; Йон *йерлим* быра ‘Немного шерсти спряду’.

Во 2-м лице ед. числа в большинстве мишарских говоров сохраняется более древняя форма аффикса сказуемости (*сын/-сен*, хотя и в эти говоры все активнее проникает литературный вариант ее с заднеязычным носовым *-сың/-сең*. В цокающих говорах отмечается преимущественное употребление последнего, т. е. *-сың/-сең*. Примеры: Йалан син ача *йерисен* тирәзләр ‘Ты постоянно открываешь окна’; *Кермисен* вет, уза *барасын* ‘Не заходишь ведь, проходишь мимо’; Ник каптырминча *кийәсен*? ‘Почему не застегиваешься? (букв. надеваешь, не застегиваясь)’; Нәстә алырга *барыга келисен*? ‘Что ты собираешься идти покупать?’; Круг йереп цыкканца, *тырасың басып* ‘Пока обойдут по кругу, стоишь’; Ашыгып *эшлисең* син, улым, шынарга күрә нацар цыга ‘Сынок, ты спешишь, поэтому плохо получается’.

В 3-м лице ед. числа в традиционных мишарских говорах сохранилась связка *-дыр/-дер*, исторически восходящая к вспомогательному глаголу *тор-* (*тор-ор*) и воспри-

[41] В мишарских говорах, в отличие от литературного языка, аффикс мн. числа *-лар/-лэр*, как правило, не опускается, т. е. согласование между подлежащим и сказуемым соблюдается (*алар алалар* ‘они берут’, *малайлар ун′илар* ‘мальчики играют’ и т. д.). Это особенно заметно, если предикат выражен не глаголом, а какой-либо другой частью речи. Ср., например: *Алар* уктәбер пыразнигында *мындалар* (иде) әле ‘Они здесь были еще в октябрьские праздники’; *Алар биредәләр* ‘Они здесь’; *Эч малайым — эч йакталар* ‘У меня трое сыновей, все живут в разных местах (букв.: в трех сторонах)’; *Кызларым тырмышталар* ‘Дочери мои замужем’; *Күрешләрем әштәләр* ‘Соседи мои на работе’.

нимаемая ныне в качестве аффикса сказуемости 3-го лица. В отличие от некоторых тюркских языков (узбекского, новоуйгурского, алтайского) в мишарских говорах афф. *-дыр/-дер* в 1, 2-м лицах не употребляется [42]. Примеры: Ни кирәк, *эзлидер*, *аладыр* ‘Что нужно, ищет, берет’; Бер-ике йома *узадыр* да, кийәүне алалар сыйга ‘Проходит обычно одна-две недели, и жениха приглашают на угощение’; Кырга саламгамы *барадыр*? ‘В поле едет за соломой что ли?’; *Барадыр-барадыр*, бер күлгә *йетәдер* ‘Идет-идет и доходит до какого-то озера’; Ацкыц келәттә киштәдә *каладыр* ‘Ключ обычно остается в клети на полке’; *Эче келидер* ‘Пить хочется’; Учы *сынадыр* да утырып кала ‘Ось (его телеги) ломается и он остается там (букв.: остается сидя)’.

Афф. *-дыр/-дер* служит показателем 3-го лица и в тех случаях, когда сказуемое выражено не глаголом, а модальными словами *бар* ‘есть’, *йук* ‘нет’: Казан *йуктыр* бездә, әл инде салмыйлар бездә ‘Котла нет у нас, теперь уж не делают (его) у нас’; Былтыр чәчәкләр киткән иде, быйыл кереп бактым — *йуктыр* ‘В прошлом году цветы привились было, в этом году зашел, посмотрел — нет’; Кызы *бардыр* да, ул йагада выт ‘Дочь у нее есть, да ведь она в стороне (в другом месте живет)’.

В последние десятилетия в мишарских говорах, особенно в цокающих, отмечается параллельное и даже преимущественное употребление варианта без *-дыр/-дер*. Вытеснение последнего происходит под влиянием литературного языка и наблюдается в первую очередь в речи среднего поколения, изучавшего его в школе: Сың туй *йыйалар*, кийәү чакырып *йери* ‘Потом устраивают свадьбу, жених сам ходит приглашает (гостей)’; Систралары утыртып *д′з′ибәрә* әбине ‘Бабушку отправляют (букв.: посадив отправляют) сестры ее’; Ул катны менән *эшли* ‘Он вместе с женой работает’; Тиха гына *тыра* ‘Живет потихонечку’; Кукук йазбашты *кычкыра* ‘Кукушка поет весной’; Монда кәләше йәш *кала*, ул килгинчек *камыл′айа* ‘Здесь остается его молодая невеста, до его возвращения она взрослеет’; Нәктер йазулары *йук* кызларымның ‘Почему-то нет писем от моих дочерей’.

[42] См.: *Н. А. Баскаков.* Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской группы. — ИСГТЯ, II, стр. 274—277, 284.

Между тем, форма на *-дыр/-дер* еще сравнительно не давно прочно держалась в языковой традиции носителей мишарского диалекта. Об этом говорят также факты систематического употребления ее в произведениях писателей — выходцев из мишарей. См. хотя бы ранние произведения Ш. Камала, Ф. Бурнаша и др.

В 3-м лице мн. числа афф. *-дыр/-дер* присоединяется редко и лишь в тех случаях, когда данному действию противопоставляется другое действие: Анда безнен бабалар утырып *торалардыр* да күчеп китәләр ‘Там наши предки живут некоторое время, а (потом) перебираются на другое место’.

Отрицательная форма настоящего времени образуется путем присоединения к глагольной основе аффикса отрицания *-мы(й)/-ми(й)*: *бармыйм / бармыймын*, *бармысын / бармыйсың*, *бармый* и т. д.: Кайан цыкканны мин, бырат, *белэлмим* ‘Я, брат, не могу знать происхождения (села)’; Пич салминче путалакны *лакламыйм*, — ди ‘Говорит, что пока не сложат печь, я не буду красить потолок’; Баргач инде үңгә төшкә квартирга *төшмим*, кардәшләремә ‘Когда приезжаю, на другую квартиру уж не иду, (только) к родным’; Мин аруга *белмимен* ‘Я совсем не знаю’; Иренекен вус'ы *аңгармыймын* ‘(Разговора) ее мужа я вовсе не понимаю’; Кышын би' *ба'мыймын* да ‘Зимой не особенно-то ухаживаю я (за цветами)’.

Вопросительная форма настоящего времени образуется с помощью частицы вопроса *-мы/-ме*: *бараммы*, *барасынмы / барасыңмы*, *барамы* и т. д. Примеры: Әлфийә эшкә *йериме*, кан'п'асы *исәнме*? ‘Ходит ли на работу Альфия, здорова ли ее свекровь?’; *Утырасызмы* ашарга, эшегез *бетәме*? ‘Сядете обедать, кончаются ли ваши дела?’

Во 2-м лице обоих чисел частица вопроса может присоединяться как после, так и до аффикса сказуемости. Ср.: Күлмәкне үзең *печәсеңме*? ‘Ты сама кроишь платье?’; Туй *багасызмы*? ‘Свадьбу смотрите?’; Быйыл да бер группада *эшлисезме*?; ‘И в этом году работаете в одной группе?’; Петең awылларга да *керәмсез*? ‘Вы заезжаете во все села?’; Кинуга *барамсын*? ‘В кино идешь?’; *Калырмысыз*, *калмамысыз*? ‘Останетесь или не останетесь?’

Настоящее время в мишарском диалекте имеет те же значения, что и в литературном языке [43].

[43] См., например, «Современный татарский литературный язык». М., 1969, стр. 220—221.

1. Действие данного момента: Айакларым *өшидер* ‘Ноги мои мерзнут’; Ван'а әзәң *чыгара* ‘Вон твой (старший) брат выносит’; *Белмим* нишләргә дә инде, *баргы* да *келәми* ‘Не знаю уж, что и делать, и идти не хочется’; *Чәйләп утырасызмы*? Чаевничаете?’

2. Действие обычное, постоянное, общепринятое, не ограниченное определенным отрезком времени: Үзе коры-ыйнчы *кисмилэр* алмагачны ‘Яблоню обычно не срубают до тех пор, пока она сама не засохнет’; Выт ад'ашнач, халк кыйаш белән (юл) *таба* ‘Вот, когда люди сбиваются с дороги, то (они ее) обычно находят по солнцу’; Кара мошкосын олгөргинче *йолкып алалар* ‘Посконь обычно дергают до созревания’; Су кышы вет суга *китәдер* дә аннан бар артыннан ‘Водоплавающая птица ведь уходит на водоем, и тогда иди за ней (туда)’.

Во 2-м лице ед. числа форма настоящего времени может обозначать обобщенное, постоянно совершающееся действие, относящееся к любому лицу: *Киләсен*, *тишенәсен*, *кереп утырасын* ‘Обычно приходишь, раздеваешься, находишь и садишься’.

3. Широко употребляется в значении будущего категорического времени и особенно в сочетании с уточняющими словами или формами: Иртәгә калага *барам* ‘Завтра поеду в город’; Ике айдан укулар *башлана* ‘Через два месяца начнется учеба’; Вахтым йуктыр, кичкә ыланны абисенән *барып алам* ‘Некогда мне, вечером пойду к бабушке за ребенком’; Ул килгәчтән, без кинага *барабыз* ‘Когда он придет, мы пойдем в кино’; Йазып беткәнчек *тырасыз*? ‘Будете жить пока не запишете все?’

4. В повествованиях, особенно в сказках и других фольклорных произведениях в стилистических целях употребляется в значении прошедшего времени: Касуй күзле кызы *була*, *тотадыр* да шопо *бирэ* монарга ‘У него была косоглазая дочь, он ее отдает за него замуж’ (из сказки); Төнә туй *килэдер* безнен очка, баксам, ул да арада ‘Вчера шла свадебная процессия (букв.: свадьба) в наш конец (села), смотрю, и она среди (участников свадьбы)’; Монда *була* чowашлар да алар килгинчеккә чикле ‘До их (татар) прихода здесь были и чуваши’.

Будущее время

Будущее время образуется от причастия на *-ыр/-ер, -ар/-ар, -р*+аффиксы сказуемости I типа: *ал-ыр-мын, ал-ыр-сын/ал-ыр-сың, ал-ыр, ал-ыр-быз, ал-ыр-сыз, ал-ыр-лар.*

К значительному числу глагольных основ могут присоединяться варианты аффиксов как с широким, так и с узким гласным: *-ар/-ыр, -әр/-ер*, например: *ач-ар/ач-ыр, сат-ар/сат-ыр, эч-әр//эч-ер, кит-әр//кит-ер* и т. д.

В традиционных говорах в глаголах будущего времени с основой на *-р* в 1, 2-м лицах обоих чисел (как, впрочем, и в инфинитиве на *-ырга*) один из *р* отпадает: *бар-ыр-мын* > *бар-ы-мын* > *бар-ым, бар-ыр-сын(-сың)* > *бар-ы-сын(-сың), бар-ыр-быз* > *бар-ы-быз, бар-ыр-сыз* > *бар-ы-сыз.*

Однако в современных говорах, особенно в речи среднего поколения и моложе, *р* под влиянием литературного языка может и не выпадать: *барырмын, керермен* и т. д.

В 1-м лице ед. числа оба варианта аффикса сказуемости (*-мын* и *-м*) одинаково употребительны: *барымын / барым.*

Отрицательная форма во 2, 3-м лицах обоих чисел образуется с помощью афф. *-мас* (отрицательная форма причастия на *-ыр*), присоединяемого к основе глагола перед аффиксом сказуемости: *бар-мас-сын (-сың), бар-мас, бар-мас-сыз, бар-мас-лар.*

В 1-м лице обоих чисел присоединяется афф. *-ма*, хотя нередко можно услышать и вариант: *-мас*: *бар-ма-м(ын) / бар-мас-мын, бар-ма-быз / бар-мас-быз.*

Вопросительная форма: *ал-ыр-мын-мы? ал-ыр-сын-мы? / ал-ыр-сың-мы? ал-ыр-мы?* и т. д.

Форма на *-ыр/-ер* выражает действие, которое будет осуществлено в будущем: Йәренгәгә *элгерер* ‘Поспеет на будущий год’; Тагы йылга *барымын* Казанга ‘На следующий год поеду в Казань’; Теге йылга ыныкны үөзеңә *килтерер* ‘На будущий (букв.: тот) год внучку привезет к тебе’; Йаумагайы, галишайак *барымын* ‘Пусть идет дождь, пойду босиком’; Бер тукызларда *килермен* мин ‘Часов в девять приеду я’; Үзем дә *барырмын*, бетег тә *куйармын* ‘Я и сама пойду, и письмо вложу (в подарок)’; Берәр чашкы *эчербез* де *йатырбыз* ‘Выпьем по чашечке (чая) и ляжем’; Кызлар хат *йазырлар* үзегезгә ‘Девчата вам письма напишут’; Утыр ван′, *чәйләрбез* ‘Садись-ка, почаевничаем’; Мин анда бер кацан да *бармамын* ‘Я туда никогда не пойду’.

В 3-м лице ед. числа форма на *-ыр/-ер* обозначает действие, состояние, являющиеся обычными, характерными для действующего лица, ставшие свойством его. Наиболее часто встречается в пословицах, поговорках и загадках: Ач кадерен тук *белмәс* ‘Сытый голодного не разумеет’; Үзе *сүләр*, үзе *кешнәр*, ден′йа йаңгыратыр ‘Сама обычно рассказывает, сама хохочет, шумит во всю’; Кешегә җанын йарып *бирер* ‘Всю душу выложит другому (букв.: Разрежет свою душу и отдаст человеку)’; Безнеке бер катын бар — бер минутка йоз йыр *йырлар* ‘У нас есть одна женщина — (так) за одну минуту сто песен споет она’; Җарук шындый кечле — үгезеңне айактан *йыгар* ‘Джарук такой сильный, (что) свалит с ног быка’.

Форма будущего категорического времени на *-ачак/-ячәк*, для мишарского диалекта не характерна, она лишь изредка встречается в сергачском и чистопольском говорах: Хаз′ыр, беген Ут′ашкинага *барачакмын* ‘Теперь, сегодня я поеду в Утяшкино’; Киләцәк айның алтысында *төшәцәк* ‘Шестого числа будущего месяца приедет (букв.: спустится)’.

Сочетание этой формы с *төгөл / тегел* в сергачском и *йук* и *тегел* в чистопольском говоре выражает категорическое отрицание: Шунсыз эрәте *булачак* та *тогол* аның ‘Без этого в нем и не будет порядка’; Мында тытмыйм да, *тытачагым* да *йук*, алып китәм, — ди ‘Здесь я не держу, (никогда) и не буду держать, увезу, — говорит’; *Белячәгем йук* ‘(Никогда) не узнаю’.

Значение будущего категорического времени на *-ачак/-ячәк* во всех других мишарских говорах, как уже указывалось выше, передается с помощью формы настоящего времени: Бөге°н кайа да бармассыз бит инде? — *Бармыйбыз, бармыйбыз* ‘Сегодня никуда ведь уже не пойдете? — Не пойдем, не пойдем’; Мин фәләп wакытта *кат′ам*, син миңа шундый кыз табып куй ди ‘Я тогда-то вернусь, (а) ты, — говорит, — найди (к тому времени) вот такую (красивую) невесту для меня’ (из сказки); Кезгә мынарга унике *тула* ‘Осенью ему исполнится двенадцать лет’.

Прошедшее время

Мишарский диалект характеризуется наличием трех простых (прошедшего категорического, прошедших-настоящих или результативных I и II) и четырех сложных (прошедших незаконченных I и II, прежденрошедших I и II) форм прошедшего времени. Из них формы прошедшего-настоящего, или результативного, II и прежденрошедшего II в литературном языке не употребляются. В то же время в мишарском диалекте отсутствуют некоторые формы прошедшего времени (прошедшего незаконченного на *-ыр иде*, будущего-прошедшего на *-ачак иде*), значения которых передаются в нем с помощью иных средств. Формы прошедшего времени, общие для мишарского диалекта и литературного языка, не всегда совпадают по объему своих значений и употреблению.

Простые формы

Прошедшее категорическое время

Прошедшее категорическое время в мишарском диалекте образуется по общей для тюркских языков схеме — путем присоединения к основе глагола афф. *-ды/-де* (после гласных и звонких согласных основ), *-ты/-те* (после глухих согласных основ)+аффиксы сказуемости II типа: *бар-ды-м*, *бар-ды-ң*, *бар-ды* и т. д.

Отрицательная форма: *бар-ма-ды-м*, *бар-ма-ды-ң* и т. д.

Вопросительная форма: *бар-ды-м-мы? бар-ды-ң-мы?* и т. д.

Прошедшее категорическое время обозначает действие достоверное, однократное и очевидное, происшедшее, как правило, незадолго до момента речи или в недалеком прошлом. Оно может обозначать и такое действие, которое произошло в сравнительно далеком прошлом, участником или очевидцем которого, однако, был говорящий: Багарга *кердек* ызбасын 'Зашли, чтобы посмотреть его избу'; Йыртка *кергездем* машинамны 'Машину свою я завел во двор'; *Укыттылар* әле *үзен* сугыштан килгәч тә 'Учили его еще и после возвращения с войны'; *Аңгармадым* ни *сүләдең* 'Я не поняла, о чем ты говорила'; Без койаш иңгәч *бардык* 'Мы пришли, когда солнце село'; *Котказдым* үзен 'Я спас его'.

Форма прошедшего на *-ды* в мишарском диалекте может употребляться в значении других форм прошедшего времени.

1) В говорах сел по р. Цна — вместо прошедшего-настоящего I на *-ган* — при описании давно минувших событий, очевидцем которых рассказчик никак не мог быть, например: Иван Грузный Казанны *алды*, татарларны *чугындырды* 'Иван Грозный захватил Казань, крестил татар'. Это происходит, видимо, потому, что рассказчик воспринимает события, о которых говорит, как достоверные.

Форма на *-ды* в сочетании с модальными словами, выражающими предположение (*ахр'ы* / *ахр'ысы*, *күрәсең* / *күрәсең* и др.), также передает значение прошедшего-настоящего I на *-ган*: Күршегә *кереп чыктым*, шонда *киттеләр күрәсең* 'Заходила я к соседке, они, видимо, в тот момент и ушли'; Чиләгеме З'агук *алды ахр'ысы* 'Ведро мое взяла, видимо, Загида'.

2) В значении прошедшего многократного на *-а иде* (иногда): Ник булмын ничә сәат, дәресләрен бетерминчә *катмады* 'Сколько бы времени (букв.: часов) ни было, пока не сделает уроки, она не ложилась бывало'.

3) В значении настоящего времени, с оттенком категоричности, незамедлительности действия. Это особенно характерно для 1-го лица обоих чисел: Ад'а, *киттек* 'Давай, пошли!' *Киттем*, сау бул! 'Я пошла, до свидания!'; *Алдыкмы*? 'Взяли?' (в знач.: Берем?); Әпкай, каа *киттең*? Бабуля, куда ты пошла?' (в знач.: . . .идешь?). Поскольку аналогичное явление имеет место и в русском разговорном языке, перевод дан также в форме прошедшего времени.

4) Служит для выражения категорического отказа, несогласия совершить какое-либо действие. При этом все высказывание получает иронический оттенок или выражает возмущение, презрение: *Бирдем*, котәп тор! 'Отдал, как бы не так!' (в знач.: Не отдам, не жди!) *Калдырдык* ти! 'Оставили, как бы не так!' (в знач.: Не оставим!).

В мишарских говорах сохранилось сочетание формы на *-ды/-де+йук* (*бардым йук*) [44] со значением будущего

[44] Что лишний раз, на наш взгляд, подтверждает правильность предположения о том, что форма прошедшего категорического времени восходит к отглагольному имени на *-ыт*. См. об этом: *Н. К. Дмитриев*. Грамматика кумыкского языка, стр. 108; *Он же*.

категорического времени в отрицательном аспекте (литер. *ничбер вакытта бармаячакмын* или *барачак тугелмен*), т. е. со значением ‘никогда, ни при каких обстоятельствах не совершать или не повторять данного действия’: *бардым йук*, *бардың йук*, *барды йук*, *бардык йук*, *бардыгыз йук*, *бардылар йук*.

3-е лицо ед. числа может употребляться также без относительно к лицу или в значении 1-го лица обоих чисел: *алды йук* 1) никогда не возьмет; 2) никогда не будет взято (точнее: «никогда не будет взятия»); 3) никогда не возьму (не возьмем): Мыннан сың сезгә айак *басты йук* инде ‘После этого уж к вам (никогда) шагу не шагну!’ Бер үзен урманга *йебәрде йук*! ‘Ни в коем случае не отпущу его (мальчика) одного в лес!’

Сочетание формы на *-ды* с модальным словом *бар* (*бардым бар*) в мишарском диалекте не употребляется.

Прошедшее-настоящее, или результативное время

В мишарском диалекте представлены две формы прошедшего-настоящего, или результативного времени: а) форма, в основе которой лежит причастие на *-ган*, б) форма, в основе которой — деепричастие на *-ып*. Первая из них характерна для кыпчакских языков, вторая встречается в языках, относящихся к различным группам тюркских языков: казахском, киргизском, карачаево-балкарском, узбекском, новоуйгурском, туркменском, азербайджанском, тувинском, якутском, языке желтых уйгуров[45]. Ареал распространения этой формы широк, но большинство из перечисленных языков является либо кыпчакскими, либо в какой-то степени кыпчакизированными.

Прошедшее-настоящее, или результативное время I

В тюркологических исследованиях эта форма прошедшего времени называется по-разному: прошедшее-настоящее, перфект, прошедшее-перфективное, неочевидное, результативное, неопределенное, прошедшее второе и т. п.[46]

Грамматика башкирского языка, стр. 140—143; *В. М. Насилов.* Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960, стр. 60—61.

[45] «Языки народов СССР», Т. II. Тюркские языки. М., 1966; *Э. Р. Тенишев, Б. Х. Тодаева.* Язык желтых уйгуров. М., 1966, стр. 28.

[46] *Б. А. Серебренников.* Система времен татарского глагола. Казань, 1963, стр. 17—31; *Е. И. Коркина.* Наклонения глагола

В традиционных мишарских говорах оно известно повсеместно, но выступает не везде одинаково активно. В некоторых говорах в 1 и 2-м лицах обоих чисел употребляется форма прошедшего-настоящего или результативного II. И только в 3-м лице обоих чисел прошедшее-настоящее I занимает монопольное положение.

Эта форма прошедшего времени образуется путем присоединения к основе глагола афф. *-ган/-гән*, *-кан/-кән* + афф. сказуемости I группы: *бар-ган-мын*, *бар-ган-сын* / *бар-ган-сың*, *бар-ган*, *бар-ган-быз*, *бар-ган-сыз*, *бар-ган-нар*.

В отличие от настоящего времени, в 1-м лице ед. числа присоединяется только полный вариант аффикса сказуемости *-мын*.

Отрицательная форма: *бар-ма-ган-мын*, *бар-ма-ган-сын* / *бар-ма-ган-сың*, *бар-ма-ган* и т. д.

Для выражения категорического отрицания служит сочетание *-ган йук*[47] — *барганым йук* // *мин барганым йук* // *минем (минең) барганым йук* // *минем (минең) баргам йук* и т. д. ‘я (вообще, ни разу, никогда) не ходил’; *барган йук* (безличный оборот) ‘не приходилось бывать’, ‘не бывал’ и т. д., например: *Мин барганым йук* ары ‘Я туда ни разу не ходила’. Үмеремә *йырлаганым йук* ‘Никогда в жизни я не пела’; Алай, *сезнең күргән йук* мыны ‘Значит, вы ни разу не видели этого?’; *Кат'каннары йукмы* Фәрүзәләр? ‘Никогда (ни разу) не приезжала Файруза с семьей?’; Йаз ката *кабызган йук* ‘(За) все лето ни разу не зажигали (лампу)’; Йалга *барган йук* шул ‘Да, никогда не ездил отдыхать’.

Примечание. Сочетание *-ган бар* употребляется в значении, противоположном *-ган йук*: Үзем дә йегет wакытта албутка *урганым бар* ‘Мне и самому, когда я был парнем, приходилось жать на помещика’; Безнең анда *булганыбыз бар* ‘Мы там бывали’; Минем *ишеткәнем бар* ‘Мне приходилось слышать (это)’; Казанга *барганым бар* ‘Я бывал в Казани (Мне приходилось бывать в Казани)’.

в якутском языке. М., 1970, стр. 81—90; ср. также: *А. Н. Кононов.* Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 216—220; «Современный татарский литературный язык», стр. 222—224.

[47] Ср. то же самое: в узбекском (*А. Н. Кононов.* Указ. соч., стр. 217), в новоуйгурском (*А. Н. Наджип.* Современный уйгурский язык. М., 1960, стр. 95), саларском (*Э. Р. Тенишев.* Саларский язык. М., 1963, стр. 34), казахском («Современный казахский язык». Алма-Ата, 1962, стр. 345) и др. Н. К. Дмитриев сочетание формы на *-ган* с *бар* и *йук* считает особым типом формы прошедшего времени (см. его «Грамматику башкирского языка», стр. 261).

Вопросительная форма: *бар-ган-мын-мы? бар-ган-сың-мы? / бар-ган-сың-мы? бар-ган-мы?* и т. д.

Прошедшее-настоящее время I в мишарском диалекте имеет ряд значений. Основные из них следующие.

1) Результат или следствие действия, совершенного в прошлом: Алар *күченгәннәр* Саратуга торога 'Они оказывается, переехали жить в Саратов'; Син, килен, белми *калгансың* 'Ты, невестка, осталась в неведении'; Утын *алып кат'каннар* урманнан 'Дрова привезли из лесу'; Берәү кыр уртасына койы *казыткан*, аны «койы уртасы» дибез 'Кто-то вырыл (букв.: заставил вырыть) колодец посреди поля, мы его называем «койы уртасы»'.

2) Действие, происшедшее в прошлом незаметно для говорящего, без его ведома, в его отсутствии или забытое им и т. д.; говорящий судит о нем также по его результату или следствию. Это значение очень близко к первому и без развернутого контекста порой трудно бывает определить, какое из них выражено в данном случае: Багасың шындый гына, багасын *йери* дә *киткән* 'Смотришь — такусенький, смотришь — уже стал ходить'; Бак, без сүләгәннәрне ул *йазган* 'Смотри, то, что мы рассказывали, она, оказывается, записала'; Д'з'ыкыга *киткәнмен* 'Я оказывается, заснула'.

3) Действие, о котором говорящий знает со слов другого: Үзен үзе белминче *йогорган* да шарт итеп *йыгылган* 'Бежал, говорят, сам себя не зная, и упал'; Күркәм кыз *булган*, картайгачтан да күркле иде 'Говорят, что она была красивой девушкой, да и в старости она была красива'; Зөлфийә чаклы *булганмын* мин 'Я, — говорят, — тогда была с Зульфию'.

4) Обозначает действие, совершенное в прошлом и являвшееся обычным, постоянным, характерным для определенного круга лиц. Глагол ставится в 3-м лице ед. числа. В этом значении рассматриваемая форма прошедшего времени синонимична с прошедшим многократным на *-а иде*: *Эшләгән* туйгынчык, аннан *ашаган-эчкән* да *йыклаган* 'Обычно работали, бывало, до усталости, потом ели-пили и спали'; Бәбәкләрне катырып *утырган тугын* 'Сидели, бывало, ткали, до изнеможения (букв.: пока затвердеют глаза — о женщинах в старину)'.

5) Обозначает действие достоверное, происходившее в неопределенном или далеком прошлом при участии или в присутствии говорящего. В этом значении форма про-

шедшего-настоящего времени I широко употребляется во всех мишарских говорах, но наиболее активно в дрожжановском [48] и частично в чистопольском и мелекесском говорах (очень активна эта форма в говоре татар северо-восточной Башкирии [49]): Без инде күп йерләрдә *булганбыз*, күпне *күргәнбез* 'Мы уж во многих местах побывали, многое видели'; Без йәш вахытта *эшләгәнбез* инде, хаз'ер инде какуй кирәк 'Мы уж поработали в молодости, теперь нужен покой'.

В рассматриваемом значении прошедшее-настоящее I весьма близко к прошедшему категорическому на *-ды*, но не совпадает полностью с ним, так как для него «центральным моментом является не само действие, а его следствие или результат» [50], которые характеризуют состояние субъекта действия в данный момент. Эта особенность прошедшего-настоящего времени I наиболее ярко проявляется при употреблении данной формы без аффикса сказуемости. Ср. *мин йокламадым* 'я не спал' и *мин йоклаган* 'я не спал' (букв. 'я тот, который не спал, я не спавший'). Примеры: Син *караганмы* аны, *күргәнме*? 'Ты разве смотрела ее, видела?'; Мин утыра-утыра *арыган* 'От долгого сиденья я устала'; Мин Норлатта *булмаган* 'Я не была в Нурлате'; Мин үзем дә Филиптән *килгән* 'Я и сама (родом) из Филипповки'; Аның тегесен мин күптән *укып чыккан* инде 'Ту из них я давно уже прочитала'; Мин *кетү* дә *кеткән*, *сука* да *сукалаган*, коп'ух *булып* та *эшләгән* 'Я и стадо пас, и пахал, и конюхом работал'; Фәйез абый, чаптырма, *утырмаган* бит без 'Дядя Фаиз, не гони (лошадь), мы ведь еще не сели'.

Употребление прошедшего на *-ган* в значении прошедшего категорического времени вовсе не предполагает вытеснения последнего из мишарских говоров, так как сосуществование рассматриваемого значения прошедшего

---

[48] И в соседних с дрожжановским нагорных говорах среднего диалекта, особенно в нурлат-кайбицком и в говоре подберезинских кряшен (см.: *Л. Ш. Арсланов*. Тетар теленең Идел уңъяк ярында (Татарстан һәм Чуваштан территориясендә) таралган сөйләшләре. «Татар теле һәм әдәбияты», 3-че китап. Казан, 1966, стр. 24; *Н. Б. Бурганова*. Особенности говора татар Нагорной стороны ТАССР. — МД, стр. 54).

[49] По материалам экспедиций Т. Х. Хайрутдиновой (см. Диалектологические фонды ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР).

[50] *Н. К. Дмитриев*. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 110.

на *-ган* и прошедшего категорического на *-ды/-де* обусловлено различиями оттенков грамматико-семантического характера, на чем мы уже останавливались выше.

6) Прошедшее-настоящее время I передает значение предположения, сомнения, неуверенности и т. д. Определенную роль в этом играет и интонация: (Анарга) йез сигээннэрне *биргэнбез* 'Мы ему, наверное, около ста восьмидесяти (рублей) дали'; Кылупны *кургэнсез* инде 'Вы, наверное, уже видели клуб'; Йаңы Типцэлегэ *бэрелмэгэнсең* син? 'Ты, наверное, не заезжал (букв.: не ударялся) в Нов. Тинчали?'; Син инде *ашагансын*? 'Ты уже ел, наверно?'

7) Изредка выражает значение неожиданности действия: Бервакыт урныда идем, хал'сыз идем, *кергэн* 'Однажды я была в постели, нездоровилось мне (неожиданно) вошла она'.

Прошедшее-настоящее, или результативное время II

Эта форма прошедшего времени употребляется в сергачском, мелекесском, хвалынском говорах, а также в цокающих говорах (нас. п. 174, 265) и на территории (островками) различных областей с чокающими говорами (группы «Алтавыл», карсунская, нас. п. 216, 266, 317, 318, реже: 286, 287). Образуется она путем присоединения к основе глагола афф. *-ып/-еп*, *-п*+аффиксы сказуемости 1, 2-го лиц обоих чисел. В 3-м лице эта форма не сохранилась, она заменена формой прошедшего-настоящего времени I на *-ган*. Ср. *бар-ып-мын*, *бар-ып-сын* / *бар-ып-сың*, *барган*, *бар-ып-быз*, *бар-ып-сыз*, *бар-ган-нар*.

Отрицательная форма: *бар-ма-п-мын*, *бар-ма-п-сын*, *бар-ма-ган* и т. д.: Сез үдэ *булмапсыз* икэн 'Вас, оказывается, не было дома'; Эх, йезэ белэм икэн, *онотмапмын* 'Эх, я, оказывается, умею плавать, не забыла'; *Йэшмэпсез* бит мине 'Не позвали же вы меня'; Ату барыбыз *килмэп куйар* 'А то все мы вдруг не придем'; Красинкага су *куймапмын* икэн 'Я, оказывается, воду не поставила на керосинку'.

Видимо, под влиянием литературного языка все более усиливается тенденция к вытеснению ее отрицательной формой прошедшего-настоящего I (*барыпсын—бармагансын*), например: Син алай тен буйы *йыкламагансын* 'Ты, значит, всю ночь не спала'. Это особенно сильно проявляется на территории Пензенской и юга Ульяновской областей.

Вопросительная форма: *бар-ып-мын-мы? бар-ып-сын-мы?* и т. д.

Семантика обеих форм прошедшего-настоящего в основном совпадает.

1) Результат или следствие действия, совершенного в прошлом: Ай-ай күп *йазыпсың*! 'Ай-яй (как) много написала!' *Йандырыпсың* картугыцны 'Картошка подгорела' (букв. 'Сожгла свой картофель'); Дзици, кайа барды, бик матур *кийенепсен* 'Дзини (жена старшего брата), куда ты ходила, ты очень красиво одета (букв.: оделась)'; Син вус'ы инде глухуй *булыпсын* 'Ты уж совсем, оказывается, оглохла'; Мин күᵒрмэгэп цэцэкларне *д'з'ыйыпсыз* бу тэкле 'Вы, оказывается, собрали много (таких) цветов, каких я не видела'; Җиде йез грам *эрлэпбез* бер кен эчендэ 'За день, оказывается, спряли семьсот граммов (шерсти)'; Үзегез кенсэтэ үдэ *утырыпсыз*, самаwырны да *куймапсыз*, ай эцке килэ вʷит 'Сами вы весь день дома сидели, самовара даже не поставили, оказывается, а ведь хочется пить'.

2) Действие, происшедшее в прошлом незаметно для говорящего, без его ведома, в его отсутствии или забытое им и т. д.; говорящий судит о нем по его результату или действию: *Усепсен* бик зур 'Ты, оказывается, очень выросла'; Ызак *йыклапбыз* тепэген 'Вчера мы долго спали, оказывается'; Үзем дэ белмим вата, ницек *килепмен* дэ, ницек *керепмен* үгэ 'Я и сама не знаю вот, как я вернулась, да как вошла в дом'; Берсэк йаткап идем, *өшөпмен* 'Немного прилегла было, (да) замерзла'; Нинди түндэк *бирепсез* мица!? 'Какой табурет вы дали мне!?'; Өле айакларына алырга да *ынытыпмын* 'Я забыла, оказывается, купить (дочери) на ноги'; Йаттым да, берче *йоклапмын* 'Я легла и все время, оказывается, спала'; Йөслокләр белэн берге *куйыпмын* 'Я, оказывается, положила вместе с полотенцами'; Ачкызымны *куйыпмын* купыга, *ынытыпмын* выс'ы 'Ключ свой положила, оказывается, в мисочку и совсем забыла'.

3) Действие, о котором говорящий знает со слов других: Мине *цакырыпсыз*, мин килдем 'Говорят, вы меня приглашали, я пришел'; Без мына «Алтавыл» бер вахытларда *килепбез* 'Мы вот, «Шесть деревень», поселились (букв.: прибыли), — говорят, — в одно время'; Бик соцга

калын *килепсез* ‘Говорят, что вы пришли (туда) с большим опозданием’.

4) Употребляется в значении прошедшего категорического времени на *-ды/-де*: Безнең кардәш белән бергә *укыпсынмы*? ‘Ты разве вместе с нашим братом училась?’; Син монда чыккачмы бик *арыклапсын*? ‘Ты похудела, когда сюда выехала что ли?’; Шалканнарны ничек *йыуыпсын*? ‘Как ты мыла репу?’; Бу журналны үзең *укыпсыңмы*сың? ‘Сама-то ты читала этот журнал?’; Мин аны *ашапмын* инде ‘Я его съела уже’; Бу кинуны *күреббез* инде ‘Эту картину мы видели уже’.

5) Передает предположение, неуверенность, сомнение, приблизительность в подсчете и т. д.: Йез кат *барыпмын* мин аларга, үзләре генә килмәделәр ‘Я, наверное, раз сто ходила к ним, (они) сами только (ни разу) не пришли’; Утырыгыз, *арыпсыс* ‘Садитесь, устали, наверное’.

Сложные формы

К числу сложных форм прошедшего времени в мишарском диалекте относятся: прошедшее незаконченное I, прошедшее незаконченное II, прежде прошедшее I и прежде прошедшее II время.

Сложные формы прошедшего времени образуются сочетанием основ простых форм времен (за исключением прошедшего-настоящего II) со спрягаемой формой вспомогательного глагола *иде*. Лишь в прежде прошедшем времени II аффиксы сказуемости присоединяются к основному глаголу.

Прошедшее незаконченное время I

Прошедшее незаконченное время I образуется от основы настоящего времени + спрягаемая форма вспомогательного глагола *иде* [51]: *бара иде-м, бара иде-ң, бара иде, бара иде-к, бара иде-гез, бара иде-лэр / бара-лар иде*. В мишарских говорах употребляется и более древняя форма этого

[51] В байкибашевском говоре (на территории БАССР) при образовании формы прошедшего незаконченного времени I аффикс сказуемости присоединяется к основному глаголу: *бара-м ийе, бар-а-сын ийе, бара ийе* и т. д.: Бер дә сүләмисез ийе ‘Совсем, бывало, не рассказывали’; Урманнарга *барабыз ийе* ‘В лес, бывало, ходили’.

времени, совпадающая по значению с предыдущей и сохранившаяся даже там, где форма настоящего времени на *-адыр* (*барадыр*) утрачена: *бара-дыр иде-м, бара-дыр иде-ң, бара-дыр иде, бара-дыр иде-к, бара-дыр иде-гез, бара-дыр иде-лэр*.

Отрицательная форма образуется путем присоединения аффикса отрицания к основному глаголу: *бармый(дыр) идем, бармый(дыр) идең, бармый(дыр) иде* и т. д.

Вопросительная форма образуется присоединением частицы вопроса либо к основному, либо к вспомогательному глаголу: *барамы идем?/бара идемме? барамы идең / бара идеңме? барамы иде?/бара идеме?* и т. д.

Прошедшее незаконченное время I выражает следующее.

1) Действие незаконченное, обычное, повторяющееся или связанное с определенным моментом, нередко уточняемым словами *элгэре, элке / элеке, ул вакытта, йәж вакытта* и др., формой на *-ганда/-гәндә* и т. п., например: Мени бак, ул шунда *килә иде* ‘Вот, смотри, он (обычно) приходил сюда’; Ызын сабаклы цылкалар, сыкна ак ыйыклар *кийә идек* ‘Носили (бывало) чулки с длинными паголенками, белые суконные валенки’; Чыгаралар урынларен, шонда инде әтеки *әтәләр иде*, йегетләр *әтә иде* ‘Выносят бывало постель (невесты), тут уж пели атеки, обычно пели (ее) парни’; Камбайн'ур wакытында *мактый иделәр* ‘Когда был комбайнером, хвалили (его)’; Без *китә идек* эшкә әлдә кыйаш калыкмаганда ‘Мы обычно уходили на работу еще до восхода солнца’; Элгәре, трассы юкта, Сиргацка бик сирәк *бара идек* ‘Раньше, когда не было трассы, очень редко ездили в Сергач’; Мин кат'-канда, машина Камсамулга *бара иде* ‘Когда я возвращался, машина направлялась в Комсомольск’.

Примеры на *-адыр иде*: Ул безгә төрлө истур'йалар *сөйлидер иде* ‘Он, бывало, рассказывал нам различные истории’; Бер кулыңа *аладыр идең* ыланыңны, бер кулыңа — бишек. . . ‘В одну руку, бывало, берешь ребенка, в другую — люльку (и идешь жать)’; Аны сатып *аладыр идек* ‘Его мы покупали, обычно’; Мин элгәре *куркмийдыр идем* йәшеннән ‘Я раньше не боялась молнии’.

2) Действие, состояние, являвшиеся постоянным свойством субъекта: Минем дәдә биг ыста *йырлый иде* ‘Мой дядя очень хорошо пел’; Әнийем минен «Айучыларны» бик *белә иде* ‘Мама моя очень (хорошо) знала (баит)

о медвежатниках'; Зур тишмә иде, хват *ага иде* 'Был бол шой родник, (он) очень сильно бил'.

3) Действие, обусловленное другим действием (см стр. 178): Арталрыннан йогорсаң, *йитә идең* 'Если бы ты побежал вслед за ними, догнал бы'; Чакырсалар, *бара идә* 'Если бы они пригласили, пошла бы'.

4) Передает модальное значение желания совершить действие (~литер. *-макчы иде*): Бер зат *ат'а идем*, ай 'Я кое-что хотела сказать (тебе), пойдем'.

Прошедшее незаконченное время II

В цокающих говорах, хотя и редко, употребляется ши роко распространенная в среднем диалекте и литерату ном языке вторая форма прошедшего незаконченного вр мени на *-а торган иде*. В мишарских говорах разни в семантике между формами на *-а иде* и на *-а торган и* нет. Не находим ее и в литературном языке [52]. Примеры Картлар *сули торган иде* 'Старики, бывало, рассказ вали'; Көʻн дә алар бик иртә *тоы́ра тоы́рганнар иде* 'Он каждый день очень рано вставали'.

Примечание. В говорах среднего диалекта и реже в ли тературном языке значение, близкое к значению прошедшего нез конченного времени II, передается также сочетанием причастия н *-ыр+иде*: *бар-ыр идем, бар-ыр идең, бар-ыр иде* и т. д.

В мишарском диалекте форма на *-ыр иде* передает лиш модальные значения желания, почтительной просьбы, у тивого пожелания и т. д., а также выражает действие обусловленное другим действием (см. стр. 169, 170, 178) Следовательно, указанная форма в мишарском диалекте должна рассматриваться вне системы изъявительного наклонения.

Преждепрошедшее время I

Форма преждепрошедшего времени I образуется от основ прошедшего-настоящего времени I+спрягаемая форма вспомогательного глагола *иде*: *барган идем*, *барган идең*, *барган иде*, *барган идек*, *барган идегез*, *барган иделәр* / *барганнар иде*.

[52] Но ср.: «Современный татарский литературный язык», стр. 22 224, 230—232.

Отрицательная форма: *бар-ма-ган идем*, *бар-ма-ган идең*, *бар-ма-ган иде* и т. д.

Для выражения категорического отрицания служит сочетание *-ган йук иде* (ср. с *-ган йук*), например: *барганым йук иде // мин барганым йук иде // минем (минең) барганым йук иде // минем (минең) барган йук иде* 'я ни разу (никогда) не ходил (до этого)'.

Примечание. Сочетание *-ган бар иде* употребляется в значении, противоположном *-ган йук иде*.

Вопросительная форма: *бар-ган идем-ме? // бар-ган-мы идем? бар-ган идең-ме? // бар-ган-мы идең? бар-ган иде-ме? // бар-ган-мы иде?* и т. д.

Преждепрошедшее время I выражает следующие значения.

1) Действие однократное, достоверное, совершившееся в неопределенном прошлом, которое, однако, нередко конкретизируется специальными словами или общим контекстом: Каан кат'асын? Фирмыга *барган идем* 'Откуда возвращаешься? Ходила на ферму'; Өченчө көн дә кәнсәләргә барувышлый сезгә *кергән идем* 'И третьего дня по пути (букв.: идя) в канцелярию я зашла к вам'. Белмим Узинны, бер тирмәнгә *барган идем* 'Узени не знаю, (только) однажды я ездил (туда) на мельницу'.

2) Действие, предшествующее другому действию: Малайым киткинчә *алган идек* karawatны '(Эту) кровать мы купили (еще) до отъезда моего сына'; Кукуруз чәчкинчә *чыккан иде* әшкә 'Вышел на работу (еще) до посева кукурузы'.

Преждепрошедшее время II

Форма преждепрошедшего времени II представляет собой сочетание формы прошедшего категорического времени+*иде*; аффиксы сказуемости присоединяются к основному глаголу: *бар-дым иде*, *бар-дың иде*, *бар-ды иде* и т. д.

Отрицательная форма: *бар-ма-дым иде*, *бар-ма-дың иде*, *бар-ма-ды иде* и т. д.

Вопросительная форма: *бар-дым иде-ме? бар-дың иде-ме? бар-ды иде-ме?* и т. д.

Преждепрошедшее время II выражает следующие значения.

1) Действие однократное, достоверное, совершившееся в неопределенном прошлом: Алар мында *эшләделәр иде* ‘Они здесь работали’; Син *кидең идеме* Рузаның ырка часын? ‘Ты надевала рукавицы своей Розы?’; Бусын күрергә *кердем иде* мин ‘Я зашла (было) повидать этого (сына)’; Мында йымырка хазерләү буйынца да *эшләдем иде* ‘Я здесь работал и по заготовке яиц’; Малайдан күцертеп *йаздырдым иде* ‘Я заставил сына переписать’; Пәк сың әтмәдең, цәй куйып *цыҡтым иде* ‘Почему ты не сказала, я бы вышла, поставив чай’.

Время совершения действия нередко уточняется специальными словами или общим контекстом, например: Кызым киткән йылны *килде иде* ‘В год отъезда моей дочери он вернулся’; Атай-кәбәй, килгәндә *йүшешләдек иде*! ‘Батюшки мои, когда возвращались, мы промокли!’

2) Действие, предшествующее другому действию (редко): Тонә сүләшергә *тотондык иде*, бутаб бетердә ‘Вчера мы начали разговаривать, он все перепутал’.

Как видно из приведенного, прежденрошедшее время II в двух основных значениях синонимично прежденрошедшему времени I. В этих значениях оно зафиксировано в цокающих говорах мишарского диалекта [53].

3) Может выражать действие, обусловленное другим действием, совпадая по значению с прошедшим незаконченным временем I на *-а иде* и с формой на *-ыр иде* (литер. *-ган булыр иде*): Пирвый балам торса, сикездә *булд(ы) иде* инде ‘Если бы был жив мой первенец, (ему) было бы уже восемь лет’; Теләсәң, алып *бардым иде* ‘Если бы ты захотела, я бы взяла (тебя) с собой’; Монда торсам, *тур-*

[53] Это одна из древних форм прошедшего времени, зафиксированная во многих письменных памятниках. Она характерна для нагорных и заказанских говоров среднего диалекта (см. работы Л. Залия, Н. Бургановой, Л. Арсланова), а также для ряда современных тюркских языков: турецкого (*А. Н. Кононов*. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 240), гагаузского (*Л. А. Покровская*. Грамматика гагаузского языка. М., 1964, стр. 202), крымско-татарского (*Э. В. Севортян*. Крымско-татарский язык. «Языки народов СССР». Т. II. Тюркские языки, стр. 247), киргизского (*Б. О. Орузбаева*. Формы прошедшего времени в киргизском языке. Фрунзе, 1955, стр. 11); встречается в одном из узбекских говоров, а также, в ограниченном употреблении, в якутском языке (*Е. И. Коркина*. Наклонения глагола в якутском языке, стр. 128—129).

дым иде ‘Если бы я здесь стояла, я бы (совсем) замерзла’; Мин кичә арйакка барган булсам, *белдем иде* ‘Если бы я вчера ходила на ту сторону, то узнала бы’; Белсәм, *килмәдем иде* ‘Если бы знала, я не приходила бы’.

В последнем значении прежденрошедшее время II встречается и в некоторых чокающих говорах, однако здесь оно экспрессивно окрашено, гласный первого слога произносится обычно как долгий: *Алдым иде*, килеп алгармәсә! ‘Я взял бы, если бы он не успел прийти’; Су тәбенә *киттем иде*, чәчемнән әләктереп алмаса ‘Так бы я и ушла под воду, если бы он не схватил меня за волосы’.

4) Употребляется в значении *-а язу* ‘чуть не. . .’: Айаг асты бызлавык, *йыгылдым иде*, агачка тытыным кына калдым ‘Под ногами гололедица, я чуть не упала, (но) ухватилась за дерево (букв.: но осталась, только ухватившись за дерево)’; Кулыннан тәлиркәсе *тешеп китте иде*, куйып элгерде әлдә ‘Чуть было не выпала из ее рук тарелка, хорошо еще, что она успела (ее) поставить’.

Вторая часть предложения может и отсутствовать: *йыгылдым иде* ‘я чуть не упала’.

Таким образом, формы прошедшего времени в мишарском диалекте могут быть охарактеризованы в основном как кыпчакские. Исключение составляют лишь общетюркская форма прошедшего категорического на *-ды* и, по-видимому, древнеогузская на *-ды иде*.

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Повелительное (точнее: повелительно-побудительное [54]) наклонение выражает повеление, приказание, призыв, приглашение, побуждение к действию, просьбу, мольбу, иногда даже увещевание.

Основа повелительного наклонения совпадает с основой глагола и одновременно со 2-м лицом ед. числа этого наклонения.

Положительная форма: *бар-ый-ым*, *бар*, *бар-сын*, *бар-ый-ык* [55], *бар-ыгыз*, *бар-сыннар*.

[54] Термин, удачно употребленный Н. А. Баскаковым, в частности, в его работах по каракалпакскому языку.

[55] В литературном языке произошло стяжение: *барыйм*, *килим*, *барыйк*, *килик*. Ср. в половецком *берійім* («Документы на половецком языке XVI в. (судебные акты Каменец-подольской общины)». Транскрипция, перевод, предисловие, введение, грамматические

Отрицательная форма: *бар-мый-м(ын)*, *бар-ма*, *бар-ма-сын*, *бар-мый-ык*, *бар-ма-гыз*, *бар-ма-сыннар*. В отрицательной форме 1-го лица обоих чисел, как и в литературном языке, происходит замена широких гласных *а/э* узкими *ы/е*. Но в отличие от последнего, выпадения гласного аффикса сказуемости не происходит, ср.: миш. *барыйым* — литер. *барыйм*, миш. *барыйык* — литер. *барыйк*.

Вопросительная форма: *бар-ый-ым-мы? бар-сын-мы? бар-ый-ык-мы? бар-сын-нар-мы?*

Во 2-м лице обоих чисел глагол в повелительном наклонении вопросительной формы не имеет.

Говорящий не может сам себе повелевать или призывать совершить действие. Поэтому форма 1-го лица ед. числа (*барыйым*, *килийем*), в зависимости от контекста выражает решимость совершить действие, побуждение самого себя к совершению действия, «просьбу, предложение говорящего допустить его к совершению действия»[56]. Баккалап *чыгыйым* тагы бер кат 'Просмотрю-ка я еще раз'; Берсэк *йебэрийем* крил'чага үзләрен, сакларсын тешмәсен дип 'Выпущу-ка их (утят) на некоторое время на крыльцо, ты постережешь, чтобы не спустились они (вниз)'; Чебешләреме *ашатыйым* 'Покормлю-ка цыплят своих'; Барып *китерийемме*, су китергәч? 'Пойти привести что ли (бабушку), после того как воды принесу?' Өпәй дәме *кисийем* үзегезгә? 'И хлеба что ли нарезать вам?'

Форма 1-го лица мн. числа передает призыв говорящего к совместному с ним действию[57], направленный к одному или многим лицам: Йахшы гына *эшлийек* та аннан тынарбыз 'Давайте, хорошенько поработаем, а потом отдохнем'; Тукта, *тыңлаклыйык* быраз 'Подожди, послушаем-ка немного'.

комментарии и глоссарий Т. И. Грунина. Под ред. Э. В. Севортяна. М., 1967). Тщательный анализ данных татарского языка, в том числе изучение значительного материала по мишарскому диалекту, убедил нас, что формы 1-го лица обоих чисел (*барыйым*, *барыйык*) выражают, прежде всего, побуждение к действию, а не желание. Формы же передачи желания и его различных оттенков в татарском языке иные; они разнообразны и богаты по составу.

[56] «Грамматика русского языка». Т. 1. Фонетика и морфология. М., 1953, стр. 500.

[57] Там же, стр. 498—499.

Основными формами повелительного наклонения во всех языках являются формы 2-го лица обоих чисел, так как повеление, приказание и т. д. чаще всего направлены непосредственно к собеседнику или собеседникам.

Примеры на употребление формы 2-го лица ед. числа: *Бекла*, — дир, ник йокламыйсың, — дир 'Спи, — говорит, — почему, — говорит, — не спишь'; Ишмим, кычкырып *сүлә* 'Не слышу, говори громко'; *Биклә* дә цүгә тиеп куй ацкыцны 'Запри и повесь ключ на гвоздь'; *Кит*, башка *утырма*, башың хужы авыртыр 'Иди, не сиди на месте, голова еще хуже разболится'; *Се°р* үзен аннан, ишектән *се°р*! 'Прогони ее оттуда, прогони собаку!'; Башацны *бәлә* башыңа Повяжи на (свою) голову (свой) платок'; Сәренгә *утыр* 'Садись в холодок'.

Примеры на употребление формы 2-го лица мн. числа: *Ад'агыз*, кешегә тынырга *ирек бирегез* 'Пойдемте (отсюда), дайте возможность человеку отдохнуть'; Бара тырган булыгыз бик ызын, бәпкәм, инде сәфәрегездән исән генә *имин кат'ыгыз* 'Путь ваш далек, дитя мое, желаю вам возвратиться (букв. возвратитесь уж) в добром здравии'.

С помощью форм 3-го лица обоих чисел повелительного наклонения говорящий передает свое повелевание, приказание, указание, разрешение, допущение, совет, пожелание и т. д., короче — «свою волю не непосредственно, а через собеседника»[58]: Кодагыйларың *менсен*, ни дә калма, йәме? 'Пусть твоя сватья (с сестрой) поднимутся (к нам), ты и сама приходи (букв.: не оставайся), ладно?'; Өт үзенә, башына салкын *куйсын* 'Скажи ей, пусть на голову положит холод'; Йомошо булса, кәнсәләргә *чакыртсын* 'Если есть дело, пусть пригласит (через кого-нибудь) в канцелярию'.

Усиление или смягчение различных оттенков значений повелительного наклонения достигается различными путями: повторением (*бар-бар*! 'иди-иди! иди же!'), сочетанием с постпозитивными частицами *-чы/-че*, *әле*, *инде*, препозитивными частицами *ад'а / әдә*, *ад'агыз / әдәгез* 'давай(те)', *давай*, *давайыгыз* или словами типа *зинһар* 'пожалуйста', *бак* 'глянь', 'смотри', *соралам* 'прошу' и т. д.

Частицы *-чы/-че*, *әле*, *инде* в зависимости от интонации придают оттенок вежливой просьбы, учтивого пожелания или непринужденности, простоты обращения, на-

---

[58] Там же, стр. 498.

стойчивого побуждения к действию, смягченного
резкого приказания и т. д. *Инде*, кроме того, может при
вать оттенок мольбы, увещевания, а *эле* — угрозы в сер
езной или полушутливой форме и т. п. Большую ро
в раскрытии этих оттенков значений в живой разговорн
речи играют также контекст, обстановка, мимика и проче

Эти частицы наиболее часто выступают в сочета
с глаголами 2-го лица ед. числа повелительного накло
ния: *Менче* бирлэк ‘Поднимись-ка (сюда) поближе!’; Ви
цыкцы, — ди ‘Выйди-ка, — говорит, — сюда’; Әни,
бирче ‘Мама, дай, пожалуйста, воды’; *Салчы*, кызым ‘Н
лей-ка, дочка’; *Утырчы*, балакайым ‘Садись-ка, детка
Шыплар бир әле, нәнәй ‘Дай, пожалуйста, мама, гвозди
Ал әле купыны ‘Убери-ка мисочку’.

Употребление частицы *-чы/-че* заметно активизируется
на западе распространения мишарского диалекта, о
бенно в говорах ряда населенных пунктов Рязанской о
ласти — Тархань, Алешино, М. Студенец и др.

Частицы *ад'а(гыз) / әдә(гез)*, *давай(ыгыз)* усилива
побуждение к действию: *Давай йылыш*, аший башларбы
‘Давай придвигайся, начнем есть’; *Ад'а төш* әле п
гар'апка ‘Давай спустись-ка в погреб’; *Давай* инеш
тешийек тә *йыв*^{w}*ыныйык* ‘Давай-ка спустимся к речке
искупаемся’; *Әдәгез*, — дим, — дуслар, кат'ыйык ‘Д
вайте, — говорю я, — друзья, вернемтесь’; *Әдә* печ
чабарга малай эзлийек, — ди ‘Давай, — говорит, — по
ищем мальчишку косить сено’ (из сказки).

Наряду с рассмотренными выше формами 2-го лица
повелительного наклонения, присущими всем мишар
ским говорам, островками сохранились и некоторые дре
ние формы этого наклонения. Так, на территории Морд
вии и Пензенской, реже Горьковской областей во 2-м лице
обоих чисел повелительного наклонения употребляется
форма на *-(ы)гын/(-е)ген*, *-кын/-кен*, встречающаяся
в том же значении в древних письменных памятниках,
а также в некоторых современных (караимском, уйгур
ском, киргизском и алтайском [59] и др.) языках. По наши
наблюдениям, в современных мишарских говорах афф.

[59] «Языки народов СССР». Т. II. Тюркские языки, стр. 270, 378, 496, 517. — Эта форма есть также в карачаево-балкарском языке, но в нем она употребляется в значении желательного наклонения (см. там же, стр. 227).

-гын/-ген придает приказанию, повелению, просьбе и т. д.
оттенок большей категоричности, настойчивости, большей
обязательности выполнения сказанного.

Примеры: *Ачкын* ишекне! ‘Открой дверь!’; Мине әп-
әйга *иткен* ‘Отведи ты меня к бабушке’; Безгә *баргын*,
барыймы? ‘Приходи к нам, ладно?’; Бак, туйга *килген*
инде ‘Смотри, на свадьбу(-то) уж приходи’; Әни, чәйнекне
куйгын без кат'уга ‘Мама, к нашему возвращению по-
ставь, пожалуйста, чайник’; [a]Рәсимә, апаларыца *баргак-
лагын* ‘Расима, ты захаживай к своим теткам’; *Утырыгын*,
чай эчеп алыйык ‘Садитесь, давайте чайку попьем’; *Ашык-
магын*, сезне калдырып китмәсләр ‘Не спешите, не уедут,
оставив вас’.

Интересно, что лишь в слове *диген* (<*ди+ген*) афф.
-гын/-ген встречается на всей территории распространения
мишарского диалекта (иногда: *диген* > *дийең* или *диң* /
дин): Анарга да калдырган, — *диген* ‘Скажи, что и для
него оставил’; Синең белән бик сүләшкеләре кели, —
диген ‘Скажи, что им очень хочется поговорить с тобой’;
Монда без, — *диген*, — торгобыз келәмидер, күчкем кели
дацы Узинга ‘Скажи, что здесь нам не хочется жить, мне
хочется переехать в Нов. Узень’.

В байкибашевском говоре (северо-западная часть Баш-
кирии) в качестве вежливой формы повелительного накло-
нения употребляется афф. *-ыңг/-еңг*, имеющий общее с афф.
-гын/-ген происхождение *бар-ыңг* ‘пойди(те)’, *кил-еңг* ‘при-
ди(те)’. Она возникла, видимо, в результате влияния со-
седних тептярских говоров, что подтверждается также
тем, что в генетически связанном с ним сергачском говоре
данная форма отсутствует.

Любопытно, что афф. *-ын/-ен* параллельно с *-гын/-ген*
зафиксирован в говоре д. Энгуразово — 315 (Тамбовская
область), жители которой считают себя выходцами из
б. Пензенской губ. (в 30-е годы XIX в.) [60]: Йыйын да
китен ‘Собирайся и уходи’; *Хуш булын*, кат'ам ‘До сви-
дания, ухожу’, но: Син *килген* безнен квартирга ‘Ты при-
ходи к нам на квартиру’. Однако употребление афф.
-ын/-ен в говорах на территории б. Пензенской губернии
не обнаружено, и поэтому трудно сказать что-либо об
источнике происхождения его здесь.

[60] См. материалы экспедиционного выезда Ф. Ю. Юсупова в 1966 г. (Диалектологические фонды. . .).

ЖЕЛАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Желательное наклонение выражает желание, просьбу, совет, намерение, необходимость совершить действие, а в отрицательном аспекте — упрек, раскаяние, сожаление и т. п. Смысловое различие между повелительным и желательным, с одной стороны, желательным и сослагательным наклонениями — с другой, порой почти стирается. В правильном определении значения отдельных форм важную роль играют интонация, общий контекст, обстановка речи.

Форма на *-гай*

В мишарском диалекте форма желательного наклонения, выраженная специальными аффиксами, сохранилась лишь в части мишарских говоров. Во всех остальных говорах значение желания передается с помощью различных модальных форм.

Древней формой желательного наклонения, встречающейся в памятниках письменности и ряде современных языков (кумыкском, крымско-татарском, караимском, ногайском, каракалпакском, казахском, киргизском, тувинском, хакасском, шорском, языке желтых уйгуров (в 3-м лице), алтайском) является форма на *-гай/-гэй, -кай/-кэй*. В отличие от всех остальных языков в тувинском эта форма выражает согласие и позволение к совершению действия [61].

В одних языках сохранилась как простая форма желательного наклонения, образованная путем присоединения к основе глагола афф. *-гай* + аффикса сказуемости, так и сложная, состоящая из основы глагола + афф. *-гай* + спрягаемая форма вспомогательного глагола *иде*; в других — либо только простая, либо только сложная форма этого наклонения. При этом сложная форма имеет полный и усеченный варианты, которые, однако, не во всех языках употребляются параллельно.

Форма на *-гай* сохранилась также в мишарском диалекте. Простая форма желательного наклонения на *-гай* употребляется на всей территории распространения ми-

[61] «Языки народов СССР». Т. II. Тюркские языки, стр. 202, 248, 271, 290, 310, 331, 496; 397, 436, 476, 517; *Э. Р. Тенишев, Б. Х. Тодаева*. Язык желтых уйгуров, стр. 32, 397.

шарского диалекта, но лишь в отрицательном аспекте: *-магай / -мәгәй*. В сочетании с глагольными основами этот аффикс обозначает безразличие к совершению действия или допущение его: *бар-магай* ‘ну и пусть идет’, *килмагай / килмәгәй* ‘ну и пусть приходит’. Эта форма может употребляться и с аффиксами принадлежности: *йыгылмагайым, йыгылмагайың, йыгылмагай(ы), йыгылмагайыбыз, йыгылмагайыгыз, йыгылмагайлар*.

При присоединении афф. *-магай/-мәгәй* к основам с передними гласными, соблюдение закона сингармонизма необязательно: *йезлекмагайым / йезлекмәгәйем, йезлекмагайың, йезлекмәгәйең, йезлекмагайы / йезлекмәгәйе* и т. д.

Форма на *-магай/-мәгәй* в говорах среднего диалекта передает значение боязни совершения действия, опасения как бы не совершилось оно, например: Безгә *бармағайы* ‘Как бы он не пошел к нам’; Йаңгыр *йаумағайы* ‘Как бы дождь не пошел’. Параллельно с этим значением, в ряде говоров среднего диалекта (нагорных, тептярских) афф. *-магай/-мәгәй* употребляется и в значении, характерном для мишарских говоров — безразличия к совершению действия, допущения его.

Для литературного языка основным является значение боязни совершения действия, опасения как бы не совершилось оно. Однако в нем все более активизируется и другое значение афф. *-магай/-мәгәй*, что объясняется прежде всего тем, что писатели, выходцы из среды носителей мишарского диалекта, а также нагорных, тептярских и некоторых других говоров среднего диалекта, употребляют в своих произведениях афф. *-магай/-мәгәй* именно в значении безразличия к совершению действия, допущения его.

Сложная форма желательного наклонения на *-гай* в мишарском диалекте активно употребляется в лямбирской и карсунской группах населенных пунктов (восточные районы Мордовии и прилегающие к ним села Ульяновской области). Она образуется путем присоединения афф. *-гай/-гәй, -кай/-кэй* к основе глагола + спрягаемая форма вспомогательного глагола *иде*. Встречаются как полный (*-гай иде / -гәй иде*), так и усеченный (*-гайде / -гәйде*) варианты, причем вспомогательный глагол *иде* и в том, и в другом случае не всегда подчиняется закону гармонии гласных: *баргай идем // баргайдем, баргай идең // баргайдең, баргай иде // баргайде* и т. д. Ср. также: *килгай*

идем / килгәй идем // килгайдем / килгәйдем, килгай идең / килгәй идең // килгайдең / килгәйдең, килгай иде / килгәй иде // килгайде / килгәйде и т. д.

Форма на *-гай иде / -гәй иде* выражает пожелание, просьбу, совет в плане прошедшего, реже в плане настоящего или будущего времени. В зависимости от интонации эта форма может иметь значение раскаяния (в отрицательном аспекте).

Примеры на полную форму *-гай иде / -гәй иде*: *Ат'кай идең*: берәрне йырласыннар ‘Сказала бы, чтобы спели по одной песенке’; Пускай *тыргай иде* биж йыл ‘Пусть жил бы пять лет’; *Биргай иде* кешегә ‘Дал бы (другому) человеку’; Туйгынча *эчкай идегез* ‘Вдоволь напились бы’; Өле инде зәмәт аша сүләмә, ызбада *сүләгәй идең* ‘Теперь уж не рассказывай через забор, рассказала бы дома’; *Терелгай идем*! ‘Поправиться бы мне!’

Примеры на усеченную форму *-гайде/-гәйде*: *Укыгайдең* син дә шалай ‘Училась бы и ты так же’ (‘И тебе бы так же учиться’); Син шыпырт кына *кергайдең* дә *чыккайдең* ‘Ты потихонечку зашла бы, да вышла бы’ (‘Тебе потихонечку зайти бы, да выйти бы’); Бир *утыргайде* ‘Сюда села бы’ (‘Сесть бы тебе сюда’); Ызагырак утырыргә *килгайдегез* ‘Пришли бы вы, чтобы подольше посидеть’; Карттан *сырашкайдегез* сез ‘Вам порасспросить бы у старика (моего)’.

Если в предложении подлежащее выражено отдельно, то аффикс сказуемости может не присоединяться к вспомогательному глаголу *иде*. Ср.: Сез аны йахшы гына *эзләгай* иде ‘Хорошенько поискали бы вы его’ (‘Вам бы хорошенько поискать его’).

Отрицательная форма желательного наклонения на *-гай иде* образуется путем присоединения аффикса отрицания *-ма/-мә* к основе глагола перед афф. *-гай*. Однако аффикс отрицания, присоединяясь к основе с передними гласными, под влиянием афф. *-гай* не всегда подчиняется закону гармонии гласных: *әшләмагай, күрмәгай*, но: *бәләнмәгәй* и т. п.

Примеры: Луччы *әшләмагай идең*, йөрәгеме бетердең! ‘Лучше бы не делала, всю душу извела’; *Ат'магай иде* ‘Не говорила бы!’; *Йугат'магай идең*! ‘Не теряла бы!’; Сугыш агуwын *күрмәгайлар иде* ‘Пусть бы не видели (пусть не суждено будет им видеть) горечи войны’; Сиңа пирут *бәләнмәгәй иде*, — әтәм ‘Я говорю, что тебе са-

ному бы первым не приставать’; Кара йезле *булмагайдең*, ягырак *булгайдең* ‘Не была бы смуглой, (а) была бы лицом посветлее’ (‘Не быть бы тебе смуглой, быть бы посветлее’); Берәр сүз ат'а башласа, *алмагайдең*, — дим ‘Если начинает что-нибудь говорить, то отвечаю (букв. ‘говорю’), что не брал бы’.

Форма на *-гы иде*

В темниковской группе сел (на западе Мордовии, в Каменском районе Рязанской области и ряде населенных пунктов юго-восточной части Пензенской области), а также в сергачских мишарей употребляется форма на *-гы иде*, которая, в зависимости от интонации, передает значение пожелания, совета, поучения, упрека, иногда раскаяния в плане прошлого, реже настоящего или будущего времен. Рассматриваемая форма в основном синонимична форме на *-гай иде*, с которой, видимо, генетически связана.

Спрягаемой частью ее также, как и в предыдущей форме, является вспомогательный глагол *иде*.

Эта форма, подобно форме на *-гай иде*, имеет как полный, так и усеченный варианты, причем вспомогательный глагол *иде* ни в том, ни в другом случае не подчиняется закону гармонии гласных: *баргы идем // баргыйдем // баргидем, баргы идең // баргыйдең // баргидең, баргы иде // баргыйде // баргиде* и т. д.; *китке идем // киткийдем, китке идең // киткийдең, китке иде // киткийде* и т. д. Что касается афф. *-гы*, то он может подчиняться губной гармонии гласных: *очко иде, торго иде* и т. п.

Примеры: *Ат'кы иде*: лаукада күп ‘Сказала бы, (что) в лавке много’; *Йырлагы идең* үзләренә ‘Спела бы им;’ Шунда гына *торго иде*, нигә чыгарасын? ‘Пусть бы здесь стоял (рюкзак), зачем выносишь?’; Ник *килге иде*, ухут булмаса? ‘Зачем было приезжать, если нет ухода?’; Сал, *салгы идең* ‘Положи, положила бы’; Шурба *булгы иде*, шурба! ‘(Вот) был бы суп, суп!’; Тик *йоклагылар иде* ‘Пусть продолжали бы спать’; Беткән ызба, *торгыйде* ‘Изба построена, пусть бы жил’; Нәк биклән китмәдем, биклән *киткидем*, ыспакуйна була идем ‘Почему (только) я не заперла, уйти бы мне, заперев, (и тогда) была бы спокойна’.

Отрицательная форма образуется путем присоединения аффикса отрицания к основе глагола перед афф. *-гы*

(*-магы иде* //*-магы^{ӥ}де* //*-маги^{ӥ}де*, *мәгеи -де* //*-мәги^{ӥ}де*), например: *Ашатмагы идең* ‘Не скормила бы’; *Китмәгиде урны йакшиде* ‘Не уходил бы, место его было хорошее’; *Алмагидең*, йүлә, алып *калдырмагиде* ‘Не брала бы, (теперь вот) шей, не оставляла бы (у себя)’; *Хасталамаем иде* [62] (ыланым) ‘Как бы не заболел (дитя мое)’.

Форма на *-ырга иде*

В мишарских говорах, особенно в тех, в которых отсутствуют ранее рассмотренные формы на *-гай иде* и *-гы иде*, в аналогичном им значении употребляется сочетание инфинитива на *-ырга* с вспомогательным глаголом *иде*, имеющее место и в литературном языке. Подобно им эта форма имеет полный и усеченный варианты — *барырга иде* // *барыргы^{ӥ}де* // *барыргиде*: Самав^{ш}ырны алып *кую-арга иде* инде ‘Унесла (унесли) бы уж самовар’; Быйыл бура буратып *калырга иде* ‘Поставить бы сруб в этом году’; Шунда идең вет, *багырга иде* ‘Ты (сама) ведь была тут, смотрела бы’; Әнийеңне *утыртыргы^{ӥ}де* ‘Посадила бы маму (свою)’; *Калыргиде* ‘Осталась бы’.

В отличие от первых двух форм аффикс сказуемости в этой форме может присоединяться (факультативно) к вспомогательному глаголу *иде* только во 2-м лице: *Кушарга идең!* ‘Велела бы!’; *Утырыга идегез*, ник ашыгасыз? ‘Посидели бы, зачем спешите?’; Моно, балам, әтийең белән икәү *ашарга идегез* ‘Это, детка, поели бы вдвоем с папой’.

Субъект действия, передаваемого формой на *-ырга иде*, может быть выражен местоимением или любым другим именем в дательно-направительном (реже в основном) падеже, либо он может угадываться из общего коптекста; нередко имеется в виду обобщенное лицо:

(мица) бары(ыр)га иде // (мица) бары(р)гиде
(сица) бары(р)га иде // (сица) бары(р)гиде
(анарга) бары(р)га иде // (анарга) бары(р)гиде и т. д.

Син дә *этергә иде*: цыккыз ‘И тебе бы сказать (т. е. и ты бы сказала): выйдите (мол)’; Сиңа *күрсәтергә иде* картаны ‘Показать бы тебе карту’ (т. е. ‘Показала бы ты карту’); Төңүк *алырга иде* аларга, бер дә шик тотмыйлар

[62] Вообще это слово в мишарских говорах произносится через *к*: *касталан-* ‘заболеть’.

‘Вчера же взять бы им (т. е. взяли бы они), уж очень самоуверенны’.

Отрицательная форма — *-маска иде* / *-мәскә иде*, *-маскиде* /*-мәскиде*, например: Моно *китермәскә иде* ‘Не надо было бы приводить его’; *Кермәскә иде* инде, йевеш булса аякларың ‘Не надо было бы уж заходить, раз ноги были мокрые’.

Форма на *-ырга иде* может выражать и значение долженствования: Быйыл *кат′ырга иде* ‘В этом году он должен (был) вернуться’; — Гелсем кат′т′ымы? — Йуг але, беген *кат′ырга иде*, ниңлә кат′ми^{ӥ} тыргандыр — Гульсум приехала? — Нет еще, сегодня должна была приехать, неизвестно почему не едет’; Беген атнарас кеп, *эшләмәскә иде*, белмим (ник) калганнар ‘Сегодня суббота, не должны были работать, не знаю, почему остались’.

Форма на *-ыр иде*

Сочетание формы причастия на *-ыр* (=основа будущего времени) с вспомогательным глаголом *иде*, к которому прибавляются личные аффиксы, употребляется во всех мишарских говорах: *бар-ыр идем*, *бар-ыр идең*, *бар-ыр иде*, *бар-ыр идек*, *бар-ыр идегез*, *бар-ыр иделәр* // *бар-ырлар иде*.

Отрицательная форма: *бармас идем*, *бармас идең*, *бармас иде* и т. д.

Вопросительная форма: *бар-ыр-мы идем?* // *бар-ыр идем-ме?* *бар-ыр-мы идең* // *бар-ыр идең-ме?* *бар-ыр-мы иде?* // *бар-ыр идеме?* и т. д.

Эта форма в других тюркских языках выражает значение прошедшего времени. В грамматиках обычно рассматривают ее в рамках изъявительного наклонения под различными названиями: прошедшее незаконченное II [63], неопределенный имперфект [64] и т. д.

В мишарском диалекте форма на *-ыр иде* в составе простого предложения выражает желание, почтительную просьбу, учтивое пожелание, ненавязчивый совет, увещевание, иногда приближаясь по своему значению к смягченной, почтительной форме повелительного наклонения.

[63] *Н. К. Дмитриев.* Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 150.

[64] *А. Н. Кононов.* Грамматика современного узбекского литературного языка, стр. 225—226.

Примеры: Кенсәтә йулда, берәз чәй *эчәр идегез* ‘Целый день в дороге (были), выпили бы немного чайку’; Кыда гый, — ди, — китабыңны *бирер идең*, — ди ‘Сваха, — говорит, — дала бы ты (мне) свою книгу, — говорит’; Ба рын *багар идең* теге картуккызны ‘Сходила посмотрела бы ту вашу картошку’; Мунчадан, кызым, күмер *китерер идең* ‘Доченька, принесла бы угли из бани’; Баж дарувын бармы? *Бирер идең* ‘Есть у тебя лекарство от головной боли? Дала бы (мне)’; Әпкай, йеп *чыгарыр идең* инде ‘Бабулепька, вынесла бы уж ты нитки’; Вата, йастыкка *йатырлар иде* ‘Вот легли бы на подушку’; Выт үгә *керер идегез* дә чәй артында сүләшер идек ‘Вот зашли бы в дом (там) и поговорили бы за чаем’; Тына *төшәр идегез* инде ‘Отдохнули бы уж немпого’.

В 1-м лице форма на *-ыр иде* преимущественно выражает желание, мечту совершить какое-либо действие: Ышкулга *барыр идем*! ‘Хотела бы пойти в школу!’ (‘Пойти бы мне в школу!’); Ачыны *ашар идем*! ‘Хотела бы поесть (чего-нибудь) кислого!’ (‘Поесть бы мне кислого!’).

В составе условного периода форма на *-ыр иде* выражает действие, обусловленное другим действием, и составляет одну из форм сослагательного наклонения.

Форма на *-са иде*

Сочетание основы условного наклонения на *-са* с вспомогательным глаголом *иде* передает мягко выраженное желание, учтивое пожелание, мечту, осторожную просьбу, робкий совет и т. д.

Показатель лица может присоединяться как к основному, так и к вспомогательному глаголу: *бар-са иде-м // бар-са-м иде*, *бар-са иде-ң // бар-са-ң иде*, *бар-са иде* и т. д. В редких случаях он может присоединяться и к основному и к вспомогательному глаголу одновременно: *бар-сам иде-м*, *кил-сәм иде-м* и т. д. Примеры: Хазерге деп'йада мин *эшләсәм идем* ‘О, если бы я работала (мне работать) теперь!’

Отрицательная форма: *бар-ма-са идем // бар-ма-са-м иде*, *кил-мә-сә идем // кил-мә-сә-м иде*. . .

Вопросительная форма: *бар-са идем-ме? // бар-са-м иде-ме? кил-сә идем-ме? // кил-сә-м иде-ме?* и т. д.

Форма на *-са иде* активно употребляется в простых предложениях, например: Хазер терлегең кетүдә *булса*

иде ‘(Вот) если бы сейчас скотина была на пастбище (букв.: в табуне)’; Йаңгыр тихарак кына *йауса иде* ‘(Вот) если бы дождь по-тихонечку шел’; Ван'а, карлыган *кап'атсаң иде* ‘Вон, если бы сварить варенье из черной смородины’; Йырың белән *аңлатса идең* | Эчтәге серләреңне ‘О, если бы ты раскрыла своей песней | То, что у тебя на душе!’ Кар *дзаумаса иде* эле ‘Если бы пока не выпадал снег’.

Форма на *-са иде*, употребляясь в составе сложного предложения, также сохраняет значение желания, мечты. Ср.: Вата хаз'ыр багыркайым килеп *керсә иде*, кецелләрем ачылып, йаннарым тынычланып китәр иде ‘Вот если бы сейчас (нежданно-негаданно) вошло мое сердечко (сынок), настроение мое поднялось бы, душа моя успокоилась бы’.

Форма на *-са иде* присуща всем мишарским говорам, а также литературному языку.

Форма повелительного наклонения + *иде*

Сочетание формы повелительного наклонения во 2, 3-м лицах обоих чисел с вспомогательным глаголом *иде* (*бар идең*, *бар идегез*, *барсын иде*, *барсыннар иде*) выражает желание, пожелание, совет, иногда с оттенком упрека, поучения. Наиболее активно употребляется форма 3-го лица ед. числа: Улым *кат'сын иде* ‘Пусть бы вернулся сын мой’; *Терелсен иде* ‘Пусть бы поправился’; Казыклар *суксын иде*, тупрак *салсын иде* — йылы булыр иде ‘Пусть колья прибил бы, землей засыпал бы, (тогда) было бы тепло’; *Ал идең*, ачкаң бар иде ‘Купила (букв.: взяла) бы, деньги у тебя были’.

Отрицательная форма образуется путем присоединения аффикса отрицания к основному глаголу (*бар-ма идең*, *бар-ма-сын иде*, *бар-ма идегез*, *бар-масыннар иде*): *Йаумасын иде* ‘Только бы не пошел дождь’; Миңа дигәнне *алма идең* ‘Не брала бы то, что было положено мне’; Баласын *калдырмасын* иде ул аларга ‘Не надо бы ей оставлять им своего ребенка’.

К перечисленным формам, на наш взгляд, примыкает и сочетание формы 3-го лица мн. числа настоящего времени изъявительного наклонения с указательным местоимением *ул* в винительном падеже ед. числа, которое выражает значение совета, иногда с оттенком упрека. Обычно оно употребляется по отношению ко 2-му лицу обоих

чисел, при этом, если речь идет об уже совершившемся действии, глагол ставится в отрицательном аспекте, если о несовершившемся — в положительном аспекте: Ни алмадың син дә? *Алалар ыйы* 'Почему и ты не взяла? Взяла бы (Надо было взять)'; Йыкым туймады дисен, сың кат'милар аны 'Жалуешься, что не выспался, не надо было поздно возвращаться (букв.: не возвращаются поздно)'.

Модальные конструкции со значением желания, намерения [65]

Желание, намерение, решимость совершить какое-либо действие в мишарском диалекте передаются с помощью особых модальных конструкций или оборотов, которые образуются по следующей схеме: основа глагола+соответствующий аффикс+спрягаемая форма вспомогательного глагола *келә-* 'хотеть' [66]. Употребляются эти конструкции в изъявительном и условном наклонениях.

Рассмотрим каждую конструкцию отдельно.

1. Основа глагола+аффикс имени действия на *-гы/-ге, -кы/-ке*+вспомогательный глагол *келә-* 'хотеть' (где *к* ~ *т*: *келә-* ~ *телә-*). На действующее лицо указывает аффикс принадлежности, присоединяемый к имени действия на *-гы/-ге*, или личное местоимение в родительном падеже или и то и другое одновременно: *баргым кели* // *минең(-н, -м) баргы кели* // *минең(-н, -м) баргым кели*.

Отрицательная форма образуется путем присоединения аффикса *-ма/-мә* к вспомогательному глаголу *келә-*: *баккы келәми*[й] 'не хочется смотреть', *алгым келәми*[й] 'не хочется мне брать', *керген келәми*[й] 'не хочется тебе заходить' и т. д.

Вопросительная форма образуется присоединением аффикса *-мы/-ме* либо к основному, либо к вспомогательному глаголу, в зависимости от того, на который из них падает логическое ударение: *баккымы кели?* 'смотреть что-ли хочется?'; *Баккы келиме?* 'хочется смотреть?'.

Конструкция на *-гы келә-*, характерная главным образом для ряда языков кыпчакской группы (казахского, каракалпакского, ногайского, башкирского — в послед-

[65] Исследователи некоторых языков, например казахского, конструкции этого типа рассматривают в рамках желательного наклонения.

[66] Ср.: Качап кем *кели*, шул йаза 'Когда кто хочет, тот (и) пишет'.

ем *-сы кил-*) [67], употребляется на всей территории распространения мишарского диалекта. Выражает она внутреннее желание, побуждение совершить какое-либо действие (~ литер. *-асы килә-*: *барасым килә* 'мне хочется пойти').

Примеры: Киләлмим генә, *кургем* бик *кели*[й] 'Прийти только не могу, (а так) очень хочется повидать'; Кызларыбыз *киткеләре келәми* 'Девушкам нашим не хочется уезжать'; *Йоклагысы келәгән* 'Спать захотелось ему'; Хәзер барыбыз да градскуйларча *булгыбыз кели* 'Теперь всем нам хочется быть похожими на городских'; Җәйәү *барасы келәми* 'Не хочется ему идти пешком'; Аның белән *аралашкыбыз келәмидер* 'Мы не хотим общаться с ней'.

На части территории распространения чокающих мишарских говоров (в основном на юге Ульяновской области — в хвалынском говоре и небольшими островками — в пределах Пензенской области) рассматриваемая конструкция, употребляясь параллельно с конструкцией *-рга келә-* (*алырга келим*), может передавать и значение намерения совершить какое-либо действие (~ литер. *-макчы бул-*: *бармакчы булам* 'намереваюсь, собираюсь пойти'). В данном случае на действующее лицо указывает аффикс сказуемости; кроме того, оно может быть выражено и отдельно — именем существительным, местоимением и т. д. в основном падеже: Мин йертәгә *баргым кели* Кикынга 'Завтра я намереваюсь отправиться в Кикино'; Кайа белен *пешергең кели?* 'Где ты собираешься жарить блины?'; Тагы барып *баккым кели* 'Я еще раз собираюсь поехать посмотреть'.

Конструкция типа *-гы келә-* может выступать и в качестве безличного оборота. В этом случае аффикс сказуемости опускается, к согласным основам присоединяется афф. *-гы/-ге* (после звонких), *-кы/-ке* (после глухих), *-к*, иногда *-гы/-ге* (после гласных)+вспомогательный глагол *келә-* в 3-м лице ед. числа: *баргы кели* 'хочется пойти', *чыккы кели* 'хочется выйти', *ашак кели* 'хочется есть'.

Примеры: *Ашак кели, эцке келәми* әлдә 'Хочется есть, пить не хочется пока'; Кыйашлы кенне айакны да *атлак келәми* 'В солнечный день не хочется даже двинуть (букв.: шагнуть) ногой'; Үгә кат'кы келиме әллә? 'Или домой

[67] Эта форма имеет место и в саларском языке (см.: *Э. Р. Тенишев.* Строй саларского языка. Автореф. докт. дис. М., 1969, стр. 63).

хочется вернуться?'; *Эшләге келәми* 'Не хочется работать'.

2. Основа глагола+аффикс имени действия *-ма/-мә* вспомогательный глагол *келә-* 'хотеть' в спрягаемой форме: *(мин) барма кели(мен)*, *(син) барма келисен(-сең)*, *(ул) барма кели(дер)* и т. д.

Отрицательная и вопросительная формы от этой конструкции образуются по той же модели, что и от рассмотренной выше конструкции на *-гы келә-*. Ср.: *бакма келәмим(ен)* 'не намереваюсь смотреть'; *кермә келәмисең* 'не намереваешься зайти'; *бакмамы келисен?* 'смотреть что ли намереваешься?'; *бакма келисенме?* 'намереваешься смотреть?'

В мишарском диалекте конструкция *-ма келә-* встречается в цокающих говорах и в чокающих — в предлах Кадомского района Рязанской области, а из говоров среднего диалекта — в мишаризованных нагорных говорах, в говоре пермских татар и изредка в значении инфинитива — у ближайших соседей их, агрызских татар, которые являются носителями одного из подговоров менделинского говора [68] (однако в основном говоре рассматриваемая форма отсутствует). Возможно, форма на *-ма/-мә* в говоре пермских татар появилась под влиянием речи мишарей, принявших определенное участие в формировании этой группы татар. Из других тюркских языков данная конструкция характерна для караимского языка (ср. *клейм айтма* 'хочу сказать', *клейс алма* 'хочешь взять', *клянят тирился* 'хочется жить' и т. д.), а также для армяно-кыпчакских письменных памятников [69].

Основное значение конструкции *-ма келә-* — выражение намерения совершить какое-либо действие, возникшее в результате логических размышлений (~литер. *-макчы бул-*: *бармакчы булам* 'намереваюсь пойти'): *Куйдырма*

---

[68] *Н. Б. Бурганова.* Особенности говора татар Нагорной стороны ТАССР. — МД, стр. 46; *Л. Ш. Арсланов.* Татарские говоры правобережных районов Татарской и Чувашской АССР. Автореф. канд. дис. Казань, 1966, стр. 11, 27; *Д. Б. Рамазанова.* Говоры татар Среднего Прикамья. Автореф. канд. дис. Казань, 1970, стр. 18, 38.

[69] *К. М. Мусаев.* Грамматика караимского языка. М., 1964, стр. 290; «Документы на половецком языке XVI в. . .», стр. 378; *И. А. Абдуллин.* Армяно-кыпчакские рукописи и их отношение к диалектам татарского языка. — МТД, вып. 3, стр. 178.

кылыбез теш 'Собираемся вставить зуб'; Син Казанга нигә *барма келисен?* 'Ты с какой целью намереваешься ехать в Казань?'; Матациклны завадит' *итмә келәдем* 'Хотел завести мотоцикл'; *Сынама келәгән* 'Хотел испытать'; Дүшкенгә *китмә келим* 'В понедельник намереваюсь выехать'; Иванның атасы *алма келәгән* икән аны 'Его, оказывается, хотел взять отец Ивана'; Малайым ызба *кырма кели* 'Сын мой собирается ставить избу'.

Изредка конструкция *-ма келә-* выражает значение желания совершить действие по внутреннему побуждению (~литер. *-асы килә*): Эшләгән кеше *мактанма кели* 'Человеку, сделавшему что-то, хочется похвастать'; Бәрән *ашама кели*, кычкыра да кычкыра 'Ягненку хочется есть, кричит и кричит'.

3. Инфинитив на *-ырга/-ергә*+вспомогательный глагол *келә-* 'хотеть' в спрягаемой форме: *(мин) алырга келим(ен)*, *син алырга келисен(-сең)*, *ул алырга кели(дер)* и т. д.

Аффикс отрицания в отличие от двух предыдущих конструкций присоединяется к основному глаголу: *бар-мас-ка келим(ен)*, *бар-мас-ка келисен(-сең)*, *бар-мас-ка кели(дер)* и т. д.

Вопросительный аффикс может присоединяться и к основному и к вспомогательному глаголу, например: *барырга кели-ме? // барырга-мы кели? килергә кели-ме? // килергә-ме кели?* (в зависимости от логического ударения).

Этот тип конструкции употребляется в основном на юге распространения чокающих говоров (встречается в говорах некоторых населенных пунктов Пензенской, Ульяновской и других областей).

По значению эта конструкция, как правило, соответствует литер. *-макчы бул-* (*бармакчы булам*): Кече кызым быйыл да *килергә кели* 'Младшая дочь моя и в этом году собирается приезжать'; Аны *багарга келисез?* 'Вы хотите посмотреть его?'; Син йырымны йазып *алырга келисен?* 'Ты хочешь записать мою песню?'; Әле бер хат йазырга *утырыга келим* 'Сейчам собираюсь сесть написать одно письмо'; Пылтина *куйырга келилэр* 'Хотят построить плотину'; Мурта баласы икән, *чыгарга келәгән* 'Это, оказывается, маленькая пчелка, она пыталась выбраться наружу'.

В некоторых случаях конструкция на *-ырга келә-* параллельно с формой на *-гы келә-* или *-ма келә-* употребляется в значении литер. *-асы кил-* (*барасы килә* 'хочется

пойти'): *Келисез ортларга?* 'Вам хочется попробовать (варенья)?'; *Келәмәдем* инде *бәләнергә* 'Я не хотела связываться'; *Картайырга келәмисен* 'Не хочется тебе стареть'.

4. В мишарских говорах встречается и вариант на *-ырга+телә-*: *бары(р)га телим(ен)*, *бары(р)га телисен(-сең)*, *бары(р)га тели(дер)* и т. д. Примеры: Бик терелтергә теләдем 'Я очень хотела добиться его выздоровления'; Төнә без кат'ырга *теләгән идек*, ну машина булмады 'Мы вчера хотели вернуться, но не было машины'.

5. В части населенных пунктов, относящихся к чистопольскому говору, параллельно с конструкцией на *-ас кил-* употребляется форма на *-асы кил-*, а в незначительном числе населенных пунктов, относящихся к тому же говору, зафиксирована лишь форма на *-асы келә-*[70]: Аның да безнең белән *барасы кели* 'И ей хочется пойти с нами'.

6. В сергачском говоре наряду с конструкцией *-макчы келә-* в прошедшем времени изредка отмечается употребление конструкции *-макчы иде* // *-макчиде*, проникшей сюда из литературного языка: Цэй *куймакчидем*, әлдә сөт китерәлмәдем 'Я хотела поставить чай, да воды не смогла еще принести'; Без дә иртәгә Уразыфкага *бармакчы идек* 'И мы завтра хотели поехать в Уразовку'.

7. Намерение совершить действие иногда передается с помощью сочетаний типа *-ырга ат'-/эт-/сүлә-*: *бары(р)га ат'ам / бары(р)га этәм* 'намереваюсь пойти'; *бары(р)га сүли* 'собирается пойти' (букв.: 'говорит пойти'). Примеры: Йизни, — ди, — Палукага *барыга эткән иде* 'Он говорит, что зять собирался ехать в Павловку'; Чилэк белэн генә *өстәргә эткән идем* дә, йуг инде, барыш салам 'Я хотела только ведром долить, (да) нет уж, пойду долью (из крана)'; Беген *йыбынырга ат'каннар иде* 'Сегодня они собирались помыться (в бане)'.

В байкибашевском говоре часто употребляется сочетание типа *-ырга ит-*: *барырга итә* 'намеревается пойти' (букв. 'делает пойти'). Ср. то же самое в тептярских говорах, а также в башкирском языке [71].

8. Особую форму желания передает афф. *-гыры/-гере*, *-кыры/-кере*, который, присоединяясь к глагольной основе, выражает благо-, а чаще зложелание. Таких выражений не так уж много в языке, например: Ходайның *рәхмәте төшкөре*! 'Пусть будет милостив бог (к тебе)!'; Алла *рыйза булгыры*! 'Ради бога!'; *Пычак кергере* (*кадалгыры*)! 'Пусть воткнется (нож 'в тебя)!'

В некоторых выражениях отдельные их элементы перестали быть понятными носителям диалекта, например следующие.

Чыңрак үтә киткере! Обычно так говорят нашалившему, набедокурившему ребенку, подростку. А что значит *чыңрак*, непонятно носителям говоров. Возможно, это слово одного корня с древнетюркским čïŋraq ïn 'звонкий звук', čïŋra- 'звонить': *чыңрап* ~ čïŋraq (где *п* ~ *к*?).

Чүрәләнгер(е)! < *чүрә әләнгере*, где *чүрә* 'изнанка', отсюда *чүрәләнгере* букв. 'чтоб тебе (ему) вывернуться наизнанку'. Ср.: *Чүрәләнгер*, зәмәтне ватып керде 'Будь неладен, забрался, сломав забор'. *Чүрәләнгере*, башны ватып бетерде! 'Будь неладен, совсем замутил голову!'

Тегүчкере // *тегең үчкере*! (где *тек* 'волосинка', 'шерсть', *үч-* 'исчезнуть', 'сойти на нет'; отсюда *тегүчкере* букв. 'чтоб ты лишился шерсти'): *Тегүчкере*, сезәргә маташа выт! 'Будь проклята, ведь пытается боднуть!'

УСЛОВНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Основа условного наклонения образуется, как и в литературном языке, путем присоединения афф. *-са/-сә* к глагольной основе + аффиксы сказуемости II типа: *бар-са-м*, *бар-са-ң*, *бар-са*, *бар-са-к*, *бар-са-гыз*, *бар-са-лар*.

Отрицательная форма: *бар-ма-са-м*, *кил-мә-сә-м* и т. д.

Вопросительная форма: *бар-са-м-мы? кил-сә-м-ме?* и т. д.

По семантике это — будущее время. Однако форма условного наклонения самостоятельно не употребляется. Она, как известно, всегда выступает в качестве сказуемого придаточного предложения и обозначает то время, какое обозначено сказуемым главного предложения, выражающим действие, обусловленное им: Мин монда *килсәм*, китмим инде 'Если я сюда перееду, то (обратно) уж не уеду'; Бабаң *кат'са*, берсәк сүләр әле 'Если дед (твой) вернется, расскажет немного'; *Йәшсәгез*, Могыйп бабай үзе килеп йетәр 'Если пригласите, дед Мугыйн

---

[70] МТД, вып. 2, стр. 173—174.

[71] *П. К. Дмитриев.* Грамматика башкирского языка, стр. 172.

сам придет'; Бакцасына *керсәң* цыккың келәмәс 'Если зайдешь в его сад, не захочешь выходить'; *Белсәм*, сиңа алып килдем иде 'Если бы я знала, я привела бы (ее) к вам'.

Форма условного наклонения может употребляться в сочетании с *әгәр / әгәр дә*, а в чистопольском говоре еще с *әгәр дә ки*, *әгәрен ки*, например: *Әгәр йаткыңа келәсә*, йатыгыз 'Если (за)хотите лечь (спать), ложитесь'; *Әгәр дә ки* алмаз шында *булса*, мин аның үзен сиңа кертә идем 'кā иттең алмазны» дип 'Если бы алмаз был тут, я бы его самого заставила попрыгать, говоря, куда (мол) ты подевала алмаз' (из сказки); *Әгәр дә ки* мине сабан туйына *йебәрмәсәң*, үпкәлим 'Если ты меня не отпустишь на сабантуй, обижусь'.

СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Формы на *-ыр иде*, *-а иде* и *-ды иде*, употребленные в протазисе условного периода, составляют формы сослагательного наклонения [72]. Форма на *-ыр иде* в мишарском диалекте не выражает значения времени (см. стр. 156), закрепилась в нем во вневременных значениях: Ыланым *сырхау булмаса*, *барыр идем* 'Если бы ребенок мой не был больным, я пошла бы (в гости)'; Кыстама, *йараса*, *ашар идем* 'Не угощай (настойчиво), если бы можно было, я ела бы'.

НЕЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

Причастие

В мишарском диалекте употребляются следующие причастные формы.

1. Причастие настоящего времени на *-учы/-уче* (<др.-тюрк. -γučï/-güci) и *-а торган* (<деепричастие на *-а* + *торган*).

Причастие на *-учы/-уче* в мишарских говорах употребляется в качестве определения только к одушевленным предметам, прежде всего к человеку [73]: Калага *баручы*

[72] *А. А. Юлдашев.* Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965, стр. 247—252.

[73] Это свойственно и татарскому литературному языку. Однако в последнее время указанная форма причастия в языке печати

кызлар җыйылды 'Девушки, едущие в город, в сборе (букв.: собрались)'; Ышкулда *укучы* ыланнар 'Дети, учащиеся в школе (которые учатся в школе)'.

2. Причастие будущего времени образуется с помощью аффиксов *-ыр/-ер/-ор/-өр*, *-ар/-әр*, *-р*. К довольно большой группе глагольных основ могут присоединяться аффиксы как с широким, так и с узким гласным, например: *йазар — йазыр*, *йатар — йатыр*, *сатар — сатыр*, *кат'ар — кат'ыр*, *батар — батыр*, *ачар — ачыр*, *кабар — кабыр*, *эләр — элер*, *кибәр — кибер*, *тибәр — тибер*, *сибәр — сибер*, *кевәр — кевер*, *сөәр — север* и др. Но к большинству глагольных основ аффиксы могут присоединяться только в одном варианте, ср. *барыр*, *килер*, *алыр*, *әрер*, *өрөр*, *булыр* и т. д.

Причастие на *-ыр* выражает признак предмета в плане будущего или настоящего времени или же постоянное свойство его. Последнее чаще встречается в пословицах, поговорках, идиоматических оборотах. Кроме того, причастие на *-ыр* может нести в себе дополнительные модальные оттенки возможности, должествования, необходимости, которые в литературном языке могут передаваться также с помощью отсутствующих в мишарском диалекте форм причастий будущего времени на *-асы/-әсе* [74] и *-ачак/-ячәк*, например: *керер йир* 'место, куда можно (должно, необходимо) зайти сейчас или в будущем'; *камар кеше* 'уважаемый человек', 'человек, которого можно было бы уважать' (человек, достойный уважения); *күрер күзгә* 'на глаз' (букв. 'видящему глазу'); *китәр айакка* 'на дорогу' (букв. 'собирающейся уйти ноге') и т. п. Ср. еще *әтер сүз*, *сүләр сүз*, *йатар йир*, *кийәр кийем*, *сорар кеше*, *эчәр су*, *ашар аш* и т. д.

И все же причастие на *-ыр* в мишарском диалекте употребляется сравнительно ограниченно.

и радио, художественных произведений и научных трудов стала широко употребляться в качестве определения к любому неодушевленному предмету, что, несомненно, противоречит специфике татарского языка и представляет собой ничем не оправданное отклонение от его норм. Ср.: Райунга *баручы машина* 'машина, идущая в район'; (фәлән нәрсә турында) *сөйләүче мәкалә* 'статья, в которой говорится о том-то' и т. д.

[74] Причастие на *-асы/-әсе* в последнее время все более активизируется в литературном языке под влиянием языка художественных произведений писателей — носителей говоров среднего диалекта, где эта форма достаточно широко распространена и многозначна.

3. Причастие прошедшего времени на *-ган/-гән* выражает признак предмета в плане прошедшего времени, а также признак, ставший постоянным свойством его (особенно в пословицах и поговорках): Утын *кискән* малайларны ашарга кычкыр ‘Позови обедать парней, пиливших дрова’; *Эшләгән* йахшылык оптолмый ‘Сделанное добро не забывается’.

4. В чистопольском и дрожжановском, а также в речи старшего поколения носителей хвалынского и кузнецкого говоров сохранилась древняя форма причастия на *-дач/-дәч* от глагола *бул-* (*булдач*), выражающая постоянное свойство лица; в цокающих говорах эта форма (*булдац*) иногда передает значение будущего времени с оттенком долженствования. *Булдач* обычно употребляется в сочетании со словами, обозначающими кровно- и чаще брачно-родственные отношения: *килен булдач* ‘являющаяся невесткой’, *кийәу булдач* ‘являющийся зятем’, *кода булдач* ‘являющийся сватом’ и т. д. Реже: *эти булдач* ‘являющийся папой’, *апа (сеңел) булдач* ‘являющаяся старшей (младшей) сестрой’ и т. д. К причастию *булдач* нередко присоединяются аффиксы принадлежности: *килен булдач-ым*, *килен булдач-ың*, *килен булдач-ы* и т. д.

Тырды кене-тене шул минем *килен булдачларда* ‘Постоянно он жил (в семье) этой моей невестки’; *Бу килен булдачлары* була инде ‘Эта уж — их невестка’; *Кийәу булдачы* да бик уңган инде ‘И зять ее очень уж толковый’; *Кан'н'а булдачлары* да биг йәж бит эле ‘И свекровь их еще очень молода ведь’; *Хатын булдачы* тенлә киткән истансага, *ир булдачы* — игенче кенне ‘Жена ночью выехала на станцию, (а) муж — на следующий день’. Но ср. *Савит персидәтеле булдачы* катыны ‘Жена председателя (сель)совета’ (единственный пример, встретившийся в материалах).

Форма на -tačï/-täči, -dačï/-däči, образованная от основ самых различных глаголов, известна во многих древнеписьменных памятниках главным образом со значением будущего времени, часто с оттенком долженствования или возможности. Она, в частности, отмечается исследователями в орхоно-енисейских, древнеуйгурских памятниках, в словаре М. Кашгарского и многих др.[75] Из современных

[75] См., например: *И. А. Батманов.* Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959, стр. 97, 189; *В. М. Насилов.* Язык орхоно-енисейских памятников, стр. 56;

[7] ...нов эта форма отмечается в караимском и алтайском ...ках.

У чистопольских, куйбышевских и оренбургских ми...ерей (стало быть, у представителей как цокающих, так ...кающих говоров) параллельно с *булдач* зафиксирована ...рма *булдакчы* (<др.-тюрк. -duqčï) в том же значении: ...ина *кийәw булдакчы* кеше дә килде ‘Вот пришел и чело...ек, который должен стать (или: который является) зятем’.

В хвалынском говоре параллельно с *булдач* отмечена ...ревняя форма *булгыч*: кийәw *булгыч(ы)* ‘являющийся ...тем’, ‘тот, который является зятем’. Ср. с др.-тюрк. ...qčï [77]. Кроме того, форма *булгыц* известна в сергачском ...воре: *Ир бʸолгыцым* этэ. . . ‘Тот, кто является моим ...жем, говорит. . .’

Причастия первых трех групп широко употребляются ...в литературном языке.

Деепричастие

Аффиксы, образующие деепричастия в мишарском диа...екте, следующие.

1. -ып/-еп/-п.
2. -а/-ә, -ый/-ий.
3. -гач/-гәч, -кач/-кәч [78], -гачтан/-гәчтән, -качтан/-кәч...ән; -гачтын/-гәчтен, -качтын/-кәчтен; -гачыннан/-гәчен...ән, -качыннан/-кәченнән.
4. -ганчы/-гәнче, -канчы/-кәнче, -гыйнчы/-гинчы/...инче, -кыйнчы/-кинчы/-кипче, -гынчы/-генче, -кынчы/...енче, гыйнчык/-гынчык/-гинчык/-генчек, -кыйнчык/

Он же. Язык тюркских памятников уйгурского письма XI—XV вв., стр. 54—55; *А. К. Боровков.* Лексика среднеазиатского тефсира XII—XIII вв. М., 1963, стр. 17; *А. М. Щербак.* Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961, стр. 140; *Э. Фазылов.* Староузбекский язык. Хорезмские памятники XIV в., т. II. Ташкент, 1971, стр. 15, 701 (из рассматриваемых в этой книге памятников указанная форма встречается в «Нахдж-уль-Фарадис»). См. также: «Древнетюркский словарь». М., 1969, стр. 664; «Девону луғотит турк». Индекс. Ташкент, 1967, стр. 490 и др.

[76] *Э. Р. Тенишев.* [Рец. на:] Материалы по татарской диалектологии. — ВТДЯ, т. IV. Баку, 1966, стр. 219 (см. сп. 21).

[77] ДТС, стр. 654; см. также: *А. М. Щербак.* Указ. соч., стр. 139; *Э. Фазылов.* Указ. соч., стр. 722 и др.

[78] Для краткости варианты аффиксов с *ц* ~ *ч* не приводим.

-кынчык/-кинчык/-кенчек, ганчак/-гәнчәк, -канчак/-кәнчәк.

5. -мый/-мий, -мыйча/-мичә, -мыйчы/-миче, -мыйынча/-минче, -мыйынча/-мийенчә, -мыйынчы/-мийенче, -минчы/-минчы, -мийынча/-мийенчә и др.

6. -уwышлый/-үwешлий; -ышлый/-ешлий.

7. -уwынча/-үwенчә.

8. -мастан/-мәстән.

Как видно из приведенного, 3, 4, 5-я группы аффиксов наиболее богаты по составу: здесь, наряду с литературными вариантами, широко употребляются различные, в том числе и фонетические, варианты сложных по составу и более древних по происхождению аффиксов. Что касается употребления литературных вариантов (*-гач. . ., -ганчы. . ., -мый/-мыйча. . .*), то их, видимо, следует рассматривать как явления более позднего характера, возникшие, быть может, не только и не столько в результате самостоятельного развития диалекта, сколько под влиянием литературного языка.

В значениях и употреблении деепричастий 1, 3, 4-й групп отклонений от норм литературного языка нет или почти нет.

1. Деепричастие на *-ып/-еп* выражает действие, одновременное с основным действием или предшествующее ему. Оно, как и в литературном языке, раскрывает обстоятельства совершения основного действия, а также указывает на последовательность ряда действий. В мишарском диалекте деепричастие на *-ып* служит исходной формой для образования прошедшего-настоящего времени II (см. стр. 152).

Отрицательные формы деепричастия на *-ып* следующие: а) наиболее распространенной является общая с литературным языком форма на *-мый/-мыйча/-мыйынча. . .* (*бармый / бармыйча / бармыйынча. . .*) (см. ниже); б) *-мап/-мәп* (*бармап, килмәп*) — употребляется в сергачском, чистопольском говорах, реже в чокающих говорах на территории Пензенской и юге Ульяновской областей; в) *-мастан/-мәстән* (см. ниже) — в западной зоне мишарских говоров.

2. Деепричастие на *-а/-ә, ый/-и^{й}*.

1) При употреблении в удвоенном виде, как и в литературном языке, выражает одновременность действия, соответствуя деепричастию на *-ып*: *Сули-сули* килде ‘Шел,

рассказывая (о чем)’; *Йырлый—йырлый* бара ‘Идет напевая’.

2) В сочетании с глаголами движения может передавать значение цели действия, соответствуя инфинитиву на *-ырга*: Казлар *эзли китте* ‘Пошла гусей искать’; Мин *китәм эзли* сийыр ‘Я иду искать корову’; Кунакка *чакыра килдеңме?* ‘В гости приглашать пришла?’; Чит′л′awыкка *чакыра килгәннәр* ‘Пришли приглашать (идти) за орехами’.

3) В сочетании с глаголами движения может выражать одновременность действия, соответствуя по значению деепричастию на *-ып*: Йулда *кыцкыра килә* ‘Идет по дороге и кричит’ (букв. ‘по дороге крича идет’); Картычкага *суга йериләр* ‘Ходят фотографируют’ (букв. ‘фотографируя ходят’); Казан халкы китаплар *сата йери иде* ‘Казанские татары, бывало, разъезжали, продавая книги’. Нәстә *әллиме йериләр*? ‘Что-нибудь ищут что ли?’; *Ун′ий йери* ‘Играет’; Төпә куллар *куйдыра йөрдөм* ‘Вчера ходила, собирая подписи’; Кермисең вет, *уза барасын* ‘Не заходишь ведь, проходишь мимо’; Ә—ә, син шолай *кача йөресең*! ‘А—а, вот как ты скрываешься!’; Аларнын артларынан *кыва китте* ‘Пошел в погоню (вдогонку) за ними’.

4) Деепричастие на *-а/-ә* от основы глагола *кат′-* ‘возвратиться’, употребленное в удвоенном виде в сочетании с глаголами движения, совпадает по значению с деепричастием на *-уwышлый*. В этом значении оно встречается в пределах Куйбышевской и смежных с Татарией районах Ульяновской областей; имеет место также в говорах среднего диалекта. Примеры: Мин сезгә *кат′а-кат′а* керермен ‘Я зайду к вам, когда буду возвращаться’; Үзем барсам да йарый эле, *кат′а-кат′а* Йаны Нырлатка кереп чыгарбыз ‘Хорошо будет, если даже сама поеду; возвращаясь, заедем в Нов. Нурлаты’; Кәсинкәцне *кат′а-кат′а* кереп алырсыз инде ‘За своей косынкой зайдете уж на обратном пути’ (букв. ‘Свою косынку возьмете, уж возвращаясь’).

Отрицательной формой деепричастия на *-а* служит афф. *-мый/-мий, -мыйча/-мичә* и другие его варианты (см. стр. 186), а также форма на *-мастан* (см. стр. 189).

3. Деепричастием на *-гач/-гәч, -кач/-кәч* выражается следующее.

1) Действие, предшествующее основному действию: Туй *петкәч*, сибелешәләр ‘Когда свадьба кончается, (все)

расходятся'; Мин йергә *чыккач* инде, кыруклар башлан… 'Уж после того, как я вышла замуж, стали водить хор… воды'; Бумым инде ат'кан: кат'ам, уку *беткәч* 'Этот … уж сказал, (что) вернусь, когда кончится учеба'.

Нередко деепричастие на *-гач* употребляется в сочет… нии с аффиксом исходного падежа *-тан/-тән, -тын/-т…* или же с аффиксом принадлежности 3-го лица и аффикс… исходного падежа *-нан/-нән*. Но эти аффиксы не добав… ляют ничего нового в значение рассматриваемой форм… Карабодай *элгергәцтән*, бал булырга тийеш 'Мед долж… появиться, когда поспеет гречиха'; Сугыш *беткәчтә… кат'т'ы* 'Вернулся, когда кончилась война'.

Сочетание деепричастия на *-гач* с частицами *та/т… ук/үк* передает значение незамедлительности последу… щего действия («как только»): *Килгәц тә* эшкә тотонд… 'Как только приехали, (сразу) принялись за работу… *Йаткач та* йыкыга китте 'Как только лег, сразу засну…

2) Местонахождение предмета (в сочетании с часть… цами *ук/үк, та/тә* и без них): Бер күпер *цыккац ук* бе… ызба 'Как только пройдешь мост, (будет) наш дом'; Мы… бак, *бырылгацтан ук* кылуп 'Вот смотри, как только (… угол) завернешь, (будет) клуб'; Гилман бабайның — … турыдагы тыгрыктан *төшкәц* '(Дом) деда Гильмана … вот, напротив, как только спустишься по переулку'; Ва… тауны *төшкәч тә. . .* 'Вот, как только спустишься с … ры. . .'; Шул агач ызбаны *узгач*, ике ү^{w} аша 'Как про… дешь этот деревянный дом, (еще) через два дома (будет)… Барыгыз теге ы^{o}чка, ул йацы сыруб йанында, тыгрыкн… *у^{o}згач та* 'Пойдите в тот конец (села), его дом (букв.: он… рядом с новым срубом, тут же, как только пройдете… переулок'.

3) Причина или условие совершения действия: Мине… аша *булгацтан*, барып цыкмый ул 'Поскольку это (до… лается) через меня, ничего не получится'; Йегерме йы… йәшең *булгацтын*, алай килешми 'Поскольку тебе (уже)… двадцать лет, так (делать) некрасиво'; Каймак та, чоч… *салгач*, йахшы була 'И сметана, если положишь (в нее)… сладкого, становится вкусной'; Алай бик *белгәц*, үзең… эшлиләр аны 'Раз так хорошо знаешь, сделала бы сама'.

Отрицательной формой к деепричастию на *-гач* при… выражении им значения времени или условия совершения… действия служит форма на *-мый/-мий, -мыйча/-мичә* и… другие ее варианты, при выражении причины совершения…

…йствия — форма на *-магач/-мәгәч*, например: Кыйты, … кыйты күз *булмагач* 'Плохо, очень плохо, когда нет …'; Эҗ йез манит акча түли *алмагач*, мулла кызын … 'Так как не смог уплатить триста рублей, мулла …ает ему свою дочь'; Нә эшләп йередегез *бармагац?* 'Что … делали, если вы (туда) не ходили?'; Ата-анаң *булмагач-…*, барып булмый инде 'Если нет родителей, то туда … не поедешь'.

4. Деепричастие на *-ганчы* также имеет множество фо… нических вариантов как по линии гласных, так и по …нии согласных (см. стр. 181). В мишарских говорах …хранился, кроме того, его более древний вариант с ко…ным *-к*: *-гынчык/-гинчык* и др., где *-чык* восходит, ви…мо, к самостоятельному слову *чак* [79].

Деепричастие на *-ганчы* обозначает следующее.

1) Предел основного действия во времени или степень …тенсивности этого действия. Алар *йеткенцә*, бат'ак …р 'Пока они дойдут, пройдет довольно много времени'; …йаш *иңгинцә* алма цүплэдек 'Собирали картофель до …амого) захода солнца (пока не зашло солнце)'; Йаңгыр …*гинца*, петерербез 'Кончим до дождя (прежде чем пой… дождь)'; Без аннан *килгинчек*, машина да кузгалып …тте, — ди 'Пока, — говорит, — мы оттуда шли, и ма…ина отъехала'; *Сырлагинчык* әле ике атна үтәр 'До того … окрасят, пройдет еще две недели'; Ут *алгийнт'ц'ы*, …үйып тор 'Отложи до тех пор, пока не зажжем свет'; …алык *киткенчек* хыт', кешедә утыр 'Посиди у людей …ть до тех пор, пока не разойдется народ'; Үзе печеп, …ю текте, *туйгинчык* киде 'Сама скроила, сама сшила, …осила, пока не надоело'; *Картайганцык* бирешмәдем …руга 'До тех пор, пока не состарилась (до старости), …е поддавалась болезням'.

В этом значении деепричастие на *-ганчы* может упо…требляться с аффиксом дательно-направительного падежа в сочетании с послелогами *тәкле / тикле, чикле, хат'л'ы, кад'ар*, которые четче подчеркивают предел во времени: Бу эшләр туй *булгинцыга тәкле* булалар инде 'Все эти дела (обряды) совершаются уж до свадьбы (до того как состоится свадьба)'; Монда булач овашлар да, алар *кил…гинчеккә чикле* 'Здесь, до того как они пришли сюда,

[79] *А. И. Кононов.* Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 244.

были и чуваши'; Күзләре *күргинчеккә кад'ар*. . . 'До тех пор, пока глаза видят. . .'.

2) Сравнение двух действий: Утырып *тыргынца*, чем гар бызауны 'Чем сидеть (без дела), выпусти теленка' Йаңгызыңа самыwар *кан'аткынца*, мында гына эц 'Чем для одной кипятить самовар, пей лучше здесь'; Алар белән гулат' *иткәнцек*, берсәк китаб укыр иден, — дим 'Чем гулять с ними, лучше бы книгу немного почитала, — говорю'; Эшләп утыр син, тик *утыргинца* 'Чем делай (что-нибудь), чем сидеть без дела'; Кывартир түлә *тыргинцак*, аның белән тырым инде 'Чем платить за (отдельную) квартиру, лучше буду жить у нее'; Су *эчкенчә* чәй эч 'Чем воду пить, лучше пей чай'.

Нередко для усиления значения сравнения может употребляться частица *чим* (<рус. *чем*): *Чим* сиңа этеп *тыргинча*, үзем эшләп бәрәм 'Чем тебе говорить, лучше я сама сделаю'.

5. Деепричастие на *-мый/-мий*, *-мыйча/-мичә*, *-мыйчы/-миче* и другие варианты (см. стр. 182) в мишарском диалекте является широко употребительной формой.

Во-первых, она служит отрицательной формой к деепричастиям на *-ып* и на *-а*: *Сорамыйца* алырга ырохсат йук 'Без спроса (букв.: не спрашивая) брать не разрешается'; Үткән йылны йауды *туктамыйнца* 'В прошлом году беспрестанно лил (дождь)'; Йарык араларын *калдырмыйча* сылармын 'Замажу, не оставляя щелей'; Урман эченә *кермичә* генә 'Не заходя вглубь леса'; *Сүләшмийенчә* генә йат 'Лежи не разговаривая'; *Чакырминчы* алар киләләр 'Они приходят без приглашения'; Тасмал *бәләминчә* китте 'Пошла, не повязавшись платком'; Тазалар, *ашамийцан* да йатканнар 'Крепкие, легли даже не покушав'. Караватта йаттым бернәстә *ашамыйцак* 'Лежала на кровати, ничего не кушая'.

Вариант *-мыйцак/-мицәк* присущ сергачскому, *-мыйцан/-мицән* — дрожжановскому говорам. Последний, видимо, следует рассматривать как результат влияния соседних нагорных говоров среднего диалекта.

Во-вторых, она является отрицательной формой к деепричастию на *-гач* со значением времени — служит при этом синонимом к *-ганчы* (*а*) и условия (*б*) совершения действия:

а) Цыгарып *петмицә* алма з'ыймыйлар 'Пока не выкопают весь картофель, (его) не собирают'; Сыйыр

алмийенче табылмас сет 'Пока не придет корова (до прихода коровы) не найдется молока'; Кузгалмыйбыз бәлки *китминчә* 'Не тронемся (с места), пока они не придут'; Без *кушминчы* эшләмә 'Пока мы не скажем, не делай';

б) Быларны казып *алмыйца* түпдәкләрне алып бул 'Пока не откопаешь их (букв.: эти), пеньки не вытащишь'; *Йыкламыйнчы* башыца күтәрелер 'Если не будешь пить, в голову ударит'; Суны *эчминче* аның тәмен белмисең 'Пока воду не выпьешь, не узнаешь ее вкуса'; *Йабынмыйча* похланмый 'Пока не будешь накрываться, (платок) не будет пушиться'; *Коймичы* үсми 'Если не поливать, не будет расти'.

6. Деепричастие на *-ушышлый/-үшешлий*, *-ышлый/-ешлий* образуется лишь от нескольких глаголов, обозначающих перемещение в пространстве (*уз-*, *үт-*, *бар-*, *кил-*, *кер-*, *чык-*, *кит-*, *кат'-*, *мен-*) и выражающих основное действие в предложении. Глагол, оформленный в качестве сказуемого, обозначает действие попутное, дополнительное: Мында *килүшешли* Мәләкәстә туктадыгызмы? 'По пути сюда вы останавливались в Мелекесе?'; *Үтүшешли* генә булганым бар анда 'Я там бывал только проездом'; *Үшышлый* сезнең турыдагы карны да тырахтыр белән керттерем 'Когда буду проезжать мимо, расчищу трактором снег и напротив вас'; Армийәдән *кат'ушышлый* Казаннан үткән идем мин 'Когда возвращался из армии, я проехал через Казань'; Суга *барушышлый* сезгә керем 'Когда пойду за водой, (по пути) зайду к вам'.

Вариант афф. *-ушышлый/-үшешлий* характерен в основном для цокающих мишарских говоров и нагорных говоров среднего диалекта.

В хвалынском, кузнецком и других чокающих говорах, а также в некоторых населенных пунктах цокающих мишарей употребляется усеченный вариант *-ышлый/-ешлий*. Он бытует также в заказанских и параньгинском [80] говорах среднего диалекта и литературном языке: *Узышлый* ылаукага да кереп чык 'Когда пойдешь мимо (идя мимо, по пути), зайди и в магазин'; *Чыгышлый* чиләкне алып чык 'Когда будешь выходить, вынеси и ведро'

[80] *Н. Б. Бурганова.* Из наблюдений над говором параньгинских татар. «Изв. КФАН СССР», сер. гум. наук, вып. 1. Казань, 1955, стр. 115.

(букв. ‘выходя, захвати и ведро’); *Китешли* генә керг… нәр ‘Зашли, оказывается, только перед отъездом’ (бук… ‘уезжая’, ‘по пути’).

Деепричастие на *-(уш)ышлый* отрицательной формы … имеет.

Афф. *-(уш)ышлый/-(үш)ешлий*, должно быть, восход… к сочетанию древнего имени действия на *-гу*+афф. *-ы*… афф. *-лы* > *-гу(ш)ышлый* > *-у(ш)ышлый* > *-ышлый*. Т… ким образом, в мишарских говорах сохранились два в… рианта этого аффикса, причем *-ушышлый* представля… собой более древний и более полный вариант. Из друг… тюркских языков форма -γуʃlı // -geʃli, -quʃli // -keʃli в … чении «как только» сохранилась в саларском [81].

7. Синонимичной к предыдущей форме деепричасти… на *-(уш)ышлый* является деепричастие на *-ушын… -үшенчә*, которое употребляется параллельно с ней в … кающих говорах, а также в территориально близ… к последним нагорных говорах среднего диалекта [82]: Ф… тима астайларга барам, сезгә *кат'ушынча* керем ‘И… к тетушке Фатиме, к вам зайду на обратном пути (бук… ‘идя обратно’); Узып *барушынча* гына туктаган ул К… занга ‘Только проездом (букв.: проезжая мимо) он ост… новился в Казани’.

Формально этот аффикс напоминает турецкий -ınca … значением «как только», «едва» или «всякий р… когда. . .» [83], однако по семантике они сильно разл… чаются.

Деепричастия на *-(уш)ышлый* и *-ушынча* по значени… совпадают с формой на *-ганда/-гәндә*. Но афф. *-ганд…* в отличие от первых может присоединяться к любому гл… голу (*төшкәндә*, *йозгәндә*, *алганда* и т. п.). Ср.: Ышкул… дан *кат'канда* керем мин сезгә ‘Возвращаясь из школ… (по пути, на обратном пути из школы), зайду к вам’; Алар *килгәндә* аплык ала килделәр ‘Приехав, они (за… одно) привезли зерно’; Базарга *төшкәндә* хатны да са… лырсын ‘По пути на базар (букв.: спускаясь на базар) опустишь и письмо’.

То же значение на небольшой территории передается, как указывалось выше, удвоенным деепричастием на *-а*…

[81] *Э. Р. Тенишев.* Саларский язык. М., 1963, стр. 40.
[82] По материалам ДАТЯ.
[83] *А. Н. Кононов.* Грамматика современного турецкого литературного языка, стр. 481.

Кат'а-кат'а кереп чыгармын сезгә ‘На обратном пути (букв.: возвращаясь) зайду к вам’.

8. Деепричастие на *-мастан/-мәстән* (<*-мас/-мәс* — отрицательная форма причастия на *-р*+аффикс исходного падежа *-тан*) встречается в том или ином значении почти на всей территории распространения мишарского диалекта и выступает параллельно с теми формами, которым оно синонимично. Эта форма употребляется: а) в качестве отрицательной формы деепричастия на *-ып*, т. е. в значении, синонимичном к одному из значений деепричастия на *-мыйча/-мыйнча*. . .; б) для обозначения цели действия в отрицательном аспекте; в данном случае оно синонимично форме на *-мас өчен* ‘чтобы не. . .’. Ср.: Арбаның ус'ы *сынмасын өчен*, ус'астына паддус'ка куйалар ‘Для того, чтобы не сломалась ось телеги, под ось подкладывают подосьник’; в) для выражения причины основного действия; соответствует форме на *-ганга*.

В первом значении (а) оно зафиксировано в основном на территории Рязанской области; единичные примеры записаны и в пределах Пензенской области: *Йабынмастан* (литер. ябынмыйча) йаттым ‘Легла не укрывшись’; Инде *тийәнәт итмәстән* (литер. итмичә) эшлиләр иде энҗене ‘Жемчугом вышивали уж очень добросовестно’; *Ашамастан* йери дә алмассын ‘Не поев, и ходить не сможешь’; *Белмәстән* генә апасаң ‘Может быть, съешь, липь не знаю (об этом)’; *Ашамастан* йери тыргансыз ‘Не поев (голодные) ходите, наверно’. Ср.: в говоре с. Бастаново — Врач *әйтмәстән* банқы қуйдырған ‘Без указания врача попросила поставить банки’.

Во втором значении (б) деепричастие на *-мастан* зафиксировано в хвалынском, чистопольском и мелекесском (включая и территорию Куйбышевской области) говорах: Күзне алла биргән. . . йулда нәстә барын карап йерегә, *абынмастан* (абынмас өчен), *суга тешмәстән* (төшмәс өчен) генә тегел ‘Глаза бог дал не только для того, чтобы не споткнуться, чтобы в воду не упасть, (но и) для того, чтобы смотреть, что есть на дороге’ (из сказки); Корт *чакмастан* битлек кийәргә кирәк ‘Чтобы пчела не ужалила, надо надевать (на голову) сетку’; *Койолмастан* шолай куйа ‘Так ставит, чтобы не просыпалась (пшеница)’; Бакчага кергәнен *белгермәстән* качырынып тора ‘Чтобы не подозревали, что он забирался в сад, (пес) прячется’; Ыстулны алып куй *бәрелмәстән* ‘Отставь стул, чтобы не

наталкивались (на него)'; Сыйырны, *чашып китмәстән* тотоп торам 'Держу корову, чтобы не сбежала'.

В третьем значении (в) данное деепричастие отмечено в хвалынском говоре и в отдельных селах на юге Мордовии: Тыңнарга *теләмәстән* (теләмәгәнгә) чыкты да китте 'Не желая слушать, вышел'; *Кирәкмәстән* чыгарып бәрде 'Выбросил, так как (вещь) была не нужна'; Йаңгыр йаумастан (йаумаганга) үләннәр саргайды 'Травы пожелтели, так как не было дождей'.

Форма на *-мастан* может употребляться в сочетании с *әввәл*, *элек* и передавать значение деепричастия на *-ганчы*: Койаш *чыкмастан* элек эшкә китте 'Он ушел на работу до того, как взошло солнце'; Кыйаш *байымастан* элек китәләр иде эшкә 'Уходили, бывало, на работу до того, как зайдет солнце'.

Деепричастие на *-мастан* или его фонетические варианты достаточно широко распространены в тюркских языках: кроме огузских языков оно употребляется в уйгурском, узбекском, каракалпакском, карачаево-балкарском языках, хотя в последнем одиночное употребление этого деепричастия и ограничено [84].

Формы инфинитива

Инфинитив на *-ырга/-арга/-ергә*, *-рга/-ргә*
(< причастие на *-ыр* + аффикс
дательно-направительного падежа *-га/-гә*)

Типичной для мишарского диалекта формой инфинитива является форма на *-ырга/-арга/-ергә* (после согласных основ), *-рга/-ргә* (после гласных основ). При присоединении к основам на *р* (*бар-*) один *р* отпадает: *бар-ырга* > *бар-ыга*.

---

[84] См.: «Хәзирки заман түркмен дили». Ашгабат, 1960, стр. 434; *А. Н. Кононов.* Грамматика современного турецкого литературного языка, стр. 484; *Л. А. Покровская.* Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология, стр. 244; «Грамматика азербайджанского языка». Баку, 1971, стр. 144; *Э. Н. Наджип.* Современный уйгурский язык, стр. 90; *А. Н. Кононов.* Грамматика современного узбекского литературного языка, стр. 242; *Н. А. Баскаков.* Каракалпакский язык. II. М., 1952, стр. 470; *И. Х. Урусбиев.* Спряжение глагола в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1963, стр. 81.

Эта форма инфинитива, кроме татарского языка, употребляется также в башкирском, карачаево-балкарском, хакасском, шорском и ойротском, редко и только в отрицательном аспекте встречается в караимском (*-масха/-мәскя*, *-маска/-меске*) [85].

Основные значения инфинитива на *-ырга* следующие.

1. Инфинитив на *-ырга* выражает цель действия, что особенно четко прослеживается в сочетании с глаголами движения: Әнийең алма *алырга* китте 'Твоя мама пошла за картофелем' (букв. 'чтобы взять картофель'); Сезне *күрергә* генә килгәннәр алар 'Они пришли только для того, чтобы увидеть вас'.

2. Может соответствовать имени действия на *-у/-ү*: Оле инде нинди *йагырга?* (литер. йагу) 'Какое уж теперь отопление?'; Сиңа чаршау *йыртылырга* кәрәк, ди (чаршауның ертылуwы кирәк) 'Тебе, — говорит, — надо, чтобы занавес порвался'.

3. В сочетании со словами *кирәк*, *тийеш*, *туры килү* и без них передает различные модальные значения (необходимость, долженствование, вынужденность, решимость, намерение совершить действие): Алманың уты күп, *утарга кирәк* 'Картофель зарос травой, надо прополоть'; *Кирәк тезенергә* 'Надо строиться'; Эстәлне цәпе белән *себерергә кирәк* 'Стол надо вытереть тряпкой'; Биш-алты чакырым тау *менәргә* генә 'Всего надо подняться 5—6 верст в гору'; Оле инде сиңа *эшләргә*! 'Теперь уж тебе работать (ты должен работать)'; Иртә мән безгә *китәргә* 'Завтра утром мы должны (нам надо) ехать'. Бөгөн безгә кунаклар *килергә тийеш* 'Сегодня к нам должны приехать гости'.

4. В сочетании с *бул-* выражает возможность, решимость, намерение, желание и другие модальные значения. Ср.: *бар(ыр)га була (булыр, була иде)* 'пойти можно (будет, было)'; *бар(ыр)га булыр* 'придется пойти'; *бар(ыр)га булды* (*-м*, *-ң*) 'он (я, ты) решил пойти'; *бар(ыр)га булган иде* (*-м*, *-ң*) 'он (я, ты) хотел было пойти' и т. д. Примеры: Калима тәтәй кунагымы *алырга булган* иде 'Тетушка Калима собиралась пригласить мою гостью (к себе)'; Казанга *барыга булдык* 'Решили поехать в Казань'.

---

[85] Языки народов СССР, т. II. Тюркские языки, стр. 184, 224, 436, 474; *Н. А. Дыренкова.* Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940, стр. 200; *К. М. Мусаев.* Указ. соч., стр. 296.

5. Инфинитив на *-ырга* в сочетании с вспомогательным глаголом *иде* с аффиксами сказуемости или без них выражает пожелание, совет, просьбу, долженствование и т. п. (см. стр. 168): Вата, чәй бар вит, *салырга иде* ‘Вот, есть ведь чай, заварила бы’; Килергә дә казыгын *сырларга иде* ‘Пришла бы да и покрасила кол’; Анарга *иде* узган йылны *алырга* (диплом) ‘Он должен был получить диплом еще в прошлом году’.

Вопросительная форма: *барырга-мы? килергә-ме?*

Отрицательные формы инфинитива на *-ырга* следующие.

1) Как и в литературном языке, в мишарском диалекте широко распространена форма на *-маска*, восходящая к отрицательной форме причастия на *-р*+аффикс дательного падежа (*-мас*+*-ка*). Афф. *-маска* служит: а) для выражения отрицания действия: Утырдым — *тырмаска*, килдем — *китмәскә* ‘Села, чтобы не вставать, пришла, чтобы не уходить’; б) для отрицания обстоятельства образа действия: Суга йыракка *бармаска* (литер. суга барырга ерак түгел) ‘За водой идти не далеко’.

Отрицательная форма от *-ырга бул-* образуется, как и в литературном языке, путем присоединения аффикса отрицания либо к основному глаголу (*алмаска булды* ‘решил не брать’), либо к вспомогательному — *бул-* (*алырга булмады* ‘не было, что взять’). В мишарском диалекте второй вариант означает еще ‘не удалось взять’, ‘невозможно было взять’ (литер. *-ып булмый*: *алып булмый*).

2) Значение отрицания, как и в литературном языке, может быть передано путем сочетания *-ырга тегел* / *төгөл*: *Сүтәргә төгөл, бәләргә* ‘(Надо) не распускать, (а, наоборот) вязать’; Урак *урырга төгөл* ‘Не жать (же)’; Анда тиз *барырга төгөлме?* ‘Не скоро (нужно) ехать туда?’

3) В мишарских говорах широко распространена еще одна форма отрицания: *-ырга*+*йук (барырга йук, килергә йук)*, которой свойствен ряд значений.

а) Категорическое запрещение действия (литер. *-маячак*: *бармаячаксың, килмәячәксең*): Йалынма да, *калырга йук* сица монда ‘И не умоляй, тебе нечего оставаться здесь’; Йорөгә чык, богөн анда *барыга йок* [jok] ‘Выйди погулять, (а) туда нечего идти сегодня (а туда не пойдешь сегодня)’.

б) Повеление, приказание, настойчивый совет (литер. *-маска кирәк*: *бармаска кирәк, килмәскә кирәк*): Йараса, *барыга йук* ‘Раз нельзя, (так) нечего идти’; Ике сәгать тулминча *йук* инде *килергә* ‘Пока не пройдет два часа, нечего уж приезжать’.

в) Полное отсутствие необходимости в совершении действия (не надо, не следует, нет нужды совершать данное действие): Хесәйенне *әрәтергә йук* ‘Не нужно учить ему-разуму Хусаина’; Әткәнне *көтәргә йук* ‘Нечего ждать, когда скажут’; Утырып *торорга йук* ‘Не следует сидеть (сложа руки); *Әтергә* дә *йук*, симийасы да йахшы ‘Что и говорить, и семья у него хорошая’.

В части населенных пунктов, относящихся к чистопольскому говору, как и в литературном языке, эти оттенки значений передаются с помощью формы *-асы*+*тү-гел* (*өйрәтәсе түгел*) или *-ып тырасы* (литер. *торасы*) *йук (көтеп торасы йук)*.

г) Невозможность или отсутствие возможности совершения действия, что соответствует значениям сочетаний *-ык түгел* (*барырлык түгел*) и *-ып булмый (барып булмый)*, употребляемым и в диалекте и в литературном языке, но передает большую степень категоричности: Машина белән аны *чабарга йук*, чабалмый ул ‘Невозможно (нельзя) косить ее машиной, не сможет она косить’; *Басарга йок* [jok] инде ‘Теперь уже не встать на ногу’; Анда укып *бетерегә йуг* иде аны ‘Там невозможно было прочитать ее’; Балта тавышыпа *торога йук* ‘Невозможно оставаться из-за стука топора’; Бер сүз *этергә йуг* анарга ‘Слова нельзя сказать ему’; Кеп-кечкенә майдан йасаганнар, бернәрсә *курегә йук* ‘Сделали совсем маленькую площадь, ничего невозможно увидеть’; Бу wахытта кеше *табырга* да *йук* ‘В такое время никого и не найдешь’; Сица темә *теттерергә йук* ‘На тебя не напасешься пуговиц’.

д) Фактическое отрицание не действия, а объекта действия, хотя формально *йук* сочетается с инфинитивом на *-ырга*, что соответствует значению сочетания *-лык йук* (*салырлык йук*), употребляемому как в диалекте, так и в литературном языке: Быйыл элэк күзгә кырып *салырга* да *йук* ‘В этом году ягод совсем нет’ (букв. ‘нет даже для того, чтобы соскоблив, положить в глаз’).

В зависимости от контекста одни и те же сочетания могут иметь разные оттенки значений, например: Аннан башка кешедән *сорарга* да *йук* ‘Кроме него никого и не надо (не следует) спрашивать’ (т. е. он все знает) или:

‘Кроме него некого и спросить’; *Арырга йок* [jok] мыйа ‘Нечего уставать здесь’ или: ‘Не так много работы, чтобы устать’.

Инфинитив на *-ырга бар*

Инфинитив на *-ырга* может выступать и в сочетании с модальным словом *бар* ‘есть’. В этом случае он выражает необходимость совершения действия: *барырга бар* ‘надо пойти’ (ср. с сочетанием *-ырга йук* в значении (в). В литературном языке и среднем диалекте в этом значении употребляется сочетание *-асы бар* (*барасы бар*). Время совершения действия (настоящее или будущее) нередко конкретизируется словами типа *бөгөн / бегең* ‘сегодня’, *йертәгә* ‘завтра’, *хаз'ыр* ‘сейчас’ и т. п. Для выражения значения прошедшего времени используется вспомогательный глагол *иде* (*барырга бар иде*). Действующее лицо может быть уточнено любым именем, личным или указательным местоимением в родительном и реже дательном падежах или же к ним может быть присоединен притяжательный афф. *-ныкы/-неке*.

Примеры: Иртәгә алма *цыгарырга бар* ‘Завтра надо выкапывать картофель’; Минем дә Буwага барып *килерә бар* ‘И мне надо съездить в Буинск’; Аз гына *сырларә бар* ’Надо (еще) немного покрасить’ (т. е. осталось еще немного красить)’ Бегең *йазарга бар* әле атчут ‘Сегодня надо еще писать отчет’; Тагын бер машина *килергә бар* ‘Еще одна машина должна прибыть’; *Кат'ырга* куна *бар* ‘Должен приехать гость (ожидаем гостя)’.

Инфинитив на *-ырга* + аффикс принадлежности

В сергачском говоре инфинитив на *-ырга* может принимать аффиксы принадлежности. В этих случаях он выражает следующие значения:

а) необходимость, долженствование: *Йуләргәм* (литер. *тегәсем*) дә вит бар ‘Мне нужно ведь еще и шить’; Иртәгә *барыргасы (барасы) бар*, йап тартып алсын ‘Завтра ему надо ехать, пусть немного отдохнет’; Тагы ниҗә awылга *барыргагыз (барасыгыз) бар?* ‘Еще в скольких селах вам надо побывать?’; Бер ай *укыргагыз* (*укыйсыгыз*) кала, — дим ‘Я говорю, что остается вам один месяц учиться’; Акцаң бар, *алыргаң* (аласың) бар, ал, каничны ‘Есть

у тебя деньги, есть что (необходимо) купить, купи, конечно’;

б) значение отглагольного имени на *-ыр*: *Ашаргагыз* (литер. *ашарыгызга*) бар, *эҗәргәгез (эчәрегезгә) бар*, йакшы яша тырыгыз ‘У вас есть что поесть, что попить, живите дружненько’; Кас'ыныц *ашаргасы* (*ашарына*) йетми, катырга куйа инде келтәсен ‘У кого не хватает на пропитание (из старого урожая), (тот) уж ставит снопы свои на просушку’ (из дореволюционной крестьянской жизни).

Видимо, это явление было характерно и для других чокающих говоров, но оно под влиянием литературного языка и соседних говоров среднего диалекта постепенно утрачивается в них. Ср. в дрожжаповском говоре: Абыйыңның *җазыргалары* (литер. *язасылары*) да бар әле ‘Дяде твоему надо еще и писать’; Тагын бер йыл *укыргам* (*укыйсым*) бар ‘Мне еще год нужно учиться’.

Встретилось три примера подобного типа в записях, сделанных в нас. п. 181, 182 (чокающий говор на юге Мордовии), для которых эта форма не характерна и является, скорее всего, привнесенной извне.

Инфинитив на *-ма/-мә*

Инфинитив на *-ма/-мә* употребляется на западе распространения мишарских говоров, на территории Рязанской и Тамбовской областей. Аффикс ударный.

Инфинитив на *-ма* (*барма*, *килмә*) по своим значениям и употреблению совпадает с инфинитивом на *-ырга* (за исключением пункта «д»): Алар киттеләр ысталувыйга *ашама* ‘Они пошли обедать в столовую’; Әлде мин *укыма* кәри идем ‘Я еще ходила учиться’; Ул бик ахунича иде *йырлама* ‘Она была большой охотницей петь’; Анарга ахута безнең awылга *килмә* ‘Ей хочется приехать в наше село’; Эшкә *йермә* йырак ‘Ходить на работу далеко’; Кил мага *торма* ат'а ‘Переезжай, — говорит, — ко мне жить’; Үгез күзе чәйгә *салма* йахшы ‘Шиповник хорошо класть в чай’; Ул *уйатма* кушып дз'ыклады ‘Он заснул, велев разбудить’; Кул'а *кат'ма* тийеш инде ‘Коля должен уж вернуться’; Син аны *белмә* дулжын ‘Ты должен его знать’; Анда ике киц *кунма* кирәк ‘Там надо ночевать две ночи’; Сага иртә *тырма* кирәк булыр ‘Тебе надо будет рано встать’; Аны кыл'апат' *итмә* ничек? *Кыздырма* кирәк ‘Как склепать это? Надо разогреть’.

Несколько шире в мишарском диалекте распространена форма на *-ма/-мə* в составе модальной конструкции, выражающей намерение, желание (см. стр. 174).

Из говоров среднего диалекта форма на *-ма/-мə* в значении инфинитива на *-ырга/-ергə* употребляется в говорах подберезинских кряшен (Нагорная сторона ТАССР), что, видимо, непосредственно связано с наличием ее в чувашском языке [86], и (в самых различных значениях) в пунратском говоре [87]; она имеет место также в касимовском и бастанском говорах.

Таким образом, форма на *-ма/-мə* в татарских говорах как в самостоятельном употреблении, так и в составе различных модальных конструкций сохранилась на достаточно обширной территории. Но в литературном языке, как и в заказанских, мензелинском и других говорах среднего диалекта, ее нет [88]. Эта форма в значении инфинитива вообще не характерна для тюркских языков и употребляется, кроме упомянутого чувашского языка, лишь в караимском и кумыкском, а также зафиксирована в документах половецкого языка XVI в. Однако в последнем она чаще встречается в составе модальной конструкции на *-ма kla-* [89].

Инфинитив на *-мага/-мəгə*

На западе распространения мишарских говоров, на территории Рязанской и Тамбовской областей, параллельно с инфинитивом на *-ма/-мə* употребляется инфинитив на *-мага/-мəгə* (<*-ма*+аффикс дательно-направительного падежа), который по своим значениям и употреблению также совпадает с инфинитивом на *-ырга*: Улым килдə артымнан *алмага* ‘Сын мой приехал за мной, чтобы увезти’; Телəдем кырыйшаны *йапмага* ‘Захотела перекрыть крышу’

[86] «Языки народов СССР». Т. II. Тюркские языки, стр. 56.
[87] *Н. Б. Бурганова.* Говор каринских и глазовских татар. — МТД, вып. 2, стр. 41—43.
[88] В них, как и в подавляющем большинстве тюркских языков, употребляются лишь отглагольные имена существительные на *-ма/-мə*: *төймə* ‘пуговица’, *койма* ‘забор’, *сырма* ‘стеганка’, *йарма* ‘ишено’ и др.
[89] *К. М. Мусаев.* Указ. соч., стр. 294—296; «Языки народов СССР». Т. II. Тюркские языки, стр. 203; «Документы на половецком языке XVI в. . . .», стр. 378; *И. А. Абдуллин.* Указ. соч., стр. 178.

…ны кирəк *йомага* [jomaga] ‘Его надо промыть’; Турап *…термəгə* кирəк ‘Надо кончить нарезать’.

В говорах некоторых населенных пунктов (по р. Цна, а также в южной части современной Тамбовской области) форма на *-мага/-мəгə*, должно быть, появилась в результате контактов с погайцами [90] в XVI—XVII вв., которые сыграли роль этнического компонента в процессе формирования части татарского населения этого ареала. В говоры остальных сел форма на *-мага/-мəгə* могла проникнуть позже из касимовского и бастанского говоров (Рязанская область) и впоследствии поддерживаться наличием ее в последних.

Инфинитив на *-мага/-мəгə* в говорах среднего диалекта распространен несколько шире. Кроме касимовского и бастанского говоров он параллельно с формой на *-ырга* употребляется на смежных территориях Удмуртской, Марийской, Татарской АССР, а также Пермской области (говоры глазовских, параньгинских, балтасинских, агрызских, пермских татар) и параллельно с формой на *-ма* — у каринских татар (Кировская область) [91]. Этот вариант инфинитива бытовал в татарском литературном языке вплоть до начала XX в. Из других тюркских языков он, как и инфинитив на *-ма/-мə*, встречается лишь в ногайском, кумыкском, гагаузском языках и зафиксирован в документах половецкого языка [92].

Форма на *-асы*

В отдельных населенных пунктах, в которых распространен чистопольский говор, в различных значениях, в частности и в значении инфинитива, употребляется форма на *-асы*, которая проникла сюда из соседних говоров среднего диалекта, например: Миңа тагы бер җиргə *барасы* эле ‘Мне надо еще в одно место пойти’.

[90] В нас. пп. 174 и 293 превалирует инфинитив на *-ма/-мə*.
[91] См. карты под номером 11 по I и II томам ДАТЯ, приложенные к сборнику «Материалы по татарской диалектологии», вып. 3 (Казань, 1974).
[92] «Грамматика ногайского языка. Фонетика и морфология». Черкесск, 1973, стр. 260—261; *Н. К. Дмитриев.* Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 127; *Л. А. Покровская.* Грамматика гагаузского языка. М., 1964, стр. 162; «Документы на половецком языке XVI в. . . .», стр. 378.

Имя действия

В мишарских говорах бытует несколько форм имени действия. Однако основной для них является форма на *-у/-ү*.

Форма на *-у/-ү*

Имя действия на *-у/-ү*, характерное для языков кыпчакского типа (казахского, ногайского, башкирского, каракалпакского, кумыкского и др.), широко распространено и в татарском языке — в диалектах и литературном языке. Эта форма обладает как глагольными, так и именными свойствами [93].

Отрицательная форма: *бар-ма-у*, *ки-мә-ү*; *бару тегел / тегел*, *килү төгел / тегел*.

Вопросительная форма: *бару-мы? килү-ме?*

Примеры: Кайа нәстә барны белеп *тыру* зур эш ул ‘Знание того, где что есть, — большое дело’; Алашаны *йигу* күпме wакытны алды? ‘Сколько времени отняла запряжка лошади?’; Ырлык *кат'уга* цәцүгә йебәрә ‘Как только привезут семена, пошлет на сев’; Әллә *китү шеңме?* ‘Или уходишь?’ (букв. ‘Или это — твой уход?’); Минем *килүшемә* аш пешкән ‘К моему возвращению обед (был) готов’.

Имя действия на *-у/-ү* часто выступает в сочетании с *бар* и *йук* и соответствует по значению глаголу 3-го лица мн. числа настоящего времени изъявительного наклонения, но безотносительно к конкретному лицу: Алай *сырау йук* безнең ‘Так у нас (обычно) не спрашивают’; Питц *йагу йок* [jok], красинкыды гатувыт' итәсең ‘Печи не топят у нас (букв.: топки печей нет у нас), готовишь на керосинке’; Әле бит калым *бирү йуг* инде ‘Теперь ведь уже нет выкупа за невесту’.

Имя действия на *-у/-ү* в сочетании с *бар иде* и *йук иде* выражает обычное действие в прошлом безотносительно к определенному лицу и соответствует одному из значений прошедшего незаконченного времени I в 3-м лице мн. числа: Элек үдә *тыру йук иде* ‘Раньше дома не сидели

---

[93] Подробнее об этом см.: «Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология». М., 1969, стр. 262—263; *Н. К. Дмитриев.* Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 171, 174—177.

ало’; Элке йегет белән кыз *сүләү йук иде* ‘Раньше девушка с парнем обычно не разговаривали’.

Кроме имени действия на *-у/-ү*, в мишарском диалекте спорадически или островками, на небольших территориях, употребляются и некоторые другие формы.

Форма на *-ыш/-еш*

Наиболее систематически имя действия на *-ыш/-еш* встречается в говорах Куйбышевской и соседних с ней районов Ульяновской областей (Старомайнинский и др.). Эта форма имени действия отмечена также в говорах среднего диалекта, в частности в заказанских [94] и мензелинском говорах, откуда она и могла попасть в мишарские говоры. С другой стороны, источником ее в более ранний период мог быть ногайский язык [95], носители которого, как известно, не только играли заметную роль в политической истории татар, но в течение продолжительного времени на разных территориях так или иначе (кочевья, набеги, войска и т. п.) тесно соприкасались с ними.

Имя действия на *-ыш/-еш* по своему значению соответствует имени действия на *-у/-ү*: Шул даруны *эцешем* булды, жалудыгым уцайл'анды ‘Как только выпила (букв.: питье мое было) это лекарство, стало лучше с (моим) желудком’; Анда көп [kör] *йөрөш* ‘Там много ходьбы’; Тәвә *йөрөше* белән бер айлык йул ‘Месяц пути верблюжьим ходом’; Вата кызлары *йөрөшкә* цыккан ‘Вот, дочери ее вышли на гуляние’; Әллә эшләп *кат'ышыгызмы?* ‘Или вы возвращаетесь (ваше возвращение) с работы?’

Интересно, что названия многих народных игр образуются с помощью афф. *-ыш*: «Торма тартыш», «Йөзөк тошөрөш», «Кул сугыш» и др.

Имя действия на *-ыш* может употребляться со словами *бар* и *йук*: *алыш бар*, *алыш йук*. Сочетание имени действия на *-ыш* со словом *йук* передает:

---

[94] *Л. Җәләй.* Татар диалектологиясе. Казан, 1947, стр. 24; *Н. Б. Бурганова.* О некоторых архаичных формах глагола в Заказанье. «Тезисы докладов итоговой научной сессии за 1970 г.» Казань, 1971, стр. 34—35.

[95] В погайском литературном языке — *-ыс/-ис* («Языки народов СССР». Т. II. Тюркские языки, стр. 289), в диалектах — *-ыш/-иш* (*Н. А. Баскаков.* Ногайский язык и его диалекты. М.—Л., 1940, стр. 89).

1) значение отрицательной формы глагола 3-го лица мн. числа настоящего времени, но безотносительно к конкретному лицу: Тирәз *дийеш йук* бездә, тәрәз дибез 'У нас не говорят «тирәз», говорим «тәрәз»'; *Алыш йук* 'Не берут' (букв. 'взятия нет'); Иртә белән *йагыш йук* берсен 'Утром ни одна из них (печей) не топится' (букв. 'нет топки'); Андый ыйыкны *йук кийеш* бездә 'Такие валенки у нас не носят' (букв. 'нет ношения');

2) значение отрицательной формы инфинитива на *-ыш*: Бер айсыз *катыш йук* миңа хаз'ыр 'Мне теперь не вернуться (букв.: нет возвращения) ранее, чем через месяц'; Үгә *кат'ыш йуг* инде бер кичкә 'На один вечер уж нечего возвращаться домой' (букв. 'Нет возвращения домой на один вечер').

Имя действия на *-ыш* в сочетании с вспомогательным глаголом *иде* выражает обычное действие в прошлом и соответствует значению глагола 3-го лица мн. числа прошедшего незаконченного времени I, но безотносительно к конкретному лицу: Элгәре айакка тулыйык *кийеш иде* 'Раньше бывало на ноги надевали валяные чулки'; Элгәре эшкә сәгат'алтыда *китеш иде* 'Раньше, бывало, на работу уходили в шесть часов (утра)'; Элек сыратып *алыш иде* 'Раньше (невесту) обычно сватали'.

Форма на *-ыш* может употребляться и в сочетании с *бар иде*, *йук иде*: Элекке кызлар *йыйыш бар идеме?* 'Раньше бывали посиделки?' (букв. 'Раньше бывало собирание девушек?'); Элек йир *бүлеш бар иде* бит 'Раньше ведь был раздел земли'.

Форма на *-мыш/-меш*

Собственно причастная форма на *-мыш* в мишарском диалекте не употребляется. Но в значении имени действия или отглагольного существительного ее изредка можно встретить в традиционных говорах: Бу *кыланмышларың* йакшыга бармас 'Эти твои выходки к добру не приведут'; Берничә йыл *йермешем* йукка цыкты 'Мои хлопоты (букв.: мое хождение) в течение нескольких лет пропали даром'; Миңа *тумышымнан* бирле алтмыш алты йыл булган 'Мне (от рождения) исполнилось шестьдесят шесть лет'; Нинди *укымыш* аласын инде алай йөрөп? 'Какие уж знания получаешь, разъезжая так?'

Ср. еще *ишмеш буйынча* или *ишмештән генә* 'по-вчерашнему'; *Ишмештән* генә беләм шул 'Знаю только по-вчерашнему', а также употребление этой формы в функции прилагательного в выражении: *кыркмыш тай* 'жеребенок-прошлогодок'.

Форма на *-ма/-мә*

Имя действия на *-ма/-мә* употребляется в составе модальной конструкции на *-ма келә-* (см. стр. 174). В большинстве случаев имена действия на *-ма/-мә* в настоящее время воспринимаются как отглагольные имена существительные: *бүлмә* 'комната', *корма* 'занавеска' и т. д.

Форма на *-ма* в указанных значениях присуща многим тюркским языкам, в том числе огузским [96].

Форма на *-гы/-ге*

Имя действия на *-гы/-ге* входит в состав модальной конструкции на *-гы келә-* (см. стр. 172). В остальных случаях образования на *-гы/-ге* воспринимаются как отглагольные существительные: *кийерге* 'пяльцы', *эчке* 'алкогольный напиток', *бирге* 'задаток' и т. д.

Форма на *-мак/-мәк*

Имя действия на *-мак/-мәк* в мишарских говорах почти не сохранилось. Оно образуется от весьма ограниченного числа глагольных основ (*ашамак*, *эчмәк*, *кимәк*, *тотмак / тытмак*, *ишләмәк*) и лишь изредка встречается в речи престарелых носителей диалекта. Как правило, эти слова утратили семантику процесса действия, выступают в виде парных сочетаний (*ашамак-эчмәк*, *кимәк-тытмак*) в соединении с модальными словами *бар*, *йук*, *кирәк*. Примеры: *Кимәк-тытмагың* да бар вет, *ашамагың* да бар 'Надо ведь и одеваться, и питаться' (букв. 'Есть ведь твое одевание и питание'); *Ашамаг-эчмәк* йуг иде '(Тогда) не было продуктов питания' (букв. 'питания-питья').

Иногда форма на *-мак* употребляется в значении, близком к инфинитиву, ср.: Вата, *ашамагы—эчмәге* кирәк

---

[96] См., например: *А. Н. Кононов.* Грамматика современного турецкого литературного языка, стр. 115.

'Вот нужно что поесть (и) попить'; *Нишләмәк* кирәк? 'Что поделаешь?' (букв. 'Что нужно делать?').

Форма на *-мак*, прежде всего в значении инфинитива, бытует, как известно, в языках огузской группы.

НАРЕЧИЕ

НЕПРОИЗВОДНЫЕ НАРЕЧИЯ

К непроизводным, или простым, наречиям обычно относят такие, которые семантически дифференцировались от других частей речи, «осознаются именно как наречия» [97] и с точки зрения современного языка не распадаются на составные элементы. Ср. *күп* 'много', *акыр* 'медленно', *йалан* 'постоянно', *байа / баа* 'давеча', *соң / сың / су°н* 'потом', *бат'ак* 'довольно много (долго)', 'порядочно', *йәйәү / җәйәү / дз'әйәү* 'пешком', *элек / элке / элеке* 'сначала', 'прежде', 'раньше', *борон / бырын* 'в старину', 'в древности', 'раньше', 'прежде', *тенә / тонә* 'вчера', *кендез / көндөз* 'днем', *берче / берчи* 'всегда', 'постоянно', 'совсем', 'подряд' и др.[98]

Мин *җәйәү* дә кат'а белəм 'Я и пешком найду дорогу' (букв. 'умею возвращаться'); *Бат'акмы* тырырсыз мында '(Довольно) долго что ли проживете здесь?'; *Борон* мәр җәнпәрдән йөриләр иде, әле инде анчак такмыйлар и°нде 'В старину носили бусы (букв.: ходили в бусах'), теперь уж постольку не носят (букв.: 'не вешают)'; *Баа* йырлаладым йортта 'Давеча (немного) попела во дворе'; (Кендерне) *су°н* талкилар, кыж буйы эрлиләр (иде) 'Потом (коноплю) трепали, всю зиму пряли бывало'; *Элеке* вет кыз бер йыл атасында тора иде 'Раньше ведь невеста (после свадьбы) целый год жила у отца'; Балык сөзәрбез *элке*, аннан син кереп тынарсын 'Сначала половим рыбу (сетью), потом ты зайдешь отдохнешь'; *Тенә* келəгән идем синнән алырга 'Вчера хотела было отобрать у тебя'; *Берче* килгəч керə 'Всегда, когда приезжает, заходит'; Өзеннән [özennän] *берче* к'орыктым 'Я совсем испугалась его'.

[97] *П. К. Дмитриев.* Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 52.

[98] Некоторые из приведенных наречий исторически разложимы, например: *кендез/көндөз* < *көн* + *төз*, *берче* < *бер* + *че*.

В числе непроизводных наречий есть и заимствованные из других языков: ар. или перс. *хаз'ыр* — литер. *хозер* 'сейчас', *аман—һаман* 'постоянно', *хуwат / хыwат / кuwат—кuввәт* 'быстро', 'сильно', *йәт—җәһәт*, *замат* (в литер. нет) 'быстро', *әв°әл—әввәл* 'сначала', 'раньше', *т'амам—тәмам* 'совсем', *әле* (в литер. также) 'теперь', 'пока' и др.; монг. *кинәт* [99] (в литер. так же) 'вдруг', рус. *тиха*, *сафсим*, *насила / начила*, *шибык / шипка* 'сильно', *выс'ы / вус'ы / вос'ы* 'вовсе', *вис* 'весь', *ыздырук / дырук* 'вдруг', *начас* [100] 'ненадолго', 'быстро', *пузна / пузда* 'поздно', *крута* 'круто', *тушина* 'душно' и др.

Әв°әл алма ашибыз, со°ң чәйлибез 'Сначала картофель поедим, потом попьем чаю'; Сuwы *хыwатрак* ага 'Вода течет быстрее'; Шундый *хыwат* килəләр! 'Так быстро идут!'; *Әле* чабата кимиләр, *әле* инде — итек, батин 'Теперь лапти не носят (букв.: не надевают), теперь уж—сапоги, ботинки'; *Замат* йыйыштыралар 'Быстро убирают (комнату)'; Чийəм дə, пы°мыртым ды бик хыw°ат чəчəг атты 'И вишня, и черемуха у меня цвели очень бурно'; *Т'амам* белмəгəннəр 'Совсем не знали, оказывается'; Икесе *дырук* килде 'Оба пришли одновременно'; *Ыздырук* кук күкрəгəн тавыш иштелде 'Вдруг послышался гром'; *Насила* күтəреп кат'т'ым 'С трудом донесла'; Өбине *начас* барып чакыр 'Позови бабушку ненадолго'; Йəш ит *начас* пешəдер 'Молодое мясо быстро варится'; Утыра бирегес, мица *выс'ы* мишат' итмисес 'Сидите (букв.: продолжайте сидеть), мне вовсе не мешаете'; Урманнан *латырак* барыга 'По лесу идти удобнее'.

Большинство непроизводных наречий (включая и заимствованные) может служить основой для образования новых наречий, например: *элке—элкедән*, *элгәре—элгәртен—элгәртеннән*, *борон / бырын—боронда / бырында*, *әкер—әкрен / әкерен*, *әкертен*, *йәйәү—йәйәүлəп / йәйәүлəтə*, *кинәт—кинәттән*, *выс'ы—выс'ыга*, *ыздырук—ыздыруктан*, *пузна / пузда—пузнага / пуздага* и т. д.

Элкедән калган əйберлəр күб иде 'Было много вещей, оставшихся с прежних времен'; Андыйны *элгәртеннән*

[99] *Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах.* Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961, стр. 420.

[100] См. *начас, начасок* нар. 'на короткое время', 'считая долями часа' (*В. Даль.* Словарь живого великорусского языка. М., 1956).

сүмәдем ‘Такое я не любила с самого начала (всегда)’. *Ыздыруктан* йыгылып китте ‘Неожиданно он повалился’. *Сафсимга* бир ‘Дай насовсем’.

ПРОИЗВОДНЫЕ НАРЕЧИЯ

Производные наречия образуются теми же способами, что и в других тюркских языках, включая татарский литературный язык, а именно: 1) морфологическим способом = способом аффиксации, 2) морфолого-синтаксическим, 3) синтаксическим.

Морфологический способ

Наречия образуются от различных частей речи, в том числе и от наречий, путем присоединения следующих основных адвербиальных аффиксов, которые, за некоторыми исключениями, характерны также для татарского литературного языка.

-ча/-чә (<*чак* ‘момент’, ‘пора’, ‘мера’ [101]) образует наречия от имен, реже — от глагольных основ; выражает сравнение, образ действия, способ, манеру действия: *урысча / урычча* ‘по-русски’, *атаңча* ‘как твой отец’, *аталарча* ‘по-отечески’, *йаңыча* ‘по-новому’, *байагыча* ‘так, как давеча’, *элкегечә* ‘по-прежнему’ и т. д. Афф. *-ча/-чә* безударный. Он присущ всем тюркским языкам, в том числе и татарскому литературному языку. Примеры: *Элкегечә* төгөл инде ‘Теперь уж не как раньше’; *Уртат'ц'а* гына иде ‘Было средне’; *Үзгәчә* сүли ‘По-другому говорит’; *Татарча* йазылган ‘Написано по-татарски’. Менә шул инде, *бүтәнчә* этәлмим ‘Вот так вот, по-иному не могу сказать’.

В чистопольском и мелекесском говорах употребляются наречия *моңгинча / мыңгинча* ‘до сих пор’, ‘до этого времени’, ‘за это время’, *шоңгинча / шыңгинча* ‘до этих пор’, ‘за это время’, ‘до этого времени’, *аңгинча* ‘до тех пор’, ‘за то время’, ‘до того времени’, соответственно образованные от указательных местоимений *бу*, *шул*, *ул*. Ср.: в мамадышском говоре среднего диалекта [102] *моңгинча* в том же значении литер. *моңарчы*, *моңа кадәр*, *шуңа кадәр*, *аңа кадәр*. Примеры: *Мыңгинча* эллә нихатлек ни эшләп ыргытыр идем ‘За это время (до этого времени) я бы переделала очень много дел’. *Моңгинча* үгә кат'ып йитә идек ‘За это время мы успели бы дойти до дома’. Бу арада өч көн эрәттән йауды йаңгыр, *шоңгинча* гырам да булмады ‘В последнее время (букв. ‘за этот промежуток времени’) три дня подряд шел дождь, (а) до того не выпало ни капли’. Машина Баганалыга умбердә китә, *аңгинча* килеп йетәсез әле сез ‘Машина в Баганалы уходит в одиннадцать, (а) до того вы еще успеете вернуться’.

-дый/-дий, *-тый/-тий*, *-дай/-дәй*, *-тай/-тәй* (<др.-тюрк. teg) — для мишарского диалекта более характерны первые две пары вариантов. С помощью этого безударного аффикса образуются наречия от именных основ со значением сравнения, уподобления: *Аттый* ‘как лошадь’, *азаматтый* ‘как великан’, ‘подобный великану’. *Балалайдай* булсыннар ‘Пусть будут ласковы между собой’ (букв. ‘как мед с маслом’); *Бердий* корә [körä] ‘Одинаково относится’ (букв. ‘видит’); Үзем дә *күздий—каштый* көтәм дә, йук бит ‘Я и сама жду (его), как око (букв.: как глаз, как бровь), нет ведь (не едет)’.

Наречия, образованные с помощью афф. *-дый/-дий* и его вариантов, как и наречия на *-ча/-чә*, могут выступать в сочетании с именами существительными, например: *арысландый йегет* ‘молодец, подобный льву’, ‘парень, как лев’.

В мишарском диалекте рассматриваемый аффикс все же малоактивен. Для выражения сравнения, уподобления здесь чаще употребляются афф. *-ча/-чә* или послеложные конструкции (имя+послелоги *сыны*, *шикелле*, *кебек / көбәк*, редко *тек*).

Примечание: Афф. *-дый/-дий*, присоединяясь к указательным местоимениям *бу*, *шул*, *ул*, как и в литературном языке, образует местоимения-прилагательные: *мондый / мындый* ‘этакий’, *шондый / шындый / шандый* ‘эдакий’, *андый* ‘такой’.

-лата/-ләтә, *-ната/-нәтә*, редко *-латый/-ләтий*, *-натый/-нәтий* (<глаголообразующий афф. *лат+а* [103]) образует наречия от имен существительных (1), прилагательных (2), реже от числительных (3) и наречий со значением

---

[101] *Н. К. Дмитриев.* Грамматика кумыкского языка, стр. 91.

[102] *Л. Җәлә́й.* Татар диалектологиясе, стр. 27; см. также «Татар теленең диалектологик сүзлеге». Казан, 1969.

[103] *Н. К. Дмитриев.* Строй тюркских языков, стр. 49.

образа и способа действия (4). Аффикс ударный. Это наиболее продуктивный аффикс, встречается на всей территории распространения мишарских говоров.

1) Салам элке *келтәләтә* кала иде ‘Прежде солома оставалась в снопах’; Капыста *башлатамы* бар? ‘Головками что ли есть капуста?’ *Артлата* ызаткан ‘Проводил по задам’; Киләбез *йылгалата* ‘Ходим (сюда) по оврагу’; *Йепләтә* ала идек ‘Покупали мы в виде ниток’; *Акчалата* түләтер ‘Заставит уплатить деньгами’; *Урманната* ниндий йахшы йул! ‘Какая хорошая дорога по лесу!’; *Аслата* барыга ‘Идти по низу’; *Таулата* кат′т′ык ‘Вернулись по горе’; Барсы да *буйлата* тастымал йабышганнар ‘Все покрылись платками (во всю) длину (т. е. не сложив)’; Мин үәрдәкләрне *бәпкәләтә* сатып алам йаз башты ‘Утку я весной покупаю утятами’.

2) *Тереләтә* тыталар да циләккә салалар (ракны) ‘(Раков) ловят живьем и опускают в ведро’; Кас′ы *йәшелләтә* з′ийа малан, ул ацы була ‘Некоторые калину собирают в зеленом виде, (но) она бывает кислой’; Алманы *чиллата* бешерәм ‘Картошку варю целой’; *Йылылата* кабыгыз ‘Кушайте (пока) теплый’ (букв. ‘в теплом виде’); Эчә *парнуйлатук* ‘Пьет (молоко) прямо парное’ (букв. ‘в парном виде’); *Циләтә* эцмиләр шул (йомырканы) ‘Не пьют ведь (не любят ведь пить яйцо) в сыром виде’; Аннан нүгел тапкаппар иде, *петеннәтә* тигел ‘Там нашли рог, (но) не в целом виде’; Йә, *чочөләти* дә күмәч пешерәсен ваты шолай. . . ‘Ну, печешь лепешки и пресные вот так вот. . .’;

3) Тарыны *берәмләтә* чәчә ‘Просо сеет (бывало) по одной штуке’; *Йезләтә* кат′арымын ‘Во сто крат верну’; *Икеләтә* бәйәгә тешә ‘Обходится вдвое дороже’.

4) *Д′з′әйәүләтәме* барасын? ‘Пешком что ли пойдешь?’; *Җәйәүләтә* берсе дә йөрми ‘Пешком никто (из них) не ходит’; Анын йапрагы дз′ир *йагалата* гына була ‘Его листья стелются по земле’ (букв. ‘бывают только у земли’).

-лый/-лий, *-ный/-ний*, *-лай/-лэй*, *-най/-нэй* [104] — для мишарского диалекта более характерны первые две пары вариантов, которые образуют: наречия от прилагательных со значением образа и способа действия, реже — времени и места.

[104] О происхождении этого аффикса см.: *А. Н. Кононов.* Грамматика современного узбекского литературного языка, стр. 287; *Н. К. Дмитриев.* Грамматика башкирского языка, стр. 115.

Йәшли[й] өрәтте үзебезне ‘В молодости (еще) научила нас’; *Йәшелли*[й] чапкач чери, бозола ‘Когда скашивают в зеленом виде, гниет, портится’; *Чили*[й] генә ул эчә ‘Он (яйцо) выпивает только в сыром виде’; *Йылылый* ашагыз ит′ата ‘Ешьте вот пока теплый (в теплом виде)’; *Кан′арлый* эцегез ‘Пейте пока горячий (в горячем виде)’; *Бушлый* йөрөмә ‘Не ходи с пустыми руками’; *Бушлый* гына бирде ‘Дал просто так (бесплатно)’; Син *кырылый* эцмә ‘Ты не пей впустую (букв.: всухую)’; Ашыңы *корлый* ашама ‘Не ешь суп без хлеба’; *Карацғылый-йактылый* киттем ‘Затемно ушла’; Кызы шулай *картлыйырак* тырмышка чыкты ‘Дочь ее так вот вышла замуж, будучи уже в возрасте’; Кыймакны *ацылый* пешерәсең ‘Блины жаришь из кислого теста’; Питрачларны *чечелий* пешердем ‘Лепешки испекла из пресного теста’.

Примечание. Выражения *ачылый* (*ацылый*) *камыр* ‘кислое тесто’, *чечелий* (*чөчөлий/цецелий/цөцөлий*) *камыр* ‘пресное тесто’, *чечелий* (*чөчөлий/цецелий/цөцөлий*) *күмәч* ‘пресная лепешка’ следует рассматривать как устойчивые сочетания, образовавшиеся в результате сокращения *ачылый куелган камыр* букв. ‘тесто, поставленное вкислую’, *чечелий басылган камыр* букв. ‘тесто, замешанное впресную’, *чечелий куелган камырдан пешерелгән күмәч* букв. ‘лепешка, испеченная из теста, замешанного впресную’.

В хвалынском и кузнецком говорах афф. *-лый/-лий* менее продуктивен, чем на севере распространения мишарского диалекта, а также в карсунской и алтатинской группах мишарских сел.

Так, в этих говорах к словам *йәшел*, *карт*, *йылы* может присоединяться только афф. *-лата/-лэтә*, но не *-лый/-лий*; а от слов *йәш*, *чий*, *кан′ар* формы *йәшләтә* / *йәшлий*, *чиләтә* / *чилий*, *кан′арлата* / *кан′арлый* употребляются параллельно.

В сочетании с определенным местоимением *бөтөн* / *бетен* афф. *-лай/-лэй* образует наречие *бетеннәй* / *бетенний* ‘совсем’, ‘целиком’, ‘полностью’.

Әтийемне *бөтонний* белмим, сугышта үлгән ‘Отца своего совсем не помню (букв. ‘не знаю’), погиб на войне’; Нижгаруд мишәрләре белә мондагы татарларны чагыштырып карасагыз, телләре белә алар *бөтөнний* туры килә ‘Если сравните здешних (т. е. чистопольских) татар с нижегородскими мишарями, (то) по языку они очень близки (между собой)’; *Бөтөнәй* белмим мин сине ‘Я тебя совсем не знаю’.

От указательных местоимений *бу*, *шул*, *ул*, *теге* афф. *-лай/-ләй* образует местоименные наречия (по говорам) *болай / былай*, *шолай / шылай / шалай / шулай*, *алай*, *тегеләй / тегелий* (серг.): *Шалай* булган инде элке ‘Так уж было раньше’; Ник *былай* итенәсең? ‘Почему ты так делаешь себя?’; Кыздырып та, *тегелий* дә пешерәбез (картошны) ‘И жарим, и так варим (картошку)’.

В лямбирском и реже сергачском говорах афф. *-лый/-лий* в сочетании с именами существительными образует наречия со значением образа и способа действия, реже — цели: *Кунаклый* килгән (литер. кунакка) ‘В гости приехала’; Кийәү *йегетлий* килде (кийәү йегете булып) ‘Прибыл в качестве дружка жениха’; *Кыдалый* бардым (кода булып) ‘Ездил в качестве свата’; Иртәгә барам *башкыдалый* (димче булып) ‘Завтра пойду в качестве (главной) свахи’; *Бурлаклый* да йередек (бурлак булып) ‘И в бурлаках ходили’; *Дайаркалый* эшлий (сыер савучы булып) ‘Работает дояркой’; *Читав*^{w}*атлый* тордо (хисапчы булып) ‘Счетоводом был’; *Муллалый* укыды (муллалыкка) ‘Учился на муллу’.

В чистопольском, мелекесском, хвалынском говорах от слова *буй* ‘рост’, ‘длина’ с помощью афф. *-лый* образуется наречие *буйлый* (также *бер буйлый*) с временным (литер. *бертуктаусыз*, *бертоташтан*, *өзлексез*, *даими* ‘беспрестанно’, ‘постоянно’, ‘всегда’) и пространственным (литер. *буйдан-буйга* ‘вдоль’, ‘сплошь’) значениями: Иртәгә ике машина *буйлый* сабан туйына халык ташый *сабантуй*’; Awыл cawитында исполнител′ булып *буйлый* мин торам ‘Я постоянно работаю (состою) курьером в сельсовете’; Рәзе кеше түзә, шолай бер *буйлый* йырлый торгач!: ‘Разве человек выдержит, когда так беспрерывно поют!’; *Буйлый* абуркалар салалар иде ‘Сплошь пришивали оборки (воланы)’.

В цокающих говорах афф. *-лый/-лий*, присоединяясь к словам, обозначающим времена года, образует наречия времени: Әле кәрәкми дә, *кышлый* кәрәк булыр ‘Теперь и не надо, (но) зимой надо будет’; Ә мин *йазлый-кышлый* бер үзем ‘А я зимой и летом совсем одна’; Дуңгыз фермасында завидущий булып торды *кышлый* ‘Зимой он заведывал свинофермой’.

Наречия этого типа употребляются также в нагорных и заказанских говорах (балтасинском, мамадышском)

среднего диалекта. В последних они могут употребляться с несколько иным оттенком значения — ‘всю зиму’, ‘в течение всей зимы’ и с ударением на первом слоге [105].

В мелекесском говоре афф. *-лый/-лий*, присоединяясь к наречиям с афф. *-ча*, усиливает их значение: «Гурт» дийә идек инде, *бүтәнчәлий* әтмибез ‘Говорили «гурт» (<город), иначе не говорим’; Кандалда гына *бүтәнчәлий* сүлиләр ‘В Кандале только (несколько) по-иному говорят’; Телләр шылай — *терлечәлий* ‘Языки вот так — разные’.

Афф. *-лый/-лий* в мишарском диалекте, присоединяясь к послеложным конструкциям и послелогам с опущенным управляемым словом, образует наречия образа, способа, манеры действия: *Тәрәзебез йагалый* йил кебек узды ‘Как ветер, пронесся поблизости от нашего окна’; Сәр′р′ук катны *кул йагалый* тыра ‘Жена Саррука живет у (самого) берега озера’; *Урман ашалый* кат′т′ым ‘Возвратился через лес’; *Утәли*^{й} йил йери ‘Насквозь ветер гуляет’; *Ашалый* кийә ‘Надевает через (плечо)’; *Урам ашалый* гына тыра ‘Живет (близко) только через улицу’.

Интересна в сергачском говоре форма *бүгенгелий* — литер. *бүгенгедәй* ‘как будто сегодня’, ‘словно сегодня’, которая раскрывает генетическую связь афф. *-дай/-дәй* и *-лай/-ләй* [106]. Ср. в караимском: *бюгюнлей* ‘до сегодняшнего дня’; вообще же адвербиальный афф. *-ләй/-лей/-лай* в караимском языке образует наречия от существительных, некоторых прилагательных и наречий со значением сравнения, уподобления [107].

Таким образом, в мишарских говорах более активными являются варианты с узкими гласными (*-лый/-лий*); и они продуктивнее здесь, чем в литературном языке. В последнем, например, не могут быть образованы наречия типа *картлый*, *йәшеллий*, *йылылый*, *кайнарлый*, *ашалый*, *буйлый*, *бүгенгелий*, а также *кодалый*, *муллалый*, *бурлаклый*, *счетоводлый* и т. п. В литературном языке не употребляются и наречия времени *кышлый*, *йазлый* и др.

-лап/-лән, *-нап/-нән* (<глаголообразующий афф. *-ла/-лә*+деепричастный афф. *-п* [108]) образует наречия от имен

[105] «Татар теленең диалектологик сүзлеге», стр. 223, 631.
[106] *Н. К. Дмитриев.* Грамматика башкирского языка, стр. 115.
[107] *К. М. Мусаев.* Грамматика караимского языка. М., 1964, стр. 189, 195.
[108] *А. Н. Кононов.* Грамматика современного узбекского литературного языка, стр. 286.

существительных, прилагательных, числительных и наречий со значением меры, степени и времени. Аффикс ударный.

Чиләклән йawa, *йантыклап* койа ‘Ведрами льет (дождь), сбоку льет’; Икешәр мал′ункалап китерделәр ‘По две маленки (картошки) припесли’; *Атналап* бездә тора иде ‘Неделями, бывало, жила у нас’; *Негезләп* бәлиләр иде ‘(Платки) повязывали узлом (в виде рога)’; *Парлап* кунак чакырган ‘Позвала гостей парами’; *Чыннап* киләме? ‘В самом деле, приедет что ли?’; *Икенчелəп* (литер. икенче тапкыр) чыгам инде ‘Я уже второй раз выхожу (встречать)’; *Икенцелəп* йасадылар операция ‘Второй раз сделали операцию’; *Әкреннəп* барсы да әрәтләнер әле, бер да кайгырма ‘Постепенно все наладится, ничуть не горюй’; Тирес бик, анда *д′з′әйәүлəп* тә барыга кирәк ‘Не по пути, да и пешком туда надо итти’; Ат *тихалап* килә ‘Лошадь идет медленно’; Сиңа дип *хаслап* алган идем ‘Покупала специально для тебя’.

Морфолого-синтаксический способ

Как и во всех тюркских языках, включая татарский литературный, в мишарском диалекте наиболее продуктивным способом образования наречий является переход слов из категории имен и, отчасти, глаголов в той или иной словоизменительной форме в разряд наречий в результате изоляции их от полной схемы словоизменения и получения ими наречного значения [109]. Имена, как правило, переходят в наречия в пространственно-временных падежах (дательно-направительном, местном и исходном), что определяется значениями этих падежей. Более редки случаи перехода их в винительном падеже. Кроме того, есть наречия, представляющие собой изолированные формы древних инструментального и дательно-направительного падежей.

Из глагольных форм обычно переходят в наречия изолированные формы деепричастий на *-ып/-еп,-а/-э, -ганчы/-гәнче.*

[109] *А. Н. Кононов.* Грамматика современного узбекского литературного языка, стр. 288; *Н. К. Дмитриев.* Строй тюркских языков, стр. 50.

Наречия — изолированные формы имен в дательно-направительном падеже

1. Наречия времени: *Гумергə* йахшы тордок без ‘Всю жизнь жили мы дружно’; *Йертəгə* дə давай барабыз ‘И завтра давай пойдем’; *Качанга* барабыз балниска? ‘К какому времени пойдем в больницу?’; *Йəренгə* бу кызым да ышкулга керə ‘На будущий год и эта моя дочь поступит в школу’; *Йəренгəгə* дə килегез ‘И на будущий год приезжайте’.

Наречие *йəренгə* ‘на будущий год’ образовано от слова *йарын* (ср. тур. yarın ‘завтра’, др.-тюрк. jarïn ‘заря’), которое в татарском языке отсутствует. Поэтому, видимо, *йəренгə* носителями диалекта воспринимается как исходная форма. Этим, на наш взгляд, и объясняется параллельное употребление второй формы — *йəренгəгə* в том же значении.

2. Наречия образа действия: Ишмисең дə *аруга* ‘И совсем не слышишь ты’; *Аруга* китерə дип белдем ‘Я думала, что везет (внука) насовсем’; Хаз′ыр кан′и, эчербез *берге* ‘Сейчас закипит, будем вместе пить (чай)’; *Атына* барып йəштем, килмəде ‘Я специально пошла, пригласила, (но) не пришел’; *Атына* да ашадык, *берге* де ашадык ‘И отдельно мы питались, и вместе питались’; *Бөтөннəйге* киткəн икəн ул ‘Он, оказывается, уехал совсем’; Бəлəкләгəннəр *шылайга* ‘Белье отбивали (вальком) вот так вот’; *Йукка* киттем ат′а ‘Напрасно, — говорит, — я уехала’.

Наречия — изолированные формы имен в местном падеже

1. Наречия места: *Тегендə* врач тыра, выпа сырлаган йыртта ‘Там врач живет, вон в крашеном доме’; Мында урнымы йок [jok]? ‘Разве здесь нет места?’; Малыйым *шанда* йаткан иде ‘Сын мой лежал здесь’.

2. Наречия времени: *Башта* цəй эцеп йылын, аннан сүләрсен ‘Спачала согрейся, выпив чаю, потом расскажешь’.

Значительный интерес представляют те наречия, которые образуются от слов, обозначающих определенный отрезок времени, прежде всего — времена года. Такого типа наречия употребляются главным образом на западе распространения мишарских говоров. Параллельно с ос-

новой для мишарского диалекта формой *кышын, йазын* и т. д. они изредка встречаются и в других говорах: *Йазда* йаңгыр булмады ‘Летом не было дождя’; *Йазбашында* ике кызы иргә китте ‘Весной две ее дочери вышли замуж’.

Оба типа наречий времени (*кышын, йазын. . .* и *кышта, йазда. . .*) встречаются и в других тюркских языках и их диалектах [110].

Аффикс местного падежа *-да/-дә* образует наречия времени от тех же слов, но снабженных словообразовательным афф. *-лык/-лек*. Наречия этого типа синонимичны предыдущим. Употребляются они на территории Мордовии, Горьковской и Тамбовской областей, а также на юге Саратовской области — в алтатипской группе мишарских сел: *Көзлөктә* китергән иде Саратудан ‘Осенью привез из Саратова’; *Йәйлектә* Пийана буйлары бик көңолле була ‘Летом в окрестностях (реки) Пьяны бывает очень приятно’; *Йазлыкта* килгән иде ‘Летом приезжал’; Йазын эшлә, *кышлыкта* килерсең ‘Летом работай, зимой приедешь’.

Наречия — изолированные формы имен в исходном падеже

Наречия места: Аларның *мыннан* чыкканына йез йыл ‘С тех пор, как они отделились (букв. ‘вышли’) отсюда, (прошло) сто лет’.

Наречия времени: Кичтән кереп калган ‘С вечера зашел и остался’.

Наречия образа, способа, манеры действия: *Бердән* кыцкырыб йебәрделәр ‘(Вдруг) в один голос закричали’; *Йаңыдан* барыга туры килер инде ‘Снова уж придется пойти’.

Наречия — изолированные формы имен в винительном падеже

Наречий — изолированных форм имен в винительном падеже [111], выражающих отрезок времени, немного: Үткән *йылны* гына күрешмәдек ‘В прошлом году только мы не

[110] Ср. караим. *кышын / кысын*, тур. kışın, но туркм. *гышда*, ног. *кыста*, к.-балк. *къышда* ‘зимой’.

[111] Так же в караимском языке и в половецко-армянских текстах (*К. М. Мусаев.* Указ. соч., стр. 156, 192).

виделись’; Бер *кичне* йабалак килгән таwык орларга ‘В один из вечеров сова прилетела, чтобы украсть курицу’ (из сказки); *Тенне* касталанды ‘Ночью заболел’; Кышкы *кенне* пыстануфкылар бирәләр ‘Зимой (зимним днем) передают постановки’; *Бер араны* безгә бик килә иде ‘Одно время она к нам очень (часто) приходила’; *Кайкенне* килгән иде атасы ‘В один из дней приходил ее отец’.

В сергачском говоре, а также карсунской группе сел (Ульяновская область) аффикс винительного падежа *-ны/-не*, присоединяясь к словам, обозначающим времена года,образует наречия времени: *кышны* ‘зимой’, *кезне* ‘осенью’ и т. д.

Кышны мин газитта укыдым ‘Зимой я прочитала в газете’; *Йазны* кабаг эстенә чыга идек ‘Летом, бывало, выходили (посидеть) у ворот (дома)’; Әле *йазны* (кап) тугыганыбыз йук ‘Летом еще не ткали мешки’; Йазгы *кенне* килеп тыра, *кышны* бара ‘Летом приезжает и живет (здесь), зимой уезжает’.

Имена существительные, выражающие отрезок времени и стоящие в основном падеже, в определенном контексте адвербиализуются [112]: Эшемәбез микән *кич?* ‘Не замерзнем ли мы вечером?’; Без аны иртә көткән идек, ул *кич* килде ‘Мы его ждали утром, (а) он пришел вечером’; *Кайкен* ат’а ‘Однажды говорит’; *Йаз* эшлий, кышын үwенә килә, *йазбашты* тагы китә ‘Летом работает, зимой возвращается к себе домой, весной снова уезжает’; Быйыл *кез* укырга керә ылым ‘В этом году осенью сын мой поступит учиться’; Чана ман килеб алдылар *кышкы кен* ‘Зимним днем (приехали и) увезли меня на санях’; *Йазгы кен* каа йатма бар ‘Летом (в летний день) есть где (можно) лечь’.

Иногда адвербиализация имен существительных, обозначающих отрезок времени, происходит при присоединении аффиксов принадлежности 3-го лица [113]: *Умере* эшләде ‘Всю жизнь работала’; *Умере* катнашкан-ниткән ‘Всю жизнь общались (друг с другом)’; Йацгыз иде *гумере*

[112] Это лексико-синтаксический способ образования наречий (см.: *А. Н. Кононов.* Грамматика современного узбекского литературного языка, стр. 293).

[113] Ср., например, тоже самое в караимском (*К. М. Мусаев.* Указ. соч., стр. 192), узбекском (*А. Н. Кононов.* Указ. соч., стр. 293) и других языках.

'Всю жизнь была одна'; *Йазы-кышы* шында тыралар 'Зимой и летом там живут'.

В мишарском диалекте, как и в татарском литературном, а также в других тюркских языках, есть наречия, представляющие собой окаменевшие формы древних дательно-направительного и инструментального падежей.

-гары/-гәре — аффикс древнего дательно-направительного падежа: *Элгәре* абзий ателә булган 'Раньше «абзий» называли'; *Йугары* менмә 'Не поднимайся наверх'.

-ры/-ре — аффикс древнего направительного падежа: *ары* 'туда', *бире* 'сюда', *кар'ы* 'куда'; к этому типу наречий относятся: *аткыры* 'поперек', *кире* 'обратно'. Тот же аффикс выступает в *чәре*, употребляющемся ныне лишь в небольшом числе населенных пунктов в качестве послелога.

Улсын *ары* тыгышмын, бусын *бире* тыгышмын 'То, оказывается, засунула туда, это засунула сюда'; *Ары* инде куймыймын, *ары* малый да кермә кели 'Туда уж я не поставлю, там и сын (букв. 'парень') намеревается устроиться'; Сез әлдә выс'ы *бире* (литер. биредә) булганыгыз йук? 'Вы еще совсем не бывали здесь?'; Кеме бар аныкы *бире* (литер. биредә)? 'Кто у него здесь есть?'

-ын/-ен — исторически аффикс инструментального падежа, употребляется почти на всей территории распространения мишарского диалекта. Как и в литературном языке, он образует наречия от небольшого круга слов, выражающих определенный отрезок времени: *кышын* 'зимой', *йазын* 'летом', *йазбашын / йазбаштын* 'весной', *кезен / көзөн* 'осенью', *кичен* 'вечером', *кичкорон / кичкырын / кицкырын* 'вечерком'.

Кышын бер кат йыгыл'дым да берсәк бәрелдем 'Однажды зимой упала и слегка ушиблась'; Туйлар бездә *кезен* уздыралар 'Свадьбы играют у нас осенью'; *Йазын* бер барган идем 'Летом один раз ездила'; *Йазбашын* салкын кас'ы йылны выт була 'Весной ведь в иной год холодно бывает'; *Йазбаштын* килер дип тырабыз 'Думаем, что приедет весной'; *Кичен* йаттым инде, уникенче сәат' иде инде 'Вечером легла уж, был уже двенадцатый час'; *Кискырын* кереп чыгар эле 'Зайдет еще вечерком'; Мин суга *кичкырын* барым 'Вечером я схожу за водой'.

-лыгын/-леген (<словообразовательный афф. *-лык/-лек*+аффикс инструментального падежа *-ын/-ен*) образует наречия от названий времен года. Эта форма отмечена в нескольких населенных пунктах в районе распространения дрожжановского говора: *Кезлеген* бардык Цүпрәлегә 'Осенью ездили в Дрожжаное'; *Кышлыгын* да цәцәк ата ул 'Он и зимой цветет'; Ул *кышлыгын* кат'кап 'Он зимой приезжал, оказывается'.

В чистопольском говоре имеет место та же форма, но усложненная аффиксом местного падежа: *Кышлыгында* Куркул' аша йөриләр, *жәйлегендә* турыдан бар йул 'Зимой ездят через Куркуль, летом есть прямая дорога'.

Аффикс инструментального падежа выделяется также в словах *әк(е)рен / әкертен* 'медленно', 'тихо', *йәш(е)рен // йәшертен* 'скрытно', которые употребляются на всей территории распространения мишарского диалекта. Исходной формой наречия *әк(е)рен / ак(ы)рын*, *әкертен / акыртын* является *акыр*. Ср. др.-тюрк. aqru. Древний вариант *акыр* сохранился в основном на территории Мордовии: Радийу *акыр* гына сүләп тыра 'Радио говорит тихонько'; *Акыр* гына бычагымны чиләгемә тыктым 'Ножик свой тихопечко сунула в (свое) ведро'.

Вариант *әкерт* восходит к *әкер*+*т* (элемент, нередко возникающий в соседстве с сопорными *р*, *л*, *н*, *й*). Он отмечен в сергачском, кузнецком, мелекесском говорах: *Әкерт* кенә барыбыз 'Будем идти (пойдем) по-тихопечку'; *Әкерт* йөри белмимен 'Я не умею ходить медленно'.

Форму *әкертен* необходимо рассматривать как *әкер*+*т*+афф. инструментального падежа *-ен*: *Әкертен* генә барып кат'т'ык ылаукага 'По-тихопечку (не спеша) сходили в магазин'; *Әкертен* сүлә, ыланны уйатасын 'Говори тихо, разбудишь ребенка'.

В наречии *йәшертен* также выделяются вставной элемент *т* и аффикс инструментального падежа *-ен*. Те же компоненты могут быть выделены в наречиях *астыртын* [114] 'скрытно', 'исподтишка', *йугартын* 'вверх', 'вверху', *элгәртен* 'раньше', 'прежде', 'сначала', *бир(е)тен* 'сюда' (*биретен* чыккыз 'выйдите сюда'), *ар(ы)тын* 'туда', *түбәнтен* 'вниз', 'внизу', *тирәнтен* 'глубоко', 'вглубь', *тигентен* 'до', *оронтон / ырынтын* 'тайно'.

Варианты с *т* некоторых из этих слов зафиксированы в современных тюркских языках, например: в карачаево-

[114] Где *астыр* < *асыр* < *асры* < др.-тюрк. asra 'под', отсюда *астыртын* < *астыр* + *т* + *ын*.

балкарском — *акъыртын, джашыртын, тебентин, огъар-тын*, погайском — *ясыртын*, кумыкском — *яшыртгъын*, караимском — *акыртын, йашыртын, тиылтын* ‘по-тихоньку’, *йогартын, ашагартын* ‘внизу’, *ичкяртин* ‘внутри’. Ср. др.-тюрк. aqru / aqrun ‘тихо’, jašuru ‘скрытно’, töpün ‘вниз’, joqaru ‘вверх’, ilgärü ‘вперед’, tegi ‘до’.

Одним из источников пополнения разряда наречий являются изолированные формы деепричастий на *-ып/-еп/-п* и реже на *-а/-ə, -ганчы/-гəнче*, например: Əwел бу йерлəрдə *бетереп* (от *бетер-* ‘кончать’) урман булган ‘Раньше в этих местах сплошь были леса’; Ачуланма, *йурап* (от *йура-?*) кына эттем ‘Не сердись, в шутку только сказал’; Бес сине *атлап* (от *атла-* ‘шагать’) ишетеб килдек ‘Мы, услышав о тебе, специально (ради тебя) пришли’; Тəрəзеннəн ү^{w} эче *утə* (от *ут-* ‘проходить’) күренə ‘Через ее окно виден весь дом изнутри’; Имыпны *атап* (от *ата-* ‘называть’) җир бирмəгəннəр ‘Именно лично землю не давали’.

Синтаксический способ

К этому типу относятся наречия, образованные путем повторения (парные, парно-повторные и повторные наречия) (1), сложения (2) и сочетания (3) слов, относящихся к одинаковым или разным частям речи [115]. В данном случае ограничимся лишь простым приведением некоторых примеров.

1) *Йылдан-йыл* тырмышлар йахшыра бара ‘Год от году жизнь становится лучше’; Кенезен *эрле-бирле* йереп тыра ‘Весь день прохаживается туда и обратно (бесцельно болтается)’; *Элег-электəн* беләм мин аны ‘Я его знаю с давних пор’; Тайак *кылма-кыл* сынды ‘Палка сломалась ровно пополам’; *Качан-качан* килгəли ‘Иногда приходит’; *Берам-сарам* бар да килеп киттеләр ‘Все уже по одному приезжали’; *Тора-бара* илəшер ‘Постепенно привыкнет’; *Йы°гы°ра-йы°гы°ра* сев^{w}енче ат′ырга килер ‘Прибежит, чтобы сообщить радостную весть’; Җəмийəтнең эше *йазы-кышы* бетмий ‘Работа у народа продолжается круглый год’ (букв. ‘летом-зимой не кончается’).

2) *Берсəк / берсик* < *бер кисəк*; ср. кас. *бер′иси′*, где

[115] См. об этом подробнее: *А. Н. Кононов.* Грамматика современного узбекского литературного языка, стр. 289—293.

~ *к*: *Берсəк* кипсен дип тə торамын ‘Кроме того, я жду, чтобы немного подсох’; Алма *берсик* кенə арт′ц′им ‘Картофеля немного почищу’.

Быраз / берəз < *бер*+*аз* ‘немного’, ‘ненадолго’: Чыккыз *быраз* вуздыхка ‘Выйдите немного (ненадолго) на воздух’; Йылытса, *берəз* калкыр иде курмы ‘Если бы потеплело, корма бы немного поднялись’.

Беранча / быранча / быранчак < *бер*+*ан* (<*ул*)+*ча* ‘немного’, ‘ненадолго’: *Беранча* жар, йан алырга ав^{w}ыр ‘Жарко немного, тяжело дышать’; Ат′кай идең, безгə *беранча* кер ‘Сказала бы, зайди (мол) к нам ненадолго’; Əле вет Абдылча *быранча* шəйли ‘Теперь ведь (он), как Абдул, немного видит’.

Алайукка < *алай*+*йук*+*-ка*, *былайукка* < *былай*+*йук*+*-ка* ‘без оплаты’, ‘дешево’, ‘даром’ (рус. простореч. *задарма*): *Алайукка* эшлəдек ‘Работали даром’; *Былайукка* (алпавыт) эшлəтте ‘(Помещик) заставлял работать даром’; Эвен *алайукка* саткан ‘Дом свой продал (очень) дешево’.

Галишайак (серг.) < рус. *голыш(ом)*+*айак*; в литер. языке и других мишарских говорах — *йаланайак* < *йалан*+*айак*: Бак, шондый сувыкта *галишайак* чыккан ‘Смотри, в такой холод выбежал босиком’.

Аннары < *аннан ары* ‘потом’, ‘затем’. *Аннары* алар берләштеләр ‘Потом они объединились’.

3) *Көн өстөнə / кен эстенə* — литер. бер көн эчендə ‘за день’, ‘в течение одного дня’, ‘от зари до зари’: *Кен эстенə* əлəнеп кат′ырга кирəк ‘Надо обернуться за день’. Ср. азерб. *ахшам усту* ‘вечером’, ‘под вечер’.

Йакты күздə ‘засветло’: *Йакты күздə* кат′ып йитсə йарый иде ‘Хорошо было бы, если бы успел вернуться засветло’.

Күптəн йук ‘недавно’, *күптəн йук кына* ‘совсем недавно’: *Куптен йук* анда иде ‘Недавно был там’; *Күптəн йук* кына кат′ып китте ‘Совсем недавно уехал обратно’; Плəмəннигым гына бар, йагада иде, *күптəн йук кына* кат′т′ылар ‘У меня племянник только есть, жил он на стороне, вернулись совсем недавно’.

Күптен төгөл / тегел ‘недавно’: Шылай читтə тыра, хат′ə бик *күптəн тегел* де ‘Так (вот) живет на стороне, хотя и не очень давно.

Зерə йукка, зерə йуккага ‘совсем напрасно’, ‘из-за пустяков’, ‘без основательной причины’: *Зерə йукка* тавыш-

лана ‘Совсем из-за пустяков шумит’; *Зерә йуккага* укымаган бу бала ‘Не зря учился этот парень’.

Иртәсе кенне ‘назавтра’, ‘на следующий день’: *Иртәсе кенне* киленне буза йертергә чыгаралар ‘На следующий день (после свадьбы) невесту выводят разносить (гостям) домашнее пиво’ (один из старинных свадебных обрядов).

Умер йезендә ‘никогда в жизни’: *Умер йезендә* әткәнем йук! ‘Никогда в жизни не говорила!’; Былай булгач *умер йезендә* айак бастым йук анда! ‘Раз так, никогда в жизни ноги моей не будет там!’

Уз умере ‘всю (свою) жизнь’.

Мәңгедән бирле, мәңгедән мәңге ‘(очень) давно’, ‘с давних пор’, ‘очень долго’, ‘целую вечность’: *Мәңгедән бирле* кетәм үзеңне! ‘(Очень) давно жду тебя!’; *Мәңгедән мәңге* күргәнем йук сине! ‘С давних пор (целую вечность) я не видела тебя!’

Элке кичтән / әлек кичтән ‘с раннего вечера’: *Элке кичтән* йата да йоклый ‘С раннего вечера ложится и спит (ложится спать).

Кеше конно ‘по-человечески’, ‘нормально’: Кеше *конно* сүз дә сүли белмисен ‘Не умеешь даже разговаривать по-человечески’.

ПОСЛЕЛОГИ

Послелоги выражают временные, пространственные, причинно-целевые, сравнительно-уподобительные и другие отношения. Они управляют основным, детально-направительным и исходным падежами (об отклонениях от этой закономерности будет сказано особо). По своему значению послелоги, как известно, соотносительны с падежными аффиксами или наречиями.

ПОСЛЕЛОГИ, УПРАВЛЯЮЩИЕ ОСНОВНЫМ ПАДЕЖОМ И РОДИТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ МЕСТОИМЕНИЙ

Послелог *белән / белә* ~ литер. *белән* по значению соответствует русскому предлогу *с* (*вместе с*), а также значению предложного падежа. В темниковском и лямбирском говорах, а также в Тамбовской и небольшом числе населенных пунктов Пензенской области этот послелог употребляется с начальным *м* — *менән / мынан / мән / ман /*

ма (редко), т. е. как и в языках кыпчакского типа (казахском, киргизском, каракалпакском, башкирском, ногайском, кумыкском и др.). В тюркологической литературе значения этого послелога детально рассмотрены [116], поэтому здесь укажем лишь на некоторые из них.

1) Значение совместности, соучастия: *Хамәт белә* сүләште ‘Разговаривал с Хамятом’; *Кызы белән* бергә укыдык ‘Учились вместе с ее дочерью’; *Анасы ман* үдә калды ‘Осталась дома с матерью’.

2) Инструментальное значение: *Пила белән* кисә утынны, *балта белән* вата ‘Пилой пилит дрова, топором колет (их);’ *Кур'ка мынан* карт'укны сыс ‘Картошку выкладывай половником’.

3) Образ или способ совершения действия: Бик *җиңеллек белә* йәшиләр ‘Легко живут’; Малайлар Пермнән ары, *пуйыз белә* ике сәгат' кенә барыга ‘Ребята (живут) дальше Перьми, (туда) всего два часа ехать поездом’; *Йылкылар ман* уза да алмый, шал кад'ар күп кеше ‘На лошадях даже не может проехать, так много народу’; Бусын *йынҗыр белән* тага идек бун'га ‘(А) это вешали на шею на цепочке’.

4) Материал, с помощью которого совершается действие: Сарайның башы *камыш белә* йапкан иде ‘Крыша сарая была покрыта камышом’.

5) В сочетании с именем действия на *-у/-ү* указывает на незамедлительное следование одного действия за другим: *Кат'у белән* керсен ‘Как только вернется, пусть сразу же зайдет (ко мне)’.

6) В сочетании с именем действия на *-у/-ү* или формой на *-ганнык/-гәннек* выражает причину действия: Кезне *чагалау белән* кучкарлар күп ‘Из-за осеннего окота, (пока) баранов много’; *Жар булганнык белә* эчке бик келәде ‘Так как было жарко, очень захотелось пить’.

---

[116] См., например: *А. П. Кононов.* Послелоги в современном узбекском литературном языке. Ташкент, 1951, стр. 11—14; *Он же.* Грамматика современного узбекского литературного языка, стр. 297—302; *Н. А. Баскаков.* Грамматика каракалпакского языка, стр. 482—514; «Грамматика туркменского языка», I. Ашхабад, 1970, стр. 401—404; *В. А. Исенгалеева.* Служебные имена и послелоги в казахском языке. Алма-Ата, 1957; *Х.-М. И. Хаджилаев.* Послелоги и послеложно-именные слова в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1962; см. также различные грамматики татарского языка и труды, посвященные послелогам в азербайджанском и других тюркских языках.

7) В сочетании со словами, выражающими время, передает значение времени: Төшкән *көнөм белән* кап'анам бөтөн эшне өстомә бәрде ‘С первого дня (букв.: с того дня, когда я спустилась) свекровь моя все (домашние) дела бросила на меня’; *Вакытым белән* барымын дигән ‘Сказал, — говорят, — приеду в удобное для себя время’; *Кыш мынан* килгән иде кызым ‘Зимой приезжала моя дочь’.

Вариант рассматриваемого послелога с начальным *м*, как видно из приведенных примеров, обычно подчиняется закону сингармонизма (но ср.: Бак, цөпрәк ару, *шынын менән* йу ‘Глянь, тряпка чистая, мой (стол) ею’, иногда подвергается стяжению: *менән / мынан* < *мән / ман* > *мә / ма* (*Кан'фит ма* гына кем дә тырмый ‘На одних только конфетах никто не живет’; *Кур'ка ман* су сал ‘Налей ковшом воду’; *Синең мән* ‘С тобой’).

Послелоги, выражающие причинно-целевые отношения — *өчөн / эчен*, *сартын*, *буйынча* (см. стр. 225), *буйлата* (см. стр. 226).

Өчөн / эчен ~ литер. *өчен* ‘для’, ‘ради’, ‘из-за’, ‘за (вместо)’, ‘чтобы’, ‘для того чтобы’: *Синең өчөн* ‘ради тебя’; *укыр эчен* ‘чтобы учиться’; *атасы өчөн* эшләү ‘работать за (вместо) отца’.

В традиционных мишарских говорах в указанных значениях чаще употребляется послелог *сартын* (см. ниже).

В употреблении послелога *өчөн / эчен* в отдельных говорах отмечен ряд особенностей. Так, в большинстве из них, как и в литературном языке, целевые отношения выражаются с помощью имени в дательном, винительном или основном падежах + инфинитив на *-ырга/-ергә*: Сувык бит *курләккә барыга* ‘Холодно ведь идти за малиной’; *Мишук алырга* йебәрде ‘Послал за мешком’; *Нуе^{w}ккә барам* ‘Иду за мохом’.

Но на территории Мордовии и Пензенской области в подобных случаях употребляется послелог *өчөн / эчен*: *Су^{w} өчөн* барам (литер. *суга барам*) ‘Иду за водой’; *Балык өчөн* (*балыкка*, *балык алырга*) киткән лафкага ‘Пошла в магазин за рыбой (чтобы купить рыбу)’; Каа барасын? — *Каз өчөн*. Выта, *ата каз өчөн* (*каз артыннан*, *казны алырга*) ‘Куда идешь? — За гусем. Вот, за гусаком’; *Алаша өчөн* (*атка*, *ат алырга*) барам әлдә кан'ушн'ага ‘Я пойду еще в конюшни за лошадью’; Калага бара *сындыг эчен* (*сандык алырга*) ‘Едет в город за сундуком (чтобы

купить сундук)’; Кыйыга *су эчен* (су алырга) килдем ‘Пришла к колодцу за водой’.

В мелекесском говоре при выражении целевых отношений послелог *өчөн / эчен* принимает аффикс дательного падежа [117]: *Кышлык эченгә* ашлык чәчкәннәр ‘Для зимы (для зимнего пропитания), — говорят, — сеяли хлеба’.

Для выражения причинно-следственных отношений вместо *булганга* или *булу сәбәпле* в говорах отдельных населенных пунктов (Куйбышевская область) употребляется предлог *эчен*: Аны *зур эчен* алалар (литер. *зур булганга*) ‘Его берут из-за того, что он большой’; Ызба *йылы эчен* (*йылы булганга*) салам йага идек, утын булса да ‘Так как дом был теплый, топили соломой, хотя и были дрова’; Халык *кырда эчен* (*кырда булганга*) кылуп ачылмый ‘Клуб не открывается, так как люди в поле’; Савыты *кечкениэчен* генә кырыган ‘(Цветок) засох только потому, что посуда маленькая’; *Ыак эчен* ыланшак дибез ‘Называем «ылашшак» потому, что маленькие’; *Ызын эчен* тарырак күренә тырганлыр җиң ‘Рукав, наверно, кажется узковатым из-за того, что длинный’.

Сартын ‘для’, ‘ради’, ‘из-за’ — синоним послелога *өчөн / эчен*: *Анын сартын* ырышмый ‘Из-за этого он не ругает’; Су *эчкән сартын* ‘Из-за того, что выпил воды’; *Кызым сартын* гына килгән идем ‘Приехала только ради своей дочери’; Сүндер, *алла сартын*! ‘Погаси, ради бога!’; Йокка [jokka], выс'ы *йок* [jok] *сартын* (ачуланды) ‘Из-за пустяка, совсем из-за пустяка (рассердился)’.

В сочетании с личными местоимениями послелог *сартын* может передавать значение «что касается меня (тебя и т. д.): *Минен сартын* бер дә алмасын! ‘Что касается меня, то пусть (хоть) совсем не берет!’

Этот послелог в литературном языке не употребляется. Из других тюркских языков он имеет место в караимском и карачаево-балкарском языках; в функции послелога в письменных памятниках уйгурского и азербайджанского языков употребляется *сарыдан* [118].

В азербайджанском, туркменском, уйгурском, узбекском и других языках употребляется послелог *сары /*

---

[117] Ср. то же самое в карачаево-балкарском языке (*Х.-М. И. Хаджилаев*. Указ. соч., стр. 85.

[118] *К. М. Мусаев*. Указ. соч., стр. 318—319; *Х.-М. И. Хаджилаев*. Указ. соч., стр. 50, 88—90 (см. также ссылку на соответствующие труды А. М. Щербака и Х. И. Мирзазаде).

сари / сери ‘к’, ‘по направлению к’, который возводится тюркологами, как нам представляется, совершенно обоснованно, к древнетюркскому sarï ‘направление’, ‘сторона’.

Однако в афф. *-тын* (*сартын* < *сары*+*тын*) мы видим аффикс не исходного, а древнего инструментального падежа *-ын* и вставной элемент *т*, появившийся в данном случае в соседстве с *р* (см. подробнее об этом на стр. 97—98). Это предположение находит, на наш взгляд, подтверждение в *сарын* ‘через’, употребляющемся в галицком диалекте караимского языка [119].

Послелоги со значением сравнения, уподобления по качеству — *сынны*, *көбөк / кебек*, *төсло / тесле*, *шикелле* ‘как’, ‘подобно’, ‘наподобие’. Наиболее часто встречается диалектный *сынны*, хотя и остальные, посящие в некоторой степени налет книжности, нельзя назвать малоупотребительными.

Послелог *сынны* восходит к *сын* ‘стан’, ‘фигура’: *Гурт сынны* ил те°зелде ары ‘Там отстроилось село, наподобие города (как город)’; Минеке дә *үдәге сынны* төгөлдер дә, йалан йарый ‘И мое (место) не такое, как дома, но все же ничего’; Сеңлебез бар иде *шанын сынны* ‘У нас была сестренка, как эта’; *Синең сынны* әби безгә тарымас, — диләр ‘Говорят, что (такая) бабушка, как ты, нам (больше) не встретится’; Син бит әлдә *минем сынны* карчык тегел ‘Ты ведь еще не такая старуха, как я’; *Урман сынны* иде бу те°шләр ‘В этих местах было, как в лесу’; Шында кываклар иде, шында чалу иде — *төш сынны* гына белəм инде ‘Здесь кусты были, здесь луг был — помню-то уж только как во сне’.

Второе место по употребительности занимает послелог *көбөк / кебек* (литер. кебек): Оноклар — *бала көбөк* ‘Внуки, как (собственные) дети’; Басым *каз кебек* утыра ‘Сидит, как гусыня (никуда не выходит)’; *Цебеш кебек* бөрөшкән ‘Съежилась, как цыпленок’; Тик йобаныр йөри *ылан кебек* ‘Тешится, как ребенок’.

Следующие послелоги несколько менее активны.

Төсло / тесле (<*төс / тес* ‘вид’+афф. *-ле*): *Синен төсло* беркем дә тегә алмас ‘Никто не сможет сшить так, как ты’; Балан ачы, *мәләш тесле* ‘Калина, как рябина, кислая’.

[119] *К. М. Мусаев.* Указ. соч., стр. 318.

Шикелле (<ар. *шәкл* ‘форма’, ‘вид’+афф. *-ле*): *Гы°бан Ыркыйасы шикелле* ‘Как Рукия из Губана’.

Все послелоги этой группы могут выступать в предложении в функции модальных слов (см. стр. 255).

Ряд послелогов передает значение сравнения, уподобления по количеству, величине, размеру.

Послелоги *кад'ар / кад'арл'ы*, *хад'ар / хад'арл'ы*, *хат'л'ы / хат'ле / хат'л'ык / хат'лек*, *чаклы / чәкле / цаклык / цәклек* ‘с’, ‘величиной с’ являются вариантами употребляемых в литературном языке *кадәр*, *хәтле*, *чаклы* [120] и соответственно восходят к арабским قَدْر ‘количество’, ‘размер’, ‘величина’; ‘мера’, حَدّ ‘граница’, тюркскому *чак* ‘мера’, ‘пора’, ‘момент’ [121].

В послелогах *кад'арл'ы / хад'арл'ы*, *хат'л'ы*, *чаклы* и их вариантах выделяется афф. *-лы/-ле* со значением ‘имеющий что-л.’, ‘владеющий чем-л.’: *Атасы хат'л'ы* булган ‘Ростом стал с отца’; Әби-бабай *мынн чаклы* сет аший алмый ‘Бабка с дедом не могут выпить столько молока’; *Ылан башы кад'арл'ы* ‘С детскую головку’.

В послелогах *хатлек*, *цаклык / цәклек* (цокающие говоры), и *тиклек / тәклек* (некоторые чокающие говоры), кроме афф. *-лы/-ле*, выделяется элемент *-к*, который, возможно, идентичен с *-к*, присоединяемым к некоторым именам (особенно именам собственным) и частицам (см. стр. 117, 239, 251): *Синен цәклек* кепә иде ‘С тебя только был’; *Кылат хат'лек* (тупрак) ике йакка да ташыган ‘Навозил (земли) на обе стороны (высотой) с клад (снопов)’.

Послелоги *тәке / тәкле*, *тике*, *тәклек / тиклек*, *тәкем / тикем*, *тек*, *тиңентен / тигетен / тигентен*, а также *чике / чикле / чәке / чәкле / чәклек / чакы / чаклы* (для краткости варианты на *ц* не приводятся) и послелог *чәре* являются диалектными. По своему значению они синонимичны предыдущим [122].

[120] В настоящее время в литературном языке активизируется также послелог *тикле*.

[121] *Н. К. Дмитриев.* Строй тюркских языков, стр. 171.

[122] Иногда послеложное сочетание (имя в основном падеже + послелог *тәке*, *чәке* и др.) соответствует имени в исходном падеже. Ср.: Пуйызга менгәндә айагын *бот чике* сындырды (литер. ботыннан) ‘Когда садился (букв. поднимался) в поезд, сломал бедро’ (букв. ‘ногу по бедро’).

Наиболее широко распространены послелоги *тәке / тике / тәкле / тикле*: Кецерәк *кул тәке* ‘Величиной с небольшое озеро’; *Минен тәке* эшләб баг әле ‘Попробуй-ка поработать с мое’; *Монон тике* тагы бер малайым бар ‘У меня есть еще один сын с него’; Эстиналары *шонон тикле* буйак белән сырлаган ‘Стены вот настолько выкрашены краской’; Бардыр *тавык йымыркасы тикле* ‘Наверно, есть величиной с куриное яйцо’; Кызы, кәбәм, *үзе тәкле* ‘Дочь ее, матушка моя, с нее самою’.

Не менее активны и послелоги *чәке / чике / чәкле / чикле*: Гани буйга *шынн чәке* генә ‘Ростом Гани вот с него только’; Нигә *бу чикле* чигәсең, майым? ‘Зачем ты столько вышиваешь, дорогая моя?’; *Ызба чике* ‘Величиной с дом’; *Анын чике* булганы йуг иде качан да ‘Столько никогда не бывало’.

В *тике* и *чике* и их вариантах имеет место *т* ~ *ч*, и они оба, в конечном счете, восходят к др.-тюрк. teg ‘как’, ‘словно’, ‘будто’, ‘подобно’, а через него — к teg- ‘достигать’, ‘доходить’, ‘касаться’.

Синонимом вышеприведенных послелогов служит *тәкем* (<*тәке+м*): ул йыдрык *тәкем* була ‘Он бывает с кулак’. Ср. с башк. *тиклем* (<*тик + ле + м*) и *хәтлем* (*хат + ле + м*) [123].

Редко встречается сохранивший древнюю форму послелог *тек / тик* (ср. др.-тюрк. teg ‘как’, ‘словно’, ‘будто’, ‘подобно’): Йыклаганда *уле белән бер тек* инде ‘Когда спит, совсем уж как мертвый (подобен мертвому)’; . . . Мин киткән йулларга багып *йапрак тек* саргаймагын ‘Глядя в сторону дороги, по которой я уеду, Не пожелтей, словно лист’ (из песни).

В отдельных населенных пунктах употребляются послелоги *тиңентен, тигентен / тигетен*, которые, должно быть, восходят к др.-тюрк. teg + двойной аффикс древнего инструментального падежа *-ен*, между которыми в первых двух (*тиң + ен + т + ен, тиг + ен + т + ен*) появился вставной элемент *т* (см. об этом на стр. 94—97), а в *тигетен* выпал *н* (*тиг + е + т + ен* < *тиг + ен + т + ен*), например: Безнең кыр *шул тиңентен* булган ‘Наше поле, — говорят, — было вот с это’.

На юге Мордовии отмечен послелог *чакы*: Гур′ынкалар нишлиләр шул *чакы?* ‘Что делают так долго горенские?’

[123] *Н. К. Дмитриев.* Грамматика башкирского языка, стр. 123.

Синонимичный предыдущим послелог *чәре* зафиксирован лишь в двух населенных пунктах (268, 270) в пределах Пензенской области [124]: *Йымырка чәре* шеште вет ‘Вспухло(-то) ведь с (куриное яйцо)’. Этот послелог чаще управляет дательно-направительным падежом (см. ниже).

Послелоги *аша / ашалай / ашалый, үтә / үтәлий, аркылы* ‘через’, ‘сквозь’ выражают пространственные отношения; *аша / ашалай / ашалый* могут выражать и временные отношения. Все они, кроме варианта *ашалай*, свойственны и литературному языку.

Послелоги *аша* и *үтә* со своими вариантами соответственно восходят к деепричастиям: *аша* — деепричастие от глагола *аш-* ‘переваливать через что-нибудь’, *ашалый* (<*аша*+афф. *-лый*) и *үтә* — деепричастие от глагола *үт-* ‘проходить сквозь или мимо чего-нибудь’ (отсюда *үтәлий* < үтә+афф. *-лий*).

Берсе миннән *ике азбар аша* (тора) ‘Один из них (живет) через два двора (от меня)’; *Пайыт аша* вал′н′ыклары рыбызны выгрыта идек ‘(Свои) валенки мы бывало бросали через навес’ (при гадании); *Күпер ашалый* чыгып килә ‘Через мост идет (сюда)’; *Урман ашалый* кат′т′ым ‘Возвратился через лес’; *Көн аша // көн ашалый* ‘Через день’; *Су үтәлий* цыгарга айак тишенеп ‘Через речку надо переходить разувшись’; Күп *ашуллар үтә* килдегез? ‘(Через) много деревень проехали?’

Послелог *буйынча / буйынчы* выражает: а) пространственные, б) временные и в) целевые отношения:

а) *буйынча / буйынчы* ‘по’, ‘вдоль’, ‘на протяжении’: Китаплар сатып йериләр иде *ашул буйынчы* ‘Книги, бывало, продавали (ходя) по деревне’; *Урман буйынча* барабара, әллә ниндий кешеләр йаныпа килеп чыга ‘Шелшел (букв.: идя-идя) по лесу (и) встретился с какими-то (неизвестными) людьми’ (букв. ‘и вышел к каким-то людям’);

б) *буйынча / буйынчы* ‘в течение’, ‘в продолжение’, ‘весь’: *төн буйынча* ‘всю ночь’;

в) *буйынча / буйынчы* ‘по’, ‘по поводу’, ‘относительно’, ‘в связи’, ‘из-за’ (ср. с послелогами *очон / эчен, сартын*):

[124] Послелог *чәре* отмечен и у крещеных татар Заказанья (См. «Татар теленең диалектологик сүзлеге», стр. 501).

Син *монон буйынча* не переживай ‘Ты из-за этого не переживай’; *Урман буйынчы* биг инде йөредем ‘Я очень уж много ходил по поводу стройматериалов’; Мине үзем-нец *эшем буйынча* атчут белә чакырганнар иде ‘Меня вызывали с отчетом по своей работе’; *Кен тәртибе буйынча* ‘По повестке дня, согласно повестке дня’.

Послелог *буйлата* выражает пространственные и целевые отношения: Хаз'ыр инде *зирых буйлата* йөрөгөн ‘Теперь уж гуляйте по ольховнику’; *Шул эж буйлата* килгән идем ‘Я приехал было вот по этому делу’.

Послелог *буйлап* (<деепричастие от глагола *буйла-* ‘проходить вдоль’) выражает пространственные отношения, а в сочетании со словами, обозначающими отрезок времени, — временные: *Шул йул буйлап* кат'ып керә ‘(Идя) по этой дороге, возвращается (к себе домой)’; *Тау буйлап* ‘По горе’; *Кыж буйлап* балан бәлеше аший идек ‘В течение всей зимы, бывало, ели пирог с калиной’; Выты килә *урам буйлап* ‘Вот идет по улице’.

Послелог *буйынча / буйынчы* в значении (в) и послелоги *буйлата*, *буйлап* являются диалектными.

Послелоги *ката*, *озон / өзөн / эзен*, *сәтә* в сочетании с некоторыми словами, обозначающими отрезок времени, выражают временные отношения.

Послелог *ката* сочетается только со словами *төн* ‘ночь’, *кыш* ‘зима’, *йаз* ‘лето’, *коз* ‘осень’: *төн ката* ‘всю ночь’, *кыш ката* ‘всю зиму’, ‘в течение всей зимы’ и т. д.: *Кыш ката* бойол бураннар иде ‘Всю зиму в этом году были бураны’; *Йас ката* шал сүзне әтеп тырды ‘Все лето он твердил это слово’; *Төн ката* әрли булганнар мошко ‘Говорят, ночи напролет пряли конопляное волокно’; *Кес ката* тырды миндә ‘Всю осень она жила у меня’.

Из других тюркских языков этот послелог отмечен в чувашском: *хута*. Там он может употребляться не только в сочетании со словами *çер* ‘ночь’, *хӗл* ‘зима’, но и *кун* ‘день’, чего нет в мишарском диалекте. Ср.: *кун хута* ‘весь день’, ‘в течение всего дня’, *çер хута* ‘всю ночь’, ‘в течение всей ночи’, *хӗл хута* ‘всю зиму’, ‘в течение всей зимы’.

Однако ни на почве татарского, ни на почве чувашского языка невозможно объяснить, к какому слову восходит *ката*. Некоторый свет проливают на этот вопрос данные киргизского языка. В нем сочетания *түн ката*, *түн катып* означают ‘всю ночь’, ‘ночью’, *түн кат-* ‘ехать всю ночь’; имеются также выражения *түн катардан. . .*, *түн катардай. . .* (от причастия на *-ар*), *түн катырып. . .* (деепричастная форма на *-ып*) [125] *жолду ката* ‘всю дорогу’, ‘на протяжении всего пути’, и *жолду катар* в том же значении [126]. Глагол *кат-*, видимо, и в киргизском языке самостоятельно не употребляется. Тем не менее, можно предположить, что послелог *ката* в татарском, *хута* в чувашском, как и *ката* в сочетаниях *түн ката*, *жолду ката* в киргизском, восходят к деепричастной форме на *-а* от глагола *кат-*. Ср. также у Л. Будагова: تون قاتوو ‘ехать всю ночь без остановки’.

Сәтә — употребляется только в сочетании со словом *көн* (*көн сәтә* ‘весь день’, ‘в течение всего дня’) и, видимо, только в мишарском диалекте. Нигде более, ни в грамматиках, ни в словарях других тюркских языков нам не удалось обнаружить его. Примеры: *Көн сәтә* цабып йөрий бит, ә? ‘Целый день ведь бегает, а?’; *Көн сәтә* дә, төн ката да йөри ул, атай ‘И весь день, и всю ночь он ходит, батенька’; Йарлы *кен сәтә* ура иде дә, тен ката келтәсен таший иде ‘Бедняк, бывало, весь день жнет, (а потом) всю ночь перевозит снопы’.

Озон / өзөн / езен (<*озон* ‘длинный’) употребляется в сочетании со словом *көн* (*көн озон* // *көн өзөн* ‘весь день’, ‘в течение всего дня’) и реже со словом *төн* ‘ночь’: Богөн *көн өзөн* көтүчеләр белән көн узды ‘Сегодня весь день провозился (букв.: прошел день) с пастухами’; *Кен езен* йазалар ‘Весь день пишут’; *Кен езен* утырам гына ‘Весь день только (и знаю, что) сижу’.

Ср. балк. *кюнню узунуна* ‘день-деньской’, *джол узуну* селешмей барыргъа ‘молчать всю дорогу’ [127], чагат. kün uzun ‘во весь день’, *кече узуну* ‘всю ночь’ (по Л. Будагову).

Послелоги *ката*, *сәтә*, *озон / өзөн / езен*, как и некоторые другие, принимают аффикс дательного падежа: Былтыр *кыш катага* йеткән иде ‘В прошлом году хватило на всю зиму’; Ике сүз китердец *кен сәтәгә* ‘За весь день

---

[125] См. статью на слово *түн* в «Киргизско-русском словаре» К. К. Юдахина.

[126] См. там же: статьи на слова *ката* II и *катар* II.

[127] См. статьи на слова: *день* и *весь* в «Русско—карачаево-балкарском словаре». М., 1965.

(записала и) принесла два слова'; Иртәге болот улдыр да, *көн өзөнгә* бармас 'Хотя это и утренняя туча, но (дождь) не будет идти весь день'.

В случае необходимости особо подчеркнуть длительность действия слова, сочетающиеся с послелогами *ката, сәтә, озон / озөн / ызын / езен*, повторяются, причем первое из них ставится в родительном падеже: *Кышның кыш ката* монда җил була — у°рманнар йу°к 'Всю зиму здесь дуют ветры, (так как) нет леса'; *Төннең төн ката* йылый аннан 'Потом всю ночь плачет'.

Что касается послелогов *сайын* 'еже-', 'каждый', *элек / элке* 'до' '(тому) назад', *турында, хакта* 'о', 'про', *килеш* 'в виде', *күше / күшенчә* 'в состоянии', то в значениях и употреблении их особых отклонений от литературных норм нет. Можно лишь заметить, что в значении *йыл сайын* в диалекте более употребительно *йыл да*: Безгә *йыл да* шылай киләләр 'К нам ежегодно так (много) приезжают'; Ә мин күп йерим, *йыл да* йерим 'А я много разъезжаю, каждый год разъезжаю'.

Вместо послеложных конструкций с *килеш, күше, күшенчә*, в мишарских говорах чаще употребляются наречия, образованные с помощью адвербиальных аффиксов *-лата/-ләтә* и *-лый/-лий* (см. о них стр. 205—209), например: вместо *кан'ар күшенчә — кан'арлата / кан'арлый* 'в горячем виде'.

ПОСЛЕЛОГИ, УПРАВЛЯЮЩИЕ ДАТЕЛЬНО-НАПРАВИТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ

(выражают предел во времени и пространстве)

Ч и к е / чикле / чәке / чәкле / чәклек / чакы / чаклы: *Кышка чике* калыр 'Останется до зимы'; *Күпергә чике* 'До моста'; *Бадамшага чәке* тагы бер бабай бар 'До Бадамши еще один предок есть' (из шежере)'; *Очка чәкле* ы°затты да, кәтте кат'ып 'Проводил до околицы и пошел обратно'; Былтыр күл *бире чикле* иде 'В прошлом году озеро доходило до этого места'; *Йазга чикле* йәшәдем 'Жила (там) до лета'; *Сугышка цикле* анда идем 'До войны был там'; Сәәт *унбергә тәклек* йасаган 'Делал, оказывается, до одиннадцати часов'; *Әлегә чаклы* 'До сих пор'.

Т и к е / тикле / тәке / тәкле / тәклек / тиклек / тәкем / тикем, тигетен: Торсоннар *туңга тәке* 'Пусть живут до заморозков'; Мана, ашатам да *кичкә тәке* йитә

аларга 'Вот, накормлю и (этого) хватит им (утятам) до вечера'; Әлдә *көзгә тике* күчмим 'Пока еще до осени не буду переезжать'; *Миңа тиклек* булган ул 'Он побывал до меня'; Уралга тике 'До Урала'; *Кай тигетен* алырга? 'До какого места (сколько) брать?'; *Шул тигетен* беләм 'Столько вот знаю'; *Мытыйглар тигетен* сиңа, бу *йак тигетен* миңа, — диде Мисбах абзий 'До Мутыйгов тебе, до этой стороны мне, — сказал дядя Мисбах'.

Х а т' л' ы / хат'ле / хат'л'ык / хатлек, кад'ар(л'ы) / хад'ар(л'ы): Булыр эле *кезгә хат'лек* 'Будет еще до осени'; Тен буйы шылай, *зәрәгә хат'ле* 'Всю ночь так (вот), до зари'; Йерләребез йул йери (иде) алашада *Тамбуга хат'ле* 'Мужья наши (бывало) возили грузы на лошадях до Тамбова'; *Таң аткинчага хадәр* 'До зари'; Йаңгырлар булса, *көзгә кад'ар* үсә әлдә 'Если будут дожди, то до осени будет расти (еще)'.

Послелог *ч ә р е*, как указывалось выше (стр. 225), зафиксирован в говоре лишь двух населенных пунктов (268, 270) на территории Пензенской области. Он синонимичен предыдущим послелогам, т. е. выражает пространственные и временные отношения: Туганыннан *ускәненә чәре* (бездә тордо) 'Она со дня рождения до того как стала взрослой (жила у нас)'; Безнең *кабак эскә чәре* барганнар 'Они, оказывается, дошли до наших ворот'.

Послелог *чәре* сопоставим с к.-балк. *дери*, караим. *деря / дере, дери*, чув. *тери*, хак. *теере*, якутск. *диэри* и др., которые, как принято считать в тюркологии, восходят к др.-тюрк. teg- 'касаться', 'достигать'. Здесь, видимо, имеет место *т* ~ *ч*. С другой стороны, можно полагать, что: *чәре* < *чи*+*-ре* < *чик*+*-ре*, где *чик* 'граница'+*-ре* — аффикс направительного падежа. Что касается соответствия *и* ~ *ә*, то оно не чуждо мишарским говорам, ср.: *чике* ~ *чәке*, *тике* ~ *тәке*, *тикле* ~ *тәкле*, а также *бик* ~ *бәк*, *ник* ~ *нәк* и др.

Послелог *ә л ә п* 'до', управляя дательно-направительным падежом, указывает на предел действия во времени или в пространстве. По значению он совпадает с литер. *кадәр* и всеми его диалектными вариантами: Алтыдан *унга әләп* 'С шести до десяти (часов)'; Мин *сигезенчегә әлеп* укыдым татарча 'Я училась в татарской школе до восьмого (класса)'; *Казанга әлеп* барып кай чур кат'ып та өлгергән! 'Поехал в Казань, и когда только успел вернуться!'

Послелог *б у л а* (деепричастная форма на *-а* от глагола *бул-* ‘быть’, ‘стать’) выражает целевые отношения, совпадая по значению с послелогом *өчөн / эчен*. В литературном языке он отсутствует. Примеры: *Атасына була* гына килгән ‘Приехал только ради своего отца’; Казанга киттеләр шол [šol] *кызга бола* [bola]. В Казань переехали ради этой девочки’; *Сыйрларга була* ‘Из-за коров’; *Сөткә була* килә ул ‘За молоком (букв. ради молока) идет она’.

Послелог *б а к к а н д а* (<форма причастия на *-ган* от глагола *бак-* ‘смотреть’+аффикс местного падежа *-да*) — синоним литер. *караганда*; выражает сравнительные отношения (‘по сравнению с. . .’): *Бусына бакканда* теесе зурлак та, латлырак та ‘По сравнению с этим, то (пальто) и больше, и удобнее’.

Послелог *т а б а / табан / табатын* ‘к’, ‘по направлению к. . .’, ‘в сторону’ ~ литер. *таба*, реже *табан*: Урамда очрады, *үшенә табан* бара иде ‘Встретился на улице, шел по направлению к своему дому’; *Урманга таба* ‘К лесу, в сторону леса’.

Послелог *к а р ш ы*, как и в литературном языке, указывает на: а) местоположение напротив кого-, чего-л. или движение навстречу кому-, чему-л. (Ызбалары *фирмыга каршы* ‘Дом их напротив фермы’; *Йилгә каршы* бару ‘Идти против ветра’); б) совершение действия перед наступлением определенного отрезка времени, выраженного управляемым словом (*Кичкә каршы* ‘К вечеру’; *Таңга каршы* ‘Перед зарей’; *Кышка каршы* ‘Накануне наступления зимы’); в) несогласие, возражение, недружелюбие, враждебное отношение (*Анаңа каршы* сүләмә ‘Не перечь матери’, букв. ‘Не говори против матери’; *Теләккә каршы* ‘Против желания’).

Справедливо указывается, что этот послелог является переходным от служебного слова к послелогу [128], ср.: *үкаршысында* ‘напротив дома’.

К ү р ә / к ө р ә [körä] ‘так как’, ‘поскольку’, ‘из-за’, ‘вследствие’, ‘из-за того что’, ‘благодаря тому что’ — выражает причинные и причинно-следственные отношения: Идәннәрне *сырлаганга көрә* [körä], кем кайа йата ‘Так как полы выкрашены, устраивается кто где (может)’; *Кар йукка күрә* салкын шул ‘Да, холодно, из-за того что

[128] *П. К. Дмитриев.* Грамматика башкирского языка, стр. 125.

нет снега’; Мин атналап жийам каймакны кар базы *барга күрә* ‘Поскольку есть погреб, я коплю сметану по неделям’.

ПОСЛЕЛОГИ, УПРАВЛЯЮЩИЕ ИСХОДНЫМ ПАДЕЖОМ

Послелоги *б а ш к а, т ы ш, б ү т ә н, ү з г ә, ү ң г ә* выражают отношения исключения: ‘без’, ‘кроме’. Из них *үзгә* и *үңгә* являются диалектными: Күзеңне *миннән үңгәгә* салма ‘Ты не смотри ни на кого, кроме меня’; Минем өрөхсәтемпән *башка* ‘Без моего разрешения’.

Послелоги *б о р о н / б ы р ы н, ә в ʷ ә л, э л г ә р е, э л г ә р т е н, э л к е / э л е к е / э л е к*, соответствующие русскому предлогу ‘до’, выражают временные отношения, указывая на совершение действия до настоящего момента или до данного действия. Все они употребляются в литературном языке и звучат как: *борон, әвәл, элгәре, элек*. Примеры: *Миннән бырын* (алай) бәләделәр тасмалны ‘До меня (до моего поколения) так повязывались головным платком’; Нибар *кыздан элгәре* ‘Раньше всех девушек’.

Послелог *с о ң / с ы ң / с у н / с у ᵒ н* (литер. *соң*) также выражает временные отношения, но указывает на совершение действия после настоящего момента, после данного действия; соответствует русскому предлогу *после*: *Төштән соң* килермен ‘Приду после обеда’; *Абиттан соң* килерсез инде ‘Придете уж после обеда’; *Эштән суᵒн* быᵒгыл эвᵂәргә? ‘После работы метать стог?’.

Послелог *соң* может вступать в изафетную связь с управляемым словом — причастием на *-ган*, при этом сам он дополнительно принимает аффикс местного падежа *-да*: *алганның соңонда* ‘после взятия’.

Послелог *а р ы* (*а* < *ул*+аффикс древнего дательно-направительного падежа *-ры*) в сочетании с именами существительными и указательными местоимениями выражает пространственные и временные отношения, указывая на совершение действия дальше определенного места, пространства или дольше определенного отрезка времени. В литературном языке для выражения временных отношений обычно употребляется послелог *артык* (последний свойствен и мишарским говорам). Примеры: *Сәйәттән ары* тырмас ‘Не задержится более часа (задержится не более часа); Бабай безнеке *авᵂылыннан ары* беркаа да чыкмаган ‘Наш дед дальше своей деревни никуда не выезжал’.

В сочетании с указательными местоимениями *бу, шул, ул* в исходном падеже послелог *ары* в зависимости от контекста может выступать в качестве синонима к послелогу *соң*: *Мыннан ары* килмә, бусы сыңгысы булсын 'Больше не приходи, пусть этот (твой приход) будет последним'.

Послеложные конструкции *моннан ары, аннан ары* (>*аннары*) выступают в предложении в качестве обстоятельств.

Послелог *б и р л е* 'с', 'с тех пор как', как и в литературном языке, выражает временные отношения, указывая на исход действия с какого-то времени, совершение действия в продолжение определенного отрезка времени. Восходит к местоименному наречию *бире*+афф. *-ле*: *Йертәдән бирле* йаңгор йawa 'С утра идет дождь'; Бик сагындым инде әзигә, *ике йылдан бирле* күргәпем йук выт 'Уж очень соскучилась по (старшему) брату, я (его) ведь не видела в течение двух лет'.

В отличие от литературного языка, в сочетании с формой на *-ган* послелог *бирле* в мишарском диалекте нередко требует постановки ее в винительном падеже: *Килгәнне бирле* 'с тех пор, как пришел'; *торганны бирле* 'с тех пор, как встала'; *касталанганны бирле* 'с тех пор как заболела' и т. д.

Послелог *э л э п*, управляя исходным падежом, выражает пространственные и временные отношения, указывает на исход, начало действия: 'от', 'с', 'с тех пор': *Путалактан әләп* идәнгә кад'ар 'От потолка до пола'; *Ун йылдан әләп. . .* 'В течение десяти лет. . .' (в значении 'началось десять лет назад и продолжается по сей день. . .').

В лямбирском говоре отмечен вариант *элеп*: *Әбʷәл заманнан элеп* шаның мәп имнәнәләр 'С давних пор лечатся этим (средством)'. *Әләп / элеп* восходит к деепричастной форме на *-ып* от глагола *ал-* 'взять', 'брать': *алып*. Это подтверждается и тем, что *алып* в указанном значении употребляется в литературном языке, а также параллельно с *әләп* — в мишарских говорах, например: Мында *акулчадан алыб* урман булган 'Здесь, — говорят, — начиная с околицы, был лес'; *Зәмәттән алып* кабакка чике 'От забора до ворот'.

В мишарском диалекте употребляются и некоторые другие послелоги. Но для получения общего представле-

ния о них, а также для выявления в нем соотношения литературных и диалектных форм достаточно, на наш взгляд, и приведенных.

ПОСЛЕЛОГИ — СЛУЖЕБНЫЕ ИМЕНА

К послелогам — служебным именам в мишарском диалекте относятся *ас(т)*, *өс(т)*, *ал*, *арт*, *эч*, *йан*, *йантык*, *йак*, *йага*, *буй*, *тирә*, *чүрә*, *әләнә*, *ара*, *урта*, *арка*, *тур / туры*, *баш*, *челлә*, *бит*, *итәк*, *урын* и др. Из них лишь *йантык*, *йага*, *челлә*, *тур*, *чүрә* и в одном из значений *ара* являются диалектными.

Поскольку все они могут выступать и в функции имени, и в функции послелога, удобно их назвать послелогами — служебными именами [129] или еще проще — послелогами — именами [130].

Послелоги — служебные имена, как известно, выражают в основном пространственные отношения. Они указывают на направленность действия на ту часть предмета (поверхность, нижнюю, боковую и другие стороны его, внутреннюю часть и т. д.), которая выражена в семантике данного слова. Но само направление действия (в сторону предмета, от предмета и т. д.), место или время действия указывает падежный аффикс.

Поскольку в тюркологической литературе достаточно подробно проанализированы значения служебных имен, являющихся общими для тюркских языков (в том числе и для мишарского диалекта), здесь обратим внимание лишь на те, которые составляют специфику этого диалекта.

Й а н т ы к 'бок', 'боковая сторона', 'сторона', 'направление': *йантыгына* 'к', 'в сторону', 'в направлении к', *йантыгында* 'у', 'около', 'вблизи', 'в окрестностях', 'в районе' и т. п., *йантыгыннан* 'из', 'от', 'со стороны', 'вдоль боковой стороны'.

Сун алар *Ләмбрә йантыгына* китәләр 'Потом они уходят в сторону Лямбиря'; *Питер йантыгында* тырды 'Жил он в Питере (в питерских краях)'; *Җир йантыгыннан* караганда аларпыкы зурдырак 'Что касается земли,

---

[129] *Н. К. Дмитриев.* Грамматика башкирского языка, стр. 229.
[130] *А. Н. Кононов.* Послелоги в современном узбекском литературном языке, стр. 3—6.

то у них ее больше'; *Ире йантыгыннан* бар ырулары 'У нее есть родственники со стороны мужа'.

Й а г а 'край', 'берег', 'бок', 'сторона': *йагасына, йагасында, йагасыннан*. В качестве служебного имени он является синонимом *йантык*.

Койо йагасына барма 'Не подходи к колодцу'; *Башкирийэ йагасында* тора 'Живет в Башкирии (в башкирских краях)'; *Кыз йагасыннан* да чакыралар 'Приглашают (родственников) и со стороны невесты'; *Утын йагасыннан* бездэ йахшы 'Что касается дров, (то) у нас (с этим) хорошо'.

В диалекте употребляется также литературный вариант двух предыдущих служебных имен — *йак* 'сторона', 'направление' (*йагына, йагында, йагыннан*), например: Безгэ Азийа *йакларыннан* килэ иде кэпэч 'Тюбетейки к нам поступали из Азии'.

Ч у р э — встречается редко, употребляется в значении литер. *тирэ* 'вокруг'. Оба служебных слова, должно быть, восходят к одному корню: *т* ~ *ч*, *и* ~ *у* — явления, встречающиеся в мишарских говорах. Ср. также караим. диал. *циверe* (<деепричастие от *цивир-* 'крутить') 'вокруг' [131].

Ч е л л э в значении служебного слова зафиксировано в речи престарелых носителей хвалынского говора — *челлэсенэ* 'на (самую) вершину', *челлэсендэ* 'на (самой) вершине', *челлэсеннэн* 'с (самой) вершины', например: *Тауның челлэсенэ* менеп йиттек тэ '(Вот) и поднялись на (самую) вершину горы'. Ср. в кумыкском: *таву келлеси* 'вершина горы'. Отсюда возникает мысль, не имеет ли здесь место *ч* ~ *к*: *тауның челлэсе* ~ *тауның кэллэсе*, где *кэллэ* < перс. سر 'голова'. Тем более, что в мишарских говорах *ч* ~ *к* отмечено и в других словах (см. стр. 90, 241).

А р а 'промежуток' — указывает на совершение действия в промежутке времени или в пространстве между кем-, чем-либо: *арасына, арасында, арасыннан*. Кроме того, в диалекте в местном падеже имеет место и временное значение. Ср.: *Халыг арасында* булырга тырыш 'Старайся быть среди людей'; Ике *с'аат' арасында* эшеце бетер 'За два часа кончай свои дела'; *Эз генэ вакыт арасында* 'За короткий промежуток времени'.

---

[131] *К. М. Мусаев.* Указ. соч., стр. 319.

СОЮЗЫ

В мишарских говорах употребляются собственно татарские сочинительные союзы, а именно: соединительные — *да / дэ / ды / де, та / тэ / ты / те, ни. . . ни. . ., эле. . . эле. . .*, противительные — *э, тик*, разделительные — *йэ, эллэ*, из подчинительных союзов — условные союзы — *эгэр, эгэр дэ, эгэренки* (чист.), *эгэр дэ ки* (чист.). Широко распространены союзы, вошедшие из русских говоров устным путем: *и, ну, хат'а, ышты, пытамушты, иле, йесле, ыштубы* и др. Однако многие союзы, свойственные литературному языку, в мишарском диалекте отсутствуют. Это прежде всего те, которые были заимствованы книжным путем из арабского и персидского языков: *лэкин, эмма, фэкэт, мэгэр, гуйэ, гуйэ ки, гэрчэ* и др.

ЧАСТИЦЫ

Частицы, как известно, восходят к различным частям речи, с которыми у них сохранились тесные связи: многие из них употребляются в функции наречий, союзов или, наоборот, некоторые наречия, союзы и другие части речи могут выступать в функции частиц.

Частицы делятся на препозитивные (*тотоп // тытып, шыр-, кыл-, кылма-, көпэ-, кып-, сап-* и др.) и постпозитивные (*гына, ук, да, -мы, -чы, эле, инде, -дыр*). Некоторые частицы (*бэк, элдэ, каны, эмэн, сэки*) могут занимать и то и другое положение по отношению к тому слову, к которому они относятся.

По своему значению частицы могут быть подразделены на ряд групп (см. ниже). Однако такое деление весьма условно, так как одна и та же частица может иметь несколько разных оттенков значений. Значение, сообщаемое частицами отдельному слову или всему высказыванию, нередко бывает связано с характером интонации или падением логического ударения на то слово, к которому относится частица.

Частицы могут иметь свое ударение, особенно, если не потеряли еще связи со знаменательными частями речи, но среди них много и безударных (*гына, ук, да, -мы, -дыр, -чы* и др.).

В мишарском диалекте наряду с частицами, возникшими на тюркской почве, имеются и заимствованные из арабского, персидского и особенно русского языков.

Некоторые частицы являются общими для татарского литературного языка и мишарского диалекта — *гына*, *ук*, *да / дә*, *әле*, *инде*, *имеш*, *-мы/-ме* и др. Другие частицы характерны для мишарского диалекта и не употребляются в литературном языке, например: *каны*, *әмән*, *сәки*, *тотоп / тытып*, *кан'*, в ряде случаев *кай-* и др., а также заимствованные — *да*, *дажы*, *бетә*, *ну*, *чәй*, *әрәзе / рәзе*, *хут' / хыт' / хот'*, *выт / вет* и др. И, наоборот, частицы *лабаса*, *хәттә*, *ич*, *фәкәт*, а также *сана / сәнә*, *исә* и т. п. встречаются в литературном языке, но отсутствуют в мишарском диалекте.

ЧАСТИЦЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ СМЫСЛОВЫЕ ОТТЕНКИ

Указательные частицы

Близкие по своей семантике к указательным местоимениям указательные частицы *әнә*, *менә*, бытующие в литературном языке, в мишарском диалекте, кроме сергачского и чистопольского говоров, не употребляются. В мишарском диалекте, за исключением чистопольского говора, им соответствуют заимствованные из русского языка *вана / ван'а / вын'ы / выны / вына / вын' / вуна* (<рус. *вон*, просторечн. *вона*) и *вата / ваты / ват / вәт / выт / выты* (<рус. *вот*, просторечн. *вота*). В сергачском говоре *в* > *w* или *б* (*бота*, *ботагынак* [132]).

Примеры: Бер дә *вата* атлый алмийсын ʻСовсем вот не можешь шагать'; *Выта* килә үзе дә ʻВот и сам идет'; *Wата* сица китерә килдем ʻВот для тебя заодно захватила' (букв. ʻпринесла'); Әле хаз'ыр ул врачыбыз килде *вата* ʻТеперь вот приехал тот наш врач'; *Вана* пастиллар алыгыз ʻВон возьмите (себе) постели'; Карту да пугар'апта *ван'а* ʻИ картофель вон в погребе'; *Выны* чиләктә су ʻВон в ведре вода'; Алар *вуна* сезне йаза йериләр ʻОни вон записывают то, что вы говорите'; Йәж вахытлар үтте, *вын* картинага гына сугылып калды ʻМолодые годы прошли, остались лишь на карточке'; *Вуне* ыстул, зурны бир ʻВон стул, дай большой'.

В цокающих говорах и отдельных селах с чокающими говорами на западе Пензенской области (нас. п. 266, 268), а также на юге Саратовской (нас. п. 317) употребляются указательные частицы [133] *мана / мона / мына / мыни / мени / муни*, литер. *менә* ʻвот', которые восходят к указательному местоимению *бу*, например: *Мана* бер тамцы урыннан дөрт [dört] йөз мал'унка! ʻВот с совсем маленького участка 400 малёнок (картофеля)!'; Бу да безпеке төгол *мона* ʻИ эта вот не наша'; Хаз'ыр *мани* алма цыгарырга ʻТеперь вот (надо) картофель выносить (из погреба)'; *Мына* сугыш башланды. . . ʻВот началась война. . .'; *Мыни* кабак ацык, керегә була ʻВот калитка открыта, можно заходить'; *Муни* күршедә тыра ул ʻОн живет вот в соседнем доме'; *Мени* бак күᵉпме укырга кирәк әле миңа ʻВот смотри, сколько мне надо еще читать'.

Ана / ан'а, литер. әнә ʻвон' употребляются в цокающих говорах, отмечены также в нас. п. 317 (чокающий говор): *Ана* кызыл кирпечне кырып шолай йалтрата идек ʻРастерев вон красный кирпич, так вот, бывало, наводили блеск'; Утын инде *ана* Сиргацтан ташибыз ʻДрова(-то) уж привозим вон из Сергача'; *Ана* хазер укыталар барын да ʻТеперь вон учат всех'.

В сергачском говоре (в отдельных селах) наряду с *ана*, встречается также *уна / уны*: Алар *уны*, куᵒзыны тытып тыралар ʻОни вон, ягненка держат'; *Уна* йылы су бар бит, йуᵒсаң ʻВон есть ведь теплая вода, если будешь стирать'; *Уны-уны* ул кызы ʻВон-вон та ее дочь'.

Монау / мынау, *анау*, как и предыдущие, употребляются в цокающих говорах (кроме байкибашевского, где он, видимо, утрачен), а также на юге Саратовской области в нас. п. 317, на территории Куйбышевской области и др.: *Монау* йердән итәкне бөрә идек ʻВот в этом месте, бывало, юбку сосбаривали'; *Монау* йергә кыстырып калдыра ʻВот сюда (букв.: в этом месте) прячем (ключ)'; *Мынау* Минзифа, унны бетерде ул ʻВот Минзифа, она окончила десять (классов)'.

---

[132] *Р. Ф. Шакирова*. Особенности говора татар Краснооктябрьского района Горьковской области. «Акад. В. А. Гордлевскому к его 75-летию». М., 1953, стр. 300. — Автор статьи относит *бота*, *ботагынак* к указательным наречиям. В записях последних лет эти формы вообще отсутствуют.

[133] В ногайском языке *мына / муна*, *ана*, *мынав / мунав*, *анав*, поскольку они там склоняются, рассматриваются как указательные (Н. А. Баскаков) или как вторичные указательные (С. А. Калмыкова) местоимения.

Мына, *ана*, *мынау*, *анау* и их многочисленные фонетические варианты есть во многих тюркских, в основном кыпчакских и кыпчакизированных языках. Вопросами их происхождения занимался ряд тюркологов. Убедительным, на наш взгляд, является мнение В. Л. Котвича, поддержанное Ф. Д. Ашниным, которые в образованиях типа *мына*, *ана* совершенно справедливо видят форму дательного падежа от соответствующих указательных местоимений. Образования же *мынау*, *анау*, несомненно, представляют собой сложные формы: *монау* < *мона*+*(w)y* < *мона*+*бу*; *анау* < *ана*+*(w)y* < *ана*+*у(л)* [134].

В сергачском и чистопольском говорах синонимом *ана* / *әнә* служит указательная частица *тәнә* ‘вон’, ‘вон тот’, которая образована по тому же типу, что и *мына*, *ана*: *тә*+аффикс дательного падежа *-нә*.

Примеры: *Тәнә-тәнә* ике тәрәзә күренә, *тәнә* шул ‘Вон-вон два окна виднеются, вон тот (дом)’; Куʻпьʻ *тәнә* чуʻйында икән ‘Половник, оказывается, вон в чугуне’; *Тәнә* цыланда урын бар, йаткыгыз келәсә ‘Если хотите лечь, вон в чулане есть место’; *Тәнә-тәнә* кырт бара ‘Вон-вон пчела ползет’; *Тәнә* анайлар килде ‘Вон бабушка (с тетей) пришли’; *Тәнә* казлар азбарда ‘Вон гуси во дворе’; Теге йакларда *тәнә* йаңгыр йаwa ‘В той стороне (букв. ‘в тех краях’) вон дождь идет’; Айак кийемнәрең *тәнә* шонда гына ‘Обувь твоя вот тут (поблизости)’.

Тә, видимо, имеет общее происхождение с *теге* и восходит к указательному местоимению, сохранившемуся в ряде тюркских языков. В некоторых из них *та* / *тә* функционирует в качестве указательных частиц, например казах. түнеу ‘тот’ (в сочетании с *уақыт*, *күн*); самостоятельно *ту* в казахском встречается редко [135]. В современном уйгурском есть редко употребляющиеся местоимения *тана* ‘вон’, ‘вон тот дальний’ и *таву* ‘вот тот’ (еще более дальний), в киргизском — *тетиги* ‘вот тот’ (что подальше). В ойротском имеем по одним данным *ту* ‘тот’, ‘вот тот’, который сочетается с указательным местоимением ол ‘тот’ (*ту ол*), по другим — *ту* ‘вон тот’. Сюда же относится и тур. dee ‘вон там’. В гагаузском

[134] *Ф. Д. Ашнин*. Указательные частицы в тюркских языках. Известия АН СССР, ОЛЯ, т. XVII, вып. 5. М., 1958, стр. 417—419, 422, 423.

[135] «Современный казахский язык». Алма-Ата, 1962, стр. 232.

языке употребляется указательная частица *та* / *те* ‘вот’, ‘вон’. Элемент *та* встречается также в диалектах азербайджанского языка [136].

Та / *тә* характерна и для финно-угорских языков. Так, мокш. *тя* и эрз. *те* ‘это’ — частицы, употребляющиеся «для большей конкретизации указания» [137].

В цокающих и отдельных чокающих говорах, в формировании которых, по историческим источникам, принял некоторое участие и говор нижегородских мишарей, к указательным частицам могут присоединяться ограничительная частица *гына* (*вата гына*, *вана гына*. . .), уменьшительно-ласкательный афф. *-кай* (*ватакай*, *ванакай*. . .) или же элемент *-к*, представляющий собой также ласкательный аффикс и присоединяемый либо непосредственно к указательным частицам (*ватак*, *ванак*, *ватак кына*. . .), либо к частице *гына* (*ватагынак*, *ванагынак*, *вуныгынак*, *анагынак*, *монагынак*, *тәнәгенәк*, *әнәгенәк*. . .). Восходит он, видимо, к уменьшительно-ласкательному афф. *-кай*. Частица *гына* и афф. *-кай* и *-к* не вносят дополнительных оттенков значений.

Бер *ватагынак* Кузнискидан килгән кузнич бар ‘Есть вот один кузнец, приехавший из Кузнецка’; *Ватакай* Айшаның бу йагында ‘Вот с этой стороны (дома) Айши’; Мин *ванакай* чиклаwыг агачы белән дә себерәм, миңа бар да бер ‘Я вон и орешником (т. е. веником из орешника) подметаю, для меня все равно’; *Вытакай* машинка ‘Вот (швейная) машина’; Фатих *вытыкай* йәж йегет, правлин'йада эшли ‘Фатих вот, молодой парень, в правлении работает’; *Ватаккына* сет ‘Вот молоко’; *Тәнәгенәк* ызба артында тора ‘Вон стоит за избой’; *Әнәгенәк* бер ызба күренә, — дир ‘Вон, — говорит, — виднеется (какая-то) изба’; *Монагынак* цоланда таз ‘Вот в чулане таз’;

[136] *Э. П. Наджип*. Современный уйгурский язык. М., 1960, стр. 79; *И. А. Батманов*. Грамматика киргизского языка, вып. II. Имена. Фрунзе, 1940, стр. 52; *Н. П. Дыренкова*. Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940, стр. 94; «Ойротско-русский словарь». М., 1947; *Ф. Д. Ашнин*. Указ. соч., стр. 431; *Л. А. Покровская*. Грамматика гагаузского языка. М., 1964, стр. 285; *М. И. Исламов*. Происхождение и структура некоторых сложных форм указательных местоимений. «Советская тюркология», 1973, № 1, стр. 37—39.

[137] «Краткий этимологический словарь коми языка». М., 1970, стр. 277; «Грамматика мордовских языков. Фонетика и морфология». Саранск, 1962, стр. 353.

Мынагынаккына бүтән авылда ызба түшенә пычмак дилəр ‘Вот в другой деревне «түшек» (угол избы) называют «пычмак»’.

Нередко указательные частицы и в исходной форме и в сочетании с *гына* и *-кай* употребляются взамен какого-либо забытого слова. Ср. с русским просторечным «как это», например: Теге, *вата гына*, кыр суганы ‘То, как это, дикий лук’.

Указательные частицы, сочетаясь с местоимениями (а) и местоименными наречиями (б), усиливают их значение.

а) *Мона кас'ы* теслеләрне дə тугый иде ‘Она ткала бывало (холст) и вот таких расцветок’; *Быт кас'ы* теше, *быт кас'ы* үсə бара ‘Вот этот (букв.: который) отпадает, вот этот отрастает’ (о цветке)’; *Ван'ы кас'ы* прагал йанында ызба бар иде ‘Вот у того прогала был дом’; *Вана кемнең* кийеме калган! ‘Вон чья одежда, оказывается, осталась!’; *Мына бу* йəшел крыл'цалы ызба аныкы ‘Вот этот дом с зеленым крылечком его (принадлежит ему)’; *Ватa шу°ны ки[й]* ‘Вот это надень’; *Вун'и* мин *ничек* сүлимен ‘Вон как я рассказываю’; *Мени-мени бусы* синеке, алып бак ‘Вот это вот твое, возьми, посмотри’; *Ана тее* кыйы йанында ‘Вон у того колодца’; *Тəнə-тəнə тегесе* минем кəзə ‘Вон-вон та из них моя коза’.

б) *Мени моннан* күмə белəн ташыйм ‘Вот отсюда перевожу на лодке’; Тубыгыз *мыни монда*, айбагар арасында ‘Мячик ваш вот здесь, среди подсолнухов’; *Мына шылай* йəшəп йатабыз инде, ыланнарым ‘Вот так вот живем уж мы, дети мои’; Берсе *ватак шунда* тыра ‘Один из них живет вот здесь’; *Ваны анда*, теге очта мəхтепләре ‘Вон там, в том конце (села) их школа’; *Вана тегендə* батыррак йawa ‘Вон там дождь льет сильнее’; *Тəнə тегендə* утырам ‘Вон там я сижу’; Мында тегел, *ула кайа* ашат ‘Не здесь, вон где корми’.

Определительные частицы

Тотоп / тытып (<дееприч. на *-ып* от глагола *тот-* ‘держать’), *тап*, *чат* (чист.) ‘точно’, ‘точь-в-точь’ ~ литер. *нəкъ*. Все они ставятся перед тем словом, к которому относятся: *Таб* атасы ‘Точь-в-точь отец’; *Чат* шулар инде ‘Точь-в-точь уж они’; *Тотоп* шондый таба ‘Точно такая

сковорода’; *Тотоп* персəдəтелебез Шəйху’ ’а оший ‘Точь-в-точь похож на нашего председателя Шайхука’; *Тытып* этисе инде ‘Точь-в-точь уж отец’.

Из перечисленных частица *тап* широко распространена в татарском языке, *чат* — характерна для заказанских говоров, и только *тотоп / тытып* является специфически мишарской частицей.

В мишарских говорах в функции частицы употребляется также *челлə* ‘точь-в-точь’, ‘точно’, ‘как раз’, ‘именно’ ~ литер. *нəкъ*: Мин килдем *челлə* шал чакта ‘Я пришел как раз в это время’; *Челлə* убуркы вакыты ‘Как раз время уборки’; Йулның *челлə* уртасы ‘Самая середина дороги’; *Челлə* үлə вахытта мунчага барыга кушмыйлар ‘Не советуют идти в баню в самый полдень’.

Челлə имеет и усилительное значение: Барган иде, *челлə* иртүк китте ‘Ходил туда, ушел очень рано’ (о *челлə* см. еще на стр. 90, 234).

Примечание. Слово *челлə* в среднем диалекте и литературном языке имеет значение ‘самое жаркое и самое холодное время года’, которое употребляется во многих тюркских языках в том же или близком к нему значении и восходит, видимо, к перс. چهل ‘40’, چلع ‘40 дневный период’, ‘карантин’; ср. тадж. *чила / чилла* в значении ‘самое жаркое и самое холодное время года’.

Усилительные и ограничительно-усилительные частицы (*гына/генə, үк/үк, дa/дə, соң/сың* и др.)

Гына / генə, *кына / кенə* ‘только’, ‘лишь’, ‘довольно’ — ограничительно-усилительная частица, безударная, ставится после того слова, к которому относится: Су бер *генə* чилəк китердем ‘Я принесла только одно ведро воды’; Урамы киң генə, йəмне генə ‘Улица довольно широкая (и) довольно красивая’; Быйыл мышкының пазисы карсак *кына* ‘В этом году посконь конопли довольно низкая’; Ишек төпкə *генə* урын биргəн ‘Указал место лишь у двери’; Йаңгыз *гынамы* тора? ‘Одиноко (букв.: один только) живет?’; Бу шул айаклары мынан *гына* əлəндерə ‘Так она (букв.: эта) только ногами приводит в движение’; Ат'ма калдырып китте, выта мин артбакчада *гына* ‘Не подумай, что оставила (тебя одну), я вот на огороде только’; Өлдə

мин йахшы *гына* йоклаган йук ‘Я еще как следует (букв. хорошенько) не спала’.

В сочетании с глаголами 2, 3-го лиц повелительного наклонения в зависимости от интонации частица *гына* либо усиливает значение просьбы, пожелания, совета и т. д., либо придает оттенок согласия, удовлетворения или, наоборот, угрозы. Ср. *бар гына* 1) ты только пойди (на все согласна), 2) (ну и что же), пойди (я не возражаю), 3) (попробуй) пойди только!

В сочетании с глаголами прошедшего времени на *-ды* или *-ган иде* частица *гына* указывает, что за данным действием немедленно последовало другое: Кат′ып утырдым кына, самавырны цыгарып та куйды ‘Вернувшись, мы только сели было, как она сразу (же) вынесла (и) поставила самовар’; Суга кергэн генэ идек, эпкай кычкырды ‘Только вошли было в воду, бабуля позвала’.

В случае, если частица *гына* вставляется между именем и аффиксом принадлежности, она придает имени ласкательный оттенок и выполняет функцию ласкательного аффикса: *энигенэм* ‘маменька моя’, *балагынам* ‘дитятко мое’, *бергенэм* ‘один единственненький мой’ и т. д.: Аргансың бит, *кызгынам?* Устала ведь, наверно, доченька моя?’

Такое сочетание особенно широко употребляется в старинных песнях: Тиңнэремпе у°зып түᵊрге утырдым | Йэш тэ *йеᵊрэккенэм* шу итте ‘Опередив подружек, села в передний угол, Юное мое сердечко дрогнуло’; *Җангынайым* тыпмаган йирдэ | Тор дисэгез дэ, тормыймын ‘Там, где нет покоя моей душеньке, Если даже скажете (велите) жить, не стану жить’; *Энэгенэм, йепкенэм* | Калды сондок төбөндэ ‘Иголочка моя, ниточки мои Остались на дне сундука’; *Эчкенэм* тулы хәсерәт | Кайсы тудыкайыма сүлийем? ‘Вся душенька моя полна печали, Кому (букв.: какой) же из (двоюродных) сестер мне рассказать?’ [138]

В песнях встречаются и такие выражения, как *көңөлгенәңнең катылыгы* ‘черствость твоей душеньки’, *нәзымгынам* ‘песенка моя’, *ашар ашкынам* ‘пища, которой я питаюсь’, *ураккынам* ‘серпочек мой’ и т. д.[139]

Частица *гына*, присоединяясь к именам между уменьшительно-ласкательным афф. *-кай/-кэй* и аффиксом принадлежности, усиливает значение ласкательности: *эникэйгенэм, балакайгынам, туганкайгыналарым* и т. д.

Оттенок ласкового обращения передается также при присоединении *гына* к основе вопросительного глагола, чаще всего при обращении к детям, больным и т. п., а также в песнях: Аши *гынамысын*, йизнэкэй | *Эчэгенэ-месен*, йизнэкэй? [140] ‘Кушаешь ли ты, зятек, Пьешь ли ты, зятек?’ Но ср.: *Ашимысын гына*, йизнэкэй | *Эчэмесен генэ*, йизнэкэй? или: *Ашисын гынамы*, йизнэкэй | *Эчэсен генэме*, йизнэкэй? В последних двух случаях *гына* выступает в своем основном значении — ограничительно-усилительном: ‘Ты только ешь, зятек (но не пьешь), Ты только пьешь, зятек (но не ешь)’.

В мишарских говорах широко распространена частица *хыт′ / хут′ / хот′* < рус. *хоть*: *Хыт′* каа бар, *хыт′* кем белэ сүлэш! ‘Хоть куда пойди, хоть с кем разговаривай!’; Берсэк *хыт′* син кендез йыкла, ату йадауланып петэрсен ‘Ты хоть днем немного поспи, а то совсем похудеешь’; Чолкамы бәлийем *хот′*, тик торгынчык ‘Чем сидеть без дела, (давай) хоть чулок (свой) буду вязать’.

Частица *ук / үк* ‘же’, ‘даже’, ‘еще’ — усиливает значение слова, после которого она стоит, безударная: Йулда *ук* сүлэп бетерде ‘В дороге еще обо всем рассказала’; Ыланнары белэн *ук* де килэ ‘И даже вместе со своими детьми приезжает’.

В сочетании с деепричастием на *-гач/-гэч* (*-гач ук /-гэч ук*), именем действия в дательно-направительном падеже (*-уга ук / -үгә үк*) показывает, что вслед за данным действием немедленно следует другое действие (ср. с *-ды гына, -ган гына иде*): Ул *ат′кач ук* белгэндер инде ‘Он, наверно, догадался сразу, как только сказали’; Тегеннэн *кат′уга ук* төшөр үзен ‘Как только оттуда вернется, пришли (букв. спусти) его’.

Да / дә ‘даже’, ‘и’ — усилительная частица, выступает и в функции союза *и*, безударная, употребляется для выделения, подчеркивания того слова, к которому относится: *Барчасына да* килергэ! ‘Всем явиться!’; Әле инде *йебәрмәс те* хат ‘Теперь уж и письма не пришлет’.

К усилительным частицам относятся также *иң* ‘самый’, *бик / бәк* ‘очень’, *үтә* ‘очень’, ‘сверх’ (*үтә авыр эш* ‘сверхтрудное дело’), *йаман* ‘очень’ (*йаман йахшы кеше*

[138] Примеры приводятся из МТД, вып. 2, стр. 284, 286.
[139] Там же, стр. 286, 287, 288, 294.
[140] Там же, стр. 287.

'очень хороший человек'), *зрә / зерә* (*зерә йакшы катын*! 'очень хорошая женщина!') и др.

Кроме того, большое число усилительных частиц образовано преимущественно из начальных звуков некоторых слов: *көпә- / кепә-* (*көпә-көндөз* 'посреди дня'), *йәб-* (*йеб-йәш* 'совсем молодой', 'молодой-премолодой'), *йәм-* (*йәм-йәшел* 'совсем зеленый', 'зеленый-презеленый'), *йаб-* (*йаб-йалангач* 'голый-преголый', 'совершенно-голый'), *апп-* (*аппак* 'белый-пребелый', *аппару* 'чистый-пречистый'), *шыр* (*шыр йалангач* 'совсем голый') и т. д.

К этой же группе частиц следует отнести такие, как *том-* (*том-сукыр* 'совсем слепой'), *кыл-*, *кылма-* (*кыл урта*, *кылма-урта* 'точно середина'; *кыл* (*кылма*) уртага бүлү 'делить ровно пополам') и т. п.

К усилительным частицам тесно примыкают и некоторые другие частицы, имеющие более сильную эмоционально-экспрессивную окраску, например: *соң / сың / суң* 'же', '-то', 'ведь', 'так' (постпозитивная безударная частица): Казанга синең кас'ы кызың барды *сың* әле? 'Которая же из твоих дочерей ездила в Казань?'; Ул *соң* килмәгән 'Он-то не приезжал, оказывается'; Син качанга дип сүләштең *соң*? 'На какое время ты довогорился-то?'; Баргалыйсыммы *су°н?* 'Так бываешь ли ты (там)?

Безударные частицы *выт / вет / вит* (<рус. *ведь*), *дажы* (<рус. *даже*) не имеют определенного места в предложении, служат для усиления значения того слова, на которое падает логическое ударение: Прәмы күрше *выт* шылай, бер зәмәттә тырабыз 'Так ведь прямо соседи, имеем общий забор'; Ул *вит* мине бага 'Она ведь заботится обо мне'; Ул үсәр иде, ну туwарлар каныга *выт* 'Он и рос бы, но ведь скотина не дает покоя'; Кар'ысыннан *дажы* краскá чыга 'Из коры (калины) даже краска получается'; *Дажы* таш та тартар диләр, шындый милчә! 'Даже, — говорят, — камень может перемолоть, такая мельница!'

Безударная частица *чәй / цәй* (<рус. *чай* от глагола *чаять*), которая также не имеет определенного места в предложении, употребляется для усиления значения либо того слова, на которое падает логическое ударение, либо высказывания в целом: Баг әле кәбәм ни сүли! *Чәй*, син генә тегел мында, башкалар да бар! 'Ты только посмотри, голубчик, что она говорит! Здесь, чай, не только ты, есть и другие!'

МОДАЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ

Модально-побудительные частицы (*-чы/-че, әле, инде, каны, канчы, бак, йә, ну, давай (ыгыз)* и др.)

-чы / -че — соответствует русской частице *-ка*, безударна. В сочетании с глаголами повелительного и желательного наклонений в зависимости от интонации придает оттенок вежливой просьбы, побуждения к действию, смягченное или резкое приказание: Аскычны *бирче* 'Подай-ка ключ'; Бире *цыкцы*, — ди 'Выйди-ка, — говорит, — сюда'; Ылашыцы *алчы* тизрәк! 'Возьми-ка скорее своего ребенка!'

Әле (<ар. hala 'при настоящем положении', т. е. 'пока, еще' [141]) — соотносительна с наречием *әле* 'теперь'. В отличие от него безударна, чаще ставится после слова, к которому относится. В сочетании с глаголами повелительного и желательного наклонений синонимична частице *-чы / -че*: Мөрҗәне ач *әле*, °Рәшидә, бар 'Иди, открой-ка трубу, Рашида'; Кучатны куwып йебәр *әле* 'Прогони-ка петуха'; Шаунамагыз *әле*! 'Не шумите-ка!'; Фәргат әзи, зинаһар, шул китапларны калдырим *әле* 'Дядя Фархад, пожалуйста, оставлю-ка я (позволь оставить) эти книги (здесь)'.

В сочетании с глаголами будущего времени передает оттенок возможности или уверенности в совершении действия (а) и смягченного приказания или настойчивой просьбы совершить действие в будущем (б): а) Килер *әле* 'Приедет наверняка'; Сырлагыччык *әле* ике атна үтәр 'Пока покрасим (пол) пройдет наверняка (еще) две недели'; б) Өтерсең әле Әсхат әзигә 'Скажешь дяде Асхату'.

Инде / энде 'уж', 'уже', 'же' — усиливает значение какого-либо слова в предложении: Белмим нишләргә дә *инде*, баргы да келәми 'Не знаю уж, что и делать, и ехать не хочется'; Мин хаз'ер йукка килдем дип үкендем *инде* 'Я теперь уж покаялась, (подумав), что напрасно приехала'; Киттеләр дә *энде* 'И уехали уже'; Сылыны бетерсәләр, килерләр *инде* 'Если кончат (убирать) овес, приедут уж (с поля)'.

Инде в сочетании с повелительной формой глагола выражает настоятельную просьбу, иногда мольбу, побужде-

---

[141] *Н. К. Дмитриев.* Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 52.

ние к действию: Инәлтмә *инде*, сүлә бер нәстә ‘Не заставляй уж упрашивать, расскажи что-нибудь’. Калдырып китмә *инде* ‘Не оставляй (пожалуйста)’; Бәләб бетер *инде* ‘Кончай уж вязать (шаль)’.

Инде, подобно русскому *значит*, может употребляться и без всякой надобности, что особенно характерно для повествовательной речи: Алар әмән *инде* эшләрен петерделәр *инде*, китмә келиләр ‘Они, вроде бы уж закончили свои дела уж, собираются уходить’; Мәҗлесең булса *энде*, китерә *инде* ‘Если уж приглашаешь гостей, то приносят уж (гостинцы)’.

Йә — выражает побуждение или допущение к действию, но в более резкой, грубоватой форме: *Йә*, эшлә ‘Ну, делай’; *Йә*, колсөн, бер дә исем китми ‘Ну и пусть смеется, (это) совсем меня не задевает’.

Каны / ка'ы, *канчы / ка'чы* ‘да(ва)й’, ‘да(ва)й-ка’, ‘ну, ну-ка’ — выражает побуждение, приглашение к совершению действия, а если относится к 1-му лицу, то — решимость совершить действие: *Каны*, бирләгерәк утыр ‘Ну-ка, поближе сюда садись’; *Каны-каны*, эц инде ‘Ну-ну, пей же’; Күзеңә керпек кергән ахр'ы, багыйым *каны* ‘Ресница, наверно, попала в твой глаз, дай-ка посмотрю’; Тек, *каны* ‘Шей, давай’; *Кане*, ашаккыз келәгәндер инде ‘Ну, уже есть захотели, наверно’; *Каны*, утыр инде ‘Ну, садись же’; *Каны*, аш кап ‘Давай, поешь (немного)!’; *Канчы*, тукта, пычаккызны кар'ыйым ‘Ну-ка, подожди, подточу-ка я ваш нож’.

Частица, аналогичная мишарскому *каны / каны*, *кане*, сохранилась во многих тюркских языках [142]: в киргизском — *кана* ‘ну’, ‘ну-ка’, ‘давай’, ‘давайте начинайте’, узбекском — *қани* ‘ну-ка’, ‘ну’, каракалпакском — *къаны* (частица нетерпения [143]), ногайском — *кала* ‘ну’, ‘ну-ка’, туркменском — *ханы* ‘ну-ка’, турецком — *hani* ‘ну-ка’ и т. д. Она есть также в караимском, ойротском и других языках. Частица *кани* [кәни] ‘ну-ка’, ‘а ну-ка’ отмечена

[142] В грамматиках узбекского (*А. Н. Кононов.* Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 336) и туркменского («Грамматика туркменского языка», ч. 1. Ашхабад, 1970, стр. 469) языков отнесена она к модальным словам; в «Древнетюркском» (Л., 1969), «Ногайско-русском» (М., 1956), «Русско-туркменском» (М., 1956, стр. 391) словарях — к междометиям.

[143] *Н. А. Баскаков.* Каракалпакский язык, II. М., 1952, стр. 478.

в таджикском языке [144]; возможно, она заимствована им из узбекского. В ДТС (стр. 418) зафиксирована форма qanї ‘ну-ка’, ‘давай’.

В мишарском диалекте *каны* употребляется в функции глагола — в формах 2-го лица ед. и мн. числа повелительного наклонения: *каны* ‘дай’, ‘подай’, *каныгыз* ‘дайте’, ‘подайте’. Ни в каких других формах он не встречается: *Каны* табаны ‘Дай сковороду’; *Каныгыз* әрбирләрегезне, үзегез кабинкага утырыгыз ‘Дайте (сюда) ваши вещи, а сами садитесь в кабину (автомашины)’.

Бак, *баг әле*, *баг инде*, *бакчи / бачи* ‘гляпь-ка’, ‘смотри’, ‘смотри-ка’, ‘слушай’, ‘слушай-ка’ — используются при необходимости привлечь внимание собеседника к тому, о чем идет речь: *Бак*, эстегезгә кучат атылмасын ‘Смотри, как бы петух не набросился на вас’; *Бак*, тишеп булмый мәшукнын бәләгечен ‘Смотри-ка, (никак) не развязать завязку мешка’; Чистайга дисәң, *бачи*, машина бар ‘Если, говоришь, до Чистополя, так смотри-ка, (туда) есть машина’; *Бакчи*, монда утыр, кызым ‘Глянь-ка, доченька, садись сюда’.

Довольно активно употребляются в мишарском диалекте заимствованные из русского языка побудительные частицы: *ну*, *давай*, *давайыгыз*: *Ну*, тарт аркапны ‘Ну, тяни за аркан’; Йыцкай, эч, *давай*! ‘Йынкай (форма обращения к жене старшего брата или дяди), пей, давай’; *Давайыгыз*, капсирт та куйийык әле! ‘Давайте поставим и концерт!’; *Давай*, сүлә, болар йаза бара ‘Давай, рассказывай, они (букв.: эти) записывают’.

Модальные частицы, выражающие отношение к действительности

Утвердительная частица — *да* (<рус.): Ыруларымы килгән? — *Да*, ырулары ‘Родственники что ли приехали? — Да, родственники’; Судачуктан узарсынмы? — *Да*, узам ‘Ты пойдешь через Судачук? — ‘Да, пойду (букв. пройду)’.

Отрицательные частицы — *йук / йок* [jok] / *йу°к* ‘не’, ‘нет’, *төгөл / тегел* ‘не’.

[144] *В. С. Расторгуева.* Очерки по таджикской диалектологии, вып. 5. М., 1963, стр. 114.

Вопросительные частицы:

-мы/-ме — в отличие от литературного языка в мишарских говорах (за исключением чистопольского) не имеет своего определенного места, присоединяется к тому слову, на которое падает логическое ударение, безударна: Бу шылай *ан'ыдымы* инде? 'Это (платье) разве уже выгорило так?'; Март айыннан бирлеме инде йук? 'С марта месяца что ли уже нет?'; Ул *дамы* бара туйга? 'И она едет на свадьбу?'; Вахыт *тегелме* с'аңа? 'Не пора ли тебе?'; *Ызакмы* тырасыз сез монда? 'Вы долго будете здесь жить?'; *Берчегэме* килэ монда? 'Навсегда что ли едет сюда?'; *Каршымы* торор сезгэ? 'Возражать что ли будет вам?'; Сүзеңдэ *торомосың* дип кенэ чакырдым, — ди 'Я, — говорит, — позвал только для того, чтобы узнать, сдержишь ли ты свое слово';

-мыни / -мени (<*-мы*+*ни*) — нередко употребляется с оттенком удивления или, наоборот, сожаления: *Ку°на-мыни* барасыз? 'С ночного что ли едете?'; Малан *йукмыни?* 'Разве нет калины?';

эрэзе / рэзе / эрэ 'разве' — заимствованная из русского языка: Йарамый, *рэзе* йөрөминче йарый? 'Нельзя, разве можно не ходить?'; *Эрэзе* гармун ун'и белэлэр? 'Разве умеют играть на гармони?'; *Эрэ* син бөгөн дижурда? 'Разве ты сегодня на дежурстве?'

Частицы, служащие для субъективной передачи чужой речи:

имеш / имештер / имештерем 'дескать', 'мол', 'якобы', 'как-будто', 'говорят' — выражают неуверенность, сомнение в достоверности передаваемого: Факиһэ нэстэдер *имеш* пинэли миңа 'Факига, якобы, за что-то обиделась на меня'; Идэнпэре, кас'аклары сырлы *имеш* 'Полы, косяки (окон, дверей), якобы (или: говорят), крашеные'; *Имеш* бар'ам узгач 'Мол (дескать), после праздников'; *Имештерем*, килмэсен качан да 'Пусть, мол, никогда не приходит'; *Имештер*, бер патшаның баласын, наслитник калмасын дип, суга ыргытканнар 'Чтобы не осталось наследника, ребенка какого-то царя, якобы, бросили в воду' (из сказки);

сэки — синоним *имеш*; эта частица отмечена лишь в нескольких населенных пунктах (266, 268, 269, 270, 271, 300): Эй, *сэки*, тазарма бик 'Эй, дескать, не особенно поправляйся'; Миңа йертэ килде, *сэки*, Хесэйен абзий барсын 'Ко мне он пришел утром, пусть, мол, дядя Хусаин идет'; *Сэки*, мында булсын 'Пусть, мол, будет здесь'; *Сэки* кан'ушн'ага дий йабарбыз 'Говорит, мол, в конюшню закроем'; Кайа, *сэки*, үмер иткең кели 'Где, дескать, хочешь прожить жизнь'; Укий, *сэки*, картайганда ат врачына 'Якобы, учится на старости лет на ветеринара'; Шул сыргаларны, *сэки*, алкалары ызын, кими 'Эти серьги она не носит, дужки, мол, длинные.

Примечание. *Сэки* < *саки* < *сайки* ~ *санки* — здесь имеет место известное для тюркских языков *ц/н* ~ *й*, ср.: др.-тюрк. sönük — тат. литер. *сөйәк*, др.-тюрк. meŋi / meŋä/meji ~ тат. литер. *мий*/миш. *мый*, тат. литер. *йаңак* ~ миш. *йәйәк* и т. п. Слово *сайки / санки* для татарского литературного языка не характерно. Случай использования его в функции союза *гүя* 'словно' в стихотворении Г. Тукая «Сагынып вакытлар» [145] следует рассматривать как османизм. В других тюркских языках *сайки / санки* употребляется регулярно. Ср. кум. *сайки* 'как-будто' [146], тур. sanki 'словно', 'будто', 'предположим', азерб. *санки* 'будто бы', 'мол', 'дескать' и т. д., гагауз. *санки* 'разве', 'будто' [147];

Бетэ (<рус. *будто*, *будто бы*) — синоним *имеш*: Аннан Мәскәүдэ турайттылар *бетэ* 'Потом будто бы в Москве выпрямили (искривленный позвоночник)'.

Сравнительно-уподобительные частицы: *әмән*, *бетэ / петэ*; *бетәмән / беттәмән* 'словно', 'как-будто', 'будто', 'вроде бы'.

Әмән (<?) выражает не достоверный признак, явление, состояние или действие, а лишь кажущиеся, сходные с реальными признаки, явления, действия и т. д. Эта частица не имеет постоянного места в предложении и обычно относится к тому слову, на которое падает логическое ударение: *Әмән* нидер каплады 'Словно что-то заслонило'; *Әмән* былардан да ту°маган, быларның ы°рувы да те°гел 'Словно бы даже не их сын (букв.: не от них родился), даже не родственник их (настолько не похож)'; *Әмән* килгәнпәр, *әмән* печәпнәрен алганнар күз алыныма

---

[145] «Бар күңел хәтсез, хисапсыз мәрхәмәт, шәфкать тулы / Санки күңелең җиргә күктән иңгүче рәхмәт юлы» (*Г. Тукай*. Сайланма әсәрләр. Ике томлык. I том. Казан, 1953, стр. 189).

[146] В кумыкском языке *сайки* — союз (*П. К. Дмитриев*. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 93).

[147] Авторы грамматик указанных языков *санки* рассматривают как модальное слово. См.: *А. П. Кононов*. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 354; «Грамматика азербайджанского языка». Баку, 1971, стр. 192; *Л. А. Покровская*. Грамматика гагаузского языка, стр. 264, 265.

килэ ‘Мне кажется, будто пришли, будто сено свое взяли’; *Эмэн* вэт кызымны кӱрдем ‘Словно вот дочь свою увидела’; *Эмэн* өстомэ кан′ар чилэк ко^{ń}д′олар ‘Словно на меня вылили ведро горячей воды’; Бик торго келэми до, *эмэн* энэ чэпчеб уйата ‘Очень не хочется (рано) вставать, да словно уколом иглы заставляют проснуться’.

Эмэн выражает предположение, допущение, неуверенность, сомнение в достоверности действия, признака или явления: Урманга китте *эмэн* ‘Как будто пошел в лес’; Хаз′ер генэ *эмэн* йаздыш кирандаш мынан ‘Только что как-будто писала карандашом’; *Эмэн* беген тешемдэ сине кӱрдем ‘Сегодня, кажется, тебя во сне видела’; *Эмэн* от [ot] кӱренэ ‘Как-будто огонь виднеется’; *Эмэн* бездэ идең. . . ‘Как-будто (тогда) ты была у нас’; *Эмэн* ачкылдым да ‘Как-будто даже кисловатое’; Алар *эмэн* инде эшлэрен петерделэр, китмэ келилэр ‘Они, допустим, уже закончили свои дела, хотят уйти’.

Эмэн может указывать на нарочитость, неискренность действия: Киптерегэ *эмэн* этим ‘Вроде бы велю сушить’; Йакшы сӱлэш *эмэн* ‘Вроде бы любезно поговори (сделай вид)’; Ачуланма *эмэн* ‘Вроде бы не сердись (сделай вид, что не сердишься)’.

Бетэ / петэ кузн., *петтэ* серг. (<рус. *будто*), *бетэмэн* кузн. / *беттэмэн* мел. (<рус. *будто+эмэн*) — синонимы *эмэн*. Обе эти частицы очень близки к сравнительным союзам, нередко употребляются в их функции.

Частица согласия и уступительности — *ина / инаса / инасы / инасак* ‘тогда’, ‘в таком случае’, ‘раз так’, ‘так’, ‘ладно’, ‘пожалуй’, ‘хоть’, ‘хотя бы’. Эта частица обладает различными значениями и оттенками значений. Основными из них являются значения согласия, уступительности, условной уступительности. Она чаще всего соответствует литер. *алай исэ / алайса, ичмаса(м)*. В предложении *ина* может занимать любое место: *Ина* сымавар куйам, эчкең келэсэ ‘Если (раз) хочешь пить, так самовар поставлю я’; Пал′та *инасак* кийэр идең ‘Ты хоть пальто надела бы’; Тукта, эткэлэрсең *инасак* ‘Подожди, хоть (что-н.) расскажешь’.

В других тюркских языках частица *ина* не встречается. Нет ее и в среднем диалекте, кроме касимовского говора, куда она могла попасть из мишарского диалекта.

В русском языке известны варианты *ино, инось, инъ* (с ударением на последнем слоге). Все они приведены

в известном словаре Вл. Даля: «*Ино* — инопору, иногда, временем // если, коли, тогда-то, в сем случае // либо, или, а не то, аль-пожалуй // хорошо, ладно, живет *сев. // стар.* тогда, коли то будет. . . *Инось, инъ* — ладно, пожалуй, изволь». Ср. у М. Фасмера: «*Ино, инъ-то*, так, тогда, пожалуй», также «иногда», др.-русск. *ино* «но, тогда» [148].

Йна (ударение на первом слоге) зафиксировано в «Мокшанско-русском словаре» (стр. 92): *Ина* — частица ‘так’, ‘ладно’, ‘хорошо’ (согласие на что-л.): Мон *ина* аф молян ‘Так я не пойду’ (разг. ‘Ладно, я не пойду’. В «Грамматике мордовских языков» мокш. *ина*, эрз. *эно* приводятся в числе утвердительных частиц. В «Кратком этимологическом словаре коми языков» (стр. 109) дана частица *ино* (‘либо’, ‘тогда’, ‘в таком случае’) и указывается, что она заимствована из русского языка.

Мишарским диалектом эта частица заимствована также из русского языка, точнее из русских говоров. Ср. *ина* < рус. *ино, инъ*; *инаса / инасы* < рус. *инось*; *инасак* < рус. *инось*+тат. уменьшительный афф. *-к*, который присоединяется в мишарских говорах, как указывалось выше, к сокращенным собственным именам, некоторым послелогам (*хатлек, тэклек* и др.), частицам (*гынак, ватак* и др.). В мордовские языки эта частица (*ина / эно*), возможно, попала через мишарский диалект татарского языка вместе с другими весьма многочисленными лексическими заимствованиями, хотя могло иметь место и прямое заимствование из русского языка.

ФОРМООБРАЗУЮЩИЕ ЧАСТИЦЫ

К данному разряду частиц относятся неопределенные частицы *кай-/кой-, кан′-, эллэ/ал′л′а, -дыр/-дер*. Все они принимают участие в образовании неопределенных местоимений и наречий и, в сущности, представляют собой словообразовательные элементы [149]. Это — подударные и, кроме *-дыр/-дер*, препозитивные частицы.

Кай-/кой-, кан′- соответственно восходят к др.-тюрк. qaju ‘какой’, ‘который’, ‘кто’ и т. д. и qanï ‘где’ (здесь

---

[148] *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка (перевод с немецкого). М., 1967.

[149] *В. В. Виноградов*. Русский язык. М.—Л., 1947, стр. 668.

j ~ n). Примеры: Бак, *кан'ни* этәм ‘Смотри, невесть что говорю’; *Кан'каан* килгән ет ‘Неизвестно ведь, откуда приехал’; Иеределәр *кан'ни* халык ‘Невесть сколько народу (при)ходило’; Берлеләрне *кан'каан* аксата да куйа ‘Имеющих по одному (ребенку) совсем неожиданно подвергает опасностям’ (букв. ‘неизвестно откуда заставляет хромать’); *Кайкен* ат'а. . . ‘В один из дней (на днях) говорит. . .’; *Кайкенне* утыргаппар, чәй эчәләр ‘На днях сидят, пьют чай’; *Кайбер* күршеләр ‘Некоторые соседи’, ‘Кое-кто из соседей’.

Как указывалось выше (см. стр. 132), на территории Мордовии и Рязанской области (например, в д. Алешино), а также в мелекесском говоре употребляется частица *-кой* (*кой-кем* ‘кое-кто’, *кой-кайа* ‘кое-куда’), восходящая также к др.-тюрк. qaju, но в настоящее время идентифицируемая с русским *кое-*.

Әллә / ал'л'а (<ар.): *әллә кем/ал'л'а кем* ‘неизвестно кто’, *әллә ни / ал'л'а ни* ‘неизвестно что’ и т. д.

Кроме участия в образовании неопределенных местоимений и наречий, *әллә / ал'л'а* может выступать в вопросительном предложении в сочетании с вопросительной частицей *-мы/-ме* или без нее, усиливая вопрос или добавляя оттенок предположения: Син *әллә* үзең бардыңмы урманга? ‘Ты разве сам ездил в лес?’; Өч атнамы ал'л'а? ‘Три недели что ли?’

Әллә / ал'л'а может употребляться также в функции разделительного союза.

-дыр/-дер, присоединяясь к вопросительным местоимениям и некоторым наречиям, придает им значение неопределенности (см. стр. 132): Систрасы *ничектер* адрисларын йуйган ‘Сестра ее каким-то образом потеряла их адрес’; Сәлим абыйың *кайадыр*, буwадамы? ‘Неизвестно, где твой дядя Салим, у пруда что ли?; *Кемдер* ат'кан да бу ошанган ‘Кто-то сказал, а он (букв.: этот) поверил’.

-дыр/-дер, сочетаясь с именами (а) и глаголами (б), сообщает им оттенок предположения, неуверенности, неопределенности: а) Бабай *үдәдер* ул, ул сүләр ‘Дед, наверно, дома, он расскажет’; *Унынчыдыр* инде ‘Наверно, десятый (час) уже’; Сәптәннен *йартыларындадыр* эшлий башлый ‘В середине сентября, наверно, начнет работать’; б) Алар цаба *торганнардыр*, цабын беткәц килерләр ‘Они, наверно, косят, когда копчат косить, придут’; *Арыпсындыр*, берт'ц'әк йап тарт ‘Устала, наверно, немного отдохни’; Бер атна *торганмыдыр?* ‘Одну неделю что ли прожила?’

-дыр/-дер может присоединяться к глаголам и перед показателем лица: Урам уртасында *күргәндерсез* бер йырт ‘Наверно, вы видели дом посреди улицы’.

Значение предположения в глаголах 3-го лица настоящего времени чаще передается путем прибавления *-дыр/-дер* непосредственно к глаголу (*йөри* + *-дер*); литературный вариант (*йөри торган* + *-дыр*) в традиционных мишарских говорах встречается несколько реже: Каа да булса *йөридер* ‘Ходит, наверно, где-нибудь’; Каа булса кырда үлән *чабадыр* ‘Наверно, где-нибудь в поле косит траву’; Абыйың үзе *киләдер* мында, дамы, тайым? ‘Твой (старший) брат, наверно, сам приходит сюда, да ведь, мой хороший?’; Минен сүләгәннәрне генә *беләдер* алар да ‘И они, наверно, знают только то, что я рассказывал (им)’.

При употреблении формы на *-а торган* во 2-м лице обоих чисел частица *-дыр/-дер* может опускаться: Иртәгә вит китми *тыргансыз?* ‘Завтра ведь не уезжаете, наверно?’; Бөгөн кинага керә *торгансыз?* ‘Сегодня, наверно, пойдете, в кино?’

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА

Как справедливо отмечается в грамматиках русского и многих тюркских языков, модальные слова трудно отделимы, с одной стороны, от частиц, с другой, — от тех частей речи, к которым они восходят и с которыми нередко еще окончательно не потеряли связи.

Модальные слова, за исключением очень немногих, не принимают никаких словоизменительных или словообразовательных аффиксов. Приведем лишь некоторые из модальных слов.

Бар ‘есть’, ‘имеется’, *йук / йу°к / йок* [jok] ‘нет’, ‘не имеется’, *тегел / төгөл* ‘не есть’ — соответственно модальные слова утверждения и отрицания: Артта шунда күрләк тә *бар* ‘На задах там и малина есть’; Күп тырырга вакыты *йук* ‘Оставаться надолго (букв.: долго жить) у нее нет времени’; Тывар чегендере *тегел*, шәкәр чегендере ‘Не кормовая свекла, (а) сахарная свекла’.

Кирәк ‘нужно’, ‘необходимо’, ‘следует’ — исторически существительное-прилагательное, теперь употребляется

в качестве сказуемого [150], принимает как (а) глагольные, так и (б) именные аффиксы: а) *кирәк—кирәкми*, *кирәксә—кирәкмәсә*, *кирәгер—кирәкмәс*, *кирәкте—кирәкмәде*, *кирәккән—кирәкмәгән*, *кирәк иде*, *кирәк икән*; б) *кирәкләр*, *кирәккә*, *кирәкне*, *кирәксез*, *кирәкле*, *кирәксезгә*, *кирәклегә*, *кирәкмәгәнгә*, *кирәгем*, *кирәгең*, *кирәге*, *кирәгенән (артык)*, *кирәк тегел / төгөл* и т. д. Примеры: Цәй кан'агач, эцәргә *кирәк* сувыпгинца 'Когда вскипит чай, надо выпить (его), пока не остынет'; Туган вит ул *кирәгә* 'Родственник ведь нужен бывает'; Мопа сица герәпло, *кирәксә* алып кит 'Вот тебе грабли, если нужны (тебе), унеси'; *Кирәкми* эле, *кирәккәндә* сораплар 'Пока не нужно, когда нужно будет, попросят'.

Тейеш / тийеш 'должно', 'должен' — употребляется в сочетании с инфинитивом, именного происхождения [151], в настоящее время выступает в качестве сказуемого; может принимать аффиксы сказуемости, принадлежности, множественного числа, падежей, отрицание *тегел / төгөл*, афф. *-сыз/-сез*, *-лык/-лек*, *-дыр/-дер* и т. д. Что касается глагольных аффиксов (временных, отрицания и т. д.), то они к слову *тиеш / тейеш* не присоединяются: Байның малайы кыз алырга барыга *тийеш* булган 'Сын (этого) богача должен был поехать за невестой' (из сказки); Син барсын да сүләп бирегә *тейеш* 'Ты должен обо всем рассказать'.

Икән (причастие от корня *и-*) 'оказывается' — придает оттенок вероятности или неожиданности полученного вывода [152]: Күлпец *икән* сувы ыпдырларга кергән 'Вода из озера проникла, оказывается, на гумна'; Эве *икән* зур 'Ее дом, оказывается, большой'; Син *икән* укырга керепсен 'Ты, оказывается, учиться поступила'.

В сочетании с вопросительной частицей *-мы/-ме* придает оттенок неуверенности, сомнения или вежливой просьбы: Кадичә апа, мица митлацны бирең тормассыңмы *икән?* 'Кадичэ апа, не дашь ли ты мне (на время) свою метлу?'

Ахр'ы / ахр'ысы / ахыр'ы, *бәлки / бәли*, *шәт* — модальные слова, выражающие предположение, сомнение, неуверенность.

[150] *Н. К. Дмитриев.* Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 131.
[151] Там же.
[152] Там же.

Ахр'ы / ахр'ысы / ахыр'ы (<ар.) 'видимо,' 'наверно', 'вероятно', возможно': Хал'ы йахшы *ахыр'ы*, мәтәм, йырлагысы кели 'Я говорю, состояние его, наверно, хорошее, хочет петь'; Ул безгә килә *ахыр'ы* 'Он, видимо, к нам идет'.

Бәлки / бәли (<перс.), *шәт* (<перс.) 'может быть', 'возможно': Мин чәй куйгым кели, йыраптан, *бәли*, килә тыргансыз 'Я хочу поставить чай, возможно, издалека едете?'; Йавар, йавадыр инде *бәлки* 'Будет дождь, может быть, уже идет'; *Шәт*, оноткан да инде 'Может быть, и забыл уже'; *Шәт*, айып анарда да тегел 'Возможно, вина и не его'.

Ахр'ы / ахр'ысы / ахыр'ы, *бәли / бәлки*, *шәт* могут выступать в предложении в сочетании с частицей *-дыр/-дер*, усиливая ее значение: Белүче булмастыр *ахр'ысы* 'Наверно, не найдется (человека), знающего (историю села)'; *Бәли*, ул тегелдер? 'Может быть, не он?'; *Шәт* кан'ар чәй дә эчкән буладыр идегез? 'Может быть, и горячего чайку выпили бы?'

В том же значении, нередко также в сочетании с афф. *-дыр*, употребляются и русские заимствования: *никак / никак*, *навирны*, *мужыт / мужы*: Анасының сипараты *бардыр никак* 'У ее матери, кажется, есть сепаратор'; Син шурба йаратасың, *навирны* 'Ты, наверно, любишь суп'; *Мужыт*, әнисен *күргәнсездер* 'Может (быть), ее мать видели'; Булар да чәй эчәрләр, *мужы* 'И они (букв.: эти), может (быть), выпьют чаю'.

В функции модальных слов, выражающих предположение, неуверенность в сочетании с глаголами в любой временной форме выступают послелоги *шикелле*, *кебек / көбөк*, а также слово *бугай*: Шуфир йанына Зефәр утырган *шикелле* 'Рядом с шофером сидит, как-будто, Зуфар'; Мин сине кайдыр күргән *кебек* 'Я тебя где-то, кажется, видел'; Закир абзийның бер айагы әз генә аксый *бугай* 'Дядя Закир, кажется, прихрамывает на одну ногу'.

Шикелле, *бугай*, употребляясь в функции модальных слов, могут относиться и к именам: Ул, *шикелле* 'Кажется, он'; Калдыгы, *бугай* 'Кажется, остатки'.

Большинство рассмотренных здесь модальных слов характерно и для татарского литературного языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мишарский диалект составляет одно из ответвлений татарского общенародного языка и наряду со средним диалектом сыграл важную роль в формировании и развитии татарского литературного языка.

Звуковой строй мишарского диалекта, как и фонетическая система всех поволжско-тюркских языков, в прошлом претерпел ряд изменений, носящих ареальный характер. Здесь прежде всего мы имеем в виду явление, известное под названием «изменение шкалы гласных», а также возникновение в этих языках качественно новых гласных *о—ө*, некоторые общие моменты в качественных изменениях аффрикат *ч—җ*, давших в них различные рефлексы, опереднение увулярных *қ*, *ғ*, *ҳ* в мишарском диалекте и чувашском языке и некоторые другие. Часть из этих особенностей может быть обнаружена и в некоторых других тюркских языках за пределами данной территории.

Основные различия в области фонетики между мишарским диалектом, с одной стороны, и татарским литературным языком (а, следовательно, и средним диалектом [1]), — с другой, сводятся к следующим.

Мишарский диалект характеризуется:

продвинутостью вперед всей звуковой системы, что особенно заметно в артикуляции губных *у/ү* (огузского типа), а также широких гласных *а/ә*; в среднем диалекте и литературном языке губные *у/ү* более широкого образования (кыпчакского типа); гласный *а* — огубленный;

отсутствием глубокозаднеязычных (увулярных) *қ*, *ғ*, *ҳ*, *ң* и употреблением вместо них заднеязычных *к*, *г*, *х*, *ң*, ср. миш. *карга* — литер., ср. д. *қаᵒрға* ‘ворона’, *хат* — *ҳаᵒт* ‘письмо’, *таᵒң—таң* ‘заря’ и др.;

факультативным смычным ’ (ʔ) вместо заднеязычного *к* в конце слов и слогов: миш. *би’* — литер. *бик* ‘очень’, *ти’—тик* ‘так’, *кирә’—кирәк* ‘надо’, ‘нужно’, и т. п.;

[1] Фонетическая система литературного языка в основном базируется на фонетической системе среднего диалекта.

выпадением в арабских заимствованиях начального увулярного *ғ*, выпадением или заменой среднеязычным *й* срединного *ғ*;

сохранением аффрикативных ч—*җ* в чокающих говорах и употреблением аффрикат *ц—дз* — в цокающих;

монофтонгизацией дифтонгов перед переднеязычными согласными; употреблением в ряде случаев палатализованных переднеязычных согласных в словах с гласными заднего ряда и т. д.

Различия между мишарским диалектом и литературным языком проявляются в довольно многочисленных соответствиях гласных и согласных, каждое из которых обнаруживается лишь в ограниченном числе слов. При этом соответствия в системе гласных, как правило, оказываются результатом нарушения закона передвижения гласных либо в диалекте, либо в литературном языке. Отмеченные соответствия по линии согласных характеризуют те или иные группы (чаще кыпчакских или огузских) языков. Нередко эти соответствия указывают на более древний облик слова в мишарском диалекте.

Морфологический строй мишарского диалекта очень близок к морфологическому строю татарского литературного языка. Различия между ними сводятся в основном к сохранению в мишарском диалекте (зачастую лишь в отдельных его говорах) древних форм, большинство из которых присуще современным кыпчакским или кыпчакизированным тюркским языкам, а также древнетатарскому литературному языку (например, формы повелительного наклонения на *-гын*, желательного наклонения на *-гай*, прошедшего-настоящего времени II на *-ып*, причастия на *-дач*, но лишь от глагола *бул-*, и др.).

Некоторые из морфологических особенностей мишарского диалекта, отличающие его от литературного языка, характерны для огузских языков (о чем см. ниже).

В данной работе отсутствует раздел лексики, однако необходимо отметить, что лексика мишарского диалекта, в отличие от лексики литературного языка, характеризуется наличием значительного пласта древних кыпчакских и огузских слов, немногочисленных мордовских заимствований и довольно большим числом заимствований из русского языка и через него. Причем, сохранение фонетического облика русских заимствований (особенно по линии согласных) на первый взгляд создает впечат-

ление несравненно большего их числа в мишарском, чем в среднем диалекте (ср., например, звучание одних и тех же русских заимствований соответственно в мишарском и среднем диалектах: *винек — миннек / пиннек*, *саласка — чәнискә*, *чусынка — чученкә*, *бучка — мичкә*, *пич — мич*, *сил'н'ык — чиннек* и т. п.). Интересно, что в мишарском диалекте иногда встречаются отсутствующие в литературном языке арабские и особенно персидские слова.

Изучение мишарских материалов, собранных за последние два с лишним десятилетия, в сравнительном плане с татарским литературным языком, данными древнетюркских памятников, родственных (прежде всего западнокыпчакских и огузских), а также в необходимых случаях финно-угорских языков, обращение к некоторым историческим фактам позволяют сделать определенные выводы по вопросу о формировании мишарского диалекта и с некоторой долей вероятности высказаться об этнических компонентах, вошедших в состав мишарей или сыгравших ту или иную роль в формировании отдельных ее групп.

Новейшие материалы по мишарскому диалекту подтверждают правильность тезиса В. В. Радлова и А. Н. Самойловича о том, что «наречие мещеряков» в основе своей является кыпчакским, входит в состав кыпчакской, или, по классификации А. Н. Самойловича, северо-западной группы тюркских языков [2]. Наши наблюдения также подтверждают правомерность объединения «татарских наречий» с языками кумыкским, карачаево-балкарским, караимском, половецким в одну домонгольскую группу [3].

В мишарском диалекте обнаруживается довольно большой пласт огузских элементов, которые могли быть унаследованы им, на наш взгляд, лишь от древнекыпчакского языка [4], так как сами мишари непосредственно с огузскими племенами или с народами — носителями огузских языков не соприкасались.

---

[2] *W. Radloff.* Vergleichende Grammatik der Nördlichen Türksprachen. Erster Teil. Phonetik der Nördlichen Türksprachen. Leipzig, 1882; *А. Самойлович.* Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Пг., 1922, стр. 9—11.

[3] *А. Самойлович.* Указ. соч.

[4] Известно, что огузы, обитавшие на огромной территории (по мнению одних историков, вплоть до Волги и Яика, по мнению других, — даже в Поволжье), были вытеснены кыпчаками в XI в. в Причерноморские степи. При этом часть огузов могла быть ассимилирована кыпчаками, что и наложило отпечаток на их язык.

В мишарских говорах, в частности, отмечены:

огузский тип губных гласных *ү/ү* (гласные более узкого образования, напоминающие немецкие u/ü);

соответствие *г ~ й* [j] в некоторых словах с узкими гласными (*гизнә ~ йизнә* ‘зять’, *гәдәч ~ йәдәч* ‘дужка (у птиц)’, *гир ~ йир ~ җир* ‘земля’, *герәз ~ йерәз* ‘грязь’ и некоторые др.);

преимущественное употребление начального *б* (*бун'* ‘шея’, *белән* ‘с’, ‘вместе с’) и лишь островками — начального *м* (*мун'*, *мынан / менән / ман / мән*);

отпадение начального *ғ* в арабских заимствованиях (*айып* ‘вина’, *ал'ым* ‘ученый’. . .);

огузский тип склонения имен с аффиксами принадлежности 1, 2-го лиц ед. числа в дательном и винительном падежах: *китабыма—китабыңа*, *китабымы—китабыңы*. В дательном падеже этот тип склонения имеет место и в литературном языке;

как и в литературном языке, южный тип аффикса сказуемости 1-го лица ед. числа настоящего времени изъявительного наклонения *-м*: *бара-м* (но употребляемый параллельно с полным, кыпчакским *-мын*: *барамын*);

употребление в цокающих говорах формы прежде прошедшего времени II на *-ды иде* вм. *-ган иде* (*бардым иде* вм. *барган идем*) и той же формы в несколько ином значении (‘чуть не’. . и т. п.) — в некоторых чокающих говорах;

реликтовое употребление форм на *-мак / -мәк*, *-мыш / -меш* и некоторых др.

Как указывалось выше, огузские элементы обнаруживаются также в лексике мишарского диалекта.

Предки мишарей, казанских татар, чувашей, а также, вероятно, башкир, в отличие от родственных им предков караимов, балкарцев, кумыков, оказавшись на исконной территории финно-угорских племен, должно быть, частично ассимилировали их. Но степень этой ассимиляции и смешения с ними на разных территориях, видимо, была различной, и это впоследствии нашло свое отражение в указанных языках и их диалектах. Полагаем, что те особенности в области фонетики (изменение шкалы гласных и др.), которые, с одной стороны, объединяют поволжско-тюркские языки между собой, а с другой, — противопоставляют их другим тюркским языкам, являются результатом их сложных взаимоотношений с финно-угорскими языками.

Особый интерес представляют собой явления мишарского диалекта, общие с чувашским языком [5]:

огузский тип губного *у*;

отсутствие увулярных *қ*, *ғ*, *ҳ*;

монофтонгизация дифтонгов перед переднеязычными и палатализация последних, употребление палатализованных переднеязычных согласных в словах с гласными заднего ряда (и не только в тех, где произошла монофтонгизация дифтонгов), что, как мы считаем, получило дальнейшее развитие в мишарском диалекте и чувашском языке под влиянием финно-угорского субстрата (см. стр. 54);

употребление аффикса сравнительной степени *-рак/-рэк* в мишарском диалекте и *-рах/-рех* в чувашском (особенность, обнаруженная также в одном из говоров казахского языка) в соединении со вставочным *д(т)* главным образом после сонорных, что объясняется сочетаемостью соответствующих звуков между собой;

употребление послелога *ката* (*тон ката* 'всю ночь' и т. д.) в мишарском диалекте и *хута* (*çер хута*) в чувашском языке — явление, встречающееся еще лишь в киргизском языке (см. стр. 226);

сохранение древней формы дательного падежа личных местоимений *м'аңа*, *с'аңа* в отдельных населенных пунктах с чокающим мишарским говором и *мана*, *сана* — в чувашском языке.

Сюда же, видимо, следует отнести указательное местоимение (также и в функции указательной частицы) *уны*, употребляемое в некоторых селах с цокающим мишарским говором, и основу личного местоимения 3-го лица ед. числа в косвенных падежах в чувашском языке: *ун-*.

Среди перечисленных особенностей, являющихся общими для мишарского диалекта и чувашского языка, могут быть выделены древнетюркский пласт (особенно в лексике) и явления, восходящие, видимо, к финно-угорскому субстрату. Кроме того, например в дрожжановском говоре, обнаруживаются явления более позднего происхождения, возникшие в результате взаимовлияния мишарского диалекта и чувашского языка.

Анализ всего имеющегося в нашем распоряжении языкового материала с учетом исторических данных показывает, что мишарский диалект в основе своей является

[5] Мы здесь не имеем в виду общие моменты для чувашского и вообще татарского языков.

единым [6], сохранил свои специфические черты (особенно в области фонетики) на всей территории распространения. Это дает основание полагать, что формирование его в основном закончилось на первоначальной территории обитания мишарей в пределах бассейна рек Цна и Мокша еще задолго до их массового расселения, начало которому было положено царским правительством в последней четверти XVI в. и в результате которого они оказались разбросанными на обширной территории — от современных Рязанской области, Прибалтики, Донбасса и до Западной Сибири.

В мишарском диалекте выделяется два достаточно близких между собой типа говоров — цокающий и чокающий, которые, судя по языковым и историческим источникам, возникли еще на прежней территории обитания. Предполагаем, что на довольно раннем этапе формирования мишарского диалекта образовались два подтипа чокающих говоров: темниковский и лямбирский.

Современные мишарские говоры сформировались в более позднюю эпоху. Если часть говоров представляет собой дальнейшее развитие прежних цокающих и чокающих говоров, то другие возникли в результате смешения в различной «пропорции» разных типов говоров, т. е. цокающих и чокающих (например, чистопольский, мелекесский), или двух подтипов чокающих говоров (кузнецкий), иногда при участии элементов цокающего говора (хвалынский) и т. д.

В появлении некоторых отличительных черт в отдельных мишарских говорах (чистопольском, мелекесском, дрожжановском, байкибашевском, а также в говорах сел в пределах Оренбургской и Волгоградской областей) определенную роль сыграло влияние смежных говоров среднего диалекта. Кроме того, на окраинах распространения мишарских говоров выявляется более или менее заметное влияние соседних родственных языков. Так, под влиянием ногайского языка на территории Рязанской и Тамбовской областей образовалась своеобразная западная группа татарских говоров, объединяющая говоры сел, относящихся к мишарскому диалекту, с касимовским и бастанским говорами среднего диалекта. В говорах ми-

[6] Это было отмечено еще В. В. Радловым в его «Заметках по реферату Можаровского» (см. «Труды Четвертого Археологического съезда в России», т. 1, отд. II. Казань, 1884, стр. 3).

шарских сел этого региона выявлены, в частности, следующие черты, присущие погайскому языку, но отсутствующие в традиционных мишарских говорах: форма дательного падежа личных и указательных местоимений (*мага, сага, агары*; *богары, шугары*); формы пространственных падежей от *ул* (*агары, агарыда, агарыдан*); инфинитив на *-мага* (*бармага, килмәгә*); наречия типа *кышта, йазда*; указательные частицы *ана, мона, анау, монау*, а также ряд лексических заимствований.

Эти формы, видимо, заимствованы в XVI—XVII вв. — в период наиболее активных набегов ногайцев на указанные территории, когда, судя по историческим источникам, часть из них даже осела в этих местах [7].

Некоторые следы погайского языка обнаруживаются в сергачском говоре (указательные частицы *ана, мона*; незавершенность передвижения гласных также, возможно, связано с влиянием ногайского языка) и на юге распространения чистопольского и мелекесского говоров (имя действия на *-ыш/-еш*, указательные частицы *ана, мона, анау, монау* и некоторые др.).

Мишарские говоры на территории Башкирии испытали непосредственное или, чаще, опосредствованное влияние башкирского языка (например, *и* ~ *ә*, аффикс 2-го лица в повелительном наклонении *-ың* и др., а также лексические заимствования). Влияние же чувашского языка на дрожжановский говор и казахского — на говоры мишарских сел на юге Саратовской области ограничивается лишь несколькими лексическими заимствованиями, поэтому говорить в данном случае о роли соседних языков в формировании говоров не приходится.

Исходя из языковых данных, мы полагаем, что носители мишарского диалекта — мишари — в основе своей представляют осколок попавших не позднее XI в. в бассейн рек Цна и Мокша тех древнекыпчакских племен, потомками которых принято считать караимов, балкарцев, кумыков, а также тех, кому принадлежал язык письменного памятника Codex Cumanicus и памятники половецкого языка XVI—XVII вв. В формировании их приняли некоторое участие огузские племена, входившие в состав древнекыпчакских племен, и весьма небольшое участие — древние финно-угорские (мещерские?) племена.

[7] *Л. Т. Махмутова.* Бастанский говор татарского языка. — МТД, вып. 3, стр. 47.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1. Названия языков

азерб.	— азербайджанский	ног.	— ногайский
алт.	— алтайский	огуз.	— огузский
ар.	— арабский	ойр.	— ойротский
башк.	— башкирский	перс.	— персидский
гагауз.	— гагаузский	разг.	— разговорный
др.-тюрк.	— древнетюркский	рус.	— русский
казах.	— казахский	салар.	— саларский
караим.	— караимский	тадж.	— таджикский
к.-балк.	— карачаево-балкарский	тат.	— татарский
		тур.	— турецкий
к.-калп.	— каракалпакский	турк.	— туркменский
кир.	— киргизский	удм.	— удмуртский
кит.	— китайский	узб.	— узбекский
кр.-тат.	— крымско-татарский	уйг.	— уйгурский
		хак.	— хакасский
кум.	— кумыкский	чаг.	— чагатайский
литер.	— литературный	чув.	— чувашский
мар.	— марийский	шор.	— шорский
мокш.	— мокшанский	эрз.	— эрзянский
монг.	— монгольский	якут.	— якутский
морд.	— мордовский		

2. Названия диалектов и говоров татарского языка

атн.	— атнинский говор	мамад.	— мамадышский говор
байк.	— байкибашевский говор	мел.	— мелекесский говор
гайн.	— гайнинский говор	менз.	— мензелинский говор
дрож.	— дрожжановский говор	миш.	— мишарский диалект
дубъяз.	— дубъязский говор		
заказ.	— заказанская группа говоров	м.-кар.	— мордва-каратайский говор
кас.	— касимовский говор	нагорн.	— нагорная группа говоров
крещ.	— крещено-татарский говор	нукр.	— нукратский говор
		параньг.	— параньгинский говор
кузн.	— кузнецкий говор		
лямб.	— лямбирский говор	перм.	— пермский говор

подбер. — подберезинский говор
серг. — сергачский
ср. — средний диалект
темн. — темниковский говор
тепт. — тептярский говор
хвал. — хвалынский говор
чист. — чистопольский говор

3. Названия изданий и др.

ВДТЯ —Вопросы диалектологии тюркских языков
ВНОТ — Вестник Научного общества татароведения
ДАТЯ — Диалектологический Атлас татарского языка (Фонды ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР)
ДТС — Древнетюркский словарь. М., 1969
ИОАИЭ — Известия Общества археологии, истории и этнографии при имп. Казанском университете
ИСГТЯ — Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, ч. I. Фонетика. М., 1955; ч. II. Морфология. М., 1956.
МД — Материалы по диалектологии. Казань, 1955
МК — *М. Кашгарский.* Дивану-лугат-ит-түрк. (Divanü lûgat-it-türk tercümesi, t. I—III. Ceviren B. Atalay. Ankara, 1939—1941).
МТД — Материалы по татарской диалектологии, вып. 2. Казань, 1962; вып. 3. Казань, 1974.
Cod. Cum. — Codex Cumanicus (*W. Radloff.* Das turkische Sprachmaterial des Codex Comanicus. St.-Petersbourg, 1887).

КЛЮЧ К КАРТЕ-СХЕМЕ

(список мишарских сел, вошедших в I том ДАТЯ)

№ на карте	Русское название села	Татарское название села	Область или автономная республика
60	Тат. Маклаково	Маклаука	Горьковская область
61	Базлово	Бозлау	»
62	Ургa	Ыргу	»
63	Андреевка	Андреевка	»
64	Анда	Анда	»
65	Камкино	Камка	»
66	Грибаново	Грибан	»
67	Шубино	Шубин	»
68	Овечий Враг	Куй-суы	»
69	Новомочалей	Яңы Мачалий	»
70	Пица	Пица	»
71	Ендовищи	Йындавище	»
72	Ключищи	Сук-су	»
73	Чембилей	Чембэлий	»
74	Красный Остров	Красный Остров	»
77	Чутесво	Чүти	Татарская АССР
78	Урмаево	Урмай	Чувашская АССР
79	Тат. Шуруты	Шорт	»
80	Шыгырдан (Чкалов)	Шыгырдан	»
127	Мор.-Каратай	Мор.-Каратай	Татарская АССР
128	Каргаполь	Карга авылы	»
147	Мокрые Курнали	Юеш Көрнәле	»
148	Степная Шентала	Кыр Шынталысы	»
149	Исляйкино	Ислэй	»
150	Кутлушкино	Йәүширмә	»
151	Тубылгы	Тубылгы	»
152	Муслюмкино	Мөслим	»
153	Ср. Тиганы	Урта Тигәнәле	»
154	Сухие Курнали	Коры Көрнәле	»
155	Акбулат	Акбулат	»
156	Тат. Елтань	Тат. Йалтан	»
157	Верх. Тат. Майна	Югары Тат. Майна	»
158	Ст. Тат. Адам	Иске Тат. Өдәм	»
165	Ерыклы	Зирекле	»
166	Шахмайкино	Шахмай	»
174	Азсево	Әҗе	Рязанская область
175	Тат. Тюви	Тюви	Мордовская АССР
176	Митрялы	Митрал	»
177	Нов. Кадыш	Яңы Кадыш	»
178	Адаево	Адай авылы	»
179	Тарханы	Тәрхан	»
181	Нижн. Пишляй	Түб. Пешли	»
182	Велязьма	Вәләзмe	»

Продолжение

№ на карте	Русское название села	Татарское название села	Область или автономная республика
183	Нов. Аллагулово (Усть-Рахмановка)	Яңы Аллагыл	Мордовская АССР
184	Тат. Юнки	Йәнә	»
185	Сургудь	Сыркыды	»
186	Тат. Пишля	Пешлә	»
187	Суркино	Сырка	»
188	Белозерье	Аз'урка	»
189	Лямбирь	Ләмбрә	»
190	Пензятка	Пинә'атка	»
191	Тат. Тавла	Таула	»
192	Ломаты	Ламат	»
193	Тат. Горинки	Тат. Гур'инка	»
194	Дракино	Драка	Ульяновская область
195	Ногаевка	Нугале (Нугай иле)	»
196	Шлемасс	Эшләмасс	»
197	Уразовка	Сакускай	»
198	Тат. Сугуты	Тат. Согыт	»
199	Энтуганы	Янтуган	Чувашская АССР
200	Тат. Тюки	Тат. Тәке	Татарская АССР
201	Нов. Ишли	Яңа Ишле	»
202	Мочалей	Мочалей	»
203	Ст. Шаймурзино	Иске Шәйморза	»
204	Ст. Задоровка	Иске Задур авылы	»
205	Бол. Цильна	Зур Чыпылы	»
206	Ст. Чукалы	Иске Чокалы	»
207	Тат. Шатрашаны	Шатыршан	»
208	Нов. Маклауши	Яңа Маклауша	»
210	Студенец	Иске Суксу	»
211	Ст. Тинчали	Иске Тинчәле	»
214	Енганаево	Үрән	»
215	Ст. Уренбаш	Иске Үрәнбаш	Ульяновская область
216	Тат. Калмаюр	Тат. Колмайыр	»
218	Тат. Тахтала	Тат. Такталы	»
220	Тяжбердино	Ташбилге	Татарская АССР
222	Тат. Тюгульбаево	Төгәлбәйе	»
226	Тат. Урайкино	Иске Кызылсу	»
227	Абдулово	Абдулла авылы	Ульяновская область
229	Собакаево	Сабакай	»
230	Елховый Куст	Зирекле Куак	»
231	Аллагулово	Атнагыл	»
232	Филипповка	Филип авылы	»
233	Нов. Челны	Яңа Чаллы	»
234	Ст. Тат. Кирмень	Иске Тат. Кармәте	Татарская АССР
235	Алпарово	Йаңа Алпар авылы	»
236	Кульбаево-Мораса	Колбай Мораса	»
237	Нов. Амза	Йаңа Өмәә	»
238	Нов. Демкино	Йаңа Дума	»

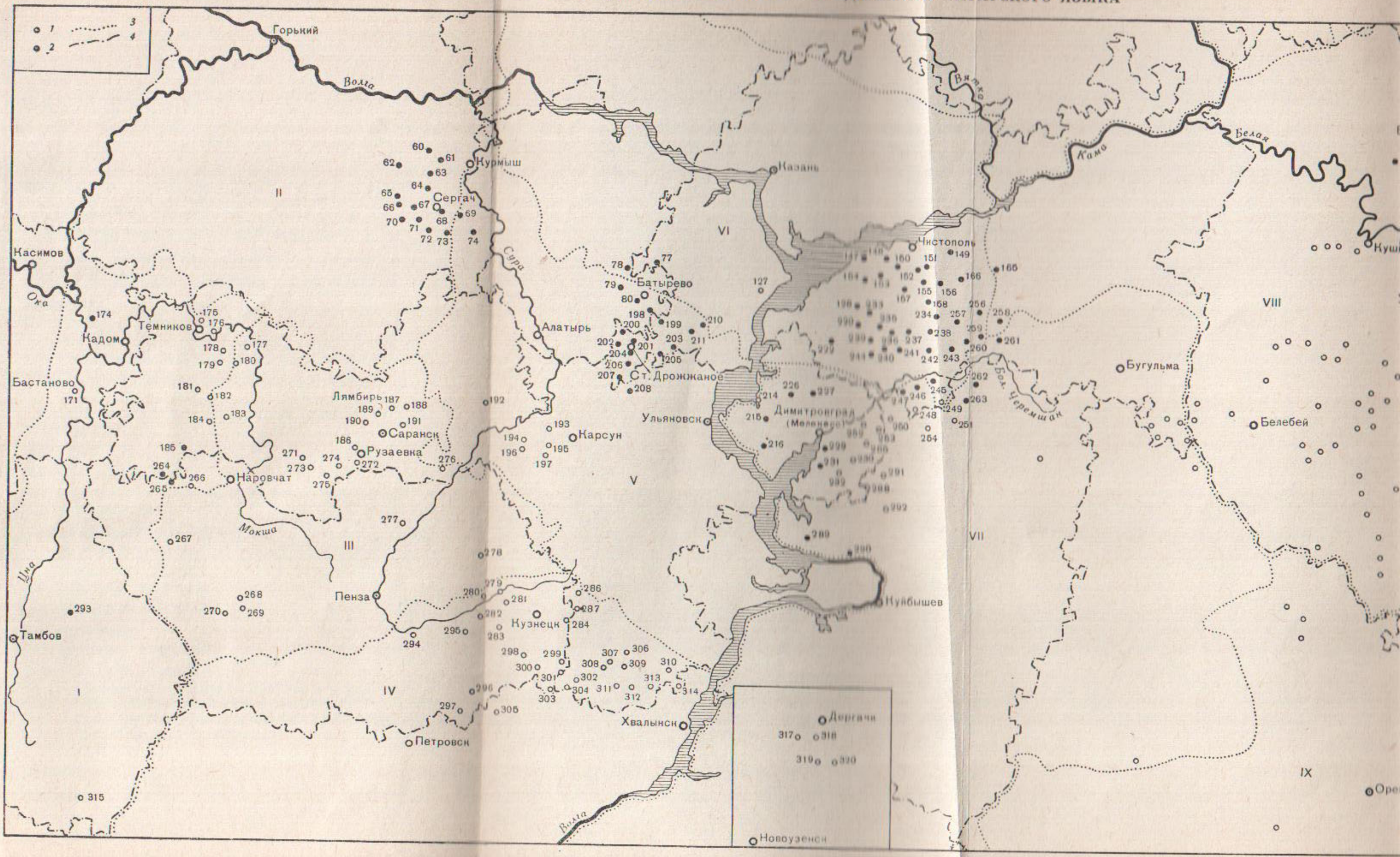
Продолжение

№ на карте	Русское название села	Татарское название села	Область или автономная республика
240	Ст. Ямкино	Иске Әнҗерә	Татарская АССР
241	Кичкальня	Кычытканлы	»
242	Тат. Сунчелеево	Сөнчәле	»
243	Нов. Узеево	Йаңа Үзи	»
245	Курманаево	Кизләү авылы	»
246	Кривое Озеро	Кәкре Атау (Кәкре күл)	»
247	Савиново	Савии	»
248	Бикулово	Биккол авылы	»
249	Нижн. Нурлат	Түбән Норлат	»
250	Ст. Фейзулово	Иске Фәйзулла	Куйбышевская область
251	Яна Турмыш	Йаңа Тормыш	»
252	Ср. Сантимир	Урта Исәнтимер	Ульяновская область
253	Моисеевка	Мөси	»
254	Нов. Фейзулово	Йаңа Фәйзулла	Куйбышевская область
255	Эчкаюн	Эчкайын	Ульяновская область
256	Тат. Волчье	Тат. Волчья	Татарская АССР
257	Ст. Ибрайкино	Иске Ибрай	»
258	Нижн. Каменка	Түб. Кәмишкә	»
259	Нов. Кадеево	Йаңа Каен (Йаңа Утыз Имән авылы)	»
260	Ст. Киязлы	Иске Кыйазлы	»
261	Лапманка	Лапман	»
262	Благодаровка	Хөсәйен авылы	Куйбышевская область
263	Заиткино	Заиткино	»
264	Горенка	Гур'ынка	Мордовская АССР
265	Тат. Лундан	Искил	»
266	Тат. Шелдаисс	Шылдаис	Пензенская область
267	Тат. Никольск	Тат. Никольск	»
268	Кобылкино	Кабылкен	»
269	Кикино	Кикын	»
270	Кутеевка	Качкару	»
271	Бол. Полянки	Иса	Мордовская АССР
272	Тат. Шебдас	Чубдас	»
273	Латышевка	Латышевка	»
274	Нижн. Урледим	Үрләдем	»
275	Яндовище	Йандавище	»
276	Тат. Умыс	Татар Ымыы	»
277	Синорово	Шыкпа	Пензенская область
278	Тат. Сыромяс	Сәләмәс	»
279	Индерка	Индерка	»
280	Альмяшевка	Әлмәш	»
281	Бестянка	Бистән	»
282	Нижн. Елюзань	Түбән Әләзән	»
283	Тат. Пенделка	Пәлдәнге	»

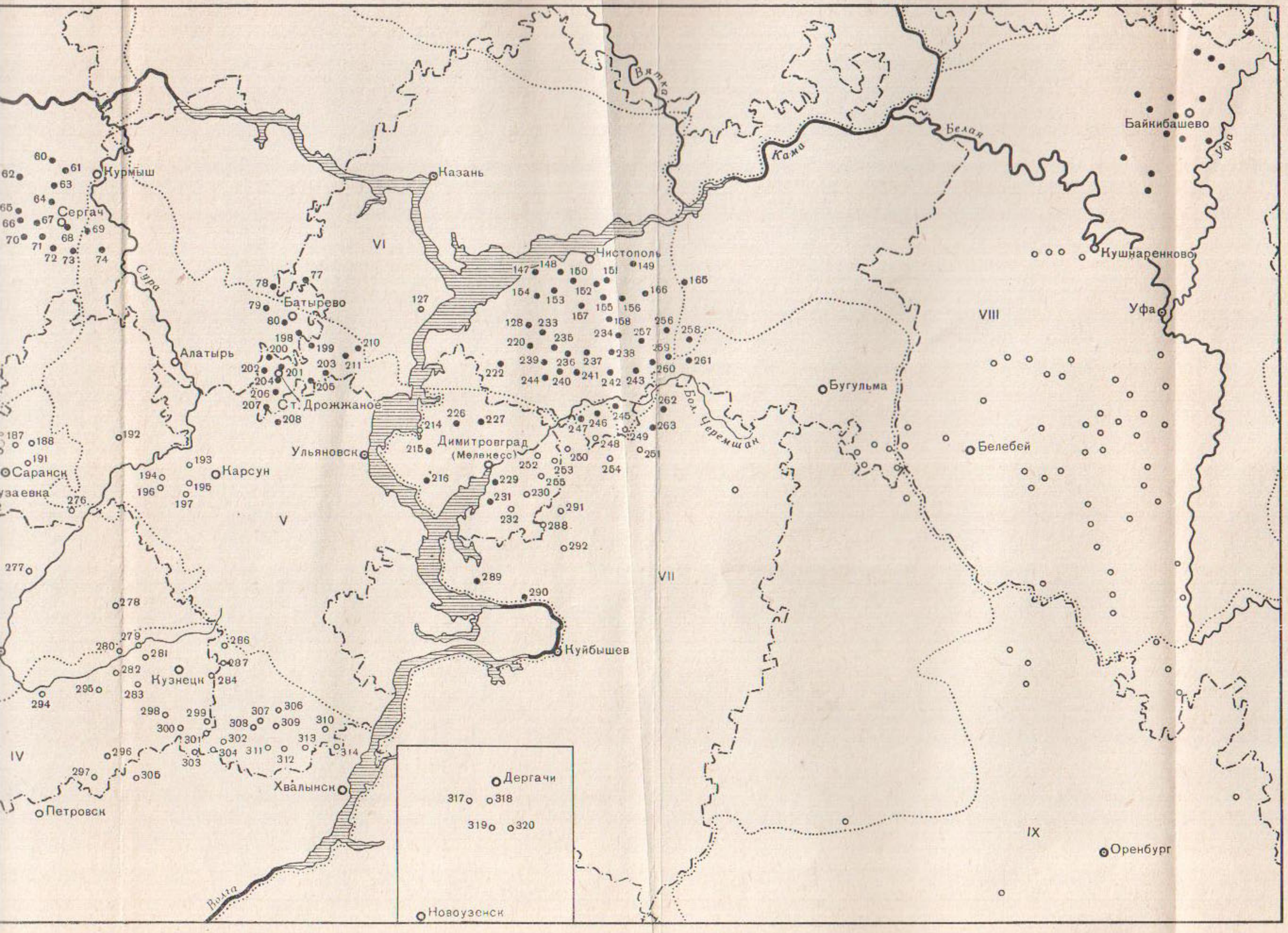
Окончание

№ на карте	Русское название села	Татарское название села	Область или автономная республика
284	Бол. Труевские Вершины	Йалгаш	Пензенская область
286	Ахметлей	Әхметле	Ульяновская область
287	Бол. Чурклей	Черкели	»
288	Кубань-Озеро	Губан-күл	Куйбышевская область
289	Тат. Выселка (Бритовка)	Сускан	»
290	Зеленовка	Зеленовка	»
291	Теплый Стан	Т'уплый Ыстан	»
292	Мулловка	Мулловка	»
293	Татарщино	Күршә	Тамбовская область
294	Усть-Уза	Оз	Пензенская область
295	Верх. Елюзань	Югары Әләзән (Аембура)	»
296	Суляевка	Сүлей	»
297	Ст. Вершаут	Иске Вершаут	»
298	Октябрьское (Могилки)	Мазарлы	»
299	Бигеево	Биги авылы	»
300	Исикеево	Исәкәй (Түбән Чыршым)	»
301	Алеево	Али авылы	»
302	Тат. Шмалак	Шомалак	Ульяновская область
303	Карновар	Кырнавар	Пензенская область
304	Муратовка	Мыратыфка	»
305	Яковлевка	Йәнкә авылы	Саратовская область
306	Ср. Терешка	Урта авыл (Урта Терешка)	Ульяновская область
307	Кармалей	Карамал	»
308	Ст. Атлаш	Атлаш	»
309	Ст. Яндовка	Йандука	»
310	Старозеленое	Иске Зил'най	»
311	Ст. Мостяк	Иске Мас'т'ак	»
312	Нов. Зимницы	(Яңы) Зимичә	»
313	Бахтеевка	Бахтифка	»
314	Вязовый Гай	Визавай	»
315	Энгуразово	Энгураз	Тамбовская область
317	Осиновый Гай	Иске Узин	Саратовская область
318	Алтата	Алтата	»
319	Верхозавка	Ил'мин	»
320	Сафаровка	Сафарка	»

КАРТА-СХЕМА РАСПРОСТРАНЕНИЯ МИШАРСКОГО ДИАЛЕКТА ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА



КАРТА-СХЕМА РАСПРОСТРАНЕНИЯ МИШАРСКОГО ДИАЛЕКТА ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА



1 — чокающие говоры
2 — цокающие говоры
3 — границы бывших губерний
4 — границы областей и автономных республик

Бывшие губернии:
I Тамбовская
II Нижегородская
III Пензенская
IV Саратовская
V Симбирская
VI Казанская
VII Самарская
VIII Уфимская
IX Оренбургская

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3
Расселение мишарей 3
Классификация мишарских говоров 16
К истории изучения мишарского диалекта 18
О транскрипции, принятой в данной работе 30
Фонетика 32
Систематика гласных 32
Относительно долгие гласные 32
Относительно краткие гласные 37
Соответствия гласных, обнаруживаемые в ограниченном числе слов 39
Соответствие передних гласных задним, задних—передним 51
Дифтонги 52
Система согласных 62
Соответствия согласных, обнаруживаемые в ограниченном числе слов 68
Вставка и выпадение звуков 92
Вставные гласные 92
Выпадение гласных 93
Вставные согласные 94
Выпадение согласных 99
Сингармонизм 100
Гармония гласных 100
Гармония согласных 100
Ассимиляция согласных звуков в корне (основе) слова (102). Ассимиляция согласных на стыке корня (основы) слова и аффикса (102). Ассимиляция согласных на стыке двух слов (104). Диссимиляция (105)
Метатеза 105
Ударение 106

Морфология 107

Имя существительное 107
Категория числа 107
Категория принадлежности 107
Категория склонения 111
Способы передачи субъективной оценки имен существительных 114

Имя прилагательное 120
Имя числительное 123
Местоимение 123
Личные местоимения 123
Указательные местоимения 125
Вопросительно-относительные местоимения . . . 128
Определительные местоимения 129
Возвратные местоимения 130
Неопределенные местоимения 132
Отрицательные местоимения 133
Глагол 134
Залоги 134
Формы передачи характера протекания действия 136
Категория лица и числа 138
Аспекты глагола 139
Изъявительное наклонение 139
Настоящее время (139). Будущее время (144). Прошедшее время (146).
Повелительное наклонение 159
Желательное наклонение 164
Форма на *-гай* (164). Форма на *-гы иде* (167). Форма на *-ырга иде* (168). Форма на *-ыр иде* (169) Форма на *-са иде* (170). Форма повелительного наклонения + *иде* (171). Модальные конструкции со значением желания, намерения (172)
Условное наклонение 177
Сослагательное наклонение 178
Неличные формы глагола 178
Причастие (178). Деепричастие (181). Формы инфинитива (190). Имя действия (198).

Наречие 202
Непроизводные наречия 202
Производные наречия 204
Морфологический способ (204). Морфолого-синтаксический способ (210). Синтаксический способ (216).

Послелоги 218
Послелоги, управляющие основным падежом и родительным падежом местоимений 218
Послелоги, управляющие дательно-направительным падежом 228
Послелоги, управляющие исходным падежом . . . 231

Послелоги — служебные имена 233

Союзы 235

Частицы 235
Частицы, выражающие смысловые оттенки . . . 236
Указательные частицы (236). Определительные частицы (240). Усилительные и ограничительно-усилительные частицы (241).
Модальные частицы 245
Модально-побудительные частицы (245) Модальные частицы, выражающие отношение к действительности (247)
Формообразующие частицы 251

Модальные слова 253

Заключение 256

Принятые сокращения 263

Ключ к карте-схеме (список мишарских сел, вошедших в I том ДАТЯ) 265

Карта-схема распространения мишарского диалекта 268-269

Лейла Тагировна Махмутова

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЮРКСКИХ ДИАЛЕКТОВ
(мишарский диалект татарского языка)

Утверждено к печати
Институтом языка, литературы и истории
им. Г. Ибрагимова
Казанского филиала АН СССР

Редактор издательства Р. М. Залесковская
Художник А. В. Пушкарный
Художественный редактор Т. П. Поленова
Технический редактор И. Н. Жмуркина
Корректор М. В. Борткова

ИБ № 4456
Сдано в набор 1.09.77 г. Подписано к печати 12.04.78 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2.
Гарнитура обыкновенная. Печать высо кая.
Усл. печ. л. 14,7. Уч.-изд. л. 15,2. Тираж 1750 экз.
Тип. зак. 707
Цена 1 р. 80 к.
Издательство «Наука»
117485, Москва, Профсоюзная ул, д. 94а
1-я типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12